МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СССР

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1937–1939

ТОМ 2

январь–
август 1939 г.

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СССР

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1937–1939

В ДВУХ
ТОМАХ

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СССР

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ КАНУНА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1937–1939

ТОМ 2
январь–
август 1939 г.

63.3(0)61
Д63

Комиссия по изданию
дипломатических документов при МИД СССР:

Д-р эконом. наук *А. А. Громыко* (Председатель Комиссии), проф. *И. Н. Земсков* (Заместитель Председателя), *Г. К. Деев* (Ответственный Секретарь), канд. филос. наук *Ф. И. Долгих*, чл.-корр. АН СССР *П. А. Жилин*, *Л. М. Замятин*, канд. истор. наук *С. А. Кондрашев*, акад. *А. Л. Нарочницкий*, д-р истор. наук *Ш. П. Санакоев*, д-р истор. наук *П. П. Севостьянов*, чл.-корр. АН СССР *С. Л. Тихвинский*, канд. истор. наук *Н. В. Тропкин*, д-р истор. наук *С. С. Хромов*, канд. техн. наук *Ю. Н. Черняков*, канд. филос. наук *И. И. Чхиквишвили*

Редакционная коллегия сборника:

Бондаренко А. П., Земсков И. Н., Севостьянов П. П., Сиполс В. Я., Тихвинский С. Л., Фалин В. М.

Д63 **Документы** и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. Т. 2. Янв.— авг. 1939 г. / М-во иностр. дел СССР; Редкол.: Бондаренко А. П., Земсков И. Н. и др.— М.: Политиздат, 1981.— 415 с.

Д $\frac{11101-244}{079(02)-81}$ 207—81 0801000000 63.3(0)61
9(М)71

© ПОЛИТИЗДАТ, 1981 г.

1. Запись беседы А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком *

5 января 1939 г.

В начале беседы полковник Бек подчеркнул тот факт, что германо-польские отношения целиком и полностью выдержали испытания сентябрьского кризиса. Если, может быть, в последние месяцы наметился некоторый спад в сравнении с высоким уровнем сентябрьских дней, то, по мнению польского правительства, обе стороны должны приложить усилия к тому, чтобы устранить причины некоторых трудностей, возникших в последнее время. В качестве одной из этих трудностей Бек упомянул вопрос о Данциге ** и подчеркнул при этом, что этот вопрос[1] касается не только германского и польского правительств, но и третьих сторон, в том числе и Лиги наций. Что, например, произошло бы, сказал Бек, если бы однажды Лига наций отмежевалась от вопроса о Данциге? Помимо этого имеются также и некоторые другие вопросы, в которых необходимо устранить имеющиеся недоразумения, в том числе гарантия чехословацких границ, а именно — будет ли она предоставлена немедленно, или, если вообще она будет иметь место, в какой момент намерены ее предоставить.

Фюрер ответил, что в целях устранения всех имеющихся трудностей необходимо обратиться вначале к главной тенденции в германо-польских отношениях. С немецкой стороны он может подчеркнуть, что в позиции Германии в отношении Польши, зафиксированной в декларации о ненападении от 1934 г.[2], не произошло ни малейших изменений. При всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России. Безразлично, идет ли речь о большевистской, царской или какой-либо иной России, Германия всегда будет относиться к этой стране с предельной осторожностью, и потому Германия крайне заинтересована в сохранении Польшей своих позиций. С чисто военной точки зрения наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя; дивизии, которые Польша вынуждена

* Беседа состоялась в Оберзальцберге (Берхтесгаден, Бавария).
** Ныне г. Гданьск в Польской Народной Республике.

держать на русской границе, избавляют Германию от соответствующих дополнительных военных расходов.

Фюрер указал, что в мировой прессе Германии стараются приписать какие-то намерения относительно Украины, и заявил, что в этом отношении Польша ни в малейшей степени не должна опасаться Германии. Германия не имеет никаких интересов по ту сторону Карпат, и ей безразлично, что делают там страны, заинтересованные в этих областях. Подобно этому она непосредственно не заинтересована в Средиземном море, однако при всех обстоятельствах она всегда будет стоять на стороне Италии. Впрочем, необходимо проводить различие между сферами политических интересов Германии и ее стремлениями в экономической области, которые направлены исключительно на то, чтобы поддерживать широкие торговые отношения со всеми странами, на которые можно рассчитывать как на экономических партнеров. При этом есть страны, как, например, Соединенные Штаты, которые по своей экономической структуре меньше подходят для Германии в качестве партнеров, поскольку они сами производят промышленные изделия, которыми Германия только и могла бы оплатить закупаемые ею сырье и продовольствие. Другие страны, к которым относится и Польша, напротив, могли бы закупать в Германии всю промышленную продукцию, в которой они нуждаются, а за это продавать ей сырье и продовольствие. В этих случаях Германия намерена предельно расширить торговые отношения, что, в частности, касается и экономических отношений с Польшей.

Позиция, занятая Германией в украинском вопросе в связи с Венским арбитражем[3], которая, вероятно, вызвала в Польше некоторые недоразумения, сказал фюрер, объясняется историей развития этого дела в связи с позицией Венгрии во время сентябрьского кризиса. Затем фюрер долго и подробно разъяснял отдельные фазы чехословацкого конфликта, особенно подчеркивая нерешительную и выжидательную позицию Венгрии. В ходе неоднократных переговоров, сказал фюрер, он настоятельно советовал венграм как можно быстрее самим проявить инициативу, если они хотят найти политическое решение их территориального спора с Чехословакией, однако он почти не встретил у венгров понимания. Венгры, охваченные предвоенным ожиданием, попали в сети намерений Англии и Франции и постоянно заявляли, что боятся активного вмешательства обеих этих стран в конфликт и что проигранная война, возможно, и не будет стоить жизни Германии, а Венгрии принесет окончательную гибель. Впрочем, в результате неожиданного предложения о переговорах со стороны Чемберлена и Даладье он (фюрер) отошел от мысли о чисто политическом решении чехословацкого вопроса, которое было бы равносильно ликвидации Чехословакии, и, поскольку Венгрия не оказала ему никакой сколько-нибудь активной поддержки, он смог выступить перед мировой общественностью лишь с идеей этнографического решения вопроса, в противовес политическому

решению, которое должно было бы осуществиться только в контакте между Польшей, Венгрией и Германией как единственно заинтересованными странами и заключалось бы в ликвидации Чехословакии. На будущее также ясно, что подобные политические решения никогда не могут осуществляться односторонне, а только таким путем, когда в этом решении будут принимать участие все заинтересованные в Чехословакии страны.

Лишь тогда, продолжал фюрер, когда венгры сочли вмешательство безопасным, они стали немного активнее. При этом он, фюрер, должен указать на то, что оказалось не так-то просто добиться в Мюнхене от французов и англичан согласия на включение в соглашение также польских и венгерских претензий к Чехословакии. В соответствии с соглашением относительно этих двух претензий, которое было достигнуто в Мюнхене на основе предложения Муссолини, венгры сформулировали затем свои требования, представив карту, из которой следовало, что они не требуют украинской территории. Германия весьма неохотно согласилась с просьбой об арбитраже и сделала это только тогда, когда от обеих конфликтующих сторон — Венгрии и Чехословакии — последовало заверение, что результат арбитража будет ими принят. Это решение третейского суда, как было сказано, было вынесено на основе венгерских требований и после того, как были заслушаны обе стороны. Вскоре после этого венгры вдруг заявили, что они претендуют также на крупные области Украины, и тем самым поставили в трудное положение державы-арбитры. Конечно, было совершенно невозможно пересмотреть достигнутые в Вене решения спустя такой короткий промежуток времени после их принятия. С другой стороны, Венгрия также была не в состоянии добиться осуществления своих требований насильственным путем, так как, несомненно, чехословацкая армия оказалась бы сильнее и, возможно, уже вскоре вступила бы в Будапешт. В этом случае Германия оказалась бы в чрезвычайно затруднительном положении, так как совершенно ясно, что она была бы вынуждена не допустить поражения Венгрии от Чехословакии, хотя бы только по престижным соображениям — с целью воспрепятствовать тому, чтобы весь мир торжествовал по поводу победы демократической страны над одним из государств, напавших на нее. С другой стороны, в военном отношении Германия давно уже отмобилизовалась, причем на несколько месяцев задержан на службе призывной возраст, который в нормальных условиях должен был демобилизоваться. Были уже давно проведены другие мобилизационные меры в различных областях, и выявилась необходимость по окончании кризиса отменить все эти меры. Поэтому в ноябре обученный призывной возраст был демобилизован на втором году службы, вследствие чего под ружьем остались солдаты, которые еще не завершили военную подготовку, и молодые рекруты. При таком положении дел уже при незначительных международных осложнениях пришлось бы снова призвать в ар-

мию только что демобилизованный возраст и предпринять ряд обременительных мер в экономической области. Эта повторная мобилизация, само собой разумеется, легла бы чрезвычайно тяжелой психологической нагрузкой на общественное мнение в Германии и помимо этого имела бы своим следствием еще и то, что Франция автоматически предприняла бы мобилизационные мероприятия, которые проводятся в период обострения отношений; в свою очередь, ответом на это были бы аналогичные мобилизационные меры в Германии (занятие западных укреплений и т. д.). По этой причине в ноябре Германия ни в коем случае не могла допустить возникновения международного конфликта; это и явилось в конечном итоге одним из решающих моментов для определения ее позиции в украинском вопросе.

Что касается самих германо-польских отношений, то он, фюрер, хотел бы еще раз повторить, что в позиции Германии по отношению к Польше с 1934 г. ничего не изменилось. Чтобы окончательно урегулировать все еще не решенные вопросы в отношениях между обеими странами, сказал фюрер, не следует ограничиваться соглашением 1934 г., которое носит скорее негативный характер, а надо попытаться договорным путем окончательно разрешить отдельные проблемы. Кроме вопроса о Мемеле *, который будет решен в германском плане (литовцы, кажется, намерены содействовать разумному решению проблемы), немецкая сторона считает необходимым урегулировать непосредственно в германо-польских отношениях проблему Данцига и коридора [4], которая представляет чрезвычайную сложность для Германии с эмоциональной точки зрения. По его мнению, здесь необходимо отказаться от старых шаблонов и искать решения на совершенно новых путях. Так, например, в вопросе о Данциге можно подумать о том, чтобы в политическом отношении воссоединить этот город — в соответствии с волей его населения — с германской территорией, при этом, разумеется, польские интересы, особенно в экономической области, должны быть полностью обеспечены. Это также в интересах Данцига, поскольку Данциг в экономическом отношении не может существовать без Польши; поэтому он, фюрер, думает о формуле, в соответствии с которой Данциг в политическом отношении станет германским, а в экономическом — останется у Польши.

Данциг остается и всегда будет немецким; рано или поздно этот город отойдет к Германии. Однако он может заверить, что в вопросе о Данциге польская сторона не будет поставлена перед свершившимся фактом.

Относительно коридора, который, как было сказано, является для Германии сложной психологической проблемой, фюрер указал на то, что, несомненно, было бы полнейшей бессмыслицей думать о том, чтобы отобрать у Польши выход к морю. Если бы Польша оказалась в таком мешке, то такое положение, учитывая возникающую в связи с этим напряженность, можно сравнить с заряженным револьвером, спуск у которого может сработать в любую минуту. Следует признать, что связь с морем для Польши абсолютно необходима. Но в той же мере Германии необходима связь с Восточной Пруссией, и в этом вопросе, используя совершенно новые методы урегулирования, можно, видимо, найти решение, отвечающее интересам обеих сторон.

* Ныне г. Клайпеда в Литовской ССР.

Если бы удалось на этой разумной основе достичь окончательного урегулирования отдельных вопросов, причем, само собой разумеется, каждый из обоих партнеров не должен быть ущемлен в своих правах, то тогда настал бы момент и в отношении Польши, как это имело место в соглашениях с Францией, расширить скорее негативное заявление 1934 г. в том положительном смысле, что со стороны Германии Польше предоставляется ясно выраженная зафиксированная в договорном порядке гарантия ее границ. Польша в этом случае получила бы крупное преимущество, заключающееся в том, что ее граница с Германией, включая коридор, была бы гарантирована в договорном порядке. При этом фюрер еще раз подчеркнул психологическую сложность этой проблемы, а также тот факт, что только он, фюрер, может привести к такому решению. Для него не так-то просто дать подобную гарантию коридора, и он определенно подвергнется за этот шаг довольно серьезной критике со стороны буржуазных кругов. Однако, будучи реальным политиком, он все же полагает, что подобное решение оказалось бы наилучшим. Если бы Германия предоставила свои гарантии, то о польском коридоре так же мало говорили бы, как ныне о Южном Тироле или Эльзасе и Лотарингии.

Дальнейшим вопросом, в котором у Германии и Польши есть совместные интересы, является еврейская проблема [5]. Он, фюрер, преисполнен твердой решимости выбросить евреев из Германии. Сейчас им еще будет позволено захватить с собою часть своего имущества; при этом они наверняка увезут с собою из Германии больше, чем они имели, когда поселились в этой стране. Но чем больше они будут тянуть с эмиграцией, тем меньше имущества они смогут взять с собой.

Если бы со стороны западных держав к требованиям Германии в колониальном вопросе [6] было проявлено больше понимания, то тогда он, фюрер, возможно, предоставил бы для решения еврейского вопроса какую-либо территорию в Африке, которую можно было бы использовать для поселения не только немецких, но и польских евреев. К сожалению, однако, западные державы не проявили этого понимания, и все же Германия вынуждена настаивать на своих требованиях в колониальном вопросе, поскольку она непременно нуждается в колониях для того, чтобы прокормить свое население. Рано или поздно она получит обратно свои колониальные владения. В этом он, фюрер, твердо убежден.

Расходы, которые возникают в результате того, что колониальный вопрос не решен, а именно вследствие связанной с этим гонки вооружений, эти расходы чрезвычайно велики как для западных держав, так и для Германии; если бы западные державы когда-нибудь позднее подвели итог, то они увидели бы, что их отказ пойти навстречу справедливым требованиям Германии в колониальном вопросе стоил им миллиардов и что для всех заинтересованных сторон было бы дешевле своевременно урегулировать колониальный вопрос в плане, в котором предлагает это сделать Германия.

Польский министр иностранных дел Бек поблагодарил фюрера за подробное изложение немецкой точки зрения и заявил, что Польша так же прочно придерживается своей прежней позиции в отношении Германии. Во время сентябрьского кризиса Польша выдержала исключительно сильное напряжение в своих отношениях с Советской Россией[7]. Положение было гораздо серьезнее, чем это казалось со стороны. Русские сосредоточили на русско-польской границе несколько армейских корпусов, часть которых разместилась непосредственно у линии границы; с польской стороны также были проведены в широком объеме соответствующие контрмеры, которые затем дали возможность быстро провести акции в отношении Чехословакии. Но поскольку Россия является соседом Польши, польская сторона приложила усилия к тому, чтобы снизить это чрезвычайно большое напряжение до нормальных пределов. Поэтому совершенно естественно, что сейчас предпринимаются попытки найти в отношениях с русским соседом приемлемый modus vivendi*. Но Польша никогда не согласится быть зависимой от России и будет продолжать линию независимой политики, что она уже делала в прошлом, когда Польшу хотели толкнуть на сближение с Россией путем заключения Восточного пакта[8]. Правда, Польша не проявляет такой нервозности в отношении укрепления своей безопасности, как, например, Франция, и не придает никакого значения так называемым «системам безопасности», которые после сентябрьского кризиса окончательно обанкротились, что означает, по мнению Бека, поворотный пункт в истории. Однако Польша в высшей степени отдает должное позиции Германии, которая снова получила выражение в заявлении, только что сделанном фюрером. Польша также со своей стороны придерживается старой линии в отношении Германии.

В связи с Украиной он, Бек, напоминает о словах Пилсудского о «балканизации Центральной Европы». В лице агитаторов, которые подвизаются ныне на карпато-украинской территории, Польша узнает своих старых врагов и опасается, что Карпатская Украина, возможно, однажды превратится для Польши в очаг таких беспокойств, которые вынудят польское правительство к вме-

* — способ существования (лат.).

шательству, в результате чего могли бы возникнуть новые осложнения. Это было главнейшей причиной стремления Польши к установлению общей границы с Венгрией. Польша также старалась побудить Венгрию к энергичным действиям в том направлении, которое было определено самим фюрером. Из своей поездки в Румынию он (полковник Бек) привез венграм заверение в том, что румыны не нападут, а польский президент заявил в кругу иностранных дипломатов, что в серьезном случае Польша окажет помощь Венгрии. Однако, несмотря на это заявление, венгры, к сожалению, не проявили никакой инициативы. Он хотел бы отметить, между прочим, что население так называемой Карпатской Украины — русины — не имеет ничего общего с населением собственно Украины. «Украина» — это польское слово и означает «восточные пограничные земли». Этим словом поляки вот уже на протяжении десятилетий обозначали земли, расположенные к востоку от их территории, вдоль Днепра.

Что касается германо-польских отношений, то он, Бек, принимает к сведению пожелания, высказанные фюрером. Однако данцигский вопрос представляется ему чрезвычайно сложным. В этой связи необходимо особо учитывать общественное мнение в Польше. При этом он совершенно не берет в расчет мнение «оппозиции в кофейнях». На протяжении своей семилетней службы он ни в малейшей степени не считался с мнением кофеен и свой пост сохраняет и по сей день. Однако он должен считаться с подлинным мнением народа и усматривает в этом отношении величайшие трудности для решения вопроса о Данциге. Однако он хотел бы еще раз спокойно продумать эту проблему.

Полковник Бек не коснулся остальных вопросов германо-польских отношений, которые были подняты фюрером, а закончил изложение своих доводов повторным заверением в том, что Польша в своей общей позиции по-прежнему будет верна той линии, которой она придерживается с 1934 г.

Настоящее в соответствии с указанием представлено господину имперскому министру иностранных дел.

Д-р Шмидт

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.). Документы и материалы» (далее: «СССР в борьбе за мир...»). М., 1971, с. 146—153.

2. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком

*6 января 1939 г.**

В беседе, длившейся около полутора часов, г-н Бек сразу начал говорить о данцигской проблеме[1]. Он сказал, что Польша стремится жить с Германией в добрососедских отношениях и ук-

* Беседа состоялась в Мюнхене.

реплять их. Единственной проблемой, которая может оказать отрицательное влияние на это, является данцигский вопрос. С данцигской стороны практикуется тактика малых faits accomplis *, которые уже сейчас начали затрагивать там польские права. И он действительно видит в этом определенную опасность. Вчера он не пожелал прямо говорить об этом фюреру, но в откровенной и доверительной беседе со мной он [Бек] не хотел бы скрывать, что смотрит на создавшееся положение с определенным беспокойством **. В связи с этой проблемой имеются две возможности, которые мы должны рассмотреть:

1) если Лига наций, возможно, потеряет интерес к данцигскому вопросу и упразднит должность комиссара [9], то Германия и Польша должны будут сами разбираться с этим вопросом;

2) если вышеназванная тактика faits accomplis будет и далее продолжаться, поляки будут вынуждены занять соответствующую позицию.

Проблема действительно очень трудная, и он уже ломал голову над тем, как можно найти ее решение, но пока безрезультатно.

Затем Бек затронул вопрос о Великой Украине, сказав, что заверение фюрера о том, что «здесь у нас нет интересов», очень его [Бека] удовлетворило. Ясную и последовательную линию фюрера, направленную на достижение дружественного взаимопонимания с Польшей, он с искренней радостью принял к сведению.

В заключение Бек еще раз указал на то, что Данциг в понимании всего польского народа является пробным камнем для германо-польских отношений и что будет очень трудно изменить это представление. Маршал Пилсудский еще раньше говорил об этом одному немецкому представителю.

На это я высказал господину Беку следующие соображения:

1) Как фюрер уже сказал, превыше всего для германской стороны ее безусловное стремление к окончательной, широкой и продиктованной великодушием консолидации взаимных отношений.

2) При этом значение имеют три проблемы:

а) непосредственно германо-польские отношения. Здесь я вижу следующее решение: возвращение Данцига Германии. Взамен — обеспечение всех экономических интересов Польши в этом районе самым благоприятным образом. Установление связи Германии с ее провинцией Восточной Пруссией через экстерриториальную автостраду и железную дорогу. За это в качестве компенсации со стороны Германии — гарантия коридора [4] и всех польских владений, окончательное и постоянное признание взаимных границ;

б) чешско-карпатоукраинский вопрос ***.

---

* — свершившиеся факты (фр.).

** По словам Бека, «сегодня он впервые настроен пессимистически, особенно в связи с данцигским вопросом и той формой, в которой этот вопрос был изложен фюрером; он (Бек) не видит возможности для достижения единства взглядов».— *Прим. док.*

*** Так в тексте.

Я повторил, что в Мюнхене были определены этнографические границы *. Если же с чьей-либо стороны будет выдвинут принцип политических границ, то Германия, естественно, не сможет остаться безразличной к этому. Если бы даже германские политические интересы и не выходили за пределы Карпат, то Германия все равно не могла бы оставаться безразличной к изменению границ в районе Чехословакии и Закарпатской Украины, так как из-за таких событий очень легко оказаться втянутым в конфликт. Где бы в Европе ни заговорили пушки, Германия в принципе не может быть к этому безучастной. Решение арбитража в Вене [3] должно выполняться. Наша основная точка зрения состоит в том, что если здесь будут выражены какие-либо другие желания, то они должны быть приведены в соответствие с германскими интересами;

в) политика, которая должна проводиться Польшей и Германией в отношении России, и в этой связи также вопрос о Великой Украине.

Я заверил Бека в том, что мы заинтересованы в советской части Украины лишь постольку, поскольку повсюду, где только можно, мы стараемся причинить русским вред точно так же, как они это делают в отношении нас. Мы поддерживаем постоянные контакты с русской Украиной. Мы никогда не имели никаких дел с польскими украинцами и всегда самым строжайшим образом избегали этого. Фюрер изложил нашу негативную позицию по вопросу о Великой Украине. Зло, как мне кажется, состоит в том, что антирусская агитация на Украине постоянно оказывает некоторое обратное воздействие на польское меньшинство и на украинцев в Карпатской России **. Но это, по моему мнению, можно изменить лишь в том случае, если мы в украинском вопросе будем тесно сотрудничать друг с другом. Я могу себе представить, что в ходе общего доброжелательного урегулирования всех проблем между Польшей и нами мы будем исходить из того, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши и во всех отношениях поддерживать Польшу при обсуждении этого вопроса. Но это опять-таки предполагает, конечно, что Польша займет еще более отчетливую антирусскую позицию, так как иначе у нас вряд ли могут быть общие интересы.

В этой связи я спросил Бека, не имеет ли он желание вступить (в подходящее время) в антикоминтерновский пакт? [10]

Бек ответил, что в настоящее время это сделать не удастся, так как в Польше деятельность Коминтерна подвергается судебному преследованию, и эти вопросы всегда строго отделяются от государственных отношений с Россией. Польша, по словам Бека, делает все, чтобы сотрудничать вместе с нами против Коминтерна по линии полиции, но если заключить политический договор с Германией по этому вопросу, то тогда Польша не сможет сохра-

---

* См. том 1, док. № 100.

** Так в тексте.

нить мирные добрососедские отношения с Россией, нужные Польше для ее спокойствия. Бек, во всяком случае, обнадежил меня, сказав, что в будущем польская политика станет развиваться в желаемом для нас духе.

Я спросил Бека, отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в отношении Украины, на что он, смеясь, ответил, что они уже побывали в Киеве и что подобные замыслы, без сомнения, живы и сегодня.

В заключение беседы я высказал господину Беку наши претензии относительно обращения с немецкими меньшинствами [11], прежде всего в районе Ользы, и особенно указал на продолжающиеся антинемецкие махинации Гражинского. Господин Бек ответил, что он уже обратил на этот вопрос серьезное внимание и со своей стороны сделает все, чтобы направить ход событий в более спокойное русло.

Затем я поблагодарил господина Бека за его приглашение посетить Варшаву и в принципе дал свое согласие*. Дата визита пока не определена. Была достигнута договоренность о том, что господин Бек и я еще подробно обдумаем весь комплекс вопросов в связи с возможным договором между Польшей и нами. В ближайшие недели переговоры будут продолжены Липским и Мольтке. Визит должен состояться, во всяком случае, еще этой зимой.

Риббентроп

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. V, S. 132—134.

3. Запись беседы германского журналиста с генеральным секретарем германского общества по изучению Восточной Европы Маркертом

19 января 1939 г.

Д-р Маркерт сказал, что в ноябре и декабре 1938 г. в официальных кругах Берлина господствовали неприязненные в отношении Польши настроения. Как полагали влиятельные органы, наступил момент для окончательного выяснения германо-польских отношений и для разъяснения польскому правительству, что Польша должна в будущем во всех отношениях уважать положение Германии как великой державы, соответственно с этим подчиняться концепциям германской внешней политики и как во внутриполитическом плане, так и во внешнеполитических вопросах не предпринимать ничего такого, что противоречило бы германской позиции по вопросу взаимоотношений между Варшавой и Берлином. Эта энергичная германская позиция в отношении Польши отражала стремление влиятельных германских органов при всех обстоятельствах ускорить столкновение с Москвой и в этих целях обеспечить в лице Польши союзника против Советского Союза. Гитлер в то время находился почти исключительно под влиянием Риббентропа и Розенберга, которые оба выступали за войну против Советского Союза, используя постановку украинского вопроса. К тем кругам, которые, исходя из политических и военных соображений, скептически оценивали вероятный исход военного столкновения между Германией и Советским Союзом, почти не прислушивались.

Решительный поворот в оценке политической обстановки и шансов в войне в Восточной Европе наступил, кажется, где-то около рождества. После длительного пребывания в Оберзальцберге Гитлер заявил, что решение восточных вопросов не носит срочного характера и нужно время для его основательной подготовки. Этот поворот произошел не случайно. В Берлине сложилось впечатление, что следует серьезно отнестись к тому, что Муссолини ставит средиземноморский вопрос, и что в связи с этим вполне возможен конфликт с западными державами. На этот случай, при котором Германия сотрудничала бы с Италией, требовалось обеспечение на Востоке и, следовательно, поддержание курса на договоренность с Польшей. Поэтому в соответствии с указанием Гитлера Риббентроп решил провести назначенные на 5 и 6 января в Берхтесгадене и Мюнхене* встречи с польским министром иностранных дел в таком тоне и в такой форме, которые гарантировали бы поддержание нормальных и дружественных отношений между Берлином и Варшавой.

В ходе своего двухчасового монолога Гитлер обрисовал польскому министру иностранных дел картину европейской обстановки с особым учетом германских интересов в отношении Польши. Гитлер не касался в этой беседе ни данцигского вопроса [1], ни положения немецкой национальной группы в Польше [11]. В то же время Гитлер делал ударение на колониальном вопросе [6], который он после выступления Италии считает актуальным и созревшим для решения.

Лишь в беседах Бека с Риббентропом в Мюнхене были затронуты все те проблемы, которые в течение последних месяцев осложняли германо-польские отношения. В чрезвычайно предупредительной манере Риббентроп, например, указал на нетерпимое положение в связи с польской политикой в отношении немецкого национального меньшинства. Бек ответил на это ни к чему не обязывающими заявлениями. В целом о переговорах в Берхтесгадене и Мюнхене можно сказать, что в их ходе германская сторона по тактическим соображениям оставила открытыми и нерешенными все проблемы германо-польских отношений. Может

* См. док. № 4.

* См. док. № 1, 2.

быть, с германской стороны играло также роль опасение, что Польша под массированным германским давлением может быть оттеснена в объятия Советского Союза и Франции. В этом отношении польско-советская декларация от 27 ноября 1938 г.[12] произвела во влиятельных берлинских органах сильное впечатление.

Инициатива в вопросе о визите Риббентропа в Варшаву принадлежит польской стороне. Во время пребывания в Берхтесгадене и Мюнхене Бек неоднократно говорил о том, сколь полезным для него и для его политики был бы визит германского министра иностранных дел в Варшаву *. Риббентроп, без воодушевления и не проявляя интереса, согласился после этого поехать в Варшаву 25 января 1939 г. В Берлине хорошо знают, что варшавская встреча не будет иметь большого политического значения. Однако для того, чтобы продемонстрировать мировой общественности дальнейшую нормализацию и углубление германо-польских отношений, Риббентроп намеревается представить в Варшаве проект германо-польского соглашения по вопросам культуры, который сейчас разрабатывается в Берлине. Соглашение должно быть подписано в Варшаве Риббентропом и Беком.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 161—163.

4. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком

26 января 1939 г.

1. Во время беседы с Беком я, в развитие переговоров, которые мы вели с ним 6 января в Мюнхене **, снова вернулся к известному германскому предложению (возвращение Данцига рейху при условии обеспечения там экономических интересов Польши и создание экстерриториальной автомобильной и железнодорожной линии связи между рейхом и его провинцией Восточная Пруссия; за это в качестве компенсации с немецкой стороны — гарантия германо-польской границы). Я снова отметил, что фюрер желает добиться общего урегулирования германо-польских отношений путем заключения соответствующего договорного акта. Г-н Бек, сказал я, должен понять, что пожелания немецкой стороны чрезвычайно умеренны, поскольку отторжение ценнейших частей германской территории и передача их Польше, осуществленные по Версальскому договору[13], и по сей день воспринимаются каждым немцем как огромная несправедливость, которая была возможна лишь во времена крайнего бессилия Германии.

* См. док. № 4.
** См. док. № 2.

Если опросить 100 англичан или французов, то 99 из них без всякого согласились бы с тем, что возвращение Данцига[1], а также, как минимум, коридора[4] является само собой разумеющимся требованием немецкой стороны.

На Бека мои доводы, кажется, произвели впечатление, однако он снова сослался на то, что следует ожидать самого сильного политического сопротивления внутри страны, вследствие чего он не может оптимистически расценивать это дело; все же, сказал Бек, в дальнейшем он намерен серьезно обдумать наше предложение.

Я условился с г-ном Беком, что, если Лига наций прекратит выполнение своих функций в отношении Данцига прежде, чем между Германией и Польшей будет заключен договор, включающий и Данциг, мы установим с ним контакт, чтобы найти решение, позволяющее выйти из этой ситуации.

2. Затем я еще раз говорил с Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области[14].

Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю; он тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собою для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза. Впрочем, он, говоря о будущем Советского Союза, высказал мнение, что Советский Союз либо развалится вследствие внутреннего распада, либо, чтобы избежать этой участи, заранее соберет в кулак все свои силы и нанесет удар.

Я указал г-ну Беку на пассивный характер его позиции и заявил, что было бы целесообразней предупредить развитие, которое он предсказывает, и выступить против Советского Союза в пропагандистском плане. По моему мнению, сказал я, присоединение Польши к антикоминтерновским державам[10] ничем бы ей не грозило, напротив, безопасность Польши только выиграла бы от того, что Польша оказалась бы с нами в одной лодке.

Г-н Бек сказал, что и этот вопрос он серьезно продумает.

Я поручил послу фон Мольтке развивать в беседах с Беком вопросы, указанные в пунктах 1 и 2.

3. В беседе с Беком я снова выразил протест по поводу обращения с нашим немецким меньшинством[11], и мы условились о том, что переговоры между высшими чиновниками министерств внутренних дел обеих стран, которые уже давно планировались, будут начаты незамедлительно.

Риббентроп

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 170—171.

5. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии *

28 января 1939 г.

1. Переговоры между Рейнско-Вестфальским угольным синдикатом и Горнорудной федерацией Великобритании ** закончились сегодня во второй половине дня после дополнительных двухдневных заседаний с положительным результатом.

В ходе этих переговоров выявился ряд новых трудностей. Англия, учитывая внутреннюю организацию своего экспорта и контроля, не сочла возможным отказаться от принятия бункерного угля. Германская сторона не смогла игнорировать такое положение вещей. После острой дискуссии вопрос о коксе был включен в соглашение о квотах. Трудности возникли в связи с тем, что Англия не хотела признавать нынешний германский экспорт в Ирландию как не соответствующий нормальным условиям. Однако в конце концов англичане пошли на уступки по этому пункту.

Взяв за основу соотношение экспорта угля как 30 (Германия) к 50 (Англия), стороны достигли договоренности относительно общей цифры (каменный уголь, кокс, угольные брикеты, включая бункерный уголь) в соотношении 32.08 для Германии к 42.27 для Великобритании.

2. В ходе переговоров, на которых представители обеих сторон с величайшей настойчивостью пытались отстоять свои требования, у британского министерства горной промышленности не раз возникала необходимость воздействовать на представителей британской горной промышленности в духе умеренности. Следует признать, что при этом министерство горной промышленности поддерживало сомнительный контакт с [германским] посольством, которое со своей стороны получило таким образом возможность придать наибольший вес германским требованиям.

3. После завершения переговоров представители германской и британской горной промышленности согласовали сообщение для печати следующего содержания:

«В результате переговоров, которые имели место в течение некоторого времени между представителями главных европейских угледобывающих стран с целью достижения международного угольного соглашения, было условлено, что должны быть проведены встречи между представителями британской и германской промышленности — стран, в высшей степени заинтересованных в экспортной торговле,— с целью выявления базиса, который сделал бы возможной договоренность между ними, что содействовало

---

* В телеграмме Г. Дирксена приводится текст совместного заявления представителей деловых кругов Великобритании и Германии, известного как «Угольное соглашение».

** Правильное наименование — Горнорудная ассоциация Великобритании.

бы будущим переговорам между всеми заинтересованными странами. Встречи между представителями британской и германской промышленности успешно завершились урегулированием расхождений по всем пунктам, и в настоящее время предполагается возобновить переговоры между всеми заинтересованными странами с целью достижения общего соглашения».

4. Учитывая значение соглашения для всего комплекса германо-английских отношений [15], предлагаю должным образом осветить этот вопрос в германской печати.

Дирксен

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. IV, S. 343—344.

6. Письмо советника посольства Германии во Франции Кампе в министерство иностранных дел Германии

1 февраля 1939 г.

В обеих правительственных памятных записках о расширении экономических отношений между Германией и Францией [16] в качестве последнего пункта предусмотрено практическое сотрудничество германских и французских экономических групп при осуществлении крупных проектов в третьих странах. В качестве примеров такого сотрудничества были названы в ходе бесед с графом Де ля Бомом следующие:

реконструкция южноамериканских портов;

строительство дорог и мостов на Балканах;

строительство железных дорог и портов в Африке и т. д.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о том, не следует ли нам уже теперь проявить инициативу в целях осуществления подобного сотрудничества также и для восстановления Испании. Германия и Франция в этом деле могли бы хорошо дополнять друг друга. Германия предлагает правительству Франко добрые отношения, свой уже находящийся в Испании технический персонал и существующие там организации; Франция же могла бы предоставить для этих целей долгосрочные кредиты в валюте, а в случае необходимости также и рабочую силу.

Мы заинтересованы в том, чтобы как можно скорее сделать соответствующее предложение Франции, так как после падения Барселоны промышленные круги Франции все больше настаивают на незамедлительном установлении нормальных отношений с Франко. Промышленные и финансовые круги страны ждут только получения своей доли в деле восстановления Испании, они нуждаются в этом из-за текучести капитала на французском рынке и в силу своих тесных личных и родственных связей за границей. Правительство между тем медлит и не решается сразу сделать еще один крутой поворот, но в конечном счете оно только

ищет хороший предлог для установления отношений с Франко без особого ущерба для своего престижа. Германская инициатива в организации германо-французского сотрудничества в деле восстановления Испании и возрастающая практическая заинтересованность французских промышленных и финансовых кругов в связях с национальной Испанией дали бы не только большие экономические, но также и политические выгоды, а именно ускорили бы признание национальной Испании Францией.

Настоящий документ представлен г-ну послу [17].

Кампе

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. IV, S. 436—437.

7. Донесение посла Германии во Франции И. Вельчека в министерство иностранных дел Германии

18 февраля 1939 г.

Во время бесед, которые я имел на прошлой неделе с министром иностранных дел Боннэ о высылке и арестах немцев, я выполнил также поручение, данное мне г-ном рейхсминистром иностранных дел, а именно: выразить Боннэ наше удивление по поводу того, что он во время внешнеполитических дебатов в палате [18] говорил относительно поддержания и, по возможности, расширения дружественных отношений Франции в Восточной и Центральной Европе и этим создал, в частности у чехов и поляков, впечатление о возобновлении политики окружения, направленной против Германии. Это возвращение к так называемой политике Бенеша для нас нетерпимо.

Боннэ возражал очень живо и напомнил сделанное мне заявление до его выступления в палате депутатов. Он полагал, что можно поддерживать старые дружеские отношения и расширять их в хозяйственной и культурной областях, не препятствуя этим тому преобладанию германского рейха на востоке и юго-востоке, которым он пользуется там благодаря его геополитическому положению *.

На такие же законные права Германия, наверное, будет претендовать в Испании, как только там будут восстановлены мир и порядок. Он просил меня передать г-ну рейхсминистру иностранных дел соответствующую выдержку из его речи в сенате о внешней политике Франции, с которой едва ли можно не согласиться. Во время внешнеполитических дебатов в парламенте часто говорятся такие вещи, которые, очевидно, предназначены для внутреннего форума и не имеют вне его никакого значения. Если

* Геополитика — буржуазная реакционная концепция, в основе которой лежит утверждение решающей роли физико-географических условий в жизни человеческого общества и неравноценности рас. Официальная доктрина германского фашизма.

французский министр иностранных дел, вопреки поднявшейся против него бури, отстоял наши, по его мнению, справедливые претензии на судето-немецкую область и сделал для себя выводы из изменения положения в Центральной Европе, то нельзя же требовать от него, чтобы он перед парламентом совершил акт отречения по всему фронту. Если бы он это сделал, то выиграли бы от этого только подстрекатели к войне, которые обвиняли бы его в малодушии и в бахвальстве германо-французским соглашением, утверждая, что он придает ему большее значение, чем это можно сказать о Германии, где в речи фюрера от 30 января [19] ни одним словом не было упомянуто о соглашении.

Я ответил Боннэ, что мы можем судить лишь по тому эффекту, который вызвала за границей его речь о внешней политике и который повредил нашим интересам на востоке и юго-востоке.

Выдержку из сенатской речи Боннэ, на которую он ссылался, я покорнейше прилагаю [20].

Вельчек

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны». М., 1948, т. II, с. 268—274.

8. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии *

20 февраля 1939 г.

Поездка английского министра торговли Оливера Стенли в Берлин имеет значение, выходящее за рамки обсуждения текущих экономических вопросов. Она осуществляется в то время, когда Англия стоит перед трудными решениями в области своей торговой политики в целом. Итоги берлинских переговоров могут оказать существенное влияние на то, в каком духе будут приняты эти решения.

Короче говоря, перед британским правительством стоит следующий вопрос: должна ли английская торговая политика тащиться на буксире у Соединенных Штатов, или же ей следует попытаться сохранить свою независимость с помощью более тесного сотрудничества с Германией и, соответственно, с Европой?

Эта альтернатива возникла в результате американского давления на Англию и общей нестабильности мирового хозяйства. Еврейские финансовые магнаты в Соединенных Штатах хотят заставить Англию идти вместе с Америкой и удержать Англию от сотрудничества с тоталитарными государствами **.

* На письме имеется виза И. Риббентропа.

** Форма авторитарных буржуазных государств периода империализма, характеризующегося полным (тотальным) контролем государства над всеми сферами жизни общества. Тоталитарным государствам свойственны запрещение демократических организаций, ликвидация конституционных прав и свобод, милитаризация общественной жизни.

Британское правительство стремилось до сих пор сохранять свою экономическую независимость. Об этом свидетельствуют его энергичные меры по защите английской валюты от американских маневров * и против утечки капитала в Америку.

Однако успешное продолжение этого сопротивления представляется возможным лишь в том случае, если тяготеющая над Европой экономическая нестабильность и недостаток доверия будут заменены более благоприятной атмосферой и созданием новых производственных возможностей.

Поездка английского министра торговли Оливера Стенли и г-на Эштон-Гуэткина в Берлин преследует, очевидно, цель выяснить, готово ли германское правительство к такому экономическому сотрудничеству. Заключение соглашения по углю ** и предстоящие переговоры по промышленным вопросам вселили в британское правительство надежду в этом отношении [15].

На случай, если берлинские переговоры не приведут к желаемым результатам, английская сторона держит двери открытыми для сотрудничества с Соединенными Штатами. Заключение англо-американского торгового договора *** было осуществлено в значительной степени по политическим соображениям. Предстоящая поездка Стенли в Нью-Йорк для посещения выставки предоставит возможность для подготовки подобного экономического сотрудничества. В своем письме от 3 января 1939 г. **** я уже сообщал о том, что одновременно могут развиваться и внешнеполитические тенденции на сближение с Соединенными Штатами.

Нет необходимости указывать на то, что британское правительство предпочло бы сохранить свою независимость по отношению к США.

Кроме того, из сообщений посольства следует, что здешняя общественность все больше свыкается с мыслью признать за Германией приоритет в Восточной и Юго-Восточной Европе.

О том, какие имеются возможности, в частности, для увеличения германского экспорта с помощью политико-экономического соглашения с Англией, уже сообщалось более подробно в письме от 18 февраля [21].

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. IV, S. 359—360.

* Имеются в виду меры, направленные на понижение валютного курса.

** См. док. № 5.

*** Подписан 17 ноября 1938 г.

**** В данном сборнике не публикуется.

9. Запись беседы советника посольства Германии во Франции Кампе с заведующим экономическим отделом министерства иностранных дел Франции Де ля Бомом [22]

21 февраля 1939 г.

I. После возвращения графа Де ля Бома я в соответствии с поручением продолжил с ним обсуждение экономических вопросов и обратил его внимание на то, что, по нашему мнению, представляется целесообразным как можно скорее начать переговоры по вопросам промышленности, а также практическую работу в области германо-французского сотрудничества, с тем чтобы добиться осязаемых результатов.

Де ля Бом, как мне показалось, очень оживленно и положительно воспринял нашу инициативу. Его реакция заметно отличалась от его прежней сдержанной манеры вести переговоры. Скоро выяснилась и причина такого поведения. Де ля Бом сказал мне буквально следующее: речь фюрера и рейхсканцлера * была встречена в кругах руководящих французских государственных деятелей с большим вниманием. На премьер-министра Даладье особенно сильное впечатление произвел тот откровенный и непосредственный тон, в котором фюрер и рейхсканцлер говорили об экономических трудностях Германии. Даладье, так же как и министр иностранных дел Боннэ, ощущает потребность дать ответ от имени Франции на это обращение. Он попросил соответствующих министров представить ему практические соображения на этот счет. Когда же ему сообщили, что в итоге визита германского министра иностранных дел уже начаты переговоры между министериаль-директором Вилем и им (Де ля Бомом) о развитии более интенсивного франко-германского экономического сотрудничества, то Даладье распорядился, чтобы программа дальнейших переговоров была составлена под его личным руководством. В соответствии с этим в ближайшие дни у премьер-министра состоится совещание компетентных министров с участием экспертов, на котором должна быть определена программа германо-французских экономических переговоров. В совещании примут участие кроме министра иностранных дел и министра торговли также министр колоний, министр финансов, министр сельского хозяйства и министр общественных работ. Г-н Альфан и он (Де ля Бом) подготовили для этого совещания краткую памятную записку, которая составлена на основе предложений и договоренностей, достигнутых и согласованных в ходе бесед, проведенных им (Де ля Бомом) и его заместителем со мной (подробнее об этом см. в п. III).

II. Граф Де ля Бом сообщил мне далее следующее: насколько велика заинтересованность промышленных и парламентских кругов в экономическом сближении и сотрудничестве между двумя странами, видно из того, что при поддержке министра иностран-

* 30 января 1939 г.

ных дел Боннэ предполагается создать франко-германский экономический центр, руководство которого будет состоять из видных парламентариев и президентов крупнейших французских торговых палат. Задача этого центра — содействовать всеми средствами практическому развитию экономических отношений между обеими странами *.

III. В практическом плане я договорился с Де ля Бомом о следующем:

1. Нет никаких помех для немедленного начала переговоров между имперской промышленной группой и французским союзом промышленников. Эти переговоры целесообразно начать с поездки в Париж г-на Коппена из имперской группы промышленности. Ориентировочная дата поездки — 20 марта. В ходе парижской встречи было бы целесообразно определить содержание и сроки совместного совещания в узком кругу ведущих лиц германской и французской промышленности, а также председателей наиболее крупных промышленных союзов.

2. Что касается всех других вопросов, то Де ля Бом просил дождаться проведения совещания у премьер-министра Даладье, о результатах которого он (Де ля Бом) проинформирует меня в соответствующее время.

На мое замечание о том, что следовало бы ускорить составление некоторых проектов практического сотрудничества между промышленными кругами обеих стран и содействовать их реализации, Де ля Бом ответил одобрительно. При этом он отметил, что с французской стороны будут предположительно сделаны практические предложения в трех направлениях:

а) создание своего рода ассоциации общих интересов. В качестве примера он назвал известный проект по переработке древесной массы в Камеруне и эксплуатацию рудных месторождений в Конакри;

б) он (Де ля Бом) будет содействовать тому, чтобы подключить к участию в осуществлении отдельных крупных проектов во французских колониях германскую промышленность путем поставок материалов и оборудования. Более определенно, однако, он (Де ля Бом) пока сказать не может.

Относительно сотрудничества в третьих странах он (Де ля Бом) уже дал поручение подыскать проекты практического характера. Он хотел бы также в качестве своего личного мнения — об этом он еще не докладывал своему министру — сказать мне, что наилучшей почвой для подобного сотрудничества была бы Испания, которая нуждается для своего восстановления в сотрудничестве со всеми конструктивными силами Европы.

На мой вопрос о том, имеется ли французский ответ на наши предложения относительно сельскохозяйственных продуктов, Де

* 28 февраля И. Вельчек сообщил, что этот центр был создан в тот же день по предложению французского адвоката Б. Богэ от Независимой левой партии, который стал его президентом.

ля Бом сказал, что он надеется, что путь к решению этого трудного, но очень интересного вопроса будет найден. Недавно он вместе с послом Кулондром был у министра торговли Жантэна для того, чтобы преодолеть то большое сопротивление, которое, естественно, оказывает это министерство. Сам Жантэн полностью признал значение этого дела, однако сопротивление, оказываемое французской промышленностью, как и прежде, велико [17].

Кампе

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. IV, S. 434—436.

10. Записка легационного советника политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии Кройтцвальда

1 марта 1939 г.

Г-н фон Кампе позвонил сегодня из Парижа и сообщил, что отдельные проекты по колониальному вопросу уже подготовлены для принятия решения по ним. Директор Вайгельт находится сейчас в Париже. Он (Кампе) спрашивает, может ли г-н Вайгельт задержаться в Париже, чтобы высказать свое мнение по отношению к этим колониальным проектам. Французы придают большое значение присутствию г-на Вайгельта. Французское посольство в Берлине, очевидно, тоже подключилось к этому делу. Вайгельт же не хочет без разрешения министерства иностранных дел Германии оставаться в Париже.

После разговора с г-ном Бильфельдом я ответил г-ну фон Кампе, что против пребывания г-на Вайгельта в Париже нет никаких возражений. Но Вайгельт может, однако, высказывать мнение только как частное, а не официальное лицо.

Г-н Кампе ответил, что именно об этом речь как раз и идет и что г-н Вайгельт это знает.

Г-н Бильфельд высказался в том плане, что имеются некоторые сомнения относительно германо-французского сотрудничества по вопросу о колониях. Франция может использовать это сотрудничество для того, чтобы ссылаться на него в случае германских колониальных притязаний. Он имеет сомнения относительно германо-французского сотрудничества прежде всего на мандатных территориях и в меньшей степени во французских колониях. Что касается г-на Вайгельта, то он преследует тут частично и свои собственные интересы.

Относительно германо-французского сотрудничества в колониально-экономической области можно от имени отдела * сказать следующее:

В последние дни вдруг возникла склонность французской стороны к экономическому сотрудничеству с Германией в колониаль-

* Политико-экономический отдел II МИД Германии.

ной и экономической областях. Здесь чувствуется влияние самого премьер-министра Даладье. Совместные германо-французские проекты во французских колониях с политико-экономической точки зрения представляются в принципе желательными, так как Германия исключительно заинтересована в получении колониального сырья. Французы, конечно, надеются, что в результате этого сырьевой голод Германии будет несколько утолен и тем самым политические желания Германии по колониальному вопросу станут умереннее. Возможно, что свои совместные с Германией колониально-экономические проекты французы учитывают также при проведении своей политики по отношению к Италии. Но так как Германия, участвуя в этих проектах, ни в коей мере не откажется от своих колониальных притязаний и никоим образом не заявит, что она удовлетворена в колониально-экономическом отношении, то совместные германо-французские колониальные предприятия (сделки) представляются, как и раньше, соответствующими, в принципе, германским интересам. Необходимо при этом иметь в виду соображения Бильфельда относительно мандатных территорий и того, чтобы Германия в ходе сотрудничества с Францией не скомпрометировала себя, проводя колониальную политику. По политическим соображениям в отдельных случаях может возникнуть необходимость отказаться от того или иного совместного предприятия.

По тем же соображениям, может быть, следует отклонить и предложение французов о германо-французском экономическом сотрудничестве в Испании. Нет никакой побудительной причины проводить с французами совместные операции в Испании *, так как Германия и одна в состоянии осуществить эти проекты в экономическом и финансовом плане. Германия только нанесет себе значительный политический вред, если она поможет французам утвердиться в Испании.

Кройтцвальд

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. IV, S. 438—439.

11. Телеграмма посла Германии во Франции И. Вельчека начальнику политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии Э. Вилю

3 марта 1939 г.

1. Правительство и союз промышленников заявляют о своем согласии начать предварительные переговоры по промышленным вопросам с Коппеном 22—23 марта в Париже.

2. Совещание у премьер-министра, согласно доверительной информации, показало единодушное стремление к более тесному сотрудничеству в духе правительственных памятных записок.

Без ущерба для дальнейших планов и в соответствии с ясно выраженным желанием премьер-министра французская сторона безотлагательно внесет некоторые из подготовленных конкретных предложений.

В этих предложениях речь идет о расширении совместных колониальных проектов, в отношении которых мы достигли в беседах с Де ля Бомом договоренности о том, чтобы инициатива здесь исходила только от Франции *. Для немедленной реализации французы предложат три проекта, а именно:

а) рудные месторождения в Конакри;

б) известный проект относительно обработки древесины и сооружения целлюлозной фабрики;

в) проект о совместной разработке руд в Марокко.

Еще два колониальных проекта находятся в стадии разработки, но решения по ним еще не вынесены.

Другая часть конкретных предложений касается дополнительных контингентов станков в обмен на приемку сельскохозяйственных продуктов стоимостью более 100 млн. франков. Изучение нашего далеко идущего предложения на этот счет якобы еще не закончено; по-видимому, имеется очень сильное сопротивление со стороны машиностроительной промышленности.

3. Намеченные предложения должны быть сформулированы в виде письменного ответа на германский меморандум. По-видимому, этот ответ хочет передать сам Альфан на следующей неделе в Берлине. Эта поездка, вероятно, осложнена только отсутствием договоренности по судетским делам.

Если это возможно, то рекомендую сделать с нашей стороны Альфану во время его визита в Берлин некоторые конкретные предложения о германо-французских совместных проектах [23].

Только для информации:

Альфан, очевидно, в плохом настроении, потому что, по его мнению, согласование судетского вопроса было сорвано только из-за излишней несговорчивости младших чиновников имперского министерства экономики по мелким, несущественным вопросам. Если это соответствует действительности, то мне представляется по психологическим причинам целесообразным проявить великодушное отношение к завершению бесконечных переговоров по судетским делам, учитывая дальнейшие переговоры.

Известная щепетильность проявляется здесь также в связи с обсуждением французских предложений, касающихся соглашений о туризме. После отклонения имперским министерством экономики последнего французского предложения, которое уже было принято рейхсбанком, следует, по-видимому, опасаться, что французы аннулируют все предыдущие предложения, базирующиеся на вы-

* См. док. № 6, 9, 15.

* См. док. № 6, 9.

делении средств от продажи товаров, и предложат только поездки по клирингу между союзами отелей, что, разумеется, может иметь нежелательные последствия для туристских поездок из Франции в Германию.

Вельчек

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswartigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. IV, S. 440—441.

12. Из записки военного атташе Великобритании в Германии Ф. Н. Мэсон-Макфарлейна послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону

6 марта 1939 г.

[...] Польское правительство имеет точные сведения о соглашении, достигнутом в прошлом году между Германией и Японией, по которому Германия признает «право Японии на экспансию на запад вплоть до озера Байкал взамен признания права Германии на экспансию вплоть до Кавказа». Японское посольство в Варшаве все время пытается выяснить у поляков, когда они собираются предпринять совместные действия с Германией против России, и все время стремится предотвратить осложнения между Польшей и Германией. [...]

Ф. Н. Мэсон-Макфарлейн

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 223—224.

13. Записка старшего правительственного советника министерства экономики Германии А. Зюскинд-Швенди

7 марта 1939 г.

В ходе переговоров с англичанами летом 1938 г. по вопросу об австрийских займах [24] было выдвинуто требование, чтобы англичане путем облегчения условий для германского импорта как в Великобританию, так и в страны английской колониальной империи создали для Германии возможность получать средства для повышенного процента на капитал. Англичане обещали начать в дальнейшем переговоры относительно германских требований о снижении таможенных тарифов и создания дополнительных импортных возможностей. Вслед за тем германская сторона передала англичанам два списка, содержащие: a) германские пожелания о снижении таможенных пошлин в Англии и b) германские пожелания о снижении таможенных пошлин в [английской] колониальной империи. Последний список пожеланий включал в себя также германские предложения относительно увеличения сбыта германских товаров в колониях.

Англичане приняли списки и назвали «неофициальными» переговоры, которые должны были служить уточнению этих списков. В частности, они указали на то, что повышение английских таможенных тарифов предпринято главным образом в целях защиты против германской демпинговой конкуренции и что германская система стимулирования экспорта пока лишь доказывает, что таможенные пошлины не помеха германскому экспорту. Наша ссылка на то, что для нас важно, чтобы экспорт был источником крупных валютных поступлений, была признана правильной. Англичане указали на то, что они могут решиться на те или иные умеренные снижения таможенных тарифов лишь в том случае, если они получат заверения германской стороны, что в будущем более не будет иметь места какой бы то ни было подрыв английских цен. С этой целью они предложили переговоры между представителями промышленных кругов обеих сторон. Мы ответили на это согласием прежде всего, чтобы лишить англичан предлога утверждать, что Германия игнорирует английские предложения. Первоначально в список были внесены лишь такие контингенты товаров, на которые англичане в последние годы ввели высокие протекционистские пошлины ввиду германской конкуренции. Позднее в этот список были включены еще и такие контингенты товаров, относительно которых имеются предложения о повышении таможенных пошлин. Мы надеемся, что переговоры между промышленными кругами обеих сторон приведут к единству взглядов, которое послужит базой для последующего снижения таможенных пошлин *.

Английское правительство, согласившись на переговоры и придавая им большое значение, взяло на себя тем самым молчаливое обязательство перед германской стороной приступить после окончания этих переговоров (в том случае, если будет достигнуто согласие хотя бы относительно одного контингента товаров) к официальным переговорам с Германией о снижении таможенных пошлин. То же относится и к облегчению условий для экспорта германских товаров в английские колонии, чего мы так добиваемся [15].

Зюскинд-Швенди

Печат. по изд.: «Jahrbuch für Geschichte», Berlin, 1978, Bd. 18, S. 383—384.

14. Из Отчетного доклада Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б)

10 марта 1939 г.

[...] Но война неумолима. Ее нельзя скрыть никакими покровами. Ибо никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами» невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громадную территорию Китая, Италия —

* См. док. № 17.

Абиссинию, Германия — Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе — Испанию,— все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок агрессоров — военным блоком, а агрессоры — агрессорами.

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой.

Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних.

Невероятно, но факт.

Чем объяснить такой однобокий и странный характер новой империалистической войны?

Как могло случиться, что неагрессивные страны, располагающие громадными возможностями, так легко и без отпора отказались от своих позиций и своих обязательств в угоду агрессорам?

Не объясняется ли это слабостью неагрессивных государств? Конечно нет! Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам?

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета».

Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами, и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны, следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило! [...]

Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на Восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора. [...]

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того чтобы двинуться дальше на Восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на Запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом.

Таково действительное лицо господствующей ныне политики невмешательства.

Такова политическая обстановка в капиталистических странах. [...]

Печат. по изд.: «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». М., 1939, с. 12—14.

15. Нота посольства Франции в Германии в министерство иностранных дел Германии

11 марта 1939 г.

Французское правительство, желая наилучшим образом обеспечить развитие торговли и эффективное экономическое сотрудничество между Францией и Германией и следуя духу совместной декларации от 6 декабря 1938 г., с большим вниманием изучило памятную записку германского правительства 15 января 1939 г.[25]

Со своей стороны оно представляет правительству рейха первые конкретные предложения:

I. Французское правительство готово благожелательно изучить вопрос обмена в основном сельскохозяйственной продукции на немецкую по французской стоимости.

В этом случае в Германии могла бы продаваться следующая французская продукция: вино, семена, казеин, яичный белок, лошади, фрукты, молоко, эфирное масло, рис, ваниль, жиры, табак, крепежный лес, древесина розового дерева и некоторая промышленная продукция.

Намеченные эквиваленты приблизительной стоимостью 50 млн. фр. могли бы быть следующими:

а) Закупки в Германии синтетического нитрата...* в «Синдикате азота», который, по согласию германского правительства, взял бы на себя обязательство поставить французскому правительству или указанным организациям нитрат синтетической соды, общий объем которого был бы не менее 50 000 *т*.

Французское правительство оставляет за собой право сохранения существующего положения по равномерному погашению долга, который выплачивают в настоящее время импортеры, или обеспечить его выплату через государственные службы путем ввода налога на лицензии.

Такие положения заменили бы соглашение от 27—28 декабря 1931 г. между «Азотным синдикатом» и «Французским обществом азота», которое одобрено двумя правительствами.

б) Дополнительные заказы со стороны французских государственных учреждений, если условия на поставки и цены будут подходящими (станки, оборудование и т. д.)

. . . . . 95 млн. фр.

всего: 145 млн. фр.

Поступление валюты от этих сделок заносится на особый счет. Суммы, превышающие установленный лимит, используются для закупки французской продукции.

* Так в оригинале.

Соответствующую процедуру на этот счет вырабатывают две правительственные комиссии.

Если некоторые французские заказы стоимостью примерно в 10 млн. фр. будут носить срочный характер, то французское правительство в этом случае хотело бы иметь в возможно короткий срок ответ германского правительства, в котором указывается цена заказа.

II. Французское правительство в ответ на предложение посольства Германии в Париже заявляет о согласии начать переговоры между компетентными представителями от промышленности двух стран. Эти переговоры будут касаться всех вопросов, которые их интересуют, а именно:

а) изучение французского и немецкого рынков и возможность увеличения обмена товарами между двумя странами;

б) усовершенствование существующих соглашений и их распространение на новые виды промышленности двух стран;

в) совместная реализация мероприятий и работ во французских колониях и на рынках третьих стран.

Первые встречи можно провести в Париже во второй половине марта между немецкой промышленной группой и представителями, которых укажет французское правительство из руководителей Генеральной конфедерации патроната и Торговой палаты Парижа.

На этих встречах необходимо подготовить программу переговоров для представителей промышленности двух стран.

Необходимо, чтобы эти встречи проходили в присутствии председателей двух государственных комиссий: французской и немецкой.

Со своей стороны французское правительство предлагает выработать формы торговли или сотрудничества для реализации следующих мероприятий:

а) рудники в Конакри-Контра* с участием в реализации немецкой группы;

б) осуществление проектов для совместной эксплуатации предприятий по производству бумажной массы;

в) осуществление немецкого проекта по созданию в Марокко шахт по добыче магнезия в Имини;

г) заключение контракта на сотрудничество между французским обществом «Шатийон коммантри» и «Ферейнигте штальверке» («Vereinigte Stahlwerke») о поставке Германией на 10 млн. фр. машин и оборудования для создания рудников в Халуз (Орн) взамен поставок частями в течение двух с половиной лет 300 000 *т* железной руды;

д) совместное использование научных изобретений и промышленной технологии.

* Так в тексте.

III. Французское правительство готово немедленно совместно с германским правительством к изучению лучшего использования возможностей Франции в Германии. Оно напоминает на этот счет, что промышленные возможности Франции в Германии в 1938 г. исчислялись в 825 млн. фр., а их реальное использование не превысило 552 млн. фр.

IV. Соглашение по туризму. Французское правительство выражает желание в возможно короткий срок заключить соглашение по туризму на основе взаимной компенсации расходов французских туристов в Германии и немецких во Франции.

В соответствии с соглашениями «Стиллбалта», действие которых заканчивается 31 мая следующего года, доходу во франках от обмена на туристские марки, проданные французам, посещающим Германию, наносится ущерб в результате использования этой валюты для других банковских операций.

Французские банки не будут больше выполнять эти соглашения.

Французское правительство предлагает, чтобы начиная с 31 мая следующего года суммы, затраченные во франках французскими туристами для приобретения марок, не расходовались на другие посторонние мероприятия, а резервировались бы для немецких туристов во Франции на нижеследующих условиях.

Предлагается принципиальное условие, по которому немецкий турист во Франции располагал бы суммой франков, имеющей примерно одинаковую покупательную способность, как и сумма в марках для французского туриста в Германии.

В этих целях немецкие туристы вносят в соответствующее туристское агентство сумму в марках, на которую им предоставляется такое же обслуживание и отель, как для французских туристов в Германии. Эти марки резервируются для французских туристов в Германии по курсу туристской марки, по которому она котируется в этот день за границей.

В этом случае компенсация за туризм между Германией и Францией будет 100%-ной по стоимости.

Французские и немецкие туристские организации могли бы в этих целях подписать соответствующее соглашение.

Эти разнообразные предложения составляют лишь первый этап на пути более эффективного обмена между двумя странами [17]. Реализация этой начальной программы может служить примером для заключения сделок в будущем.

Французское правительство надеется, что предстоящие переговоры как между официальными властями, так и между промышленниками двух стран под государственным контролем позволят создать базу широкого сотрудничества на благо экономики двух стран.

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. IV, S. 444—447.

16. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии Э. Клейстом

13 марта 1939 г.

Беседовал с сотрудником бюро Риббентропа советником д-ром Клейстом относительно Чехословакии.

Клейст сказал, что 6 марта 1939 г. Гитлер принял решение ликвидировать оставшуюся часть Чехословакии. В последующие дни были приняты соответствующие меры с целью осуществления этой акции. В принятии этого решения Гитлером две причины имели определяющее значение:

1. Принятое в Мюнхене решение чехословацкого вопроса рассматривалось с самого начала с точки зрения политики рейха как неудовлетворительное. За отделением Судетской области должна была при подходящем случае последовать ликвидация остальной части чехословацкого государства.

2. Политическая ситуация в Восточной и Центральной Европе после мюнхенского соглашения показала, что позиция Германии в этом географическом районе далеко не так обеспечена и крепка, как это желали бы видеть в Берлине. Выяснилось, что политический вес Великогермании недостаточен для того, чтобы соседние с Германией на Востоке и Юго-Востоке государства добровольно и автоматически поставить под командование Берлина. В Праге стали заметны новые проявления воли к сопротивлению германской политике. В Венгрии и Румынии развитие протекало не так, как этого хочется Берлину. Наконец, внешне- и внутриполитическое развитие событий в Польше приняло совершенно нежелательные с точки зрения берлинской политики формы. Это состояние необходимо было устранить, если хотели провести во взаимодействии с Италией предстоящую акцию против Запада, имея абсолютно обеспеченный Восток. Поскольку первый этап координированных германо-итальянских действий против Запада запланирован уже на май 1939 г., необходимо путем ликвидации оставшейся части Чехословакии создать в самом срочном порядке такое положение в Восточной и Центральной Европе, которое окончательно исключало бы все источники опасности для Германии в перспективе предстоящей схватки на Западе.

Акция против Чехословакии преследует в первую очередь цель создания путем территориальных изменений (присоединение Чехии к Германии, создание Словакии под исключительным влиянием Германии) такой ситуации, которая поставила бы соседние с Германией государства под угрозу, при которой Германия получила бы возможность путем принуждения оказывать на них влияние и осуществлять свою экспансию и которая лишила бы их возможности проводить в какой-либо форме антигерманскую политику. После осуществления запланированных территориальных изменений мы будем иметь в своих руках Венгрию, Румынию и Югославию. Военная угроза Польше со словацкой

стороны исключит также ответные действия Польши в случае военных осложнений на Западе. Доступ Германии к венгерской пшенице и румынской нефти на будущее гарантирован. Вполне возможно, что будут приняты определенные меры по обеспечению безопасности Германии на Северо-Востоке. В результате присоединения Мемеля к рейху можно было бы заполучить в свои руки Литву и твердо стать на ноги также в Прибалтике. По мнению политического руководства рейха, в результате стабилизации таким путем Востока будет создан прикрытый тыл для столкновения на Западе.

Таким образом, проектируемые сейчас меры на Востоке и Юго-Востоке служат лишь делу подготовки акции против Запада. В мае начнется колониальная кампания Германии и Италии против Франции. В Берлине надеются сломить Францию, осуществляя это отдельными этапами и по возможности мирным путем, и добиться тем самым господствующего положения Германии в Европе.

В ходе дальнейшего осуществления германских планов война против Советского Союза остается последней и решающей задачей германской политики. Если раньше надеялись заполучить Польшу на свою сторону в качестве союзницы в войне против Советского Союза, то в настоящее время Берлин убежден, что Польша по своему нынешнему политическому состоянию и территориальному составу не может использоваться против Советского Союза в качестве вспомогательной силы. Очевидно, Польша должна быть вначале территориально разделена (отделение областей, принадлежавших ранее Германии, и образование западноукраинского государства под германским протекторатом) и политически организована (назначение надежных с германской точки зрения руководителей польского государства), прежде чем можно будет начать войну с Россией при помощи Польши и через Польшу. И с этой точки зрения территориальные изменения в связи с акцией против Чехословакии имеют важнейшее значение.

Далее Клейст сказал, что, работая в бюро Риббентропа специальным референтом по украинским вопросам, он в течение недели (с 6 по 11 марта) по поручению Риббентропа готовил для Гитлера материалы по украинским проблемам в связи с акцией против Чехословакии.

В своих памятных записках и сообщениях Гитлеру, сказал Клейст, я испробовал все, чтобы спасти Карпатскую Украину. Я указывал на важное значение, которое имеет Карпатская Украина в связи с германскими планами на Востоке. Я обращал внимание на то, что возмущение украинцев Германией должно быть огромным, если мы отдадим Карпатскую Украину Венгрии. Наконец, я указал на то, что мы не можем вдруг сразу порвать с украинцами, после того как мы до этого, особенно в результате образования Карпатской Украины, пробудили в них самые боль-

шие надежды на помощь и поддержку со стороны Германии. На Гитлера эти аргументы не произвели впечатления. Как сообщил мне Риббентроп, Гитлер на все это лишь заявил: «Это трагично, но неизбежно». По словам Риббентропа, Гитлер выступил также против мнения, что он якобы каким-либо образом уже заангажировался в украинском деле... Гитлер будто бы сказал: «Если бы я связался с украинцами и с их политическими планами, то в Вене не было бы принято третейского решения[3], которое сделало Карпатскую Украину нежизнеспособной».

На мой вопрос, не выпустил ли Гитлер совершенно из рук украинскую карту, занимая такую позицию, Клейст ответил: «Гитлер, очевидно, позже намерен снова ввести в немецкую игру украинскую карту, когда будут осуществляться германские планы на Востоке. Он думает, вероятно, что украинцы снова присоединятся к нам, так как при любых обстоятельствах они зависят от германской помощи». Это толкование слов Гитлера подтверждается следующим фактом. К памятной записке для Гитлера я приложил в качестве дополнения карту из украинского атласа, на которой была обозначена будущая империя Великой Украины. Гитлер, как сообщил мне Риббентроп, отложил эту карту в сторону со словами: «Все это пока еще мечты». Если он говорит «еще», то, вероятно, думает, что позже они однажды должны стать действительностью.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 233—235.

17. Совместное заявление «Имперской промышленной группы» и «Федерации британской промышленности» («Дюссельдорфское соглашение»)

15 марта 1939 г.

1) Обе организации приветствуют связанную с этими переговорами * возможность дальнейшего развития дружественных отношений, существующих уже много лет между обеими организациями[26].

2) Обе организации констатируют безусловную необходимость развития активной и взаимовыгодной экспортной торговли для экономики как Германии, так и Великобритании.

3) Обе организации констатируют, что целью этой экспортной торговли должны быть обеспечение работой их граждан, повышение их жизненного уровня, а также обеспечение запасов валютных фондов, необходимых для удовлетворения их экономических нужд.

---

* Имеются в виду англо-германские экономические переговоры в Дюссельдорфе, начавшиеся в феврале 1939 г.

4) Обе организации согласны, что их целью должна быть такая организация экспортной торговли всех стран, которая гарантировала бы производителям этих стран справедливый доход. Далее можно было бы договориться и о том, что представляется важным устранить проявляющуюся время от времени нездоровую конкуренцию путем конструктивного сотрудничества, чтобы прийти к расширению международной торговли на благо Великобритании, Германии и всех других стран.

5) Обе организации выражают желание, чтобы со стороны отдельных отраслей промышленности обеих стран были предприняты усилия в деле заключения друг с другом таких промышленных соглашений, которые исключили бы возможность возникновения конкуренции, нарушающей стабильность рынка.

Однако следует закрепить уровень цен на такой основе, которая не наносила бы ущерба покупательной способности потребителей.

6) Обе организации отдают себе отчет в том, что соглашения об уровне цен или другие факторы, действующие в отношениях между Германией и Великобританией, представляют собой лишь один, хотя и весьма важный, шаг на пути к более совершенной мировой торговле. Они приветствовали бы присоединение других наций к этому соглашению.

7) Обе организации выражают убеждение, что переговоры в этих целях между промышленными группами, относительно которых уже существует договоренность, следует начать немедленно. Далее они выражают свое согласие с тем, что развитие международной торговли на прочной, прогрессивной и взаимовыгодной базе может быть достигнуто тем быстрее, чем шире будет диапазон настоящего соглашения как в отношении промышленных групп, так и стран непосредственно.

8) Обе организации вполне сознают, что в известных случаях выгоды от соглашения между промышленными группами двух стран или группы стран могут быть сведены на нет в результате нерациональной конкуренции другой страны, отказывающейся присоединиться к этому соглашению.

В этом случае у организации может возникнуть необходимость просить поддержки своего правительства. Обе организации согласились в случае необходимости ходатайствовать о такой поддержке.

9) Обе организации согласны, что цель, которую они преследуют этим соглашением между их промышленными группами, заключается в ликвидации нездоровой конкуренции. Основной задачей является достижение наиболее полного сотрудничества между отраслями промышленности обеих стран.

10) Между обеими организациями было достигнуто согласие о том, что они не пожалеют усилий, дабы продвинуть вперед переговоры между отдельными отраслями промышленности своих стран и претворить в жизнь их результаты. Существование целого

ряда соглашений между отдельными германскими и британскими отраслями промышленности является стимулом для выполнения этого решения.

Накопленный опыт велик и рождает уверенность в том, что скорейшее расширение сферы этой политики является практически осуществимым и взаимовыгодным фактором. Они с большим удовлетворением сообщают, что представители ряда новых отраслей промышленности дали свое согласие на переговоры в ближайшее время. Они с удовлетворением отмечают далее, что уже начаты и ведутся в настоящее время переговоры между девятью промышленными группами.

11) Подводя итог, «Имперская промышленная группа» и «Федерация британской промышленности» выражают убеждение в том, что существующая проблема заключается не только в ликвидации нежелательной конкуренции, а скорее в том, чтобы предпринять конкретные шаги в направлении повышения потребительской способности в мире в отношении тех изделий, в [сбыте] которых заинтересованы германская и британская промышленность. Поэтому они решили поддерживать в этой области более тесные и активные отношения. Они рекомендуют далее промышленным группам ряда отраслей содействовать тому, чтобы с помощью соглашений, которые будут заключены для координации совместных действий, повысить уровень потребления изделий (в сбыте которых они заинтересованы). Они вновь повторяют, что эти совместные действия следует рассматривать как предвестника более широкого международного сотрудничества между промышленными группами, целью которого является повышение потребительской способности в мире, а следовательно, и уровня производства на благо всех участников соглашений.

12) Конечная цель должна состоять в том, чтобы содействовать процветанию во всем мире. «Имперская промышленная группа» и «Федерация британской промышленности» считают, что окончательным результатом переговоров между ними является создание здоровой основы для взаимовыгодного сотрудничества между отдельными промышленными группами. В целях обеспечения будущего успеха такой политики, осуществляемой «Имперской промышленной группой» и «Федерацией британской промышленности», уже создан самостоятельный комитет обеих организаций. Этот комитет должен на своих регулярных заседаниях изучать состояние переговоров на том или ином этапе. «Федерация британской промышленности» пригласила немецких членов этого комитета нанести ответный визит в Англию в июне. Приглашение принято германскими коллегами с благодарностью [15].

Печат. по изд.: «Jahrbuch für Geschichte», Bd. 18, S. 397—399.

18. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

16 марта 1939 г.

Спустя шесть месяцев после заключения мюнхенского соглашения * и всего четыре месяца после венского третейского решения [3], Германия, обращаясь со своей собственной подписью и подписями своих партнеров как с чем-то несущественным, спровоцировала раздел Чехословакии, силой заняла Богемию и Моравию и присоединила эти две провинции к рейху. Со вчерашнего дня, т. е. с 15 марта, свастика развевается над Градчанами, куда на глазах у потрясенной и оцепеневшей публики въехал фюрер под охраной танков и бронеавтомобилей. Словакия преобразовалась в так называемое независимое государство, поставив, однако, себя под защиту рейха [27]. Что же касается Закарпатской Руси **, то она отдана Венгрии, чьи войска уже перешли границу. Чехословакия, которая пошла в Мюнхене на такие ужасные жертвы ради сохранения мира, перестала существовать. Осуществилась мечта самых оголтелых нацистов о ее уничтожении. Она исчезла с карты Европы.

События, которые с молниеносной быстротой привели к этой развязке, являются типичным проявлением духа и методов гитлеровских руководителей. Эти события содержат в себе практические уроки и выводы, которые должны незамедлительно извлечь для себя все заботящиеся о своей безопасности и независимости государства перед опьяненной своими успехами Германией, которая решительно переходит от расовых притязаний к настоящему империализму.

* * *

Операция, жертвой которой только что стала Чехословакия, в еще большей мере, чем предыдущие акты насилия нацистов, отмечена специфическими признаками гитлеровских акций: цинизм и вероломство замысла, секретность подготовки, жестокость исполнения.

Нацистские руководители и сам фюрер заявили в Мюнхене о невозможности сосуществования в рамках одного и того же государства чехов и судетских немцев; они ссылались на вековую, неуменьшающуюся ненависть чехов ко всему немецкому; они утверждали, что в целях сохранения мира следовало провести очень четкую демаркационную линию между двумя национальностями; они смогли убедить в этом лорда Ренсимена; и, наоборот, они отрицали, что стремятся включить в рейх инородные элементы. Руководствуясь этими принципами, участники переговоров, собравшиеся в баварской столице, заставили правительство Праги уступить рейху районы с преимущественно германским населением. В качестве компенсации Чехословакия должна была получить международную гарантию своих новых границ, гарантию, в которой участвовала бы сама Германия.

* См. том. 1, док. № 100.
** Так в тексте.

На практике, во время работы международной комиссии, собравшейся в начале октября в Берлине, вскоре выяснилось, что германские участники переговоров больше руководствовались стратегическими, чем этнографическими, соображениями. Многочисленные действия Oberkommando вермахта, предпринятые во время переговоров, свидетельствовали о том, что руководители рейха намерены были прежде всего провести границу, которая полностью лишила бы Чехословакию ее естественной оборонительной линии и укреплений и сделала бы ее с военной точки зрения совершенно беспомощной. Разграничение, которое было вынуждено принять правительство Праги в октябре [1938 г.], включало в территорию рейха 850 тыс. чехов.

Сегодня речь больше не идет о разделении чехов и немцев, необходимом для умиротворения государств Дунайского бассейна и Европы. Полностью меняя свои замыслы, Германия воссоздает германо-чешскую амальгаму, элементы которой она объявила в сентябре [1938 г.] несовместимыми. Если несколько месяцев назад она заявляла об абсолютной невозможности сосуществования между этими двумя этническими группами, то ныне она пытается доказать, что такое сосуществование является вполне естественным, что оно соответствует историческому развитию и что оно вытекает из экономической и географической необходимости. О вековой ненависти между чехами и немцами речь больше не идет; наоборот, утверждается, что два народа могут и должны жить в согласии в рамках одного и того же политического сообщества.

Таким образом, мюнхенские соглашения в конечном счете явились для гитлеровских руководителей лишь средством разоружения Чехословакии перед ее аннексией. Утверждать, что этот маневр был задуман фюрером уже в Мюнхене, означало бы, возможно, зайти далеко. Во всяком случае, верно, что, аннексируя силой оружия Богемию и Моравию, правительство рейха — участник сентябрьских соглашений — оказалось виновным в злоупотреблении доверием, в настоящем вероломстве по отношению к остальным государствам-участникам, и в частности к чешскому правительству, которое, доверяясь слову великих держав, смирилось с уступкой судетских районов.

В сентябре рейх добился присоединения трех с половиной миллионов немцев исключительно во имя этнографического принципа. Сегодня, попирая тот же самый принцип, он аннексирует 8 млн. чехов, поставленных в беззащитное положение отказом [в сентябре 1938 г.] от судетских районов.

Поддерживая независимость Словакии, впрочем весьма иллюзорную, Германия взывает в настоящее время к принципу права

народов располагать своей судьбой; однако в том же праве отказано населению Закарпатской Украины, отданному Венгрии, и чехам, силой включенным в рейх.

Таким образом, Германия еще раз продемонстрировала свое пренебрежение к любому письменному обязательству, отдав предпочтение методу грубой силы и свершившегося факта. Разорвав одним махом мюнхенские соглашения и венское третейское решение, она вновь доказала, что ее политика знает лишь один основополагающий принцип: выждать благоприятный случай и хватать все, что под рукой. Это практически та же мораль, которую проповедуют гангстеры и обитатели джунглей.

* * *

Вместе с тем германский цинизм сопровождался отточенным умением. Полностью подчинив своему влиянию людей и события, правительство рейха постаралось придать насилию над Чехословакией видимость законности.

Согласно официальной германской версии, Чехословакия распалась сама по себе. Порывая все связи с Прагой, Словакия якобы разделила федеральную республику на три части.

Что касается Богемии и Моравии, то заботу об этих провинциях правительство Праги якобы само и без всякого давления отдало в руки фюрера, не в силах поддерживать здесь порядок и защищать жизни представителей германского меньшинства.

Эти утверждения не могут никого ввести в заблуждение.

Нет сомнения, что словацкий сепаратизм являлся прежде всего делом рук германских агентов или словаков, направляемых непосредственно Берлином. Было давным-давно известно, что г-н Мах, шеф пропаганды правительства Братиславы, один из самых ярых экстремистов, находился полностью на службе у рейха. Министр транспорта Дурканси, совершавший частые наезды в Германию, был тоже лишь игрушкой в руках гитлеровцев, и в частности в руках г-на Кармасина, «фюрера» 120 тыс. словацких немцев. Что же до магистра Тисо, человека малоэнергичного, но занятого пропагандой успехов гитлеровской идеологии в своей стране, он был не способен противостоять сепаратистским тенденциям, поощряемым Германией. Именно в силу этой мягкотелости он и был смещен 10 марта центральным правительством Праги. Эта суровая мера, принятая в отношении магистра Тисо, и его просьба, с которой он обратился к правительству рейха, послужили гитлеровским руководителям тем самым предлогом, которого они дожидались, чтобы вмешаться в распри между чехами и словаками.

Сразу же после получения послания смещенного председателя Совета официальные германские службы заявили, что в их глазах только правительство магистра Тисо имело законный характер и что, назначая другого председателя Совета, Прага нарушала конституцию. Начиная с этого момента берлинская пресса стала кричать о терроре, которому чехи подвергали в Братиславе словацких автономистов и их немецких соотечественников.

Начиная с 12 [марта] тон берлинской прессы сделался еще более неистовым. Речь уже идет о волнениях не только в Словакии, но также в Богемии и Моравии. В течение 24 часов акценты сместились. Берлинские газеты отодвинули на второй план муки, которым подвергались словаки, и с самым решительным возмущением принялись клеймить позором жестокости, жертвами которых якобы становились чехословацкие немцы (выходцы из рейха) или представители этнического меньшинства. Если верить газетам рейха, заговорившим не только тем же языком, но и теми же выражениями, что и в сентябре 1938 г., то над жизнью 500 тыс. чехословацких немцев нависла самая страшная опасность. Чехи, в которых проснулся дух гуситов и старая ненависть против германизма, снова начали охоту на людей. Создалось невыносимое положение.

В действительности же, если исключить Братиславу, где беспорядки разжигались службой самозащиты немцев и гвардейцами Глинки, получавшими оружие из Германии, порядок не был никоим образом нарушен ни в Словакии, ни в Богемии, ни в Моравии. Например, английский консул в донесении своему посланнику в Праге констатировал, что в Брюнне, где, по сообщениям германской прессы, рекой текла немецкая кровь, царило абсолютное спокойствие. К тому же статьи, публиковавшиеся в берлинских газетах под зажигательными заголовками, были чрезвычайно бедны фактами,— подобно нескольким пылинкам, поднятым в воздух дуновением адских мехов.

Вечером 13 [марта] германские руководители, продолжая противодействовать усилиям Праги по формированию нового словацкого правительства, вызвали магистра Тисо в Берлин. В ночь с 13 на 14 [марта] магистр Тисо и г-н Дурканси долго беседовали с фюрером; в ходе беседы канцлер заявил, что желает создания «полностью свободной Словакии». Провозглашение независимости Словакии должно произойти безотлагательно.

В тот же вечер 60 депутатов получают приглашение собраться на следующий день в Братиславе, и сейм единогласно принимает решение о предоставлении независимости Словакии, как это и было предрешено в Берлине. Вечером 14 [марта] пресса рейха уже может объявить о том, что Чехословакия распалась, что она полностью разлагается, что коммунисты подняли голову и, объединяя свои усилия с чешскими шовинистами, преследуют немцев, в частности в Брюнне и Иглау, подвергая их дурному обращению. Немецкая кровь потекла рекой. Германия более не намерена мириться с таким положением.

Тем временем вокруг Богемии и Моравии были стянуты 14 дивизий, составленных почти полностью из моторизованных подраз-

интересы мира во всем мире, требуют от французского народа огромных усилий в плане дисциплины и мобилизации всех возможностей страны; только это позволит Франции, при поддержке ее друзей, утвердить свое положение и отстоять свои интересы перед лицом такого серьезного противника, каким является Германия Адольфа Гитлера, устремленная отныне к завоеванию Европы.

Кулондр

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français, 1938—1939». Ministère des affaires etrangères. Paris, 1939, p. 92—98.

19. Телеграмма консула Франции в Нюрнберге Ардье министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

16 марта 1939 г.

В ходе многолюдной манифестации, организованной вчера вечером в Нюрнберге по поводу вступления германских войск в Богемию и Моравию, гауляйтер Штрайхер заявил: «Это только начало; последуют более серьезные события; демократии зря будут артачиться, в конечном счете они рухнут».

Сегодня утром многочисленные эскадрильи пролетали над Нюрнбергом в направлении Богемии.

Ардье

Печат по изд.: «Documents diplomatiques français 1938—1939». Ministère des affaires etrangères, p. 98—99.

20. Нота народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу

18 марта 1939 г.

Господин посол,

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 16-го и ноты от 17-го сего месяца, извещающих Советское правительство о включении Чехии в состав Германской империи и об установлении над ней германского протектората.

Не считая возможным обойти молчанием означенные ноты и тем создать ложное впечатление о своем якобы безразличном отношении к чехословацким событиям, Советское правительство находит нужным в ответ на означенные ноты выразить свое действительное отношение к упомянутым событиям.

1. Приведенные во вступительной части германского Указа в его обоснование и оправдание политико-исторические концепции и, в частности, указания на чехословацкую государственность как на очаг постоянных беспокойств и угрозы европейскому миру, на нежизнеспособность чехословацкого государства и на вытекавшую из этого необходимость особых забот для Германской империи не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всему миру фактам. На самом деле из всех европейских государств после первой мировой войны Чехословацкая Республика была одним из немногих государств, где были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика.

2. Советскому правительству неизвестны конституции какого-либо государства, которые давали бы право главе государства без согласия своего народа отменить его самостоятельное государственное существование. Трудно допустить, чтобы какой-либо народ добровольно соглашался на уничтожение своей самостоятельности и свое включение в состав другого государства, а тем более такой народ, который сотни лет боролся за свою независимость и уже двадцать лет сохранял свое самостоятельное существование. Чехословацкий президент г-н Гаха, подписывая берлинский акт от 15-го сего месяца [27], не имел на это никаких полномочий от своего народа и действовал в явном противоречии с параграфами 64 и 65 чехословацкой конституции и с волей своего народа. Вследствие этого означенный акт не может считаться имеющим законную силу.

3. Принцип самоопределения народов, на который нередко ссылается германское правительство, предполагает свободное волеизъявление народа, которое не может быть заменено подписью одного или двух лиц, какие бы высокие должности они ни занимали. В данном случае никакого волеизъявления чешского народа не было, хотя бы в форме таких плебисцитов, какие имели место, например, при определении судьбы Верхней Силезии и Саарской области.

4. При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными.

5. Вышеприведенные замечания относятся целиком и к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа.

6. Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь * и к нарушению элементарных прав ее населения.

7. Ввиду изложенного Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов.

8. По мнению Советского правительства, действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности

* Так в тексте

всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов.

Имею честь просить Вас, господин посол, довести вышеизложенное до сведения вашего правительства и принять уверение в моем совершенном к Вам уважении.

Литвинов

Печат. по газ. «Известия», 1939, 20 марта.

21. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

18 марта 1939 г.

Английский посол потребовал сегодня срочного приема. Румынский посланник сообщил официально Галифаксу о германском ультиматуме и спросил, какова будет позиция английского правительства в случае нападения на Румынию. Прежде чем ответить Румынии, Галифакс решил выяснить позицию Москвы и Парижа. Я ответил, что мое правительство тоже может чувствовать потребность, прежде чем ответить на запрос Сидса, знать позицию других государств, в частности Англии, а между тем запрос Галифакса не содержит никаких указаний на этот счет. Я также выразил удивление, что нашей помощью интересуется Англия, а не Румыния, которая к нам не обращалась и, может быть, даже не желает ее. Обещал доложить правительству.

Нарком

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 246.

22. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

18 марта 1939 г.

Сегодня поздно вечером я вызвал Сидса и сообщил ему, что мы предлагаем немедленно созвать совещание из представителей СССР, Англии, Франции, Польши и Румынии. Я объяснил, что из вопросов одного правительства другому о позиции каждого ничего не выйдет, а поэтому необходима общая консультация. Место конференции не имеет значения, но лучше всего было бы собраться в Румынии, что сразу укрепило бы ее положение. Сидс сообщил, что только что получил копию телеграммы, присланной в

Лондон английским посланником в Бухаресте, который просит приостановить акцию. Сидс не понимает, что это значит, и думает, не напутал ли румынский посланник в Англии.

Нарком

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 246.

23. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ

19 марта 1939 г.

После аннексии рейхом Богемии и Моравии и перехода под немецкую опеку Словакии я хотел бы попытаться охарактеризовать положение, сложившееся вследствие этих перемен, резко изменивших карту Европы, определить, в каких направлениях будет развиваться немецкий динамизм, рассмотреть вопрос о том, можем ли мы по-прежнему считать, что этот динамизм направлен только на восток, и извлечь из всего этого несколько практических выводов для нашего руководства.

Откровенный вызов мировому общественному мнению, выразившийся в вероломстве, цинизме, жестокости, применении силы, при помощи которой третий рейх только что стер с европейской карты Чехословакию, не может, однако, рассматриваться ни как отказ от генеральной политической линии Германии, которую она заняла с осени прошлого года, ни даже как отклонение от этой линии. После конференции в Мюнхене сразу стало ясно, что за Рейном подписанные соглашения истолковывают как предоставление Германии свободы действий в Центральной и Восточной Европе и что, соответственно, западные державы проявят относительную незаинтересованность в этих районах. В Германии поняли или сделали вид, что поняли, будто в Мюнхене Франция и Англия хотели прежде всего предотвратить применение силы, но что в остальном эти страны согласны с преобладанием немецкой воли в тех районах, где ни Париж, ни Лондон не имеют никакой возможности эффективного вмешательства.

Мюнхенские соглашения, подкрепленные англо-германской * и франко-германской ** декларациями, означали с немецкой точки зрения предоставление рейху права организовывать по своему усмотрению Центральную и Юго-Восточную Европу при молчаливом согласии западных держав или по крайней мере при проявлении терпимости с их стороны. Эта точка зрения в течение последних месяцев ежедневно излагается на страницах крупных немецких газет, отражающих взгляды официальных кругов, и в сообщениях посольства этот факт уже неоднократно отмечался. Я лично неоднократно имел возможность убедиться в наличии подобных настроений как у Риббентропа, так и у Вейцзекера. Оба

* См. том 1, док. № 102.
** Там же, док. № 117.

они к тому же выражали некоторое недоумение всякий раз, когда я говорил им, что Франция — великая европейская держава — намеревается сохранить свои позиции повсюду в Европе и что в этом вопросе не должно быть никаких недопониманий и недоразумений. Однако же недопонимание существует. Здешние руководители используют любую возможность, чтобы подчеркнуть, что Центральная Европа — это район, где, по заявлению самого фюрера в речи от 30 января, «западным державам делать нечего» [19].

Поэтому захват немцами Богемии и Моравии и распространение германской опеки на Словакию соответствуют политике экспансии на Восток, которую Германия не только не скрывала с осени прошлого года, но о которой она открыто заявляла.

Тенденции немецкой внешней политики за последние полгода можно было бы резюмировать следующим образом: чисто оборонительная позиция на Западе и направление гитлеровских устремлений и целей на Восток. Попытка немцев оккупировать вооруженным путем всю Словакию и даже Закарпатскую Украину показывает, впрочем, еще убедительнее, чем аннексия Богемии и Моравии, истинные цели и направление германского продвижения.

Если дальнейшее распространение германского влияния в восточном направлении не может вызвать у нас никакого удивления, то мы имеем полное право возмутиться против тех форм, которые приняла эта акция, и против тех неслыханных методов, к которым прибегнул третий рейх. Именно эти методы и эти формы и означают отказ от политики разрядки напряженности, начало которой было положено в Мюнхене и которая нашла свое выражение в декларациях от 30 сентября и 6 декабря. Франция и Англия были вправе ожидать, что в случае возникновения новых осложнений в Центральной Европе рейх будет консультироваться с ними. Германское правительство не могло к тому же не знать о том, что правительства Парижа и Лондона были готовы к подобному обмену мнениями. Франция и Великобритания были вправе также полагать, что Германия не отбросит этнические принципы, которые в Мюнхене позволили решить германо-чешский кризис, и что после своих ссылок в сентябре на право национальностей она не нарушит его так грубо. Париж и Лондон не могли ожидать, что после отказа в Мюнхене от применения силы Германия вновь прибегнет в еще более нетерпимых условиях к угрозе безжалостного истребления гражданского населения с помощью своей авиации. Франция и Англия не могли также полагать, что руководители рейха отнесутся к мюнхенским соглашениям и к последовавшим за ними декларациям как к пустым бумажкам и что они с такой легкостью выбросят в мусорный ящик документы со свежей подписью главы германского государства.

Но в действительности так произошло. Мюнхенские соглашения больше не существуют. Психологические принципы, на основе которых могли бы развиваться отношения, предусматривае-

мые декларациями от 30 сентября и 6 декабря, уничтожены. Некоторые газеты рейха интерпретируют уже демарш Франции и Англии, заявивших 18 марта о том, что они не могут признать законным положение, созданное рейхом в Центральной Европе, как отказ от ряда соглашений.

Таким образом, мы находимся перед лицом совершенно новой ситуации. Германия не довольствовалась лишь расширением и упрочением своего экономического и политического влияния на народы, живущие на границах рейха. Она проявила намерение поглотить, если не уничтожить, эти народы. От политики экспансии она перешла к политике захвата, а требования, основанные на расовой общности, отныне уступили место военному империализму.

Грубое проявление аннексионистских аппетитов, которые до сих пор третий рейх считал нужным маскировать, не могло не вызвать глубокого волнения во всем мире. Почувствует ли гитлеровская Германия перед лицом вызванного ею осуждения необходимость остановиться, после того как за один год она поглотила 18 млн. новых граждан, в том числе 8 млн. человек негерманской расы? Или же, наоборот, она продолжит свое продвижение на Восток, используя быстроту своего натиска и оцепенение, которое охватило государства Центральной Европы? Или же она не устоит перед соблазном повернуться в сторону Запада, чтобы покончить с сопротивлением западных держав, которые стесняют свободу продвижения рейха на Востоке? Иными словами, не попытается ли фюрер вернуться к концепции автора «Майн кампф», идентичной, впрочем, классической доктрине немецкого генштаба, согласно которой рейх не сможет осуществить свои высокие предначертания на Востоке до тех пор, пока не разгромит Францию и не положит конец могуществу Англии на континенте?

Следовало бы поставить перед собой вопрос: не поздно ли еще создать на Востоке барьер, способный в какой-то мере сдержать немецкое продвижение, и не должны ли мы в этих целях воспользоваться благоприятной возможностью, созданной волнениями и беспокойством, царящими в столицах Центральной Европы, и в частности в Варшаве?

Выгодные для рейха перемены, вновь происшедшие в Европе, незамедлительно приведут если не к значительному численному росту армии, то по крайней мере к увеличению военного потенциала рейха.

Германия, все валютные ресурсы которой были почти полностью израсходованы, наложила руку на большую часть золотого и валютного запаса чешского эмиссионного банка. Полученная таким образом сумма (50 млн. долларов) является весьма ценной поддержкой для страны, которая была почти полностью лишена средств для международных платежей.

Еще более важным является тот факт, что Германия получила в свои руки значительное количество первоклассного вооружения, а также заводы Шкода. Эти предприятия, пользующиеся мировой

известностью, снабжали вооружением не только Чехословакию, но и Румынию и Югославию, которые, таким образом, будут значительно ослаблены в военном отношении. Напомню мимоходом, что заводы Шкода поставляли для нас авиационные моторы. Обладая заводами Круппа и предприятиями Шкода, рейх теперь, бесспорно, имеет все преимущества для поставки вооружения в Восточную и Юго-Восточную Европу. Тем самым он имеет в своем распоряжении средства для оказания политического давления и осуществления контроля над вооружением, эффективность которых не следует недооценивать, так же как не следует недооценивать и его возможности приобретения путем продажи вооружения за границу ценной для него валюты.

Кроме того, захват Богемии и Моравии является первой территориальной операцией, которая не создаст дополнительных затруднений для рейха в области снабжения продовольствием. Наоборот, она значительно улучшит продовольственное снабжение Германии не только потому, что земли Богемии и Моравии являются относительно плодородными, но и прежде всего потому, что рейх отныне находится у ворот зерновых богатств Венгрии и Румынии.

С другой стороны, руководители экономики рейха будут иметь теперь в своем распоряжении значительный резерв рабочей силы. Автаркия, гонка перевооружений, большие строительные работы — все это требовало такого огромного количества рабочей силы, которым рейх не обладал. В промышленности и в сельском хозяйстве не хватало полутора миллионов рабочих. В этих условиях трудно было понять, каким образом Германия в случае всеобщей мобилизации могла бы обеспечить свои возросшие потребности в рабочей силе и заполнить те пробелы, которые образуются вследствие призывов в армию. Чехи, которых немцы считают недостойными службы в армии, поставят 3 млн. рабочих, которые потребуются в случае всеобщей мобилизации.

И наконец,— и это является главным — стратегическое положение Германии значительно улучшилось. Беспокойная граница, разделявшая Чехословакию и рейх, протяженностью в несколько сот километров заменена теперь более короткой границей, гораздо легче обороняемой. Эта граница соединяет Австрию с Силезией. Таким образом, Германия будет иметь дополнительно несколько дивизий, которые в случае войны должны были бы контролировать чешскую границу. Кроме того, плато Богемии и Моравии является прекрасной базой, в частности для авиации, радиус действия которой простирается отныне на бóльшую часть Балкан, не говоря уже о Венгрии и Польше.

Кстати, первым актом немецких военных властей сразу после оккупации чешских провинций была организация в Вене центра новой, четвертой военно-воздушной армии* (юго-восточной),

* До сих пор военно-воздушные силы рейха состояли из трех военно-воздушных армий.— *Прим. док.*

сформированной из частей, размещенных в Австрии, в Судетах, в Богемии и в Моравии. «Создание четвертой военно-воздушной армии,— отмечали немецкие газеты,— усиливает мощь нашей военной авиации настолько, что это превосходит все наши прогнозы».

Наряду с ростом материальных сил следует учитывать также огромное чувство национальной гордости, которое вследствие небывалых успехов, достигнутых всего лишь за один год*, не могло не вскружить головы гитлеровским руководителям. Без боев, без особых затруднений, не считая нескольких протестов, влить в рейх 20 млн. человек; полностью перетасовать структуру Европы; создать военный аппарат такой силы, что Европа была вынуждена неоднократно и в решающие моменты уступить немецким требованиям,— все это действительно может вскружить даже самые уравновешенные умы. Однако ни одна операция до сих пор не была проделана с такой легкостью, как та, что позволила фюреру вступить в пражский Кремль. И как же теперь Гитлеру не возомнить и не думать, что ничто не может устоять перед его волей? И как же не соблазниться продолжить извлекать выгоду из того безусловного воздушного превосходства, которое сумела создать Германия? Возможно, что уже завтра рейх испробует тот же метод, который ему так хорошо удался в Австрии и Чехословакии, против Румынии и Польши, чтобы поставить эти страны перед альтернативой: истребление мирного населения и уничтожение открытых городов или же принятие самых обременительных и унизительных германских условий. Однако нельзя также исключить и такое предположение, что рейх еще до завершения своих грандиозных планов на Востоке двинется против западных держав.

Три основных соображения прежде всего не позволяют исключить такую возможность. Вследствие той реакции, которую вызвали в Лондоне и Париже упразднение чехословацкого государства и включение чехов в рейх, гитлеровская Германия не может уже больше рассчитывать — как она рассчитывала или делала вид, что рассчитывала, после Мюнхена — на то, что западные державы полностью предоставят в ее распоряжение Европу за Рейном.

Наконец, наблюдая все с большим волнением и глухим раздражением, в которых они не желают признаваться, за мероприятиями Франции, Англии и Америки по перевооружению, руководители рейха могут задаться вопросом, долго ли еще они будут обладать превосходством в воздухе, которым они пользовались и злоупотребляли в течение года с таким цинизмом, и не придется ли им скоро считаться с воздушными силами противника, способными дать сокрушительный ответ и таким образом свести на нет угрозу авиации рейха, нависшую сейчас над всей Европой.

Правда, до сих пор нет никаких признаков того, что позволяло бы нам утверждать, что рейх может изменить генеральную линию

* Завоевание Австрии 12 марта 1938 г., Богемии и Моравии 15 марта 1939 г.— *Прим. док.*

своей политики и что он помышляет о том, чтобы, хотя бы временно, отказаться от своих честолюбивых помыслов на Востоке, с тем чтобы вступить в конфликт на Западе.

Наоборот, факты говорят о том, что при планировании операций против Богемии и Моравии гитлеровские руководители предполагали также в довольно близком будущем продвинуться еще дальше на Восток. По полученным до настоящего времени данным, есть основания полагать, что немецкая армия намеревалась оккупировать всю Словакию и даже Закарпатскую Украину. В результате позиции, занятой Польшей, и принятого Венгрией решения не считаться с немецкими представительствами военные части рейха были переведены на линию реки Ваг. А ведь полная оккупация Словакии и Закарпатской Украины, в результате которой немецкая армия оказалась бы у румынской границы, не имела бы ни политического, ни военного смысла, если бы не предусматривались другие операции против Румынии или против Польши. И в настоящее время в хорошо информированных кругах Берлина именно это склонны рассматривать как самую непосредственную угрозу.

Однако не создается впечатления, что направление дальнейшего гитлеровского продвижения и планы последующих действий уже намечены.

Один чиновник министерства пропаганды в беседе с нашим соотечественником, кажется, наиболее верно выразил нынешние умонастроения руководителей третьего рейха, заявив следующее: «Перед нами столько открытых дверей, столько возможностей, что мы просто не знаем, в каком направлении идти, за что взяться».

Совершенно не рискуя впасть в ошибку, можно полагать, что линия поведения рейха, который отныне составляет в центре Европы блок в 90 млн. человек, будет прежде всего зависеть от соотношения сил в Европе.

При данном положении вещей гитлеровские руководители полагают, что превосходство, достигнутое ими в области вооружения, и закрепленная ими стратегическая позиция являются для них надежной гарантией от всяких попыток нападения. Их слабым местом является недостаточность запасов и снабжения сырьем и продовольствием, что не позволит им вести длительную войну.

Из-за материальной неподготовленности Германии к борьбе с Великобританией за господство в море перед гитлеровскими руководителями открываются два пути: либо продолжать далее завоевание Восточной и Юго-Восточной Европы, а быть может, и Скандинавских стран, обеспечив себе тем самым в той или иной мере ресурсы этих районов и возможность в определенной степени подготовиться к тому, чтобы противостоять блокаде, либо же напасть на Францию и Англию, прежде чем эти державы при поддержке Америки смогут достичь или превзойти уровень вооруженности рейха и, в частности, лишить его превосходства в воздухе.

Второе предположение в настоящее время является менее вероятным. Но все же следует считаться с возможностью того, что Германия может пойти и по этому пути. Эта вероятность может даже увеличиться от того единственного факта, что мы усилим или ускорим наше вооружение.

Однако, поскольку у нас нет выбора и мы должны либо подчиниться однажды воле гитлеровцев, либо, объединив усилия с Англией, создать вооруженные силы, в частности авиацию, достаточно мощную для того, чтобы противостоять Германии, необходимо уже с настоящего момента:

а) довести до максимума наши усилия по перевооружению;

б) по возможности избежать шума вокруг этого интенсивного перевооружения.

В любом случае и независимо от того, какое направление примет немецкий динамизм после захвата Богемии и Моравии, вывод напрашивается только один: необходимо во что бы то ни стало безотлагательно мобилизовать все усилия нации на самое широкое и скорейшее развитие и укрепление военной мощи страны, и в частности на создание мощной авиации.

Имея в виду непостоянство гитлеровских руководителей и опьянение успехами, в котором должен пребывать сейчас фюрер, а также то беспокойство и раздражение, которые вызывают за Рейном перевооружение демократических держав и позиция Соединенных Штатов, я считаю, что мы должны немедленно приступить самым решительным образом, сохраняя как можно большую секретность, к мобилизации промышленности страны.

Кулондр

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 250—257.

24. Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, врученный послом Великобритании в СССР У. Сидсом народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

21 марта 1939 г.

Мы, нижеподписавшиеся, надлежащим образом на то уполномоченные, настоящим заявляем, что, поскольку мир и безопасность в Европе являются делом общих интересов и забот и поскольку европейский мир и безопасность могут быть задеты любыми действиями, составляющими угрозу политической независимости любого европейского государства, наши соответственные правительства настоящим обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления таким действиям.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 265.

25. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу

22 марта 1939 г.

Сегодня в 20 часов заявил Сидсу следующее:

«Солидаризируемся с позицией британского правительства и принимаем формулировку его проекта декларации*. Представители Советского правительства незамедлительно подпишут декларацию, как только и Франция и Польша примут британское предложение и пообещают свои подписи. Для придания акту особой торжественности и обязательности предлагаем подписать премьер-министрам и министрам иностранных дел всех четырех государств».

Далее я высказал пожелание, чтобы было предложено присоединиться к декларации четырех государств не только Балканским странам, о которых говорил Галифакс, но также соседним с нами Финляндии и Балтийским странам, а также Скандинавским.

Предупредил Сидса, что завтра дадим наш ответ в печать.

Декларация может быть подписана отдельно во всех четырех столицах и вручена там английским послам.

Нарком

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 265.

26. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова министру внешней торговли Великобритании Р. Хадсону [28]

23 марта 1939 г.

Мы еще пять лет тому назад осознали опасность для дела мира со стороны фашистской агрессии. Мы не имели никаких оснований опасаться обращения этой агрессии в первую очередь против нас, а, наоборот, были уверены, что она будет направлена раньше всего против творцов Версальского и Сен-Жерменского актов и государств, возникших и расширившихся на основе этих пактов. Мы считали, однако, фашистскую агрессию общей опасностью, для борьбы с которой необходимы общие усилия и сотрудничество всех неагрессивных стран. С этой целью мы вступили в Лигу наций, видя в ней аппарат такого международного сотрудничества и коллективной организации безопасности. В течение пяти лет мы не переставали делать разные предложения по укреплению Лиги и приданию ей действенной силы. Мы предлагали систему региональных пактов [8], региональные совещания, применение к агрессорам предусмотренных Уставом Лиги санкций и готовы были участвовать и участвовали в таких санкциях независимо от того, задевались ли наши интересы отдельными случаями агрессии. После аннексии Австрии нам стало ясно, что Германия скоро бросится на другие среднеевропейские государства, и мы поэтому предложили тогда немедленное совещание заинтересованных государств [29]. В разгар судетского конфликта мы предлагали Франции и Чехословакии совещание генеральных штабов и совершенно недвусмысленно заявляли о своей готовности выполнить наши обязательства в отношении Чехословакии на предусмотренных договором условиях, т. е. при оказании помощи Чехословакии также и Францией [30].

Все эти наши предложения игнорировались Англией и Францией, которые, отвергая принципы Лиги, вступили на путь индивидуальных разрешений отдельных проблем не сопротивлением агрессии, а капитуляцией перед ней. Несмотря на ясно наметившийся блок Германии, Италии и Японии, Англия и Франция отклоняли какие бы то ни было совещания миролюбивых стран под предлогом, что это может быть истолковано агрессивными странами как блок против них. Такая политика Англии и Франции завершилась мюнхенской капитуляцией, которая создала нынешнее положение в Европе, которое, по-видимому, не нравится и Англии.

Советский Союз больше, чем какая-либо другая страна, может сам позаботиться о защите своих границ, но он и теперь не отказывается от сотрудничества с другими странами. Он мыслит себе это сотрудничество только по пути действительного общего сопротивления агрессорам. Базой такого сотрудничества должно быть признание агрессии в качестве единой проблемы, требующей общих действий независимо от того, задевает ли она в том или ином случае интересы того или иного из участников сотрудничества. Должно быть признано, что агрессия как таковая, происходит ли она в Европе, Азии или на другом континенте, требует общих мер борьбы с нею. Исходя из факта существования агрессивного блока, не следует отрицать необходимость совещаний и конференций и соглашений антиагрессивных государств. Конъюнктурные, необязательные и необязывающие совещания, от случая к случаю, могущие лишь служить средством в дипломатической игре того или иного государства и порождающие лишь недоверие, нами отвергаются. Мы мыслим себе сотрудничество как в рамках Лиги, так и вне ее, если в Лиге окажутся государства, мешающие борьбе с агрессорами, или же, если это будет диктоваться необходимостью привлечения США, не состоящих в Лиге. Ввиду безрезультатности наших прежних многочисленных предложений мы новых предложений сейчас выдвигать не намерены и ждем инициативы со стороны тех, которые должны показать чем-нибудь, что они становятся действительно на путь коллективной безопасности. В частности, мы всегда готовы были и теперь готовы к сотрудни-

* См. док. № 24.

честву с Великобританией. Мы готовы рассмотреть и обсудить всякие конкретные предложения, базирующиеся на указанных выше принципах.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 271—272.

27. Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши во Франции Ю. Лукасевичу

27 марта 1939 г.

Прошу довести до сведения французского правительства, лучше всего лично Даладье, что польское правительство выдвигает определенные возражения против английского предложения о совместной декларации. Эти возражения вызываются отсутствием твердой уверенности в том, что подобный шаг был бы достаточным.

Однако польское правительство не отвергает возможности двустороннего обсуждения с английским правительством тех вопросов, о которых должна идти речь в декларации.

Польское правительство хотело бы поставить в известность французское правительство, что оно рассматривает любые польско-английские переговоры такого рода как идущие параллельно польско-французским отношениям и считает, что они укрепляют связи между Польшей и Францией.

Печат. по изд.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1973, т. VII, с. 66.

28. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова посланнику Латвии в СССР Ф. Коциньшу

*28 марта 1939 г.**

Советско-латвийский мирный договор от 11 августа 1920 г., а равно и договор о ненападении от 5 февраля 1932 г. имели своей презумпцией получение латвийским народом и сохранение им полного самостоятельного и независимого государственного существования как соответствующего воле латвийского народа. Из этой же презумпции Советское правительство исходило при досрочном введении в силу пакта Бриана — Келлога [31], при продлении на 10 лет договора о ненападении, а также при принятии на себя обязательств по Уставу Лиги наций.

Латвийскому правительству известно, какие усилия Советское правительство делало в течение последних 15 лет для обеспечения нерушимости границ Латвийской Республики, причем оно опять-таки руководствовалось той же презумпцией. Из сказанного следует, какое огромное значение Советское правительство неизменно придавало и придает сохранению полной независимости Латвийской, как и других Прибалтийских республик, отвечающему не только интересам народов этих республик, но и жизненным интересам Советского государства. Отсюда должно стать также ясно, что какие бы то ни были соглашения, добровольные или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Латвийской Республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства, предоставление ему каких-либо исключительных прав и привилегий, как на территории Латвии, так и в ее портах, признавались бы Советским правительством нетерпимыми и несовместимыми с предпосылками и духом названных договоров и соглашений, регулирующих в настоящее время его взаимоотношения с Латвией, и даже нарушением этих соглашений, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Настоящее заявление делается в духе искренней благожелательности к латвийскому народу с целью укрепления в нем чувства безопасности и уверенности в готовности Советского Союза на деле доказать, в случае надобности, его заинтересованность в целостном сохранении Латвийской Республикой ее самостоятельного государственного существования и политической и экономической независимости, а также в невозможности для Советского Союза оставаться безучастным зрителем попыток открытого или замаскированного уничтожения этой самостоятельности и независимости.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 282—283.

29. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Румынии в СССР Н. Диану

29 марта 1939 г.

Я вызвал Диану и заявил ему, что нас не удовлетворяют те скудные сведения, которые мы получили от него о германо-румынском соглашении [32]. Он должен понимать, что мы не можем не интересоваться взаимоотношениями Румынии с агрессивной Германией. Мы не могли бы относиться равнодушно к получению агрессивной страной господства в Румынии или к возможности получения опорных пунктов вблизи нашей границы или в черноморских портах. [...]

Литвинов

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 283—284.

* В этот же день аналогичное заявление было сделано наркомом иностранных дел СССР также посланнику Эстонии в СССР Рею.

30. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 марта 1939 г.

Весьма интересную вещь сообщил мне Кадоган о нынешнем состоянии переговоров с другими державами. По его словам, поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР. Кроме того, они дали ясно понять, что «консультация» их никак не устраивает и что они могут войти в мирный блок только при условии твердых военных обязательств со стороны Англии и Франции.

Полпред

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 284.

31. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром

29 марта 1939 г.

[...] Пайяр затем затронул следующие вопросы:

1. Ставили ли мы условием подписания декларации * участие Польши и готовы ли мы вообще к сотрудничеству с Польшей? Я ответил, что условий не ставили, но что считаем очень важным сотрудничество Польши, каковое мы всегда ей предлагали. Я полагаю, что, пока Польша не получит какого-либо непосредственного удара со стороны Германии, вряд ли удастся изменить линию поведения Бека. Я тут же сказал Пайяру, что, по поступившей информации, Боннэ в Лондоне убеждал англичан обещать помощь Польше, с тем чтобы не надо было привлекать к общему делу СССР. [...]

Литвинов

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 284.

32. Из письма посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

29 марта 1939 г.

Стремительный ход последней фазы чешского кризиса [27] глубоко потряс здешнее общественное мнение и явился также причиной эволюции позиции здешнего правительства. Для решитель-

* См. док. № 24.

ных противников гитлеровской Германии последние события явились лишь подтверждением их предположений и еще одним аргументом в пользу необходимости принятия энергичных предупредительных мер. Однако еще большее значение приобрели чешские события в связи с тем влиянием, которое они оказали на здешний лагерь «соглашателей». Как правило, его сторонники избегали открыто выражать свои предвидения и надежды. В общем, они ограничивались заявлениями о том, что Великобритания должна ограничиться защитой Западной Европы и, разумеется, Британской империи и ее имперских коммуникаций. Центральная и Восточная Европа явилась бы районом германской экспансии, откуда Англия могла бы уйти без больших для нее потерь. Наиболее важные, хотя открыто и не высказывавшиеся аргументы в пользу этого заключались в надежде на то, что Германия натолкнется на большие трудности при освоении уступленных ей территорий и что вследствие этих трудностей и антагонизма с Россией она утратит свою гибкость и динамизм. Предполагалось, что дело дойдет до русско-германской войны, которая ослабит обе воюющие стороны, не без косвенной выгоды для западных государств.

Быстрый ход событий, дающий Германии ценные завоевания без пролития крови, выявил слабые стороны этих соображений, а также тот факт, что, по существу, они были прежде всего отговоркой, позволявшей ответственным государственным деятелям западных держав идти по линии наименьшего сопротивления. Возникла большая тревога в связи с тем, что, как и раньше, Германия вместо ослабления своих сил в результате действий на Востоке значительно усилила их. Вследствие осознания этого появился новый тон в отношении Германии. Этот тон нашел свое отражение в английской политической прессе, разумеется, не без ведома правительственных кругов.

По сведениям, циркулирующим в здешних дипломатических и политических кругах, поворот в лагере «соглашателей» не является, однако, полным. По общему мнению, к этой группе относится сэр Джон Саймон, которому приписывают авторство проекта совместной декларации Великобритании, Франции, Польши и Советов. Несмотря на решительный тон своих последних речей, также и премьер не кажется, как это было до сих пор, свободным от сомнений в отношении того, наилучший ли был избран способ для розыгрыша партии, начатой мюнхенским соглашением [30]. [...]

Эдвард Рачиньский

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 285—286.

33. Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин о предоставлении гарантий Польше

31 марта 1939 г.

Как я заявил на сегодняшнем утреннем заседании, правительство Его Величества не имеет официального подтверждения слухов о каком-либо планируемом нападении на Польшу и поэтому их нельзя принимать за достоверные.

Я рад воспользоваться этой возможностью, чтобы снова сделать заявление об общей политике правительства Его Величества. Оно постоянно выступало и выступает за урегулирование путем свободных переговоров между заинтересованными сторонами любых разногласий, которые могут возникнуть между ними. Оно считает, что это естественный и правильный курс в тех случаях, когда существуют разногласия. По мнению правительства, нет такого вопроса, который нельзя было бы решить мирными средствами, и оно не видит никакого оправдания для замены метода переговоров методом применения силы или угрозы применения силы.

Как палате известно, в настоящее время проводятся некоторые консультации с другими правительствами. Для того чтобы сделать совершенно ясной позицию правительства Его Величества на то время, пока эти консультации еще не закончились, я должен теперь информировать палату о том, что в течение этого периода в случае любой акции, которая будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом [33].

Я могу добавить, что французское правительство уполномочило меня разъяснить, что оно занимает по этому вопросу ту же позицию, что и правительство Его Величества.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 290.

34. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским

2 апреля 1939 г.

Гжибовский сообщил мне сегодня, что его вчерашний запрос скрестился в пути с полученной им сегодня инструкцией от Бека. Он, однако, полагает, что то, что ему поручено Беком заявить мне, заключает косвенно ответ на вчерашний запрос.

Бек поручил послу «при случае» сказать мне, что «в разговорах с западными державами Польша всегда заявляет, что она

удовлетворена положительным развитием отношений с СССР. Однако Польша сохраняет отрицательное отношение к многосторонним комбинациям, направленным против Германии». Это должно быть нам понятно, ибо мы знаем, что Польша отказывается также вступать в комбинации, направленные против СССР, как, например, антикоминтерновский пакт [10]. Гжибовский от себя добавил, что из сказанного ему совершенно ясно, что Польша не могла давать англичанам ту формулировку, которая нам сообщена Кадоганом, и что, несомненно, Польша говорила с Англией в том духе, в каком составлено сегодняшнее сообщение. Гжибовский поэтому полагает, что нам ответа на вчерашний запрос ожидать не нужно.

Я не согласился с послом, указав, что мы не можем руководствоваться умозаключениями, предположениями и гаданиями, а должны исходить из точных фактов. Англичане изложили нам ответ Польши, который абсолютно не совпадает с сообщением, которое мне сделал сегодня посол. В самом деле, сообщение говорит о нежелании Польши участвовать вообще в многосторонних комбинациях, направленных против Германии, независимо от состава участников таких комбинаций. Если так, то английское изложение польского ответа совершенно переврано, ибо там говорится о нежелании Польши участвовать в комбинациях с СССР и не говорится даже о комбинациях, направленных против Германии.

Гжибовский, покраснев, прочитал опять свою бумажку (инструкцию Бека) и признал, что там тоже говорится о комбинациях «совместно с Советским Союзом». Я указал, что все же еще имеется расхождение в формулировках. Одно дело — не участвовать в комбинациях с СССР против Германии, другое дело — вообще во всяких комбинациях с СССР, как это изложено англичанами. Совершенно очевидно, что дело требует разъяснения. Посол изложил мне польскую позицию и, естественно, не хотел нам сказать, что Польша отвергает сотрудничество с нами, а в Англии поляки могли совершенно иначе изложить свою позицию, в соответствии с версией Кадогана. На замечание посла, что это, мол, английская интрига, я ответил, что тем более необходимо эту интригу разоблачить. Если мне будет заявлено официально, что англичане неверно передали польский ответ на декларацию, то мы от них потребуем объяснений.

Гжибовский опять стал говорить о том, что он не сомневается, что англичанам дали ответ такой же, как он мне сегодня сообщил, и что незачем вновь запрашивать и т. д. Я, однако, настаивал на том, что не могу принимать в качестве ответа высказываемые послом предположения. Польское правительство может отказаться ответить на наш запрос, и мы сделаем свои выводы, но я настаиваю на официальном ответе.

По существу польской позиции я сказал, что если бы нам Польша предлагала какую-нибудь комбинацию против Германии,

против ее интересов, против германского народа, то мы тоже отклонили бы. Речь, однако, идет не об этом, а о комбинации для борьбы с агрессией Германии, и это совсем другое дело. Затем, посол мне вчера объяснял нежелание участвовать в комбинациях опасением напряжения в отношениях с Германией и ее гневом, сегодня же выходит, что Польша все же готова участвовать даже в комбинациях, направленных против Германии, не опасаясь ее гнева, если только не будет СССР. Этот момент тоже требует объяснений. Я спросил, дала ли Польша согласие на подписание английской декларации * без СССР и продолжается ли еще германский нажим на Польшу? Гжибовский ответил, что, насколько ему кажется, Польша вообще отвергает декларацию, а переговоры с Германией будто бы прерваны. Он, конечно, в случае получения ответа на мой вчерашний запрос не замедлит мне его сообщить. Он, однако, думает, что ввиду завтрашнего отъезда Бека в Лондон ответ может задержаться.

Как из вчерашней, так и особенно из сегодняшней беседы мне совершенно ясно, что Гжибовский не хочет дать нам официальный ответ на запрос, зная, что поляки говорили с англичанами именно в том духе, как нам сообщил Майский. Он при этом сегодня сжульничал, опустив из сообщения Бека неприятную для нас фразу.

Литвинов

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 295—297.

35. Распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля

3 апреля 1939 г.

Содержание: распоряжение для вооруженных сил на период 1939—1940 гг.

Распоряжение для вооруженных сил о единой подготовке военных действий на период 1939—1940 гг. перерабатывается.

Часть I («Обеспечение границы») и часть III («Данциг») будут разосланы в середине апреля. Они в основном остаются неизменными.

Часть II (план «Вейс») содержится в приложении **. Подпись фюрера будет получена позднее.

Относительно плана «Вейс» фюрер распорядился о следующем:

1. Разработка [плана] должна проходить таким образом, чтобы осуществление операции было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.

* См. док. № 24.
** См. док. № 37.

2. На верховное главнокомандование вооруженных сил возлагается задача разработать точную таблицу взаимодействия по плану «Вейс» и обеспечить взаимодействие во времени между тремя видами вооруженных сил.

3. Свои соображения и материалы для таблиц взаимодействия командующие видами вооруженных сил должны представить верховному главнокомандованию вооруженных сил к 1 мая 1939 г.

Кейтель

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 301.

36. Коммюнике о переговорах между министром иностранных дел Польши Ю. Беком и премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом

6 апреля 1939 г.

Беседы с Беком охватывали широкий круг вопросов и показали, что оба правительства полностью согласны относительно некоторых общих принципов.

Было согласовано, что две страны готовы вступить в соглашение постоянного и взаимного характера с целью заменить существующую временную и одностороннюю гарантию, данную польскому правительству правительством Его Величества *.

До заключения постоянного соглашения Бек дал правительству Его Величества гарантию, что правительство Польши будет считать себя обязанным оказывать помощь правительству Его Величества на тех же самых условиях, что и условия, содержавшиеся во временной гарантии, уже данной Польше правительством Его Величества.

Подобно временной гарантии постоянное соглашение не будет направлено против какой-либо другой страны, а будет иметь целью гарантировать Великобритании и Польше взаимную помощь в случае любой угрозы, прямой или косвенной, независимости одной из сторон.

Было признано, что некоторые вопросы, включая более точное определение различных ситуаций, при которых могла бы возникнуть необходимость в такой помощи, потребуют дальнейшего изучения, прежде чем может быть заключено постоянное соглашение.

Было достигнуто согласие, что вышеупомянутая договоренность не помешает ни одному из правительств заключать соглашения с другими странами в общих интересах укрепления мира [34].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 308—309.

* См. док. № 33.

37. План нападения Германии на Польшу (план «Вейс»)

11 апреля 1939 г.

Позиция, занимаемая Польшей в настоящее время, требует, помимо осуществления мероприятий в соответствии с разработанным планом «Обеспечение границ на Востоке», проведения военной подготовки, чтобы в случае необходимости раз и навсегда положить конец любой угрозе с ее стороны.

1. Политические предпосылки и цели.

Позиция Германии по отношению к Польше по-прежнему исходит из принципа: избегать осложнений. Если Польша изменит основывавшуюся до сих пор на том же принципе политику в отношении Германии и займет угрожающую ей позицию, то с ней необходимо будет свести окончательные счеты, несмотря на действующий договор.

Целью явится тогда уничтожение военной мощи Польши и создание на Востоке обстановки, соответствующей потребностям обороны страны. Вольный город Данциг будет объявлен германской территорией сразу же после начала конфликта.

Политическое руководство считает своей задачей по возможности изолировать Польшу в этом случае, т. е. ограничить войну боевыми действиями с Польшей.

Усиление внутреннего кризиса во Франции и вытекающая отсюда сдержанность Англии в недалеком будущем могли бы привести к созданию такого положения.

Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как это означало бы уничтожение ее большевизмом.

Позиция лимитрофов* будет определяться исключительно военными требованиями Германии.

Немецкая сторона не может рассчитывать на Венгрию как на безоговорочного союзника. Позиция Италии определяется осью Берлин — Рим[35].

2. Военные соображения.

Великие цели создания германских вооруженных сил определяются по-прежнему враждебным отношением со стороны западных демократий. План «Вейс» является лишь предусмотрительной мерой, дополняющей общие приготовления, но ни в коем случае он не должен рассматриваться как предварительное условие военных действий против западных противников.

После начала войны изоляция Польши может быть осуществлена в еще большей степени, если удастся начать военные действия нанесением неожиданных сильных ударов и добиться быстрых успехов.

Общая обстановка, однако, в любом случае потребует также

* Термин, означающий пограничные государства и применявшийся после первой мировой войны к Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польше.

принятия надлежащих мер по защите западных границ, германского побережья Северного моря, а также воздушного пространства над ними.

В отношении лимитрофных государств, в особенности Литвы, необходимо принять меры предосторожности на случай прохождения через них польских войск.

3. Задачи вооруженных сил.

Задачей германских вооруженных сил является уничтожение польских вооруженных сил. Для этого желательно и необходимо подготовить неожиданное нападение. Тайная или открытая всеобщая мобилизация будет объявлена в возможно более поздний срок, в день, предшествующий нападению.

Относительно использования вооруженных сил, предусмотренных для обеспечения границ на Западе (см. пункт 1 «Обеспечение границ»), пока не должно отдаваться никаких других распоряжений.

Остальные границы должны находиться лишь под наблюдением, а границы с Литвой охраняться.

4. Задачи видов вооруженных сил:

а) Сухопутные войска.

Целью операции на Востоке является уничтожение польских сухопутных войск.

Для этого на южном фланге может быть использована словацкая территория. На северном фланге следует быстро установить связь между Померанией и Восточной Пруссией.

Подготовку к началу операций необходимо проводить таким образом, чтобы можно было без промедления выступить сначала наличными силами, не ожидая планомерного развертывания отмобилизованных соединений. Можно скрытно занять этими силами исходные позиции непосредственно перед днем начала наступления. Решение об этом я оставляю за собой.

От политической обстановки будет зависеть необходимость сосредоточения в соответствующих районах всех сил, предназначенных для обеспечения границ на Западе, или частичное их использование в качестве резерва для других целей.

б) Военно-морские силы.

На Балтийском море задачами ВМС являются:

1) Уничтожение или выключение из войны польских военно-морских сил.

2) Блокада морских путей, ведущих к польским военно-морским опорным пунктам, в частности к Гдыне. В момент начала вторжения в Польшу устанавливается срок для оставления судами нейтральных государств польских гаваней и Данцига. По истечении этого срока военно-морской флот имеет право принять меры по установлению блокады.

Следует учесть отрицательные последствия для ведения военно-морских операций, которые вызовет предоставление судам нейтральных стран срока для выхода из портов.

3) Блокада польской морской торговли.

4) Обеспечение морских сообщений между Германией и Восточной Пруссией.

5) Прикрытие германских морских коммуникаций с Швецией и Прибалтийскими государствами.

6) Разведка и принятие мер по прикрытию, по возможности скрытно, на случай выступления советских военно-морских сил со стороны Финского залива.

Для охраны побережья и прибрежной полосы Северного моря следует выделить соответствующие военно-морские силы.

В южной части Северного моря и в Скагерраке следует принять меры предосторожности против неожиданного вмешательства западных держав в конфликт. Эти меры не должны переступать границ самого необходимого. Их следует проводить незаметно. При этом надо решительно избегать всего, что могло бы оказать неблагоприятное воздействие на политическую позицию западных держав.

в) Военно-воздушные силы.

Следует обеспечить внезапное нападение авиации на Польшу, оставив необходимые силы на западе.

Помимо уничтожения в кратчайший срок польских ВВС германские ВВС должны в первую очередь выполнить следующие задачи:

1) Воспрепятствовать проведению польской мобилизации и сорвать планомерное стратегическое сосредоточение и развертывание польской армии.

2) Оказывать непосредственную поддержку сухопутным войскам, и прежде всего передовым частям, с момента перехода через границу.

Возможная переброска авиационных частей в Восточную Пруссию перед началом операции не должна ставить под угрозу осуществление внезапности.

Первый перелет границы должен совпасть с началом боевых действий сухопутных войск.

Налеты на порт Гдыню разрешить лишь по истечении срока, предоставленного нейтральным судам для выхода в море (см. пункт 4б).

Центры противовоздушной обороны создать в районе Штеттина *, Берлина, в промышленных районах Верхней Силезии, включая Моравскую Остраву и Брно [36].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 326—329.

* Ныне г. Щецин в Польской Народной Республике.

38. Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин о предоставлении гарантий Греции и Румынии

13 апреля 1939 г.

Правительство Его Величества придает важнейшее значение тому, чтобы избегать нарушения статус-кво в районе Средиземноморья и на Балканском полуострове силой или угрозами применения силы. Поэтому оно пришло к выводу, что в случае, если будет предпринята какая-либо акция, которая явно угрожала бы независимости Греции или Румынии и которой греческое или, соответственно, румынское правительство сочло бы жизненно необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считало бы себя обязанным немедленно оказать греческому или румынскому правительству, в зависимости от возможного конкретного случая, всю поддержку, которая в его силах. Мы передаем эту декларацию непосредственно заинтересованным правительствам и другим государствам, особенно Турции, тесные связи которой с греческим правительством известны. Я полагаю, что французское правительство сделает подобную же декларацию сегодня во второй половине дня *.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 329—330.

39. Заявление премьер-министра Франции Э. Даладье в парламенте о предоставлении гарантий Греции, Румынии и Польше

13 апреля 1939 г.

Французское правительство придает исключительно большое значение тому, чтобы предотвратить навязанное силой или угрозой применения силы любое изменение статус-кво в Средиземном море и на Балканском полуострове. Принимая во внимание особую тревогу, которую породили события последних недель, французское правительство в связи с этим дало особые гарантии Румынии и Греции на случай, если будет предпринята акция, явно угрожающая независимости Румынии или Греции, при которой румынское или греческое правительство сочтет, что сопротивление с помощью его национальных вооруженных сил является для него жизненно необходимым, тогда французское правительство будет считать себя обязанным немедленно оказать ему всю помощь, которая в его силах. Английское правительство заняло такую же позицию **.

Французское правительство, с другой стороны, было радо узнать о взятии на себя взаимных обязательств Великобританией

* См. док. № 39.
** См. док. № 38.

и Польшей, которые приняли решение оказать друг другу взаимную поддержку, с тем чтобы защитить свою независимость, если она будет подвергаться прямой или косвенной угрозе *. Франко-польский союз [37], с другой стороны, был подтвержден как французским, так и польским правительством в том же самом духе.

Франция и Польша дают друг другу немедленные и непосредственные гарантии против любой прямой или косвенной угрозы, которая нанесла бы ущерб их жизненно важным интересам [38].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 330.

40. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому

13 апреля 1939 г.

Со ссылкой на сказанное Вам Галифаксом о серьезной заинтересованности Англии в оказании помощи Греции и Румынии ** заявите ему, что и мы не относимся безучастно к судьбе Румынии и хотели бы знать, как Англия мыслит себе формы помощи ей как со стороны Англии, так и других заинтересованных держав, и что мы готовы принять участие в такой помощи.

Нарком

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 331.

41. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 апреля 1939 г.

Сегодня Боннэ вручил мне для пересылки Вам свое «конкретное» предложение. Оно сводится к обмену письмами следующего содержания: «В случае, если бы Франция оказалась в состоянии войны с Германией вследствие помощи, которую она предоставила бы Польше или Румынии, СССР оказал бы ей немедленную помощь и поддержку. В случае, если бы СССР оказался в состоянии войны с Германией вследствие помощи, которую он предоставил бы Польше или Румынии, Франция оказала бы ему немедленную помощь и поддержку. Оба правительства согласуют без промедления формы оказания этой помощи и предпримут все меры к тому, чтобы обеспечить ей полную эффективность».

Письма эти должны явиться дополнением к нашему существующему пакту [39]. Вручение этого «предложения» сопровождалось

* См. док. № 36.
** См. док. № 38.

потоком уже известных Вам фраз о трагичности момента, о нашей заинтересованности не допустить разгрома немцами Польши и особенно Румынии, о необходимости действовать быстро и «подготовить почву для более широкого сотрудничества в будущем» и т. д. Сам Боннэ, несомненно, сознает, что его сегодняшнее «предложение» несерьезно, совершенно односторонне (попытка придать ему добровольно двусторонний характер отдает комизмом) и что нет шансов, чтобы мы его приняли. Поэтому он не случайно все время оговаривался, что он сам не считает свое предложение «идеальным», но что он ничего другого придумать сейчас не может и надеется, что Москва придет ему на помощь и что-нибудь от себя подскажет, предложит и что он якобы готов заранее пойти на все зависящее «от Франции», чтобы обеспечить эффективное сотрудничество с СССР.

Полпред

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 332.

42. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом

15 апреля 1939 г.

После некоторого предисловия, в котором он повторял прежние заявления о решительном и бесповоротном изменении английской политики, о затруднениях, которые встречаются со стороны некоторых государств, Сидс, сославшись на вчерашний разговор Галифакса с Майским, сформулировал следующим образом вопрос, с которым английское правительство обращается к Советскому:

«Согласно ли Советское правительство сделать публичное заявление (повторяя, может быть, недавнее заявление Сталина о поддержке Советского Союза народам — жертвам агрессии и ссылаясь на недавние заявления британского и французского правительств), что в случае акта агрессии против какого-либо европейского соседа Советского Союза, который оказал бы сопротивление, можно будет рассчитывать на помощь Советского правительства, если она будет желательна, каковая помощь будет оказана путем, который будет найден наиболее удобным».

(Формулировка переведена мною текстуально.)

Сидс упомянул, что наибольшая опасность, по его мнению, теперь грозит Румынии, а не Польше, ввиду стремления Гитлера к румынской нефти [32], и что Англия, вероятно, включит в число гарантируемых государств также Турцию.

Я обещал довести предложение до сведения моего правительства, ограничившись замечанием, что я в нем не нахожу ответа на поставленный нами Галифаксу через Майского вопрос о том, как английское правительство мыслит себе помощь свою собственную и нашу, и что английское правительство, по-видимому,

предпочитает общие принципиальные декларации более точным обязательствам о заранее согласованных формах помощи.

Литвинов

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 332—333.

43. Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым послу Великобритании в СССР У. Сидсу *

17 апреля 1939 г.

Считая предложение Франции принципиально приемлемым и продолжая мысль г-на Боннэ, а также желая подвести солидную базу под отношения между тремя государствами, мы пытаемся объединить английское и французское предложения в следующих тезисах, которые мы предлагаем на рассмотрение британского и французского правительств:

1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией союзный договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется, как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются, после открытия военных действий, не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи [40].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 336—337.

* 18 апреля это предложение было передано также полпредом СССР во Франции министру иностранных дел Франции.

44. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта в министерство иностранных дел Германии

18 апреля 1939 г.

Советник польского посольства, которого я встретил сегодня на одном из общественных мероприятий, сказал, что как Польша, так и Румыния постоянно отказываются принять любое предложение Советской России об оказании помощи. Германия, сказал советник, может быть уверена в том, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России, будь то военнослужащие сухопутных войск или военно-воздушных сил. Тем самым положен конец всем домыслам, в которых утверждалось о предоставлении аэродромов в качестве базы для военно-воздушных операций Советской России против Германии. То же самое относится и к Румынии. По словам г-на Яждженевского, хорошо известно, что авиация Советской России не обладает достаточным радиусом действия, чтобы с баз, расположенных на территории Советской России, атаковать Германию. Польша тем самым вновь доказывает, что она является европейским барьером против большевизма.

У меня, впрочем, сложилось впечатление, будто советник польского посольства хотел намекнуть мне, что британское правительство больше не предпринимало попыток добиться изменения позиции Польши и Румынии. Об ослаблении сопротивления Польши и Румынии политике привлечения Советской России, по его мнению, не может быть и речи. Когда я спросил г-на Яждженевского, не высказали ли англичане г-ну Беку каких-либо оговорок относительно своих прямых переговоров с Советской Россией *, он ушел от ответа, однако снова подчеркнул, что не в состоянии представить себе, как вообще могло бы осуществиться включение Советской России в британскую систему без содействия Румынии и Польши.

Из другого источника мне известно, что обе эти страны были бы готовы согласиться на поставки военных материалов из России. Тем самым помощь Советской России ограничилась бы подобного рода поставками.

Сообщения прессы столь противоречивы, что из них невозможно составить никакой картины.

Т. Кордт

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 338—339.

* Имеются в виду политические переговоры между СССР, Великобританией и Францией.

45. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 апреля 1939 г.

Передаю Вам присланный мне Боннэ проект «соглашения трех» [41]. Как увидите, этот проект сильно отличается от того, что днем говорил Боннэ, и от прежнего его же предложения *.

«В случае, если бы Франция и Великобритания оказались в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, которые они приняли бы с целью предупредить всякие насильственные изменения положения, существующего в Центральной или Восточной Европе, СССР оказал бы им немедленно помощь и поддержку.

В случае, если бы вследствие помощи, оказанной Союзом ССР Франции и Великобритании в условиях, предусмотренных предыдущим параграфом, СССР оказался бы в свою очередь в состоянии войны с Германией, Франция и Великобритания оказали бы ему немедленно помощь и поддержку.

Три правительства согласуют между собой без промедления формы оказания этой помощи в том и другом из предусматриваемых случаев и предпримут все меры к тому, чтобы обеспечить ей полную эффективность».

Полпред

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 348—349.

46. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту

26 апреля 1939 г.

Уже длительное время между Берлином, Римом и Токио ведутся тайные переговоры о заключении оборонительного союза [42], которые по особым причинам и в соответствии с договоренностью между партнерами осуществляются вне обычных дипломатических путей.

Летом 1938 г. генерал Осима, тогда еще военный атташе, сообщил, что, по мнению японских военных кругов, наступил момент для заключения общего оборонительного союза между Германией, Италией и Японией. Содержание союзного пакта, по его мнению, могло состоять в следующем:

1. Проведение консультаций между тремя державами на тот случай, если одна из них окажется в затруднительном политическом положении.

2. Политическая и военная поддержка, если одной из трех держав угрожают извне.

3. Оказание помощи и поддержки, если одна из трех держав

* См. док. № 41.

подвергнется неспровоцированному нападению со стороны другой державы.

В ходе конференции в Мюнхене в конце сентября этот вопрос обсуждался с Муссолини и графом Чиано. Это обсуждение было продолжено в Риме во время моего визита в конце октября; результатом этого обсуждения было то, что дуче заявил о своем принципиальном согласии, однако зарезервировал за собой право сообщить позднее свое мнение о времени заключения пакта. В начале января итальянский министр иностранных дел информировал, что теперь дуче готов к подписанию пакта.

В ходе непосредственных контактов между мной, Осима и Чиано был выработан текст договора, который наряду с тремя указанными выше пунктами содержал также обязательство, в случае совместного ведения войны, мир и перемирие заключать только сообща и который устанавливал в качестве срока действия договора период в 10 лет. Проект договора был дополнен далее двумя секретными протоколами, которые предусматривали немедленное проведение консультаций о выполнении обязательств по оказанию поддержки в различных принимаемых в расчет случаях и, кроме того, определяли соответствующие меры по совместным выступлениям в сфере пропаганды и прессы. Осима со специальным курьером отправил проекты в Токио, где они обсуждались на заседаниях кабинета.

В начале марта Осима, а также посол Сиратори в Риме получили инструкции, в соответствии с которыми японское правительство хотя в общем и целом одобряло идею пакта, однако обязательство по оказанию взаимной поддержки хотело привязать исключительно к случаю войны с Россией. Оба посла информировали об этом меня и Чиано в личном и строго конфиденциальном порядке и в свою очередь тотчас же сообщили в Токио о своем отказе представить на рассмотрение в Берлин и Рим это столь существенное изменение итало-германского проекта. Они еще раз высказались за принятие первоначального проекта и заявили, что в случае иного решения японского кабинета они будут вынуждены уйти со своих постов.

В ответ на это в начале апреля из Токио поступил японский проект, который в основном соответствовал итало-германскому проекту, но, правда, сокращал срок действия договора на 5 лет. Однако прежнее пожелание японцев ограничить обязательство по взаимному оказанию помощи исключительно случаем войны с Россией еще сохранялось в смягченной форме; японцы испрашивали наше категорическое согласие на то, чтобы после подписания и опубликования пакта сделать английскому, французскому и американскому послам заявление примерно следующего содержания: пакт возник в развитие антикоминтерновского соглашения; при этом партнеры в качестве своего военного противника имели в виду Россию; Англия, Франция и Америка не должны усматривать в нем угрозу для себя. Кабинет в Токио обосновывал необ-

ходимость подобного ограничительного толкования пакта тем, что Япония в данный момент по политическим и особенно по экономическим соображениям еще не в состоянии открыто выступить в качестве противника трех демократий. Осима и Сиратори сообщили в Токио о невозможности осуществления также и этого пожелания японского правительства и информировали меня и Чиано, опять-таки в строго конфиденциальном порядке, о развитии этого вопроса. Как Чиано, так и я не оставили никакого сомнения в том, что нас не устраивает заключение договора с такой интерпретацией, прямо противоречащей его тексту. Далее я, чтобы ускорить окончательное выяснение вопроса, заявил Осима и Сиратори, который находился в Берлине в связи с днем рождения фюрера, что я должен узнать об окончательном решении японского кабинета, будь оно положительное или отрицательное, до выступления фюрера, которое намечено на 28 апреля. Оба посла телеграфировали об этом в Токио.

Данное сообщение предназначено исключительно для Вашей личной информации. Прошу строго засекретить его. Эту тему в Ваших беседах по своей инициативе не затрагивать до особого распоряжения, а если в беседе с Вами она будет затронута другой стороной, то ни в коем случае не давать собеседнику понять, что Вы информированы по этому вопросу. Это относится и к послу Италии в стране Вашего пребывания, который, по сообщению Чиано, пока еще не информирован. Напротив, прошу тщательно следить за положением дел на месте и систематически телеграфировать об этом.

Риббентроп

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 352—354.

47. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии Э. Клейстом

2 мая 1939 г.

Имел продолжительную беседу с доктором Клейстом, ближайшим сотрудником Риббентропа.

Клейст нарисовал следующую картину политического положения.

По собственным словам Гитлера, сказанным им несколько дней тому назад Риббентропу, Германия переживает в настоящий момент этап своего абсолютного военного закрепления на востоке, которое должно быть достигнуто с помощью жестоких средств и невзирая на идеологические оговорки. За беспощадным очищением востока последует «западный этап», который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществим разгром Советов.

В настоящее время мы находимся еще на этапе военного закрепления на востоке. На очереди стоит Польша. Уже действия Германии в марте 1939 г.— создание протектората в Богемии и Моравии, образование словацкого государства, присоединение Мемельской области — были не в последнюю очередь направлены против Польши и заранее рассматривались как антипольские акции. Гитлер понял примерно в феврале этого года, что прежним путем переговоров Польшу нельзя привлечь на свою сторону. Таким образом, он решил, что необходимо силой поставить Польшу на колени. Узкому кругу доверенных лиц Гитлера было известно, что последнее германское предложение Польше было сделано в твердом убеждении, что оно будет ею отвергнуто [43]. Гитлер и Риббентроп были убеждены в том, что по соображениям внутренней и внешней политики польское правительство не сможет согласиться с германскими требованиями. Только по этой причине в германское предложение ничтоже сумняшеся вставили пункт о немыслимой самой по себе гарантии неприкосновенности границ Польши в течение 25 лет. Расчет немцев был правильным. В результате отказа Польши мы смогли фактически избавиться от германо-польского пакта о ненападении [2] и получили по отношению к ней свободу рук.

Если развитие пойдет в соответствии с германскими планами и если Польша добровольно не капитулирует в ближайшие недели, что мы вряд ли можем предположить, то в июле — августе она подвергнется военному нападению. Польский генеральный штаб считается с возможностью военных действий осенью, после уборки урожая. Действуя внезапно, мы надеемся смять Польшу и добиться быстрого успеха. Больших масштабов стратегическое сопротивление польской армии должно быть сломлено в течение 8—14 дней. Нападение на Польшу должно вестись в полную силу одновременно с германской восточной границы, из Словакии, Карпатской Украины и Восточной Пруссии и, по мнению германского генерального штаба, должно привести к полному успеху. Польские очаги сопротивления, которые останутся и которые, несомненно, будут еще возникать по всей стране, и не в малом количестве, должны подавляться в ожесточенной, но уже не имеющей международного значения малой войне.

Завершение подготовки Германии к войне против Польши приурочено к июлю — августу. К мерам военного характера приступили лишь недавно. Они проводятся основательно и в полном объеме при строжайшем соблюдении маскировки. Политико-пропагандистская подготовка против Польши еще только-только начинается. В настоящее время подбирается материал для пропагандистской атаки против Польши. На первом плане — следующие темы: под девизом «Польша — второе мозаичное государство» следует заклеймить роковую политику террора, осуществляемую Польшей в национальном вопросе; под девизом «Польша — государство реакции и упадка» будут показаны нищета польских кре-

стьян, культурная отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства, ведущий к упадку, и голодное прозябание польского населения; под девизом «Паразиты у власти» будет показано разложение господствующей в Польше верхушки, продажность польских руководителей, их декадентство и классовая оторванность от широких масс. Разрабатываются и другие, подобные этим темы. Они должны быть сведены в тезисы и лозунги и в надлежащее время опубликованы в прессе. Цель этой кампании — воздействовать на мировую общественность и польское население. Надо будет добиться раскола польской нации и инсценировать обусловленный классовым содержанием мятеж против политического руководства. Кто должен будет играть польскую роль Бенеша, нам еще пока неясно. Рыдз-Смиглы, пожалуй, не подойдет для этого. В остальном подготовка пропагандистского наступления против Польши займет около двух месяцев.

Идеальным было бы, если бы конфликт с Польшей не был открыто вызван со стороны Германии. В настоящее время мы в Берлине изучаем вопрос об использовании украинцев в этом деле. С Волошиным и Реваем достигнута договоренность о том, чтобы в рамках венгерского государства предоставить широкую автономию Карпатской Украине. Этим самым мы снова завоевали бы доверие украинских масс в Восточной Галиции и укрепили бы ослабевшую способность украинцев к борьбе. Не требуется подвергать специальной обработке украинские руководящие круги, ибо последние события ни в коем случае не поколебали их преданности Берлину. Осуществив подобного рода подготовку, мы смогли бы затем дать Польской Украине сигнал к восстанию. Из Словакии и Карпатской Украины мы направили бы сразу же большие партии оружия и боеприпасов, а также послали бы хорошо обученные военному делу отряды сичевиков. Между Берлином и Львовом установлен такой тесный прямой контакт, что можно не сомневаться в массовом восстании украинцев. Очаг пожара в украинских районах дал бы Германии повод для военного вмешательства в крупных размерах. Весь этот проект встречает в Берлине лишь одну оговорку. Это — возможная реакция Советского Союза.

Мы считаем, что конфликт с Польшей можно локализовать. Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу. Если мы в кратчайший срок сломим в основном сопротивление Польши, то Англия устроит демонстрацию своего флота, Франция побряцает оружием за своей линией Мажино [44], на этом дело и кончится. Если же, вопреки ожиданиям, европейская война в связи с акцией против Польши окажется вероятным фактом, то тогда мы будем знать, что германский удар по Польше служит для западных государств лишь поводом для их войны против Германии, что превентивная война против Германии — дело решенное. В таком случае Гитлер готов отважиться на крупное столкновение. Во всяком случае, мы не дадим спровоцировать себя в невыгодное для нас время, а, напротив, выбор момента действия мы оставим

за собой. В настоящее время мы не согласились бы на европейскую войну вследствие нашей недостаточной подготовленности и малоблагоприятной международной обстановки; однако мы надеемся, что через 3—4 месяца мы будем полностью подготовлены. Руководители Германии убеждены в своей победе. Решающее значение будет иметь наша авиация. По расчетам германских военных специалистов, все английские порты, например, могут быть полностью разрушены в течение 6 часов. Опустошающее действие германской авиации было испробовано до сего времени лишь один раз: во время гражданской войны в Испании под Герникой. Успех был потрясающий. В результате массированного налета германской авиации город сровняли с землей. В связи с этим разгром Франции и Англии представляется не слишком трудным делом. Вмешательство Америки будет слишком запоздалым.

В связи с предстоящим нанесением удара по Польше сейчас в Берлине снова начали интенсивно заниматься Юго-Востоком. Мы должны ближе подойти к Румынии. Мы должны оказать непосредственное давление на Бухарест. С этой целью мы хотим ликвидировать самостоятельную Словакию, присоединив ее к Венгрии. Словакия и без того является нежизнеспособной, ее политическое руководство — неспособным. Над расширившейся за счет включения Словакии Венгрией мы хотим затем установить германский протекторат и таким образом выдвинуть наши войска к румынской границе. После этого Румыния капитулирует.

В Прибалтийских государствах мы хотим достичь такой же цели иным путем. Здесь не будет иметь места применение силы, оказание давления и угрозы (экономические переговоры с Литвой мы ведем, соблюдая в высшей степени лояльность и любезность). Таким способом мы достигнем нейтралитета Прибалтийских государств, т. е. решительного отхода их от Советского Союза. В случае войны нейтралитет Прибалтийских стран для нас так же важен, как и нейтралитет Бельгии или Голландии; когда-то позже, если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет, и тогда, в силу заключенных нами ранее пактов о ненападении, не будет иметь места механизм соглашений между Прибалтийскими государствами и Советским Союзом, который ведет к автоматическому вмешательству СССР.

Итак, акция против Польши будет осуществлена в июле или августе. Если поляки попытаются спровоцировать превентивную войну ранее этого срока, то положение будет выглядеть по-иному. Ответим ли мы массированным ударом на эту польскую провокацию, зависит от решения Гитлера и оценки им международной обстановки. Во всяком случае, будет неприятно, если поляки продиктуют нам законы действия и втянут нас в войну в настоящий момент, когда международная обстановка не является благоприятной и когда подготовка Германии к войне еще не закончена.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 362—365.

48. Письмо вице-директора политического департамента министерства иностранных дел Польши М. Кобыляньского послу Польши в Румынии Р. Рачиньскому

4 мая 1939 г.

В связи с последней поездкой министра Гафенку наши представительства прислали нам следующие сообщения о результатах проведенных им бесед и встреч.

Посол Липский доносит, что во время беседы министра Гафенку с канцлером Гитлером последний, по словам министра Гафенку, резко отзывался о Польше и указал на то, что последнее предложение Германии [43] было исключительно благоприятным для Польши. Довольно агрессивно канцлер Гитлер высказывался и об Англии. Канцлер, а также Геринг весьма остро ставили вопрос о колониях. Говоря о Румынии, канцлер подчеркивал свои экономические интересы, и у Гафенку не создалось впечатления, чтобы у Гитлера были в настоящеее время на Юго-Востоке другие, т. е. политические, цели. О Венгрии канцлер говорил скорее без особой симпатии.

Г-н Гафенку, подводя итог, делает заключение, что в настоящее время германские требования направлены прежде всего в сторону колоний. Опасным пунктом является Гданьск. Кроме того, он опасается возможных осложнений на Средиземном море.

На вопрос посла Липского, насколько соответствуют действительности слухи о гарантиях, которые якобы должна была дать Румынии германская сторона, Гафенку ответил, что этот вопрос он совершенно не затрагивал, чтобы не давать германской стороне оснований для выдвижения политических требований.

Затем министр Гафенку проинформировал посла Липского о своих заявлениях канцлеру и Риббентропу, сделанных в связи с беседой, которую он имел с министром * во время поездки из Кракова в Катовицы. Ссылаясь на эту беседу, он подтвердил, что ни Польша, ни Румыния не входят ни в какие блоки, имеющие целью окружение рейха. Он знает, что министр по-прежнему хочет поддерживать хорошие отношения с Германией и вести с ней переговоры. Далее Гафенку указал, что ни Польша, ни Румыния не желают связывать себя с Советами.

Посол Рачиньский ** доносит из Лондона, что министр Гафенку заявил ему, что он убедился в том, что английское правительство не желает устанавливать тесных отношений с Советами. Министр Гафенку считает, что нынешние англо-советские переговоры не дадут конкретных результатов.

Посол Лукасевич сообщает, что министр Гафенку заявил ему, что то толкование польско-румынского союза [45], которое имело место во время поездки из Кракова в Катовицы, было воспринято с удовлетворением французским и английским правительствами.

* Имеется в виду беседа Г. Гафенку с Ю. Беком.

** Э. Рачиньский — посол Польши в Великобритании.

Министр Гафенку заявил также, что он убежден в том, что Германия попытается осуществить свое намерение быстро разрешить вопрос о Гданьске, и он серьезно опасается, что в этих целях германское правительство может прибегнуть к силе даже в самое ближайшее время. Во всех состоявшихся беседах министр Гафенку в отношении Советской России занимал позицию, идентичную позиции Польши. На вопрос посла Лукасевича министр Гафенку ответил, что румынское правительство до настоящего времени не получало от германской стороны предложений о предоставлении гарантий, аналогичных французским и английским гарантиям, но он не видел бы основания для отклонения таких гарантий, поскольку оно приняло их от Англии и Франции. Затем он добавил, что факт денонсирования Германией пакта о ненападении с Польшей [46] изменил ситуацию и в связи с этим вышеуказанный вопрос требует более глубокого изучения.

В связи с заявлением, сделанным послом Венявой-Длугошовским, о том, что последняя речь канцлера Гитлера ни в чем не изменила нашу принципиальную позицию в вопросе отношения к Советской России, министр Гафенку сказал послу Веняве, что об этом ему уже известно от посла Франасовичи.

В беседе с Муссолини министр Гафенку подчеркнул, что позиция Польши исключительно спокойна и, так же как и Румыния, она неизменно враждебно относится ко всяким идеологическим блокам и, следовательно, выступает против сближения с СССР.

По словам министра Гафенку, Муссолини в беседе с ним проявил большую симпатию к Польше и одновременно высказал опасение, что, поскольку Гитлер открыто поставил вопрос о Гданьске, он не захочет отступить, а вооруженный конфликт из-за непримиримости поляков может быть чреват непредвиденными осложнениями и последствиями. На это министр Гафенку заявил, что он питает надежду на то, что еще, может быть, удастся достичь договоренности.

В результате наблюдений, сделанных во время бесед в Риме, министр Гафенку пришел к заключению, что Италия не будет активно вмешиваться в возможный конфликт.

У министерства создалось впечатление, что своей открытой, спокойной и решительной позицией министр Гафенку снискал себе доверие в Лондоне и Париже и добился положительных результатов.

Кобыляньский

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 370—372.

49. Записка советника посольства Германии в Польше Р. Шелия для разведки одной из западных держав

7 мая 1939 г.

За последние дни в Варшаву прибыли: 1) ближайший сотрудник Риббентропа Клейст с заданием определить настроение в Польше; 2) германский военно-воздушный атташе в Варшаве пол-

ковник Герстенберг, возвратившийся из информационной поездки в Берлин; 3) германский посол в Варшаве фон Мольтке, который по указанию Гитлера был задержан почти на целый месяц в Берлине и в настоящее время, не получив директив о дальнейшей политике в отношении Польши, вновь занял свой пост. Сообщения Клейста и Герстенберга о нынешних планах Германии были идентичными. Мольтке в ответ на заданный ему вопрос заявил, что он также слышал в Берлине об отдельных частях этих планов.

Высказывания Клейста и Герстенберга свидетельствуют о следующем.

Нанесение удара Германии по Польше планировалось уже с 1938 г.[36] В связи с этой акцией не препятствовали присоединению к Польше Тешинской области *, в результате чего отношения между чехами и поляками на долгое время должны были быть испорчены, что и удалось сделать. Равным образом в связи с предстоящим нанесением удара по Польше вначале отказывали в установлении общей польско-венгерской границы. Затем такую границу наконец пообещали, чтобы продемонстрировать Венгрии, что решение зависит не от Польши, а от Германии.

Германские меры в Словакии — создание протектората и военная оккупация — являются звеном в рамках осуществления широкого военного плана, преследующего цель охвата Польши с севера и юга. То, что немецкое предложение Польше было вручено польскому послу в Берлине спустя несколько часов после оккупации Мемеля[47], объяснялось намерением Германии поставить Польшу в условия, исключающие принятие этого предложения[43]. Если бы Польша приняла это предложение, то Гитлер мог бы связать свой первый визит в Мемель со своим первым посещением Данцига. Однако в широком немецком плане, направленном против Польши, в результате этого ничего бы не изменилось.

По мнению германских военных кругов, подготовка удара по Польше не будет завершена раньше конца июля. Запланировано начать наступление внезапной бомбардировкой Варшавы, которая должна быть превращена в руины. За первой волной эскадрилий бомбардировщиков через 6 часов последует вторая, с тем чтобы завершить уничтожение. Для последующего разгрома польской армии предусмотрен срок в 14 дней.

Для подготовки нападения на Польшу запланирована с большим размахом пропаганда через прессу и по радио. В ней, например, будут играть определенную роль преступления на сексуальной почве и обогащение руководящих деятелей Польши, а также эксплуатация крестьян и рабочих господствующим режимом.

Далее, приняты все подготовительные меры, чтобы инсценировать восстание в Восточной Галиции, которое в данном случае использовалось бы в качестве предлога для интервенции. Связь Берлин — Львов функционирует отлично, в частности через партию

* См. том 1, прим. 43.

немецкой молодежи в Польше. Недовольство украинцев тем, что Карпатская Украина оставлена на произвол судьбы, устранено. Венгрию побудят предоставить украинскому населению определенные автономные права.

Можно будет рассчитывать на поддержку Венгрии, так как Венгрия должна будет получить Словакию и вместе со Словакией должна быть поставлена под защиту Германии. В результате осуществления этой меры германская армия достигнет румынской границы и сможет тем самым воздействовать на румын, позиция которых вызывает озабоченность в Берлине.

В Берлине больше никто не думает о решении польского вопроса на основе мартовского предложения Гитлера. Новые предложения с польской стороны были бы лишь отрицательно восприняты в Германии. Немецкая программа-минимум включает в настоящее время присоединение всего коридора[4], а по возможности также Верхней Силезии[13] и больших частей провинции Познань, прежде всего ее важных сельскохозяйственных районов. Правда, новый выдвинутый Гитлером лозунг гласит: «Стратегическое обеспечение границ». Но одновременно это означает: «Расширение базы снабжения». Вообще нехватка сырья всех видов является главным движущим стимулом нынешних столь быстрых действий Германии. В свой день рождения (20 апреля) Гитлер сообщил в узком кругу, что осуществление всей программы должно теперь ускориться.

Гитлер уверен, что ни Англия, ни Франция не вмешаются в германо-польский конфликт.

После того как с Польшей будет покончено, Германия обрушится всей своей мощью на западные демократии, сломает их гегемонию и одновременно определит Италии более скромную роль. После того как будет сломлено сопротивление западных демократий, последует великое столкновение Германии с Россией, в результате которого окончательно будет обеспечено удовлетворение потребностей Германии в жизненном пространстве и сырье.

Для правильной оценки этой информации необходимо сказать следующее: не может подлежать никакому сомнению то, что вышеизложенные мысли обсуждены руководящими берлинскими кругами в качестве руководства при предстоящем осуществлении германских планов. Может случиться также, что попытка осуществления целей Германии будет действительно предпринята в изложенной выше форме. Но, с другой стороны, необходимо учитывать, что концепции руководителей рейха, поскольку речь идет о тактике, как показывает опыт, быстро меняются и что каждая новая тактическая концепция излагается доверенными лицами как последняя и окончательная мудрость.

[*Р. фон Шелия*]

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 376—379.

50. Памятная записка, врученная послом Великобритании в СССР народному комиссару иностранных дел СССР

8 мая 1939 г.

В работе по созданию барьера против агрессии в Восточной Европе путем принятия мер к обеспечению безопасности тех держав, над которыми наиболее висит угроза, правительство Его Величества в предпринимаемых им шагах всегда придавало особое значение участию в его усилиях Советского правительства. Оно сознает в полной мере, что содействие, могущее быть оказанным Советским правительством восточноевропейским странам, имело бы исключительную ценность в случае войны и что перспектива такого содействия служила бы мощным задерживающим началом против агрессии. Сообразно с этим все его стремления были направлены к изысканию средств по избежанию или преодолению некоторых присущих этому делу затруднений. Именно эту цель преследовало правительство Его Величества, предлагая Советскому правительству, чтобы оно по собственному почину сделало бы декларацию * такого рода, которая, по его убеждению, послужила бы стабилизирующим началом тем, что выказала бы готовность Советского правительства сотрудничать, притом что этот факт не причинил бы немедленных осложнений тем, кому желательно оказать содействие. В силу этого предложения Советское правительство оказало бы свое содействие в форме, которая представлялась бы наиболее приемлемой странам, являющимся жертвами агрессии, самим решившим сопротивляться и которые желали бы воспользоваться таковым содействием. Целью первоначального предложения, сделанного Советскому правительству, было претворить в жизнь эту идею.

Правительство Его Величества, однако, в свете советского контрпредложения ** и своего обмена мнениями с другими правительствами пересмотрело свое первоначальное предложение, сделанное Советскому правительству, и оно позволяет себе передать его в следующей форме:

«Предлагается на усмотрение Советского правительства, чтобы оно огласило по собственной инициативе декларацию, в которой, делая ссылку на недавнее заявление Сталина по общеполитическому вопросу и принимая в соображение недавние заявления со стороны правительства Его Величества и французского правительства, которыми приняты новые обязательства по отношению к известным восточноевропейским странам, Советское правительство обязалось бы, в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств, оказать немедленно содействие, если оно будет желательным, причем род и условия, в которых представлялось бы это содействие, служили бы предметом соглашения».

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 382—383.

* См. док. № 42.
** См. док. № 43.

51. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР

10 мая 1939 г.

Имел часовой разговор с Беком. Получил некоторую информацию о состоянии польско-германских отношений. Путем подробного анализа соотношения сил в Европе и возможностей эффективной франко-английской помощи Польше привел Бека к прямому признанию, что без поддержки СССР полякам себя не отстоять. По своему обычаю, резюмируя в конце беседы основное содержание разговора, я отчетливо сформулировал еще раз это заявление Бека, и он его подтвердил. Со своей стороны я подчеркнул, что СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала. Подробнее информирую о разговоре по приезде.

Потемкин

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 389.

52. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Польши в СССР

11 мая 1939 г.

Я принял посла по его просьбе. Гжибовский начал разговор с заявлений, что неточно информировал меня в предыдущей беседе * о позиции польского правительства в отношении сделанных со стороны Советского правительства предложений Англии и Франции **. Высказывая в прошлый раз свое в общем положительное отношение к этим предложениям, он неточно изложил позицию польского правительства. Посол прочитал по записке инструкции, полученные им из Варшавы. В этих инструкциях обращают на себя внимание два пункта. Во-первых, польское правительство заявляет, что инициатива Франции в переговорах о гарантиях Польше не соответствует точке зрения польского правительства, которое такого рода переговоры считает возможным вести только само, а Франции таких переговоров оно не поручало. Во-вторых, Польша не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания

* Имеется в виду беседа В. М. Молотова с В. Гжибовским 8 мая 1939 г.
** См. док. № 43.

помощи Советскому Союзу со стороны Польши, а между тем Польша исходит из того принципа, что пакт о взаимопомощи возможно заключать только на условиях взаимности. Вместе с тем посол, отвечая на мой вопрос, сказал, что Польша не может быть против заключения пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, считая, что это дело самих этих государств.

На мой вопрос, заинтересована ли Польша в таком пакте, посол отвечал уклончиво, перечитывая полученные инструкции.

На мой вопрос, заинтересована ли Польша в гарантиях граничащих с СССР европейских государств, посол отвечал, что это не должно относиться к Польше. Он пояснял, что он говорит это в отношении данного момента, но что в дальнейшем вопрос может встать и иначе.

Вся беседа свидетельствовала о том, что Польша не хочет в данный момент связывать себя каким-либо соглашением с СССР или согласием на участие СССР в гарантиях Польше, но не исключает последнего на будущее [48].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 393—394.

53. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР послу Великобритании в СССР

14 мая 1939 г.

Советское правительство внимательно рассмотрело последние предложения правительства Великобритании, врученные Советскому правительству 8 мая *, и пришло к заключению, что они не могут послужить основой для организации фронта сопротивления миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе.

Мотивы такого заключения:

1. Английские предложения не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, в то время как Англия, Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности.

2. Английские предложения распространяют гарантию восточноевропейских государств, граничащих с СССР, лишь на Польшу и Румынию, ввиду чего северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии остаются неприкрытыми.

3. Отсутствие гарантий СССР со стороны Англии и Франции в случае прямого нападения агрессоров, с одной стороны, и неприкрытость северо-западных границ СССР, с другой стороны, могут послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза.

Советское правительство полагает, что для создания действительного барьера миролюбивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе необходимы по крайней мере три условия:

1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии;

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств Центральной и Восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию;

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без чего (без такого соглашения) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией [40].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 395.

* См. док. № 50.

54. Запись беседы советника политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии Рютера с деятелем консервативной партии Великобритании Г. Друммонд-Вольфом

14 мая 1939 г.

Из бюро Риббентропа (барон фон Гайр) 13 мая мне предложили побеседовать с г-ном Друммонд-Вольфом. 14 мая я встретился с г-ном Друммонд-Вольфом у него в отеле, где мы вместе позавтракали. Он намекнул мне, так же как и при встрече в Лондоне, что находится в Берлине с ведома ближайших советников британского кабинета, и просил рассматривать нашу беседу как совершенно конфиденциальную. Я же, напротив, сказал, что компетентен лишь в вопросах англо-германских экономических отношений и что если он хочет затронуть политические вопросы, то мою точку зрения можно рассматривать не иначе как мнение «человека с улицы».

Вначале Друммонд-Вольф сказал, что после своего прибытия в Берлин он до сих пор имел лишь одну беседу, а именно с г-ном министериаль-директором Вольтатом, которого, впрочем, он надеется увидеть еще 15 мая. От возможности дальнейших бесед зависит, сколь долго он будет находиться в Берлине.

Из многих вопросов, затронутых в ходе беседы, необходимо отметить следующие:

1. Друммонд-Вольф подчеркнул, что политические комбинации, на которые идет сейчас Великобритания, не исключают того, что Великобритания предоставит Германии во всем мире, в

частности на Востоке и на Балканах, поле для экономической деятельности, которое принадлежит ей там по праву; Великобритания даже поддержала бы там эту деятельность. Он спросил, каково было бы мое мнение, если бы Великобритания отказалась от своей прежней непримиримой позиции в вопросе о наибольшем благоприятствовании, и в частности в двойном плане:

а) Великобритания, во-первых, может отказаться от льготных таможенных пошлин, которых Германия в договорном порядке добилась бы от третьих стран (при этом он, очевидно, имел в виду Балканские страны);

б) Великобритания, вопреки ее прежней точке зрения (по моему мнению, до настоящего времени эта точка зрения носила лишь теоретический характер), может отказаться от того, чтобы в ее отношениях с Германией право наибольшего благоприятствования не только получало применение в сфере таможенного обложения, но и распространялось на товарные контингенты.

Мы обсуждали этот вопрос только в общем плане; Друммонд-Вольф неоднократно возвращался к этой теме, обосновывая свои положения, как мне кажется, чисто теоретическими аргументами, а именно: в международном плане право наибольшего благоприятствования должно быть основой экономических отношений, однако в особом, национальном плане необходимо допускать исключения; космополитически настроенные евреи мира являются самыми ярыми противниками расширенного толкования права наибольшего благоприятствования и т. д.

2. Друммонд-Вольф прямо поставил вопрос о том, во что может исчисляться сумма займа, который помог бы Германии преодолеть трудности с валютой.

В ходе беседы я, отвечая на неоднократные заявления по этому вопросу, сказал, что Германия не ищет новых задолженностей за рубежом; что же касается размера суммы, то я указал на следующие моменты:

а) в условиях, когда наши производственные мощности постоянно расширяются, и учитывая наши задачи, сумма в валюте, которая нужна нам для закупки сырья и продовольствия, собственно, верхней границы не имеет;

б) однако любой заем имеет свои пределы, которые сторона, предоставляющая заем, может легко высчитать, а именно: эта граница определяется той суммой в валюте, которую кредитор позволит нам дополнительно заработать на экспорте, чтобы погасить проценты и амортизацию по займу.

3. Друммонд-Вольф спросил, что мы думаем относительно возобновления прерванных в марте англо-германских экономических переговоров [15], однако оказался не совсем в курсе дела относительно параллельно протекающих: а) переговоров между промышленными объединениями по вопросу о картелях и ценах и б) официальных переговоров между правительствами об увеличении германского экспорта в Великобританию и — что важно! —

в британские колонии, которое должно быть обеспечено снижением таможенных пошлин и правительственными заказами.

Ему было известно, что английские промышленники недавно сообщили своим немецким коллегам, что переговоры будут продолжены в июне в Лондоне.

Что касается правительственных переговоров, то я выразил личное мнение, что, как и обещала английская сторона, их надо продолжать до тех пор, пока обсуждение на уровне представителей промышленных кругов не даст ощутимых результатов (что уже было достигнуто в некоторых отраслях).

4. Друммонд-Вольфу не было известно о том, что 18 мая в Лондоне начнутся англо-германские предварительные переговоры об урегулировании платежного баланса между протекторатом Богемия и Моравия, с одной стороны, и Великобританией — с другой; он проявил большой интерес к этому вопросу.

5. Что касается политических вопросов, то Друммонд-Вольф, собственно, лишь поинтересовался, когда мы выдвинем претензию на возврат колоний и к чему она будет сводиться.

Я дал обычный ответ на этот вопрос, а именно: мы претендуем на все колонии, которые нам принадлежат, и в свое время мы поставим этот вопрос на обсуждение. В ходе переговоров будет определено, какие колониальные области мы получим.

Рютер

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 396—398.

55. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту

15 мая 1939 г.

На этих днях по согласованию с итальянским правительством я в следующем смысле информировал посла Осима о позиции Италии и Германии:

1) Германское и итальянское правительства намерены без каких-либо изменений продолжать свою прежнюю политическую линию в отношении Японии.

2) Оба правительства пришли к решению подписать двусторонний союзнический пакт [49] еще в течение этого месяца, поскольку они считают целесообразным без промедления ответить соответствующей акцией на политическую активность западных держав, развернутую в пропагандистских целях.

3) Трехсторонним переговорам Берлин — Рим — Токио подписание германо-итальянского союзнического пакта не нанесет никакого ущерба. Этот союзнический пакт также и в юридическом отношении окончательно подтвердит незыблемую прочность оси Берлин — Рим [35]. Японцам, если они желают заключения тройственного пакта [42], доставит лишь удовлетворение возможность убедиться в том, насколько четко и определенно решаются вопросы

двусторонних отношений между их обоими европейскими партнерами, а также в том, что любая возможность расхождений между этими партнерами исключена.

4) В остальном же ни от германского, ни от итальянского правительств не зависит тот факт, что заключение тройственного пакта так затянулось. Я давно уже указывал японцам на то, что при длительном затягивании заключения тройственного пакта может возникнуть необходимость заключить прежде германо-итальянский пакт.

5) Тот факт, что германо-итальянский пакт в некотором отношении будет содержать более тесные обязательства, чем имеющийся проект тройственного пакта, также не может служить для японцев поводом для беспокойства. Ведь совершенно естественно, что политическое и военное сотрудничество между обеими европейскими соседними странами, которые непосредственно противостоят Франции и Англии, должно развиваться интенсивнее, чем сотрудничество с весьма отдаленной Японией. Проявление этого различия между двумя пактами не означает, что со стороны Германии и Италии дружба с Японией ставится на более низкий в политическом отношении уровень. Мировая общественность, для которой ось Берлин — Рим уже давно стала прочным понятием, сочтет это различие вполне естественным. Кроме того, именно Япония постоянно настаивала на осторожном формулировании обязательств по тройственному пакту. Германия и Италия со своей стороны только приветствовали бы, если бы Япония захотела присоединиться к более широким обязательствам германо-итальянского пакта. Однако Япония вовсе не может требовать, да и не заинтересована в том, чтобы в своих двусторонних отношениях Германия и Италия приспосабливались к уровню, желательному, с точки зрения Японии, для тройственного пакта.

6) Одновременное существование германо-итальянского пакта и тройственного пакта не влечет за собой никаких трудностей как по существу дела, так и с технической точки зрения. Положения имеющегося японского проекта тройственного пакта можно оставить полностью без изменений. Нужно только в конце пакта добавить чисто формальную статью, которая определяла бы соотношение между двумя пактами с юридической точки зрения. Я передал Осима проект соответствующей статьи.

7) Германское и итальянское правительства высказывают настоятельное пожелание, чтобы японское правительство в скором времени приняло свое окончательное решение, с тем чтобы можно было тайно парафировать тройственный пакт одновременно с подписанием германо-итальянского пакта. Это пожелание вновь показывает, что они * далеки от мысли пренебрегать в политическом плане своими отношениями с Японией.

Прошу Вас изложить указанные соображения Вашему доверенному лицу, а если возможно, то и непосредственно военному министру, чтобы таким путем повлиять на быстрое позитивное решение со стороны японского правительства. При этом прошу в подходящей форме использовать в беседе следующее.

Если германское и итальянское правительства, как уже было подчеркнуто выше, преисполнены твердой решимости придерживаться своего прежнего политического курса в отношении Японии, то, с другой стороны, нельзя умолчать о том, что вся прежняя позиция японского правительства постепенно начинает вызывать в Риме и Берлине определенный скептицизм. Муссолини недавно высказывал опасение, не следует ли толковать отношение в Токио к этому вопросу, которое имело место до настоящего времени, в том направлении, что японское правительство в конечном итоге не найдет в себе силы принять позитивное решение. Далее, фюрер в последнее время неоднократно заявлял мне, что позиция Японии становится ему все более непонятной. С его точки зрения, Япония должна понять, что ее крупные политические интересы совпадают с интересами Германии и Италии и что поэтому ее место на стороне этих двух держав.

Далее прошу разъяснить Вашему японскому собеседнику, что опасения Японии перед возможностью присоединения Америки к Англии и Франции в случае войны ни в коей мере не могут служить аргументом против заключения тройственного пакта, поскольку этот пакт будет лучшим средством для того, чтобы удержать Америку от вступления в войну. С другой стороны, Япония должна отдавать себе отчет в том, что обеспечение ее позиций в Восточной Азии, особенно в Китае, в первую очередь зависит от превосходства держав оси над западными державами. Если этого превосходства не будет, то Япония очень быстро ощутит последствия этого. Следовательно, Япония, несомненно, заинтересована в любом отношении в том, чтобы своим присоединением увеличить это превосходство и не вызвать у западных держав впечатления, будто бы они могут рассчитывать на нейтралитет Японии в случае конфликта с Германией и Италией.

Текст проекта пакта и относящиеся к нему документы будут отдельно переданы для Вашей личной информации телеграфом.

Министр иностранных дел Германии

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 400—403.

* Имеются в виду германское и итальянское правительства.

56. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

19 мая 1939 г.

В связи с вылетом завтра утром в Варшаву полковника Квечиньского спешу в нескольких словах изложить свои впечатления и наблюдения, имеющиеся у меня по поводу англо-советских

переговоров. Я не буду подробно анализировать нынешнее состояние переговоров, так как предполагаю, что вы, г-н министр, получаете от Кеннарда постоянную и более подробную информацию, чем та, которой я располагаю. Кроме того, в этом деле все подвижно и постоянно изменяется. Тем не менее я хочу обратить Ваше внимание на настроения и замыслы, которые становятся более очевидными в свете этих переговоров.

В моей телеграмме от 17-го сего месяца я вкратце изложил мнение группы «активистов», включающей Черчилля и его сторонников по консервативной партии, а также весь лагерь независимых либералов во главе с Арчибальдом Синклером и Ллойд Джорджем. Эту группу в русском вопросе поддерживает, очевидно, лейбористская партия. Я писал о том, что эти круги настойчиво выступают за англо-франко-советский союз и что они обвиняют правительство в недостатке решительности и энергии в вопросе создания политической организации, обладающей максимумом силы и практическими возможностями и могущей поставить преграду на пути германской экспансии. По их мнению, лорд Галифакс и премьер Чемберлен, первый скорее по идеологическим соображениям, второй же чтобы полностью не закрыть себе пути к политике «умиротворения», сознательно и с умыслом затягивают переговоры с Москвой, к которой они по-прежнему относятся холодно. Далее я упоминал, что мои собеседники, недовольные методом премьера, заключающимся в том, что его тактика по отношению к Советам строится с учетом польских требований, усиленно старались лишить премьера этого аргумента. Разъяснения, которые я давал по Вашему, г-н министр, поручению, позволили мне успешно оградить имя Польши от использования его во внутриполитической игре англичан *.

Трудно очень точно установить, каковы конкретные замыслы премьера и правительства на ближайшее будущее и в какой степени обоснованы подозрения группы «активистов». Однако не подлежит сомнению, что эти подозрения в известной мере правомерны и что премьер не перестает думать о смягчении напряженности, избегая поэтому всего, что лишало бы его возможности

* Свою озабоченность тем, чтобы как можно сильнее привлечь Россию на сторону «коалиции» на случай возникновения войны, У. Черчилль объяснил мне, между прочим, следующим образом.

Польская армия будет сражаться с немцами, несомненно, мужественно и, вероятно, на первом этапе успешно. Однако ее вооружение и снабжение не идут ни в какое сравнение с вооружением и мощным снабжением германской армии, и поэтому уже через несколько месяцев возникнет опасный для нас кризис. Успешное противодействие этому возможно только в случае, если будет иметься возможность пользоваться советскими ресурсами, их военной промышленностью и транзитом через их территорию. Особую трудность здесь будет представлять, помимо слабого состояния русских железных дорог, различие колеи, что вызовет необходимость перевалки грузов на границе. Перевалка же требует наличия надлежащих товарных платформ, достаточно протяженных железнодорожных веток и т. д. Несомненно, потребуется значительное развертывание строительства этих сооружений на границе в самое кратчайшее время.— *Прим. Э. Рачиньского.*

вновь вернуться к переговорам с Берлином и, возможно, с Римом.

«Активисты» склонны утверждать, что премьер по вышеизложенным причинам не проявляет достаточной энергии, чтобы ускорить осуществление военного и финансового сотрудничества между Англией и ее новыми союзниками. Этот упрек является заслуженным, возможно, лишь постольку, поскольку правительство Чемберлена все еще продолжает сопротивляться переводу экономики исключительно на военные рельсы, при котором не учитывались бы «нормальные» требования мирной экономики ни в области финансов, ни в области людских резервов.

К настоящему донесению я прилагаю запись беседы, которую я имел с полковником Исмеем, секретарем Комитета имперской обороны *. По моему мнению, не следует переоценивать значение некоторых характерных высказываний полковника Исмея, которые отражают, несомненно, в большой степени его личные взгляды. Однако важный пост и контакты полковника, которые он имеет благодаря своему положению с премьером и его ближайшим окружением, не позволяют нам пренебрегать его мнением. Вывод, напрашивающийся в результате рассмотрения положения вещей по указанному вопросу, сводится к необходимости усиления бдительности и непрестанного нажима, с тем чтобы, с одной стороны, принудить английского партнера к позитивным действиям, а с другой — устранить проявления пораженчества и уступчивости, что могло бы быть использовано в чужих интересах **.

Настоящий доклад я диктую после возвращения с заседания палаты общин, где я слушал дебаты, посвященные прежде всего англо-советским переговорам. До сих пор я не имею в своем распоряжении всех материалов и, следовательно, не имею возможности дать оценку результатам этой дискуссии и особенно известного заявления премьера. Это заявление в определенной мере является очередным, не знаю, которым уже по счету, предложением, обращенным к Германии, прийти к соглашению. В то же время в этом выступлении нашло также отражение его давнишнее отрицательное отношение к заключению формального союза с Советами. Я совсем не был бы удивлен, если бы премьер Чемберлен считал свое сегодняшнее выступление предостережением и если бы вопрос углубления отношений с Москвой он ставил в зависимость от реакции Германии на его выступление.

Эдвард Рачиньский

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 403—406.

* В данном сборнике не публикуется.

** Я имею в виду корреспонденции на тему об англо-германских отношениях, время от времени появляющиеся на страницах «Times» и начало которым было положено «пораженческим» письмом за подписью лорда Рашклифа (Rushcliff). Этой слишком нежелательной активности «Times» и предпринятым мною мерам, направленным на ее прекращение, я посвящаю отдельный доклад.— *Прим. Э. Рачиньского.*

57. Письмо посла Германии во Франции И. Вельчека в министерство иностранных дел Германии

20 мая 1939 г.

Спустя 14 дней после моего возвращения *, во время которых я не встречался с министром иностранных дел, я счел необходимым лично побеседовать с Боннэ для решения текущих дел, в частности по вопросу о прекращении выдворений и обсуждения проблем торговой политики. Поэтому вчера после полудня я поручил передать ему, что в соответствии с его желанием я предоставляю себя в его распоряжение для беседы. Ответ поступил незамедлительно: он (Боннэ) просит меня приехать как можно скорее. Министр иностранных дел выразил свою радость в связи с возможностью снова встретиться здесь со мной. Сначала я выполнил данные мне министром иностранных дел поручения, а затем затронул вопрос о реализации договоров, заключенных нами с Францией, и о развитии наших экономических отношений с ней [17]. Мы ничего не имеем против Франции, сказал я, но мы не можем не указать на опасность той политики окружения Германии, которую проводит в последние два месяца Англия и которой, к сожалению, придерживается также Франция, причем как раз Франции придется взять на себя основное бремя затеянной Англией борьбы и принести чудовищные кровавые жертвы. Мирное решение восточных проблем, необходимость которого подчеркивалась еще прошлой осенью, теперь сорвано или по меньшей мере затруднено из-за поляков, получивших поддержку извне. Я сомневаюсь, способствует ли эта политика сохранению мира. Учитывая проявленное им (Боннэ) до сих пор понимание жизненно важных интересов Германии, я не хотел бы верить, что он если не сегодня, то завтра намерен отказаться от политики мира. Боннэ ответил мне, что он никогда не отклонится от главной линии своей политики и до конца будет бороться за дело мира. Несмотря ни на что, он продолжает отстаивать идею сотрудничества с Германией, которое снова налаживается и может стать со временем еще более тесным. Однако мы не должны упускать из виду, что положение по сравнению с сентябрем прошлого года существенным образом изменилось. В Мюнхене, где фюрер добился небывалого в истории успеха, было выражено стремление к строительству новой Европы, базирующейся на принципах сотрудничества, ибо имеется только одна альтернатива: сотрудничество или господство, как сказал Даладье в своей последней речи **. Эта мечта основательно разрушена, и потребуется немало времени для того, чтобы прийти в себя после этого шока от неоправдавшегося доверия. До 15 марта не было никаких существенных препятствий на пути урегулирования восточных

* И. Вельчек возвратился на свой пост в Париж 6 мая из Берлина, куда он был вызван 20 марта.

** На открытии заседания палаты депутатов 11 мая.

проблем. Каждый реально мыслящий политик после Мюнхена понял, что Чехословакию выдали Германии [30]. Если созданное тогда оказалось непрочным, то ведь можно же было изменить также и это положение путем консультаций между участниками соглашения, но отнюдь не с помощью насильственного акта всего несколько месяцев спустя. Иначе нет никакого смысла подписывать договоры. Они, как известно, заключаются не ради хорошей погоды, а в качестве предохранительного клапана для предотвращения грозы.

Если я (Боннэ) спросил бы сегодня какого-либо рабочего в городе или крестьянина в деревне, ради чего он пошел бы на фронт, то каждый ответил бы, что он пошел бы на войну не ради Данцига, а для защиты совершенно других ценностей. Людям уже порядком надоело то и дело узнавать из газет о новых актах насилия и жить в постоянном беспокойстве. После краха его (Боннэ) политики, направленной против военных бурь и пожаров, стало чрезвычайно трудно бороться против поджигателей войны. Эти поджигатели войны заинтересованы, конечно, в том, чтобы повсюду подливать масло в огонь, как в свое время в Румынии, откуда обратились к Франции с просьбой о помощи. Он надеется, что у нас в настоящее время ясно представляют себе, что любой новый акт насилия неизбежно развязал бы мировую войну. С тех пор как фюрер якобы сказал Гафенку, что, по его мнению, война будет иметь своим последствием большевизм, он, Боннэ, стал более уверен в будущем, так как ведь мы все не хотим допустить усиления большевизма ни в мировом масштабе, ни в локальных рамках. До сих пор еще ни одна война в истории окончательно не решала имеющиеся проблемы. Итак, в настоящее время задача состоит в том, чтобы снова найти путь к сотрудничеству, и он всегда готов к такому сотрудничеству, несмотря на крики его многочисленных врагов. В случае, если я натолкнусь на недоброжелательное отношение французской прессы, на которую он имеет влияние, то он просил бы меня назвать ему статьи, вызывающие нарекания, и он прибегнул бы тогда к соответствующим средствам, насколько это будет в его власти. По вопросу о выдворении нежелательных для обеих сторон лиц необходимо было бы также достигнуть полюбовной сделки; он лично в целом ряде случаев вступался за высылаемых, например в случае с представителем газеты «Эссенер Национальцайтунг», против которого якобы были выдвинуты справедливые обвинения; об этой газете он знает, что она близка генерал-фельдмаршалу Герингу. Он (Боннэ) не будет сидеть сложа руки, а пойдет дальше по пути, который он признает верным.

Вельчек

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. VI, S. 447—449.

58. Телеграмма посла Германии в Японии Э. Отта министру иностранных дел Германии И. Риббентропу

20 мая 1939 г.

Военный министр * только что передал через генерала Майири письменное заявление для г-на рейхсминистра, которое вкратце сводится к следующему.

На совещании пяти министров принято решение о присоединении Японии к военному пакту [42]. Министр иностранных дел самое позднее в воскресенье информирует германское правительство. Армия достигла единства с остальными видами вооруженных сил, добилась в принципе осуществления своих требований, пойдя на некоторые уступки в формулировках. Японское правительство надеется, что на этой основе можно достичь единства с Германией и Италией в ускоренном порядке. Армия добивается секретного парафирования одновременно с подписанием германо-итальянского пакта [49], чтобы сразу закрепить тройственный характер союза. Военный министр, подчеркивая это стремление, неоднократно высказывал просьбу к г-ну рейхсминистру, чтобы тот проявил полное доверие к искренним чувствам армии и к ее способности добиться осуществления своих требований, не обращая внимания на незначительные изменения германского проекта.

Заявление производит большое впечатление. Подчеркивается твердая решимость армии, несмотря на начальные трудности, полностью выполнить как вне, так и внутри страны обязательства, зафиксированные в пакте, как это уже имело место при заключении антикоминтерновского пакта. История Японии свидетельствует, что она подходит к заключению договоров с особой осторожностью и не спеша, однако строго выполняет раз уж заключенные ею соглашения. Армия не смогла за такой короткий срок полностью искоренить чувства дружбы к Англии, которые существовали на протяжении десятилетий. Однако, будучи подлинной движущей силой японской государственной политики, она берет на себя твердое обязательство постепенно закрепить во всех слоях народа идею союза.

По многим признакам складывается впечатление, что сегодняшнее решение кабинета окончательное. Заявление военного министра носило глубоко откровенный характер и было сделано в торжественном и серьезном тоне.

Отт

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 407—408.

59. Из протокола совещания у А. Гитлера

23 мая 1939 г.

Участники совещания: фюрер, фельдмаршал Геринг, гросс-адмирал Редер, генерал-полковник фон Браухич, генерал-полковник Кейтель, генерал-полковник Мильх, генерал артиллерии Гальдер, генерал Боденшатц, контр-адмирал Шнивиндт, полковник Хоснек, полковник генштаба Варлимонт, подполковник генштаба Шмундт, капитан Энгель, корветтен-капитан Альбрехт, капитан фон Белов.

Повестка дня: информация о политическом положении и задачах.

Фюрер характеризует задачу совещания следующим образом:

1) характеристика положения;

2) определение задач, вытекающих для вермахта из нынешней ситуации;

3) уяснение вытекающих из этих задач последствий;

4) обеспечение секретности всех решений и работ, которые будут определены в ходе совещания.

Секретность — предпосылка успеха.

Ниже приводится основное содержание выступления фюрера:

Наше нынешнее положение следует рассматривать с двух точек зрения:

1) фактическое развитие за период с 1933 по 1939 г.;

2) общее положение Германии, которое на протяжении длительного периода остается неизменным.

За период с 1933 по 1939 г.— успехи на всех участках. Колоссальное улучшение нашего военного положения.

Наше положение в окружающем мире осталось неизменным.

Германия была исключена из круга могущественных государств. Равновесие сил было установлено без участия Германии.

Выдвижение Германией жизненно важных для нее претензий и ее вступление в круг могущественных государств нарушают это равновесие. Все претензии рассматриваются как «вторжение».

Англичане больше боятся экономической угрозы, чем обыкновенной угрозы силой.

80-миллионная масса разрешила духовные проблемы. Необходимо решить и экономические проблемы. Ни один немец не может обойти вопрос о создании необходимых для этого экономических предпосылок. Для решения данных проблем требуется мужество. Принцип, в соответствии с которым путем приспособления к обстоятельствам стремятся уйти от решения проблем, не должен иметь места. Наоборот, необходимо обстоятельства приспосабливать к потребностям. Без вторжения в иностранные государства или захвата иноземного имущества это невозможно.

Жизненное пространство, соразмерное с величием государства, является основой для любой власти. Некоторое время можно отказываться от него, однако потом так или иначе приходится решать эту проблему. Мы перед выбором: подъем или падение. Через 15—20 лет решение вопроса станет для нас вынужденной необходимостью. Ни один из немецких государственных деятелей не может более уходить от этого вопроса.

* С. Итагаки.

В настоящий момент мы находимся в состоянии национального подъема, равно как и два других государства: Италия и Япония.

Имевшееся время было хорошо использовано. Все шаги последовательно преследовали намеченную цель.

По истечении шести лет положение следующее:

За небольшими исключениями, национально-политическое объединение немцев осуществлено. Достичь новых успехов без кровопролития уже нельзя.

Определение границ — дело военной важности.

Поляки — наш извечный враг. Польша всегда будет стоять на стороне наших противников. Несмотря на соглашение о дружбе, в Польше всегда думали о том, чтобы использовать против нас любую возможность.

Дело не в Данциге. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства и обеспечении снабжения, а также о решении балтийской проблемы. Продовольственное снабжение можно обеспечить только из районов с невысокой плотностью населения. Плодородие и немецкое солидное ведение хозяйства в громадных размерах увеличат излишки продукции.

В Европе нет иных возможностей.

Колонии: предупреждение от принятия в качестве подарка колониальных владений. Это не решение продовольственной проблемы. Блокада!

Если судьба заставит нас столкнуться с Западом, то в этом случае будет хорошо иметь обширную территорию на Востоке. В ходе войны мы в еще меньшей мере сможем рассчитывать на рекордные урожаи, чем в мирное время.

Население негерманских областей не несет военной службы и поэтому должно использоваться как рабочая сила.

«Проблему Польши» невозможно отделить от проблемы столкновения с Западом.

Внутренняя устойчивость Польши по отношению к большевизму сомнительна. Поэтому Польша является сомнительным барьером против России.

Быстрое достижение победы в войне с Западом остается под вопросом, так же как и позиция Польши.

Польский режим не выдержит давления России. В победе Германии над Западом Польша усматривает угрозу для самой себя и попытается лишить нас этой победы.

Поэтому польский вопрос обойти невозможно; остается лишь одно решение — при первой подходящей возможности напасть на Польшу.

О повторении чешского варианта нечего и думать. Дело дойдет до борьбы. Задача в том, чтобы изолировать Польшу. Ее изоляция имеет решающее значение.

Поэтому фюрер должен резервировать за собой право на окончательный приказ о начале действий. Нельзя допустить одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией).

Нет уверенности в том, что в ходе германо-польского столкновения война с Западом исключается; тогда борьбу следует вести в первую очередь против Англии и Франции.

Принципиальная установка: столкновение с Польшей, начиная с нападения на нее, может увенчаться успехом только в том случае, если Запад будет исключен из игры.

Если это невозможно, то тогда лучше напасть на Запад и одновременно покончить с Польшей. [...]

Шмундт

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 411—413.

60. Запись беседы германского коммерсанта с советником посольства Германии в Польше Р. Шелия

25 мая 1939 г.

Фон Шелия рассказал, что по инициативе вице-министра иностранных дел Польши Арцишевского германский посол фон Мольтке 19 или 20 мая был вместе с Арцишевским на завтраке у болгарского посланника в Варшаве. Арцишевский действовал с согласия Бека. Арцишевский говорил, что Бек весьма неохотно принимает участие в проведении нынешней политики Польши и, конечно, был бы готов договориться с Германией, если бы удалось найти какую-либо форму, которая не выглядела бы как капитуляция. Бек считает, что война между Германией и Польшей была бы бессмыслицей, из которой извлекли бы выгоду лишь другие. Какое большое значение Бек придает тому, чтобы не раздражать Германию, показывает та сдержанность, которую Польша проявляет в отношении переговоров о пакте между Западом и Советским Союзом. Бек также не понимает, почему Германия хочет иметь именно Данциг, в то время как она отказывается от других германских территорий, расположенных на границах Германии, как-то: Южный Тироль и Эльзас.

На вопрос Арцишевского, почему Германия выбрала столь неблагоприятный момент для своего предложения Польше [43], Мольтке ответил, что это предложение должно было послужить умиротворению и что поэтому с германской точки зрения выбор момента не мог играть решающую роль. Мольтке далее заявил, что в настоящее время не имеется благоприятных возможностей для того, чтобы начать разговор. Одной из причин этого является и речь Бека, в которой было проявлено мало желания пойти навстречу.

Фон Шелия на основании бесед, которые он имел 15—19 мая в Берлине с политическим директором министерства иностранных дел Вёрманом и с рядом других высокопоставленных чиновников этого министерства, а также с рядом штабных офицеров министерства авиации и военного министерства, констатировал, что в действительности в настоящее время в Берлине ни при каких обстоятельствах не хотят вступать в переговоры с Польшей. Здесь считали бы в высшей степени неподходящим, если бы с польской

стороны были сделаны какие-либо конкретные предложения. Рассчитывают на полный успех применяющейся сейчас против Польши тактики изматывания. Такой подход подкрепляется, во-первых, сообщениями о возрастающих экономических трудностях Польши, во-вторых, уже упоминавшимися выше сообщениями о проявленной польской стороной готовности к переговорам. Поэтому в названных берлинских кругах открыто говорят о том, что решение германо-польского спора возможно теперь лишь на базе возвращения Германии Данцига и коридора. Иногда можно услышать, причем из очень хорошо информированных источников, что германские требования сейчас уже распространяются на Познань и Верхнюю Силезию.

Фактором, тормозящим безусловно имеющиеся агрессивные устремления Германии в отношении Польши, является Советский Союз. По мнению влиятельных берлинских кругов, в настоящее время вопрос о позиции Советского Союза вообще является самым важным вопросом.

Касаясь других своих впечатлений, фон Шелия сказал, что в имперском министерстве авиации непоколебимо убеждены в том, что Германия вскоре будет воевать. Мнения о сроках и концепциях расходятся. Говорят о том, что мы не хотим мировой войны, но фюрер уж сумеет найти подходящую конъюнктуру. Столь же воинственно настроены высшие офицеры в военном министерстве. Там придерживаются тезиса, что было бы лучше своевременно ликвидировать Восточный фронт посредством превентивной войны против Польши. При этом ссылаются на высказывания Гитлера, который сейчас «лично зол на Польшу». Раздуванию воинственного настроения в обоих названных министерствах способствовала недавняя речь Гитлера перед молодыми офицерами вермахта. В этой речи он также исходил из неизбежности скорой войны и призвал офицеров уже сейчас быть готовыми отдать свои жизни в этой исторической акции.

Во всей Восточной Германии производятся крупные переброски войск в направлении восточной границы. Вследствие этих переброс войск весьма обеспокоено население в приграничных районах. Уже сейчас можно констатировать многочисленные случаи переселений во внутренние районы страны. В Берлине, напротив, за исключением высших чиновников и офицеров, настроения полностью фаталистические. Люди заняты заботами о хлебе насущном.

Вопреки распространенному именно в Польше мнению о том, что вина за ужесточение германского внешнеполитического курса ложится на Риббентропа, следует констатировать, что внешняя политика Риббентропа определяется единственно Гитлером. Риббентроп может лишь своей грубостью, высокомерием и недостаточной интуицией в беседах с иностранными послами и посланниками делать еще более неудобоваримыми и без того трудно перевариваемые пожелания и требования Германии. Он это и делает

фактически, как, например, в беседах с Липским в марте — апреле текущего года [43], а на основании этого формального впечатления многие в кругах иностранных дипломатов считают его инспиратором ожесточенной германской внешней политики.

Напечат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 414—416.

61. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Великобритании и временным поверенным в делах Франции в СССР

27 мая 1939 г.

Сидс заявил, что ему поручено передать Советскому правительству новый проект соглашения между СССР, Англией и Францией об оказании совместного противодействия агрессии в Европе *. Проект этот разработан английским министерством иностранных дел со всей тщательностью и с учетом всех пожеланий, сформулированных в последнем ответе Советского правительства ** на английские предложения. Посол выражает надежду, что правительство СССР оценит значительный шаг, сделанный правительством Англии навстречу пожеланиям СССР, и само пойдет на скорейшее завершение переговоров, в которых британское правительство живейшим образом заинтересовано.

Пайяр заявил, что от имени французского правительства вручает Молотову идентичный с английским проект тройственного соглашения между Францией, СССР и Англией. Пайяр присоединяется к оценке этого проекта, данной Сидсом, и, подобно английскому послу, высказывает надежду на согласие Советского правительства с нынешними англо-французскими предложениями и на скорое и благополучное окончание переговоров по этому вопросу между тремя странами.

Отвечая Сидсу и Пайяру, Молотов начал с заявления, что, ознакомившись с англо-французским проектом, он вынес отрицательное заключение об этом документе. Англо-французский проект не только не содержит плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе, но даже не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР. Англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем. Возможно, что эти разговоры и нужны Англии и Франции для каких-то целей. Советскому правительству эти цели неизвестны. Оно заинтересовано не в разговорах о пакте, а в организации действенной взаимопомощи

* См. док. № 62.
** См. док. № 53.

СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе. Участвовать только в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает, Советское правительство не намерено. Такие разговоры английское и французское правительства могут вести с более подходящими, чем СССР, партнерами. Может быть, оба правительства, уже заключившие пакты о взаимопомощи между собою, с Польшей и Турцией, считают, что для них этого достаточно. Поэтому, возможно, они и не заинтересованы в заключении эффективного пакта с Советским Союзом. К такому заключению приводит англо-французский проект, не содержащий предложений о заключении действенного пакта о взаимопомощи между СССР, Англией и Францией и сводящий данный вопрос исключительно к разговорам о пакте [50].

Перейдя к отдельным предложениям, содержащимся в англо-французском проекте, Молотов отмечает:

Механизм оказания тремя государствами взаимной помощи англо-французский проект подчиняет сложной и длительной процедуре, установленной Лигой наций. Советское правительство не против Лиги наций. Наоборот, на сентябрьской сессии ассамблеи представитель СССР активно выступал в защиту Лиги, и в частности статьи 16 ее Устава, против других делегатов, в том числе и английского, которые в конце концов высказались за признание необязательности упомянутой статьи для членов Лиги наций. Однако процедуру, установленную пактом Лиги наций для осуществления взаимной помощи против агрессии и теперь предлагаемую англо-французским проектом, нельзя не признать плохо совместимой с требованием эффективности этой взаимопомощи. Для оказания последней статья 16 Устава Лиги наций считает необходимым рекомендации совета Лиги. Может получиться такое положение: в совете будет поставлен вопрос об агрессии против СССР со стороны какого-либо участника «оси» [35]. Представитель какой-нибудь Боливии будет рассуждать в совете, имеется ли наличие акта агрессии против СССР, нужно ли оказать СССР помощь, а в это время агрессор будет поливать советскую территорию артиллерийским огнем. Советское правительство не может признать приемлемой подмену эффективной помощи жертве агрессии одними разговорами по данному вопросу. Кстати, в договорах о взаимной помощи, заключенных между Англией и Францией, а также обоими государствами с Польшей, английским правительством с турецким, нет обязательства подчинить эту помощь лигонациональной процедуре, установленной статьей 16 пакта Лиги. Почему же такое подчинение предусматривается в англо-французском проекте договора с СССР? Непонятно также, что означает обязательство, изложенное в § 5 англо-французского проекта,— чтобы поддержка и помощь, оказываемые Советским Союзом, Англией и Францией в случаях, предусмотренных § 1 и 2 проекта, не наносили ущерба «правам и позиции других держав». Как можно действовать против агрессора, не нанося ему ущерба? Наконец, в § 4 указывается,

что в случае возникновения угрозы агрессии три договаривающиеся государства не действуют, а только прибегают к взаимной консультации. Это вновь подтверждает догадку, что англо-французские предложения эффективному противодействию агрессору предпочитают лишь разговоры на эту тему. Молотов вновь заявляет, что позиция Советского правительства прямо противоположна. СССР хочет соглашения об эффективной обороне против агрессора. Одни разговоры об этом его не интересуют и не удовлетворяют. Если правительства Франции и Англии видят в таких разговорах какой-либо интерес для себя, то они могут вести их с другими партнерами. Молотов оговаривается, что высказывает пока свое личное мнение. Он представит врученный ему англо-французский проект на рассмотрение правительства. После этого он сможет дать окончательный ответ об этом документе.

Сидс и Пайяр, изображая крайнее изумление, пытались доказывать, что оценка англо-французского документа, данная Молотовым, основывается на явном недоразумении. Верно, что в англо-французском предложении упоминается о Лиге наций и даже о статье 16 ее Устава. Но это сделано лишь для того, чтобы удовлетворить общественное мнение, в особенности в Англии, где всякую международную акцию привыкли связывать с Лигой наций. И Сидс, и Пайяр заявляют, что их правительства отнюдь не имеют в виду подчинять механизм взаимной помощи СССР, Франции и Англии лигонациональной процедуре. Оба правительства признают необходимость немедленной и автоматической взаимной помощи трех договаривающихся государств против агрессии. Об этом-де и Сидс, и Пайяр заявляют вполне официально. Англо-французский проект предусматривает только то, чтобы тройственное соглашение между Англией, Советским Союзом и Францией заключено было «согласно принципам и в духе Лиги наций». В этой формуле не может быть ничего неприемлемого для СССР. И Сидс, и Пайяр заверяют, что она отнюдь не ограничивает автоматизма в осуществлении взаимной помощи, в котором английское и французское правительства столь же заинтересованы, как и СССР. Недоразумением считают Сидс и Пайяр также указание на то, что в § 5 англо-французского проекта обязательство «не наносить ущерба правам и позиции других держав» имеет в виду оградить агрессора. Упомянутый параграф стремится лишь сберечь суверенные права слабейших государств, которым Англия, Франция и СССР договариваются оказывать помощь. Возможен случай, когда в интересах защиты такого государства против агрессии одно из трех договаривающихся правительств признает необходимым, например, разрушить город, находящийся на территории обороняемого государства. Если правительство последнего запротестует, очевидно, придется считаться с его суверенитетом в данном вопросе. И Сидса, и Пайяра удивляет предположение, будто бы правительства Англии и Франции несерьезно относятся к вопросу о пакте с СССР и предпочитают конкретным решениям одни разговоры по

данному вопросу. Сидс считает, что его правительство сделало решительный шаг навстречу Советскому правительству и что предлагаемый им договор с СССР представляет собой радикальный поворот в английской внешней политике. Оба правительства заинтересованы в скорейшем завершении переговоров с СССР. Оба хотят действовать, а не медлить. Необходимо, не тратя времени, устранить недоразумения, возникшие у Молотова при первом ознакомлении с англо-французским документом. Сидс немедленно сообщит об этих недоразумениях своему правительству и предложит их рассеять. Он надеется, что в ближайшие дни получит вполне удовлетворительный ответ из Лондона. Этот ответ будет им немедленно сообщен Молотову. Посол надеется, что и Советское правительство со своей стороны постарается не задержать своего окончательного заключения относительно англо-французского проекта.

Записал *В. Потемкин*

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 417—421.

62. Проект соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученный послом Великобритании и временным поверенным в делах Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР

27 мая 1939 г.

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, желая в качестве членов Лиги наций придать эффективность принципу взаимопомощи против агрессии, содержащемуся в Уставе Лиги, достигли следующего соглашения:

1. Если Франция и Соединенное Королевство будут вовлечены в военные действия с европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы, направленной против другого европейского государства, в отношении которого, в соответствии с желанием этого государства, они обязались оказывать помощь против такой агрессии, либо

2) помощи, оказанной ими другому европейскому государству, которое попросило о такой помощи, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета, либо

3) агрессии со стороны европейского государства, направленной против Франции или Соединенного Королевства,— СССР, действуя в соответствии с принципами, изложенными в статье 16, параграфах 1 и 2, Устава Лиги наций, окажет Франции и Соединенному Королевству всякую посильную помощь и поддержку.

2. Если СССР будет вовлечен в военные действия с европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы, направленной против другого европейского государства, в отношении которого СССР,

в соответствии с желанием этого государства, обязался оказывать помощь против такой агрессии, либо

2) помощи, оказанной СССР другому европейскому государству, которое попросило о такой помощи, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета, либо

3) агрессии со стороны европейской державы, направленной против СССР,— Франция и Великобритания, действуя в соответствии с принципами, изложенными в статье 16, параграфах 1 и 2, Устава Лиги наций, окажут СССР всякую посильную помощь и поддержку.

3. Три правительства совместно согласуют методы, посредством которых такая взаимная помощь и поддержка смогут, в случае необходимости, быть оказаны самым эффективным способом.

4. В случае возникновения обстоятельств, которые могут потребовать выполнения их обязательств о взаимной помощи и поддержке, три правительства немедленно приступят к консультации относительно создавшегося положения. Методы и объем такой консультации станут тотчас же предметом последующего обсуждения между тремя правительствами.

5. Условлено, что оказание помощи и поддержки в указанных выше случаях не должно наносить ущерба правам и положению других держав.

6. Три правительства сообщат друг другу условия всех обязательств, перечисленных выше в параграфе 1, пункт 1, и параграфе 1, пункт 2, которые они уже взяли на себя. Если одно из них предположит возможность принятия подобного обязательства в будущем, то оно предварительно проконсультируется с другими двумя правительствами и сообщит им условия любого принятого таким образом обязательства.

7. Это соглашение будет оставаться в силе в течение пяти лет, начиная с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения указанного срока три правительства совместно обсудят, желательно ли его возобновление с изменениями или без изменений.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 421—422.

63. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР на сессии Верховного Совета СССР

31 мая 1939 г.

Товарищи депутаты! Предложение депутатов заслушать на сессии Верховного Совета сообщение Наркоминдела вполне понятно. За последнее время в международной обстановке произошли серьезные изменения. Эти изменения, с точки зрения миролюбивых держав, значительно ухудшили международное положение.

Мы имеем теперь дело с известными результатами политики

агрессивных государств, с одной стороны, и политики невмешательства со стороны демократических стран, с другой стороны. Представители агрессивных стран не прочь сейчас похвастаться достигнутыми уже результатами политики агрессии. Чего-чего, а в хвастовстве недостатка здесь не наблюдается. Представители демократических стран, отвернувшихся от политики коллективной безопасности и проводивших политику непротивления агрессии, стараются преуменьшить значение происшедшего ухудшения в международной обстановке. Они все еще занимаются главным образом «успокоением» общественного мнения, делая вид, что ничего существенного за последнее время не произошло.

Позиция Советского Союза в оценке текущих событий международной жизни отличается от позиции той и другой стороны. Она, как каждому понятно, ни в каком случае не может быть заподозрена в каком-либо сочувствии агрессорам. Она чужда также всякому замазыванию действительно ухудшившегося международного положения. Для нас ясно, что попыткам скрыть от общественного мнения действительные изменения, происшедшие в международном положении, необходимо противопоставить факты. Тогда станет очевидным, что «успокоительные» речи и статьи нужны только тем, кто не хочет мешать дальнейшему развитию агрессии в надежде направить агрессию, так сказать, по более или менее «приемлемому» направлению.

Еще недавно авторитетные представители Англии и Франции старались успокоить общественное мнение своих стран, прославляя успехи злополучного мюнхенского соглашения [30]. Они говорили, что сентябрьское соглашение в Мюнхене предотвратило европейскую войну путем сравнительно не таких уж больших уступок со стороны Чехословакии. Многим и тогда казалось, что представители Англии и Франции пошли в Мюнхене в своих уступках за счет Чехословакии дальше, чем они на это имели право. Мюнхенское соглашение было, так сказать, кульминационным пунктом политики невмешательства, кульминационным пунктом соглашательства с агрессивными странами. А к каким результатам эта политика привела? Остановило ли агрессию мюнхенское соглашение? Нисколько. Напротив, Германия не ограничилась полученными в Мюнхене уступками, т. е. получением Судетских районов, населенных немцами. Германия пошла дальше, просто-напросто ликвидировав одно из больших славянских государств — Чехословакию [27]. От сентября 1938 года, когда состоялось мюнхенское совещание, прошло не много времени, а в марте 1939 года Германия уже покончила с существованием Чехословакии. Германии удалось это провести без противодействия с чьей-либо стороны, так гладко, что возникает вопрос: в чем, собственно, заключалась действительная цель совещания в Мюнхене?

Во всяком случае, ликвидация Чехословакии, вопреки мюнхенскому соглашению, показала всему миру, к чему привела политика невмешательства, достигшая в Мюнхене, можно сказать,

высшей своей точки. Провал этой политики стал очевидным. Между тем страны-агрессоры продолжали придерживаться своей политики. Германия отняла у Литовской Республики Мемель и Мемельскую область [47]. Как известно, Италия также не осталась в долгу. В апреле месяце Италия покончила с независимым государством — Албанией.

После этого нет ничего удивительного в том, что в конце апреля одной своею речью [51] глава германского государства уничтожил два важных международных договора: морское соглашение Германии с Англией [52] и пакт о ненападении между Германией и Польшей [2]. В свое время этим договорам придавалось большое международное значение. Однако Германия очень просто разделалась с этими договорами, не считаясь ни с какими формальностями. Таков был ответ Германии на проникнутое духом миролюбия предложение президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта [53].

Дело не ограничилось расторжением двух международных договоров. Германия и Италия пошли дальше. На днях опубликован заключенный между ними военно-политический договор [49]. Этот договор имеет в своей основе наступательный характер. Согласно этому договору Германия и Италия должны поддерживать друг друга в любых военных действиях, начинаемых одной из этих стран, включая любую агрессию, любую наступательную войну. Еще совсем недавно сближение между Германией и Италией прикрывалось якобы необходимостью совместной борьбы с коммунизмом. Для этого немало пошумели о так называемом «антикоминтерновском пакте» [10]. Антикоминтерновская шумиха сыграла в свое время известную роль для отвлечения внимания. Теперь агрессоры уже не считают нужным прятаться за ширму. В военно-политическом договоре между Германией и Италией уже нет ни звука о борьбе с Коминтерном. Зато государственные деятели и печать Германии и Италии определенно говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских демократических стран.

Кажется ясно, что приведенные факты свидетельствуют о наличии серьезного ухудшения в международной обстановке.

В связи с этим в самой политике неагрессивных стран Европы также наметились некоторые изменения в сторону противодействия агрессии. Насколько серьезны эти изменения, мы еще посмотрим. Пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему развертыванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить препятствием к развязыванию агрессии в других районах? Такие вопросы ставятся и в некоторых органах буржуазной печати за границей. Поэтому мы должны быть бдительными. Мы стоим за дело мира и за недопущение дальнейшего развертывания агрессии. Но мы долж-

ны помнить выдвинутое т. Сталиным положение: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» *. Только в этом случае мы сумеем до конца отстоять интересы нашей страны и интересы всеобщего мира.

Есть, однако, ряд признаков того, что в демократических странах Европы все больше приходят к сознанию провала политики невмешательства, приходят к сознанию необходимости более серьезных поисков мер и путей для создания единого фронта миролюбивых держав против агрессии. В такой стране, как Англия, стали громко раздаваться речи о необходимости крутого изменения внешней политики. Мы, конечно, понимаем разницу между словесными заявлениями и действительной политикой. Но все же нельзя не отметить, что эти речи не случайны. Вот некоторые факты. Между Англией и Польшей не существовало пакта о взаимопомощи. Теперь решение об этом пакте принято **. Значение этого соглашения лишь усиливается тем, что Германия разорвала пакт о ненападении с Польшей. Нельзя не признать, что пакт взаимопомощи между Англией и Польшей вносит изменение в европейскую обстановку. Или дальше. Между Англией и Турцией не было пакта о взаимопомощи, в последнее же время известное соглашение о взаимопомощи между Англией и Турцией уже состоялось [54]. И этот факт вносит свое изменение в международную обстановку.

В связи с этими новыми фактами одной из характерных черт последнего периода следует признать стремление неагрессивных европейских держав привлечь СССР к сотрудничеству в деле противодействия агрессии. Понятно, что это стремление заслуживает внимания. Исходя из этого, Советское правительство приняло предложение Англии и Франции о переговорах ***, имеющих целью укрепить политические отношения между СССР, Англией и Францией и наладить фронт мира против дальнейшего развития агрессии.

Как мы определяем наши задачи в современной международной обстановке? Мы считаем, что они идут по линии интересов других неагрессивных стран. Они заключаются в том, чтобы остановить дальнейшее развитие агрессии и для этого создать надежный и эффективный оборонительный фронт неагрессивных держав.

В связи со сделанными нам предложениями английского и французского правительств Советское правительство вступило в переговоры с последними насчет необходимых мер борьбы с агрессией. Это было еще в середине апреля текущего года. Начавшиеся тогда переговоры еще не закончены. Однако уже тогда можно было видеть, что если в самом деле хотят создать дееспособный фронт миролюбивых стран против наступления агрессии, то для

* Это положение содержалось в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии (10 марта 1939 г.), док. № 14.

** См. док. № 36.

*** См. док. № 24, 25.

этого необходимы, как минимум, такие условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств Центральной и Восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

Таково наше мнение, которое мы никому не навязываем, но на которое мы стоим. Мы не требуем принятия нашей точки зрения и никого не просим об этом. Мы считаем, однако, что эта точка зрения действительно отвечает интересам безопасности миролюбивых государств.

Это было бы соглашение исключительно оборонительного характера, действующее против нападения со стороны агрессоров и в корне отличающееся от того военного и наступательного союза, который заключили недавно между собой Германия и Италия.

Понятно, что основой такого соглашения является принцип взаимности и равных обязанностей.

Следует отметить, что в некоторых англо-французских предложениях этот элементарный принцип не нашел благосклонного к себе отношения. Гарантировав себя от прямого нападения агрессоров пактами взаимопомощи между собой и с Польшей и обеспечивая себе помощь СССР в случае нападения агрессоров на Польшу и Румынию, англичане и французы оставляли открытым вопрос, может ли СССР в свою очередь рассчитывать на помощь с их стороны в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, равно как оставляли открытым другой вопрос — могут ли они принять участие в гарантировании граничащих с СССР малых государств, прикрывающих северо-западные границы СССР, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров.

Получалось, таким образом, неравное положение для СССР.

В последние дни поступили новые англо-французские предложения. В этих предложениях уже признается на случай прямого нападения агрессоров принцип взаимопомощи между Англией, Францией и СССР на условиях взаимности. Это, конечно, шаг вперед. Хотя нужно заметить, что он обставлен такими оговорками — вплоть до оговорки насчет некоторых пунктов Устава Лиги наций,— что он может оказаться фиктивным шагом вперед. Что касается вопроса о гарантии стран Центральной и Восточной Европы, то здесь упомянутые предложения не делают никакого прогресса, если смотреть на дело с точки зрения взаимности. Они предусматривают помощь СССР в отношении тех пяти стран, которым англичане и французы уже дали обещание о гарантии, но они ничего не говорят о своей помощи тем трем странам на севе-

ро-западной границе СССР, которые могут оказаться не в силах отстоять свой нейтралитет в случае нападения агрессоров.

Но Советский Союз не может брать на себя обязательства в отношении указанных пяти стран, не получив гарантии в отношении трех стран, расположенных на его северо-западной границе.

Так обстоит дело относительно переговоров с Англией и Францией.

Ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия. Еще в начале прошлого года, по инициативе германского правительства, начались переговоры о торговом соглашении и новых кредитах. Тогда со стороны Германии нам было сделано предложение о предоставлении нового кредита в 200 миллионов марок. Поскольку об условиях этого нового экономического соглашения мы тогда не договорились, то вопрос был снят. В конце 1938 года германское правительство вновь поставило вопрос об экономических переговорах и о предоставлении кредита в 200 миллионов марок. При этом с германской стороны была выражена готовность пойти на ряд уступок. В начале 1939 года Наркомвнешторг был уведомлен о том, что для этих переговоров в Москву выезжает специальный германский представитель г-н Шнурре. Затем вместо г-на Шнурре эти переговоры были поручены германскому послу в Москве г-ну Шуленбургу, которые были прерваны ввиду разногласий. Судя по некоторым признакам, не исключено, что переговоры могут возобновиться.

Могу еще добавить, что с Италией недавно было подписано выгодное для обеих стран торговое соглашение на 1939 год.

Как известно, в феврале месяце текущего года было опубликовано специальное сообщение, подтверждающее развитие добрососедских отношений между СССР и Польшей. В наших взаимоотношениях с Польшей следует констатировать известное общее улучшение. С другой стороны, заключенное в марте месяце торговое соглашение может значительно поднять товарооборот между СССР и Польшей.

Наши отношения с дружественной Турцией развиваются нормально. Недавняя поездка т. Потемкина в Анкару с информационными целями имела большое положительное значение.

Из вопросов международной жизни, которые приобрели в последнее время большое значение для СССР, следует остановиться на проблеме Аландских островов. Вы знаете, что эти острова в течение более чем 100 лет принадлежали России. В результате Октябрьской революции Финляндия получила независимость. По договору с нашей страной Финляндия получила также и Аландские острова. В 1921 году 10 странами: Финляндией, Эстонией, Латвией, Польшей, Швецией, Данией, Германией, Англией, Францией и Италией — была подписана конвенция, запрещающая, как это было и раньше, вооружение Аландских островов. Правительства капиталистических стран сделали это без участия

советских представителей. В 1921 году подорванная войной и иностранной интервенцией Советская Республика могла только протестовать против этого беззаконного акта в отношении СССР. Но и тогда с нашей стороны было ясно и неоднократно заявлено, что Советский Союз не может остаться в стороне от этого вопроса, что изменение юридического статуса Аландских островов невозможно в нарушение интересов нашей страны.

Важность Аландских островов заключается в их стратегическом положении в Балтийском море. Вооружения Аландских островов могут быть использованы во враждебных СССР целях. Находясь недалеко от входа в Финский залив, вооруженные Аландские острова могут послужить к тому, чтобы закрыть для СССР входы и выходы в Финский залив. Поэтому теперь, когда финляндское правительство, вместе со Швецией, хочет провести большой план вооружений Аландских островов, Советское правительство запросило у финляндского правительства данные о целях и характере намеченных вооружений. Вместо того чтобы пойти навстречу этому вполне естественному желанию Советского Союза, финляндское правительство отказало СССР в даче соответствующих сведений и разъяснений. Последовавшие при этом ссылки на военную тайну, как нетрудно понять, совершенно неубедительны. Сообщило же финляндское правительство свой план вооружений Аландских островов другому правительству — правительству Швеции. И не только сообщило, а привлекло его к участию в осуществлении всего этого плана вооружений. Между тем согласно конвенции 1921 года Швеция никакими особыми правами в этом отношении не пользуется. С другой стороны, заинтересованность Советского Союза в вопросе вооружений Аландских островов не только не меньшая, а большая, чем у Швеции.

По предложению финляндского и шведского правительств вопрос о пересмотре конвенции 1921 года обсуждался на только что закончившемся совете Лиги наций, без санкции которого эта конвенция не может быть пересмотрена, так как конвенция 10 государств была заключена на основе соответствующего решения совета Лиги наций от 24 июня 1921 года. Ввиду возражений со стороны представителя Советского Союза в совете Лиги не могло быть единогласия, необходимого для решения совета. Результаты обсуждения в совете Лиги известны. Совет Лиги наций не одобрил предложения Финляндии и Швеции. Он не дал санкции на пересмотр конвенции 1921 года. Должно быть, финляндское правительство сделает соответствующий вывод из этого положения. В свете международных событий последнего времени аландский вопрос приобрел для Советского Союза особенно серьезное значение. Мы не считаем возможным мириться с допущением какого-либо игнорирования интересов СССР в данном вопросе, имеющем большое значение для обороны нашей страны.

Совсем кратко остановлюсь на вопросах Дальнего Востока и на наших отношениях с Японией.

Наибольшее значение в этом году здесь имели наши переговоры с Японией по рыболовному вопросу. Как известно, в Приморье, в Охотском море, на Сахалине и на Камчатке японцы имеют у нас большое количество рыболовных промыслов. К концу прошлого года у них оказалось уже 384 рыболовных участка. Между тем срок конвенции, на основе которой японцы получали эти рыболовные участки, уже истек. Для многих рыболовных участков истекли и установленные ранее сроки аренды. В связи с этим Советское правительство вступило в переговоры с Японией по рыболовному вопросу. С нашей стороны было заявлено, что известное количество участков, установленный срок аренды которых истек, не может быть предоставлено дальше в распоряжение японцев ввиду имеющихся у нас стратегических соображений. Несмотря на очевидную обоснованность нашей позиции, с японской стороны было проявлено большое сопротивление советской точке зрения. В результате длительных переговоров 37 рыболовных участков были изъяты у японцев, а в других местах им было передано 10 новых участков. После этого действие конвенции было продлено еще на один год. Это соглашение с Японией по рыболовному вопросу имеет большое политическое значение. Тем более что со стороны японских реакционных кругов все было сделано для того, чтобы подчеркнуть политическую сторону этого дела, вплоть до всякого рода угроз. Японские реакционеры еще раз могли, однако, убедиться в том, что угрозы в отношении Советского Союза не достигают цели, а права Советского государства находятся под твердой защитой.

Теперь о пограничных вопросах. Кажется, уже пора понять, кому следует, что Советское правительство не будет терпеть никаких провокаций со стороны японо-маньчжурских воинских частей на своих границах. Сейчас надо об этом напомнить и в отношении границ Монгольской Народной Республики. По существующему между СССР и Монгольской Народной Республикой договору о взаимопомощи мы считаем своей обязанностью оказывать Монгольской Народной Республике должную помощь в охране ее границ. Мы серьезно относимся к таким вещам, как договор о взаимопомощи, который подписан Советским правительством. Я должен предупредить, что границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу. Пора понять, что обвинения в агрессии против Японии, выставленные Японией против правительства Монгольской Народной Республики, смешны и вздорны. Пора также понять, что всякому терпению есть предел. Поэтому лучше вовремя бросить повторяющиеся все снова и снова провокаторские нарушения границы СССР и МНР японо-маньчжурскими воинскими частями. Соответствующее предупреждение нами сделано и через японского посла в Москве.

Мне нет необходимости говорить о нашем отношении к Китаю. Вы хорошо знаете заявление т. Сталина о поддержке народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины. Это в полной мере относится к Китаю и его борьбе за национальную независимость. Мы последовательно проводим эту политику на деле. Она находится в соответствии с теми задачами, которые стоят перед нами в Европе, а именно с задачами создания единого фронта миролюбивых держав против дальнейшего развертывания агрессии.

СССР теперь не тот, чем он был, скажем, в 1921 году, когда он только что приступил к своей мирной, творческой работе. Приходится об этом напомнить, так как до сих пор даже некоторые наши соседи не могут, видимо, этого понять. Нельзя не признать и того, что СССР уже не тот, каким он был всего 5—10 лет тому назад, что силы СССР окрепли. Внешняя политика Советского Союза должна отражать наличие изменений в международной обстановке и возросшую роль СССР как мощного фактора мира. Нечего доказывать, что внешняя политика Советского Союза в корне миролюбива и направлена против агрессии. Лучше всего это известно самим агрессивным странам. С большим запозданием и с колебаниями приходят к сознанию этой простой истины некоторые демократические державы. Между тем в едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах.

Печат. по изд.: «Третья сессия Верховного Совета СССР. 25—31 мая 1939 г. Стенографический отчет». М., 1939, с. 467—476.

64. Советский проект англо-франко-советского соглашения *

2 июня 1939 г.

Правительства Великобритании, Франции и СССР, стремясь придать эффективность принятым Лигой наций принципам взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

1

Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо

* Вручен народным комиссаром иностранных дел СССР послу Великобритании и временному поверенному в делах Франции в СССР.

1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо

2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, относительно которых условлено между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии, либо

3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета.

2

Три государства договорятся в кратчайший срок о методах, формах и размерах помощи, которая должна быть оказана ими на основании ст. 1.

3

В случае, если произойдут обстоятельства, создающие, по мнению одной из договаривающихся сторон, угрозу агрессии со стороны какой-либо европейской державы, три государства приступят немедленно к консультации, чтобы изучить обстановку и в случае необходимости установить совместно момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его применения независимо от какой бы то ни было процедуры прохождения вопросов в Лиге наций.

4

Три государства сообщают друг другу тексты всех своих обязательств в духе обязательств, предусмотренных ст. 1, в отношении европейских государств. Если одно из них предусмотрело бы в будущем возможность принять новые обязательства такого же характера, оно предварительно это проконсультирует с двумя другими государствами и сообщит им содержание (текст) принятого соглашения.

5

Три государства обязуются, в случае открытия совместных действий против агрессии на основании ст. 1, заключить перемирие или мир только по совместному соглашению.

6

Настоящий договор вступает в силу одновременно с соглашением, которое должно быть заключено в силу ст. 2.

Настоящий договор будет в силе в течение пятилетнего периода с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения этого срока три государства обсудят, желательно ли его возобновить с изменениями или без изменений.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 432—433.

65. Телеграмма посла Германии в Японии Э. Отта статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру

7 июня 1939 г.

По сведениям, полученным мною в доверительном порядке от безусловно надежного источника из армейских кругов, 5 июня вечером послу Осима телеграфом направлена инструкция. В соответствии с ней Япония должна быть готовой к тому, чтобы автоматически вступить в любую войну, начатую Германией, при том условии, что Россия будет противником Германии. Если же в конфликте между Германией и третьими державами Россия будет сохранять нейтралитет, то Япония намерена вступить в войну лишь тогда, когда будет достигнуто единое мнение о том, что ее вступление в войну отвечает общим интересам союзников.

Информатор подчеркнул, что армия и флот пришли к данному решению в результате длительных переговоров. Это мнение означает существенный прогресс, поскольку флот снял свою прежнюю оговорку, которая ставила вступление Японии в войну против западных держав в зависимость исключительно от японских интересов [42].

Отт

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 437.

66. Запись беседы посла Польши в Японии Т. Ромера с министром иностранных дел Японии Х. Аритой

7 июня 1939 г.

Я начал беседу с напоминания об официальном заявлении, сделанном министру 24 апреля с. г., о том что политика моего правительства в отношении Японии, с одной стороны, и СССР, с другой, не претерпела изменений. Это заявление не утратило своего значения, несмотря на изменения, происшедшие тем временем в Европе. Не будет ли министр склонен теперь на основе взаимности уполномочить меня в свете последних решений японского правительства заверить мое правительство в том, что дружественные отношения Японии к Польше также остаются без изменений.

Г-н Арита поспешил дать мне утвердительный ответ, однако просил дополнить его двумя замечаниями: 1) японское правитель-

ство горячо желает мирного устранения трудностей, возникших между Польшей и Германией, и 2) антикоминтерновский пакт [10] создал между Японией, Германией и Италией атмосферу дружбы, которая выходит за рамки этого пакта. На ряд моих вопросов он ясно ответил, что он имеет здесь в виду общий настрой, а не какие-нибудь конкретные обязательства по вопросам, не охваченным антикоммунистическим сотрудничеством, в особенности же по вопросам, могущим в какой-либо мере касаться польско-германских споров [43].

В свою очередь министр спросил меня, были ли начаты польско-германские переговоры вследствие взаимного уточнения позиций в речах Гитлера и министра Бека. Я ответил, что об этом мне неизвестно, но у меня сложилось впечатление, что германское правительство до сих пор не отреагировало на меморандум польского правительства [46], врученный ему 5 мая в ответ на германский меморандум от 28 апреля с. г. Мое правительство всегда готово вступить в переговоры на условиях, указанных в этом ответе. Но поскольку не мы предъявляем претензии к Германии, а Германия к нам, то, пожалуй, ей и следует проявить инициативу в отношении переговоров. В связи с этим Арита высказал предположение о том, что Германия медлит, потому что ее авторитет пострадал бы от слишком поспешных поисков соглашения, как будто она делает это под давлением польско-английского союза. Если это так, ответил я, то мы можем подождать, хотя тем временем атмосфера накаляется все более и более и в международной политике наслаиваются события, что, очевидно, затрудниг со временем достижение договоренности. На вопрос Ариты, соответствует ли действительности дошедший до него слух о том, что в Гданьске немцы преследуются поляками, я ответил, что в Гданьске вопросы безопасности и общественного порядка являются прерогативой местных властей, состоящих из немецкого населения и полностью независимых от Польши; следовательно, если на территории Вольного города и происходят какие-либо национальные притеснения, то разве только польского меньшинства.

Я добавил, что меня поражают следствия политики, проводимой Германией под антикоминтерновскими лозунгами. Так, западные державы добиваются сейчас дружбы с Советами, которые до недавнего времени находились в полной политической изоляции в мире, а Польша, без которой немыслима в Европе какая-либо антисоветская акция, даже со стороны Германии поставлена перед необходимостью противодействовать неожиданным германским притязаниям. В случае, если эти притязания будут подкреплены силой, Польша без колебаний выступит с оружием в руках. Даже если допустить, что в войне с Польшей перевес окажется на стороне Германии, то ведь в конечном итоге поражение Германии во всеобщем конфликте неизбежно. Существует разительный контраст между стремлениями к миру в Европе и к защите европейской цивилизации от подрывных действий III Интернационала и между

стремлениями Германии поглотить, во вред самым жизненным интересам Польши, 300 тыс. гданьских немцев, которые сами осуществляют власть — и в национальной и в политической областях, согласно указаниям Берлина. Такая внешняя политика третьего рейха может быть объяснена разве только соображениями престижа и необходимостью все новых и новых успехов для национал-социалистских властей.

Министр Арита, по существу, был не в состоянии подвергнуть сомнению мои вышеизложенные и с жаром высказанные аргументы. Поэтому он только заметил, что японское правительство, в равной степени дружественно относящееся как к Польше, так и к Германии, не может занять никакой позиции в вопросах, разделяющих эти две страны, и вынуждено ограничиться тем, чтобы в меру своих возможностей оказать содействие в устранении этих разногласий, в чем оно очень заинтересовано. На мой вопрос, приняло ли или может ли принять это содействие какую-то конкретную форму, Арита ответил, что, к сожалению, японское правительство не знает в достаточной степени польско-германских проблем, чтобы быть в состоянии высказаться по этому вопросу. Когда же я заметил, что оно имеет в качестве информаторов своих послов в Варшаве и в Берлине, он признал, что последние считают, что пока обстоятельства и настроения обеих сторон не благоприятствуют идее о японском посредничестве, ввиду чего эта идея не могла быть проведена в жизнь.

В ходе дальнейшей беседы мы перешли к вопросу об англо-советских переговорах, которые, как это подчеркнул Арита, более всего беспокоят сейчас японское правительство. Я напомнил о том, что в этом вопросе мое правительство подавало Лондону немало советов и предостережений, что оно предприняло даже немало мер, направленных к тому, чтобы Англия и Франция официально заверили Японию, что переговоры с СССР не будут касаться Дальнего Востока, и что, наконец, мы со своей стороны не намерены участвовать в новых соглашениях с Советами. Мы, однако, не можем мешать нашим западным союзникам искать новых путей для укрепления безопасности там, где они считают это для себя необходимым. Особенно убедительным является английский аргумент о необходимости привлечь на свою сторону Советы хотя бы для того, чтобы предупредить германо-советское сближение. Я в это верю, прервал меня Арита. На это я ответил, что не придаю этому преувеличенного значения, хотя и могу доверительно сообщить ему, что мое правительство располагает сведениями о том, что именно этот вопрос интересует руководящих деятелей оси Рим — Берлин [35].

Будучи явно озадаченным, министр Арита сказал мне, что он ценит роль Польши, которую она играет в отношении Советов, и уверен, что эта роль и в будущем не изменится. Россия не является только европейским государством, потому что она территориально простирается вплоть до азиатского Дальнего Востока. Сле-

довательно, усиление безопасности ее границ в Европе должно в результате обеспечить России большую свободу действий в Азии, что для Японии не может быть безразличным. В свете этого заверение в том, что соглашения с СССР не содержат внеевропейских обязательств, является пустой формальностью. Я заметил в ответ на это, что, по моему мнению, Великобритания имела более чем достаточно горького опыта в борьбе с подрывным влиянием Советов в Британской Индии, Афганистане и в Иране, чтобы не быть настороже и не остерегаться опасного для нее связывания себя с СССР в Азии. Западная и Центральная Азия — это одно, ответил Арита, а Китай и маньчжурская пограничная зона — это другое. Английская политика — это игра с советской опасностью. Желая найти нового, какого-то призрачного друга, она потеряет старого. «Кого Вы имеете в виду?» — спросил я. «Оставляю это Вам для размышлений. Может быть, Японию, может быть, Польшу, а может, обеих»,— сказал он с усмешкой. Позицию Польши, заметил я, мы только что выяснили, что же касается Японии, то я опасаюсь, что в связи с нынешней обстановкой в Китае Англия недостаточно отдает себе отчет в значении дружбы с Японией, чтобы в своей русской политике руководствоваться страхом потерять ее. Одновременно, чтобы отблагодарить Арита за его заявление о роли Японии в польско-германских спорах, я добавил, что Польша, разумеется, не будет реагировать на японо-английский конфликт в Китае и горячо желает полюбовного его урегулирования.

Хотя все говорилось и выслушивалось скорее в шутливом тоне, Арита решительно заявил затем, что заключение каким-либо государством союза с Советами будет расценено японским правительством как акт, нарушающий жизненные интересы Японии и требующий выработки ясной ее позиции в отношении новой, созданной этим актом ситуации. Понимая, что это высказывание имеет связь с недавними решениями кабинета Хиранума, я пытался выяснить, предрешен ли уже способ реакции Японии на вероятный акт такого рода, на что министр ответил, что этот вопрос нуждается еще в изучении в зависимости от условий, на которых состоялось бы заключение соглашения Англии и Франции с СССР. Я спросил еще, чем он может объяснить тот факт, что Советы не идут на это соглашение. В ответ он высказал предположение, что они заинтересованы в полной взаимности в вопросах гарантии безопасности собственных границ и неприкосновенности других государств, имеющих взаимные гарантии.

Наконец, на мой вопрос о нынешнем состоянии японо-советских отношений он ответил, что, оставляя в стороне недавние серьезнейшие кровавые инциденты на монгольской границе, переговоры о рыболовстве и о правах японцев в северной части Сахалина отнюдь не свидетельствуют ни о доброй воле, ни о желании СССР прийти к соглашению. Я пытался еще раз поинтересоваться совещанием японского кабинета и спросил Ариту, есть ли, по его мнению, связь между политикой Японии в Китае и ее отношением

к европейским делам, и наоборот. После некоторого размышления Арита ответил, что такая связь, несомненно, существует, но уклонился от дискуссии на эту тему.

В конце беседы я сослался на неоднократно высказанное мне Аритой горячее желание японского правительства, чтобы в Европе дело не дошло до войны, и спросил, вылилось ли это желание в какой-либо конкретный план или действие, например, совместно с другими заинтересованными державами (я имел здесь в виду Соединенные Штаты). Арита ответил мне, что такая мысль в своей основе ему очень нравится, но что пока он не видит условий для ее осуществления.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 437—441.

67. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Великобритании Э. Рачиньскому

9 июня 1939 г.

В связи с отъездом Стрэнга в Москву прошу заявить в Форин оффис, что через Париж нам стало известно содержание советского ответа на последнее предложение и что наша точка зрения остается прежней, а именно:

1. Мы не можем согласиться на упоминание Польши в договоре, заключенном между западными державами и СССР.

2. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергшемуся нападению, даже без согласия этого последнего, мы считаем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств — опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе.

Установление объема помощи Советов, по нашему мнению, возможно единственно путем переговоров между государством, подвергшимся нападению, и СССР [48].

В качестве комментария прошу добавить, что, по нашей оценке, СССР конкретно не заинтересован в данной стадии переговоров, и придание переговорам слишком большой огласки будет поэтому всегда ставить партнеров России в неудобное положение.

Бек

Печат. по изд.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII, с. 120—121.

68. Запись беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном

13 июня 1939 г.

Английский посол, который посетил меня сегодня в связи с нарушением валютных предписаний, будто бы совершенных его немецким слугой, перевел затем разговор на беспокоящий его

вопрос о том, удастся ли пережить нынешнее лето без конфликта. Гендерсон вел беседу в частном плане и прямо не дал понять, где он перестает выступать от себя лично и где он выражает официальное мнение. В конце беседы он, несомненно, придерживался тезисов Галифакса, тогда как в начале разговора он критически высказывался об английской политике в Варшаве и в Москве.

Как известно, вот уже несколько дней пресса толкует о донесении Гендерсона, который будто бы стремится продвинуть вперед переговоры с Москвой. Не затрагивая сообщений прессы, Гендерсон дал пояснение в следующем смысле: конечно, пока Лондон ведет переговоры с Москвой, разговор между Лондоном и Берлином невозможен; если же пакт с русскими будет заключен, то тогда будет больше возможностей для переговоров с Берлином. Гендерсон, вероятно, хотел этим сказать нечто похожее на утверждения газеты «Таймс», а именно: силу и готовность к переговорам вполне можно совместить; не будучи сильной, Англия, вероятно, не может даже быть подходящим партнером по переговорам.

По поводу английского пакта с Россией я сделал несколько иронических замечаний Гендерсону относительно полезности этого пакта для Англии и в очень серьезном тоне высказался о действиях Англии, направленных на развязывание войны, особенно в Польше. Английская политика, сказал я, диаметрально противоположна собственному тезису Гендерсона, который он неоднократно и публично высказывал: «Англия хочет сохранить за собой море, европейский континент можно оставить Германии». Вместо этого Англия все больше вмешивается в дела на континенте, например позволяет полякам играть судьбой Англии. Если в английской политике вообще есть какая-нибудь логика, то я усматриваю ее только в том, что Англия решилась на превентивную войну и действует в этом направлении.

Гендерсон оказался чрезвычайно восприимчив к этому замечанию. По его словам, о стремлении к войне не может быть и речи. Он жаловался на определенное влияние со стороны лейбористов. Он никоим образом не защищал договоренность между Польшей и Англией и сказал, что никакого Ренсимена * в Варшаву не пошлют. Он не оспаривал упрямства поляков, а также тот факт, что от них всего можно ожидать. Но, как обычно, он объяснял поворот, происшедший в Лондоне, вступлением Германии в остававшуюся часть Чехии. Наконец, он снова затронул вопрос об опасностях, возникших за период этого лета.

Начиная с этого момента, Гендерсон, явно имея поручение, говорил о готовности Лондона к переговорам с Берлином. Галифакс, очевидно, считает, что нынешнему напряженному положению

* Имеется в виду миссия, аналогичная миссии В. Рейсимена, направленной летом 1938 г. в Чехословакию.

можно и должно положить конец путем переговоров. Ни Англия, ни Германия, сказал Гендерсон далее, не хотят больше нести на себе бремя вооружений. Содержанием переговоров между Лондоном и Берлином могло бы быть прекращение гонки вооружений и оживление экономических отношений. Можно было бы также обсудить вопрос о колониях. Я не стал вдаваться в подробности, а лишь сказал, что аналогичные соображения уже дошли до меня из Лондона другим путем и что я, однако, не могу создать себе никакого представления на основе столь расплывчатых замечаний.

Из этих высказываний Гендерсона, сделанных в ходе обмена мнениями, можно было понять, что он не одобряет отношения Англии к Польше, не придает никакого значения пакту с Россией, но что, вообще-то говоря, он крайне обеспокоен возможностью конфликта летом этого года, ибо понимает большую ответственность, которая лежит на нем как на после.

Вейцзекер

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 448—449.

69. Документы, врученные послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР

15 июня 1939 г.

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ

Статья I

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказать друг другу немедленно всевозможную посильную поддержку и помощь, если одна из этих стран будет втянута в военный конфликт с какой-нибудь европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против одной из этих трех стран, либо

2) агрессии со стороны этой державы против другого европейского государства, которому заинтересованная договаривающаяся страна обязалась, в согласии с пожеланиями этого государства, помочь против такой агрессии, либо

3) действий со стороны этой державы, которые три договаривающихся правительства в результате взаимной консультации, предусмотренной в статье III, признали бы угрожающими независимости или нейтралитету другого европейского государства таким образом, что это составит угрозу для безопасности заинтересованной договаривающейся страны.

Такая поддержка и помощь будут оказаны в согласии с принципами пунктов 1 и 2 статьи 16 Устава Лиги наций, причем для этого не нужно ожидать действий со стороны Лиги наций.

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ

Статья III

Без ущерба для оказания помощи немедленно по возникновении военных действий, как это предусматривается в пункте 1, в случае возникновения обстоятельств, которые грозят потребовать выполнения обязательств о взаимной помощи, содержащихся в пункте 1, три договаривающихся правительства по требованию одного из них приступят немедленно к консультации в целях изучения ситуации. Если возникнет необходимость, они с общего согласия установят время, когда будет приведен в действие механизм взаимной помощи, а равно и способ его применения [55].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 450—451.

70. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР послам Великобритании и Франции в СССР

16 июня 1939 г.

Ознакомившись с англо-французскими формулировками, врученными Молотову 15 июня с. г.*, правительство Советского Союза пришло к следующему заключению:

1) По § 1 статьи первой (проект Советского правительства) ** позиция Советского правительства совпадает с позицией английского и французского правительств.

2) По § 2 статьи первой (проект Советского правительства) позиция Советского правительства отвергается английским и французским правительствами.

Последние считают, что Советский Союз должен оказать немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции, между тем как Англия и Франция не берут на себя обязательств по оказанию Советскому Союзу немедленной помощи в случае, если СССР будет вовлечен в войну с агрессором в связи с нападением последнего на граничащие с СССР Латвию, Эстонию и Финляндию.

Советское правительство никак не может согласиться с этим, так как оно не может примириться с унизительным для Советского Союза неравным положением, в которое он при этом попадает.

Отказ от гарантирования Эстонии, Латвии и Финляндии англо-французские предложения мотивируют нежеланием этих стран принять такую гарантию. Если этот мотив является непреодолимым, а Советское правительство, как уже сказано выше, не может принять участия в помощи Польше, Румынии, Бельгии, Греции, Турции без получения эквивалентной помощи в деле защиты Эстонии, Латвии, Финляндии от агрессора, то Советское правительство вынуждено признать, что весь вопрос о тройственной гарантии всех перечисленных выше восьми государств, равно как вопрос, служащий предметом § 3 статьи первой, должны быть отложены как не назревшие, а § 2 и § 3 статьи первой должны быть исключены из соглашения.

В этом случае статья первая включала бы в себя только § 1, причем обязательства Англии, Франции и СССР по взаимопомощи имели бы силу лишь в случае прямого нападения агрессора на территорию любой из договаривающихся сторон, но они не имели бы распространения на те случаи, когда одна из договаривающихся сторон могла быть вовлечена в войну в связи с помощью, оказанной ею какому-либо третьему, не участвующему в настоящем соглашении государству, подвергшемуся нападению агрессора. Понятно, что в связи с этим обстоятельством формулировка § 1 статьи первой должна была бы подвергнуться соответствующему изменению.

3) По вопросу об единовременности вступления в силу общего соглашения и соглашения военного предстоит дальнейшая дискуссия ввиду наличия разногласий.

4) По вопросу о том, чтобы не заключать перемирия или мира иначе как с общего согласия, Советское правительство настаивает на своей позиции, так как оно не может представить, чтобы какая-либо из договаривающихся сторон в разгаре оборонительных военных действий против агрессора могла иметь право заключать сепаратное соглашение с агрессором за спиной и против своих союзников.

5) Ссылку на статью 16, § 1—2, Устава Лиги наций Советское правительство считает излишней [56].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 451—453.

71. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии Э. Клейстом

19 июня 1939 г.

На днях беседовал с доктором Клейстом из бюро Риббентропа. Клейст сказал:

Данные, которые я приводил Вам в мае этого года о германо-польском конфликте и о решении польского вопроса, к которому стремится Берлин *, остаются правильными и действительными и на сегодняшний день. Гитлер полон решимости обеспечить воен-

* См. док. № 69.
** См. док. № 64.

* См. док. № 47.

ную безопасность Германии на востоке еще в течение этого года путем ликвидации польского государства в его теперешней территориальной и политической форме. Во время одной беседы с Риббентропом Гитлер сказал, что польский вопрос непременно должен быть решен по следующим трем причинам, а именно:

1) ввиду того что современная Польша угрожает внешнеполитической и военной свободе маневрирования Германии;

2) так как невозможна капитуляция рейха перед Польшей и тем самым колоссальная потеря им престижа;

3) потому что уступка немцев Польше поставила бы германскую политику на востоке перед непреодолимыми трудностями.

В другой раз Гитлер сказал, что он до конца будет рассчитывать на мирное решение польской проблемы, но одновременно прикажет подготовить все для быстрого и успешного проведения военной акции против Польши. Если дело дойдет до вооруженной борьбы между Германией и Польшей, то германская армия будет действовать жестоко и беспощадно. Во всем мире, заявил Гитлер далее, немцы известны как гунны, но то, что будет иметь место в случае войны с Польшей, превзойдет дела гуннов. Эта беспощадность в германских военных действиях необходима, чтобы на примере уничтожения Польши продемонстрировать государствам Востока и Юго-Востока, что значит в нынешних условиях оказывать сопротивление немецкой воле и провоцировать Германию на войну.

В течение последних недель Гитлер обстоятельно занимался Советским Союзом и заявил Риббентропу, что после решения польского вопроса необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый рапалльский этап [57] и что необходимо будет с Москвой проводить определенное время политику равновесия и экономического сотрудничества.

Военная акция Германии против Польши намечена на конец августа — начало сентября. Военные приготовления в Восточной Пруссии почти закончены, в Германии и в Словакии они продолжаются. В общем плане военная акция против Польши начнется с нанесения со всех сторон массированных ударов. В первые дни войны по Польше будут нанесены такие уничтожающие удары, что польское сопротивление будет сломлено в кратчайший срок, и конфликт будет решен в локальной войне, прежде чем англичане и французы успеют прийти в себя. К сожалению, мы должны считаться с большими потерями среди немцев, проживающих в Польше. Недавно Гитлер заявил, что за каждого убитого немца он прикажет расстрелять сто поляков. Следовательно, если поляки устроят резню среди немцев, то они будут подвергнуты нами беспощадным ответным репрессиям.

Возможно, что до военного конфликта еще раз наступит период германо-польских переговоров. За последнее время поляки неоднократно давали нам понять, что они охотно начали бы с нами переговоры по определенным вопросам. Всего лишь несколько

дней тому назад, когда поляки узнали о моей предстоящей поездке в Прибалтику и о моей короткой остановке в Варшаве (Клейсту было поручено подготовить образование в Риге и Таллине германо-латвийского и германо-эстонского обществ), польская сторона рекомендовала мне нанести визит начальнику кабинета в польском министерстве иностранных дел графу Лубеньскому. Правда, Риббентроп отклонил установление этого контакта, но при этом дал указание реагировать на подобные польские пожелания при подходящем для нас случае. В ходе возможных германо-польских переговоров можно было бы затронуть, например, данцигский вопрос, спровоцировать поляков на далеко идущие высказывания капитулянтского характера, а затем, если мы сочтем, что время является подходящим для начала военной акции, можно будет порвать переговоры и показать всему миру, и прежде всего польской общественности, насколько уже далеко зашли польские участники переговоров в своей капитуляции. Подобное дезавуирование режима пилсудчиков перед общественностью собственной страны является отличным внутриполитическим диверсионным актом, который, возможно, повлечет за собой свержение польского правительства и внутренние беспорядки в Польше, эффективно дополнив тем самым удар германских вооруженных сил, который будет нанесен одновременно. Этот план недавно развил передо мной Риббентроп, и я счел его вполне осуществимым.

Пропагандистская акция против Польши начнется в широком масштабе примерно через три недели. Антипольские радиопередачи будут вестись на польском, украинском, белорусском, кашубском, шлензакском и других языках. Кроме того, в Берлине будет организован пресс-бюллетень, который должен выходить на английском, французском, испанском и некоторых скандинавских языках и публиковать антипольские статьи и сообщения. В настоящее время авторитетные берлинские инстанции определяют, кроме того, новую германо-польскую границу. В грубых чертах новая граница предусматривает следующее: присоединение района Сувалки к Восточной Пруссии; присоединение коридора [4] и Данцига [1] к рейху; установление границы, начиная от г. Торунь по направлению к г. Познань, который остается за пределами границ рейха; от Познани новая граница возвращается к старой имперской границе, причем Лодзь остается за пределами старой имперской границы; польская Верхняя Силезия возвращается рейху [13], причем новая граница заходит за старую и охватывает весь польский Верхне-Силезский промышленный комплекс; район Тешин и Билитц также включается в новые имперские границы. Этот план прохождения границы в «годесбергской ситуации» [58] будет предложен, если до этого дойдет дело, международному форуму. Будем ли мы соблюдать эту границу после решения польского вопроса, это — другой вопрос.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 454—457.

72. Проект статьи 1 договора о взаимной помощи между Великобританией, Францией и СССР, врученный послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР [59]

21 июня 1939 г.

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязываются оказывать друг другу немедленно всяческую посильную поддержку и помощь, если одна из этих стран будет вовлечена в военный конфликт с каким-либо европейским государством в результате либо

1) агрессии этого государства против одной из трех стран или агрессии этого государства, которая, будучи направлена против другого европейского государства, представляла бы тем самым угрозу безопасности одной из трех держав, либо

2) агрессии этого государства против другого европейского государства, которое заинтересованная договаривающаяся держава обязалась, с согласия последнего, защищать против такой агрессии.

Поддержка и помощь, предусматриваемые в настоящей статье, будут оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы необходимо было ожидать действия Лиги наций [60].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 459—460.

73. Письмо временного поверенного в делах США во Франции Э. Вильсона государственному секретарю США К. Хэллу

24 июня 1939 г.

Сэр, у меня сложилось впечатление, что, возможно, готовится второй Мюнхен [30], на этот раз за счет Польши. Позиция Даладье и официальная позиция французского правительства остаются, конечно, прежними: Франция поддержит Польшу, если последняя окажет сопротивление агрессии, направленной против жизненных интересов Польши. Более того, возможно, что Германия постарается урегулировать вопрос о Данциге [1] настолько грубо, что лишит французов и англичан возможности пытаться заниматься дальнейшим «умиротворением». Тем не менее у меня все больше создается впечатление, что многие влиятельные лица, которые были активными во Франции и Англии в сентябре прошлого года, опять поднимают голову, решив, что снова необходимо избежать того, чтобы помериться силой с Германией, и что в случае необходимости Данциг должен будет разделить судьбу Судетской области.

К числу факторов, которые способствовали формированию такого мнения, относятся:

1) Возникновение чувства усталости от непрерывной напряженности в Европе. Это время от времени проявляется в разговорах с рядовыми французами. Недавно Даладье получил запросы

от членов парламента, к которым обращались избиратели с жалобами относительно того, надолго ли еще будут задержаны резервисты, призванные в армию, на действительной службе. Даладье заявил, что он намеревается освободить к 1 сентября резервистов, служащих на линии Мажино [44], а к 1 октября остальных резервистов, добавив, что, если ситуация позволит, он сможет сделать это в более ранние сроки.

2) Время от времени можно слышать разговоры французов о том, что Франция не должна позволить втянуть себя в войну из-за Данцига. Несколько недель назад мнений подобного рода не высказывалось. Высказываются критические замечания о том, что Польша намеревается втянуть Францию в войну.

3) Существует мнение, очевидно весьма распространенное, что в конечном счете нынешний статус Данцига и польского коридора [4] является неразумным и воевать, чтобы навсегда сохранить этот статус, не стоит.

4) Глубоко укоренившееся во французских правительственных кругах чувство неприязни и недоверия к Беку.

5) Неспособность британского и французского правительств после переговоров, длившихся недели, оказать какую-либо эффективную финансовую помощь или снабдить оружием Польшу. Неспособность британского и французского правительств заключить ясные политические соглашения с Польшей.

6) Возможность того, что англо-французские переговоры с Советским Союзом закончатся провалом. Провал попытки достичь соглашения с Советским Союзом предоставил бы «умиротворителям» дополнительный аргумент, а именно: что Франция и Англия не могут вступить в войну из-за Польши, если не включится Советский Союз.

7) Невозможность, в случае войны, оказать эффективную военную помощь Польше. Франция должна была бы одна пытаться прорваться через линию Зигфрида [61]. Сомнительно, чтобы англичане могли отправить корабли в Балтику. Разумеется, в конце концов Франция и Англия выиграли бы войну, но стоит ли игра свеч? (Можно слышать и такие заявления.)

8) Озабоченность Франции относительно того, какую роль могла бы сыграть Испания в случае всеобщей войны.

9) Огромная стоимость продолжающегося перевооружения и бремя финансирования перевооружения Польши, Румынии, Турции, Греции и т. д.

10) Деморализующее влияние событий на Дальнем Востоке: ослабление престижа Англии; понимание того, что, если война разразится, французская дальневосточная империя, по крайней мере на время, будет потеряна. Если из-за опасений Англии в отношении Дальнего Востока помощь Англии Польше в случае войны будет ограничена экономическими мерами, такими, как попытка установить блокаду Германии, то это усилит позицию «умиротворителей» во Франции.

11) Устойчивое мнение, существующее во влиятельных кругах о том, что в конечном счете Франция должна отказаться от Центральной и Восточной Европы в пользу Германии в надежде, что в конце концов Германия окажется в состоянии войны с Советским Союзом и что Франция сможет остаться в безопасности за линией Мажино. Это мнение было поколеблено 15 марта 1939 г. Однако оно продолжает существовать.

Эдвин С. Вильсон

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 461—463.

74. Запись беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном

27 июня 1939 г.

После вручения меморандума по вопросу о флоте [62] английский посол сегодня вновь свел беседу к общеполитическим темам. Можно было почувствовать, что Гендерсон, как и остальной дипломатический корпус, считает наши отношения с Польшей очень напряженными и опасается близкого кризиса. Однако Гендерсон облек эти свои опасения скорее в форму поиска исходных моментов для новых англо-германских переговоров. Он полагает, что если бы Берлин и Лондон попеременно обменивались бы определенными ободряющими замечаниями, то дверь [для переговоров] открывалась бы все больше и больше, так что в конечном итоге стал бы возможным конструктивный обмен мнениями. Как и 14 дней назад *, посол снова спросил, не послужило ли бы окончание переговоров Англии с Москвой стимулом для начала англо-германских переговоров.

Оперируя аргументами, сходными с теми, которые я использовал в прошлый раз, я сказал послу, что на самом деле имеет место обратное. Английская политика была бы для меня вообще непонятной, если бы я не рассматривал ее как производное от внутренней политики.

Гендерсон охотно согласился с этим и сказал, что хотел бы, чтобы не консерваторы, а лейбористы стояли у кормила правления, так как в действительности теперь Чемберлен вынужден проводить лейбористскую внешнюю политику, да еще и навлекать на себя нарекания за ее ошибки. Гендерсон уверен, что в выступлении 1 июля по случаю спуска на воду ** фюрер затронет внешнеполитические вопросы. Он надеется, что при этом фюрер не будет слишком резок в отношении Лондона. Последние речи д-ра Геббельса Гендерсон пытался истолковать таким образом, будто они, судя по их тону, вряд ли были инспирированы фюрером.

* См. док. № 68.
** Крейсера «Лютцов» (10 000 т) в Бремене.

Совершенно очевидно было стремление посла поддерживать и далее с нами контакты. Правда, в отличие от прошлого раза, он не упомянул в качестве предмета переговоров экономические вопросы, прекращение гонки вооружений и колониальные вопросы, а лишь ограничился намеками общего характера. Уходя, он заявил, что готов на любое доброе дело во имя восстановления контактов. По его словам, было бы абсолютно неверно полагать, что Чемберлен ушел с тропы мира.

Вейцзекер

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 469—470.

75. Документы, врученные послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР

1 июля 1939 г.

ПРОЕКТ СТАТЬИ 1

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказывать друг другу взаимно всякую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех стран будет вовлечена в военное столкновение с какой-либо европейской державой в результате либо агрессии со стороны этой державы, направленной против одной из этих трех стран, либо же агрессии со стороны этой державы, направленной против какого-либо другого европейского государства, независимость или нейтралитет которого одна из трех заинтересованных стран считает себя вынужденной защищать против такой агрессии.

Помощь, предусмотренная настоящей статьей, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы было необходимо следовать процедуре Лиги или ожидать, когда Лига наций начнет действовать.

ПРОЕКТ СОГЛАШЕНИЯ, НЕ ПОДЛЕЖАЩЕГО ОПУБЛИКОВАНИЮ

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что статья 1 договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться к следующим европейским государствам:

Эстонии, Финляндии, Латвии, Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии, Люксембургу, Нидерландам и Швейцарии.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру. Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию [63].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 476.

76. Документы, врученные народным комиссаром иностранных дел СССР послам Великобритании и Франции в СССР

3 июля 1939 г.

ПРОЕКТ СТАТЬИ 1

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязуются оказывать друг другу взаимно всяческую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех держав будет вовлечена в военный конфликт с каким-нибудь европейским государством в результате либо агрессии, направленной этим государством против одной из трех держав, либо агрессии, прямой или косвенной, направленной этим государством против какой-либо европейской страны, независимость или нейтралитет которой одна из трех заинтересованных держав признает для себя обязательным защищать против такой агрессии.

Помощь, предусмотренная настоящей статьей, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы необходимо было следовать процедуре Лиги или ожидать, когда Лига начнет действовать.

ПРОЕКТ СТАТЬИ 3

Без ущерба для немедленного оказания помощи в соответствии со статьей 1 и в интересах лучшего обеспечения ее подготовки три договаривающихся правительства периодически информируют друг друга о международном положении и намечают пути взаимной дипломатической поддержки в интересах мира, а при возникновении обстоятельств, угрожающих необходимостью применения обязательств взаимной помощи, предусмотренной в статье 1, по требованию одного из них, немедленно приступят к консультации, чтобы обсудить положение и сообща определить момент для безотлагательного приведения в действие механизма взаимной помощи и способы применения последней, вне зависимости от какой бы то ни было процедуры Лиги наций.

ПРОЕКТ ПРОТОКОЛА

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что статья 1 договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться — как в случае прямой агрессии, так и в случае косвенной агрессии, под которой понимается внутренний переворот или поворот в политике в угоду агрессору,— к следующим европейским государствам:

Эстония, Финляндия, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Греция, Бельгия.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру.

Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию [64].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 479—480.

77. Проект англо-франко-советского соглашения, врученный послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР

8 июля 1939 г.

ПРОЕКТ АНГЛО-ФРАНКО-РУССКОГО СОГЛАШЕНИЯ (8 ИЮЛЯ 1939 г.)

Вариант «А»

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, в целях увеличения эффективности принятых Лигой наций принципов взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

Вариант «В»

Правительства Соединенного Королевства, Франции и СССР, считая, что любое действие, направленное против независимости или нейтралитета одного из европейских государств, затрагивает мир и безопасность Европы в целом, твердо придерживаясь уважения и сохранения этой независимости и нейтралитета и желая сделать более эффективными принятые Лигой наций принципы взаимопомощи против агрессии, пришли к следующему соглашению:

Статья 2

Три договаривающихся правительства согласуют друг с другом возможно скорее методы, формы и размеры помощи, которая должна быть оказана ими в соответствии со статьей 1, чтобы сделать такую помощь возможно более эффективной в случае надобности.

Статья 3

Три договаривающихся правительства будут периодически обмениваться информацией о международном положении и наметят в интересах мира линии взаимной дипломатической поддержки.

Без ущерба для немедленного оказания помощи в соответствии со статьей 1 и в целях обеспечения более эффективной подготовки этой помощи в случае возникновения обстоятельств, которые угрожают потребовать выполнения обязательств о взаимной помощи, содержащихся в статье 1, три договаривающихся правительства приступят по просьбе одного из них к немедленной совместной консультации, чтобы изучить обстановку и (в случае необходимости) установить по общему согласию момент немедленного приведения в действие механизма взаимопомощи и порядок его применения (независимо от какой бы то ни было процедуры Лиги наций).

Статья 4

Три договаривающихся правительства сообщат друг другу условия всех обязательств по оказанию помощи, которые они уже дали другим европейским государствам. Любое из трех правительств, которое в будущем будет иметь намерение дать какое-либо новое обязательство такого же характера, предварительно проконсультируется об этом с двумя другими правительствами и сообщит им условия всякого данного таким образом обязательства.

Статья 5

В случае совместных действий против агрессии, предпринятых в соответствии со статьей 1, три договаривающихся правительства обязуются заключать перемирие или мир только по общему соглашению.

Статья 6

В целях обеспечения полной действенности настоящего соглашения, соглашение, предусмотренное в статье 2, будет заключено в возможно более короткий срок, а переговоры с этой целью начнутся немедленно после подписания настоящего соглашения.

Статья 7

Настоящее соглашение будет оставаться в силе в течение пятилетнего периода с сего дня. Не менее чем за шесть месяцев до истечения этого срока три договаривающихся правительства совместно обсудят желательность его возобновления с изменениями или же без таковых.

Три договаривающихся правительства условились, что статья 1 подписанного ими сегодня соглашения будет применяться к следующим европейским государствам, причем слово «агрессия» должно пониматься в том смысле, что оно распространяется на такие действия, на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой державы и которые связаны с отказом этого государства от своей независимости или своего нейтралитета [65].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 484—486.

78. Проект дополнительного письма к соглашению СССР, Великобритании и Франции, врученный народным комиссаром иностранных дел СССР послам Великобритании и Франции в СССР

9 июля 1939 г.

Три договаривающихся правительства условились в том, что:

1) статья 1 договора, подписанного ими сегодня, должна будет применяться к следующим европейским государствам: Турция, Греция, Румыния, Польша, Бельгия, Эстония, Латвия, Финляндия, Швейцария, Голландия;

2) в отношении двух последних стран (Швейцария, Голландия) договор вступает в силу лишь в том случае и тогда, если и когда Польша и Турция заключат с СССР пакт взаимопомощи;

3) выражение «косвенная агрессия» относится к действию, на которое какое-либо из указанных выше государств соглашается под угрозой силы со стороны другой державы или без такой угрозы и которое влечет за собой использование территории и сил данного государства для агрессии против него или против одной из договаривающихся сторон,— следовательно, влечет за собой утрату этим государством его независимости или нарушение его нейтралитета.

По соглашению между тремя договаривающимися правительствами вышеприведенный перечень может быть подвергнут пересмотру.

Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию [65].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 486—487.

79. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

10 июля 1939 г.

Кампания травли по поводу планируемого якобы Германией внезапного нападения на Данциг*, *причины и цели которой были изложены мной в вышеуказанной телеграмме***, по прошествии нескольких дней провалилась вследствие своей лживости. *Относительно политической техники проведения прессой этого маневра я ссылаюсь на приложенный к донесению от 4-го сего месяца «Политический обзор печати к данцигскому кризису» советника по делам печати доктора Хессе от 3 июля***.

Эту новую главу в истории попыток наших врагов втравить Германию в мировую войну можно было бы считать этим законченной. Но эти немногие дни вскрыли настроение английской общественности, заслуживающее серьезного внимания.

Под влиянием различных факторов: политики окружения Германии, проводимой правительством, пропаганды вооружения, введения всеобщей воинской повинности, организации противовоздушной обороны и прежде всего в результате взрыва антигерманской пропаганды в печати, кино, театрах и по радио — английское общественное мнение, восприимчивое к эмоциональным реакциям, было приведено в такое состояние духа, когда идея «война» становится центральным пунктом размышлений и разговоров. Оттенки заметны лишь при ответе на вопрос: неизбежна война или нет? Большинство рядовых англичан, соответственно своему настроению, отвечает на этот вопрос утвердительно; более рассудительное меньшинство дает отрицательный ответ, признавая, что все существующие спорные вопросы в англо-германских отношениях могут быть разрешены при наличии доброй воли и что даже победоносный исход войны не принес бы никому выгод. Но и на эти рассудительные круги оказывают влияние сведения о мероприятиях английского командования, а именно: распоряжения привести флот в боевую готовность к концу июля, завершить к тому же сроку боевую подготовку и организационные меры. В этом же направлении воздействуют и сообщения газет, *а также, очевидно, и агентурные сообщения соответствующим инстанциям* о том, что с германской стороны военные мероприятия планируются на август. Во всяком случае, даже в ответственных кругах ожидают в августе кризиса величайшей важности.

Отношение к комплексу мыслей, определяемых словом «война», различно. Незначительная часть английской общественности

* Далее курсивом набраны те части текста публикуемого донесения Г. Дирксена в министерство иностранных дел от 10 июля 1939 г., которые были опущены при публикации этого документа в «Белой книге» министерства иностранных дел Германии (Auswärtiges Amt N 2. Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Berlin, 1939; Gedruckt in der Reichsdruckerei N 252, S. 241—242).

** В данном сборнике не публикуется.

реагирует с истерическим воодушевлением; эти люди верят любому чудовищному сообщению, они требуют польской и русской помощи и этим ослабляют тактическую позицию правительства в переговорах с Россией. Большинство же занимает более мужественную позицию, думая: раз уж война неизбежна, то мы будем вести ее со всей решимостью, и чем скорее, тем лучше, чтобы покончить с этим делом и вернуться к более спокойной обстановке. Сообщения печати из Германии о том, что фюрер вернулся в Берхтесгаден, что рейхсминистр иностранных дел и генерал-полковник фон Браухич уехали в отпуск и что наступило время общих отпусков, мало успокоили господствующее здесь возбужденное настроение.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что враждебное отношение к Германии усиливается, что готовность к борьбе укрепилась, что усилилось чувство: мы не должны больше ничем поступаться, наша честь поставлена на карту; мы должны драться; правительство не должно больше идти на уступки. *Толки германской прессы о вырождающейся Англии, об отсутствии у нее готовности к борьбе значительно укрепляли это настроение.*

Принципиальная разница между настроением англичан осенью 1938 г. и теперешним настроением заключается в следующем: тогда широкие массы не были склонны к борьбе и были пассивны,— теперь же они перехватили инициативу у правительства и толкают кабинет вперед. Как бы необоснованна и как бы опасна ни была эта позиция английской общественности, с ней нужно считаться как с серьезной реальностью, особенно в такой стране, как Англия, где общественное мнение играет столь решающую роль.

Было бы, однако, ошибкой, исходя из такой характеристики общественного мнения, сделать вывод, что Великобритания уже бесповоротно вступила на путь войны. Волна возбуждения так же спадет, как и поднялась, как только для этого будут налицо предпосылки. Существеннейшей предпосылкой была бы более спокойная атмосфера в Англии, которая дала бы возможность более беспристрастной оценки германской точки зрения. Тенденция к этому имеется. Внутри кабинета и узкого, но влиятельного круга политических деятелей проявляется стремление перейти от негативизма фронта окружения к конструктивной политике в отношении Германии.*

И как бы ни были сильны противодействующие влияния, стремящиеся убить в зародыше это нежное растение (кампания в прессе в конце прошлой недели является результатом этого стремления), личность Чемберлена служит определенной гарантией того, что политика Англии не будет передана в руки бессовестных авантюристов.

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 61—69.

* Так в тексте.

80. Письмо министра иностранных дел Германии И. Риббентропа министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

13 июля 1939 г.

1 июля Вы передали графу Вельчеку предназначенное лично для меня письмо [66], содержание которого обязывает также и меня ясно и недвусмысленно изложить Вашему Высокопревосходительству позицию германского правительства в области германо-французских отношений в целом и в вопросе о Данциге в частности.

Германское и французское правительства в декабре 1938 г. подписали заявление *, в котором они торжественно признают существующие между Германией и Францией границы как окончательные и в котором они выражают стремление приложить все свои силы к тому, чтобы обеспечить развитие мирных и добрососедских отношений между обеими странами. Что касается имперского правительства, то это заявление было логичным следствием политики взаимопонимания с Францией, последовательно проводимой им после прихода к власти, политики, которой оно принципиально хотело бы придерживаться и по сей день.

Что касается Вашего замечания об оговорке, включенной в статью 3 германо-французского заявления и затрагивающей особые отношения Германии и Франции с третьими странами, то абсолютно неверно, что эта оговорка включает в себя признание особых отношений между Францией и Польшей; наоборот, в беседах, имевших место в Берлине и Париже в ходе предварительных переговоров о заявлении, а также при подписании этого заявления, существовала полная ясность относительно того, что оговорка относится к особым дружественным отношениям, существующим между Францией и Англией и между Германией и Италией. В частности, в ходе наших переговоров 6 декабря 1938 г. в Париже мы по обоюдному согласию подчеркнули уважение взаимных жизненных интересов как предпосылку и основной принцип развития в будущем добрососедских германо-французских отношений. При этом я совершенно определенно указал на Восточную Европу как на сферу германских интересов, а Вы — в полную противоположность утверждению в Вашем письме — подчеркнули тогда со своей стороны, что в позиции Франции в восточноевропейских вопросах после конференции в Мюнхене произошел принципиальный поворот.

Тот факт, что Франция использовала великодушное предложение фюрера Польше по урегулированию вопроса о Данциге [1], а также несколько своеобразную реакцию польской стороны в качестве повода для установления с этой страной новых, более тесных связей, антигерманского характера, находится в прямом противоречии с той точкой зрения, которую мы констатировали в начале

* См. том 1, док. № 117.

декабря. В конце Вашего письма эти обязательства характеризуются таким образом, что любое военное вмешательство Польши в случае изменения статус-кво в Данциге явилось бы для Франции поводом немедленно оказать Польше военную поддержку. В отношении этого политического курса Франции я должен заметить следующее:

1) Германия, никогда не вмешивавшаяся в сферу жизненных интересов Франции, равным образом должна со всей решительностью отвергнуть раз и навсегда вмешательство Франции в сферу германских жизненных интересов. Формирование отношений Германии со своими восточными соседями ни в какой мере не затрагивает французские интересы, а является исконным делом германской политики. Поэтому имперское правительство не считает возможным обсуждать с французским правительством вопросы германо-польских отношений или тем более признать за французским правительством право влиять на решение вопросов, связанных с определением будущей судьбы германского города Данциг.

2) Для Вашей личной ориентировки относительно позиции Германии в польском вопросе хочу, однако, сообщить следующее. На историческое, исключительное по своему значению предложение фюрера об урегулировании вопроса о Данциге и об окончательной консолидации германо-польских отношений правительство Польши ответило угрозами начать войну, которые можно охарактеризовать лишь как странные. В данный момент невозможно понять, окажется ли польское правительство благоразумным и пересмотрит ли оно эту своеобразную позицию. Однако до тех пор, пока Польша занимает такую неразумную позицию, здесь можно только сказать, что на любое нарушение Польшей территориальной целостности Данцига или на любую несовместимую с престижем Германской империи провокацию со стороны Польши ответом будет немедленное выступление германских войск и уничтожение польской армии.

3) Уже упоминавшееся ранее и содержащееся в заключительном абзаце Вашего письма заявление означало бы, в соответствии с его текстом, что Франция признает за Польшей право оказывать военное сопротивление любому изменению статус-кво в Данциге и что, если Германия не потерпит такого насилия над своими интересами, Франция нападет на Германию. Если в этом действительно заключается смысл французской политики, то я вынужден Вас просить принять к сведению, что подобного рода угрозы лишь укрепили бы решимость фюрера защищать германские интересы всеми находящимися в его распоряжении средствами. Фюрер всегда желал взаимопонимания между Германией и Францией, а новую войну между обеими странами, которые уже не разделяются никакими противоречиями в сфере их жизненных интересов, называл безумием. Если же дела обстоят так, что французское правительство хочет войны, то в любое время

оно найдет Германию в полной готовности. В этом случае ответственность за такую войну перед своим народом и перед всем миром придется нести исключительно французскому правительству.

Ввиду хороших личных отношений, которые сложились у меня с Вашим Высокопревосходительством при подписании заявления от 6 декабря 1938 г., я сожалею, что Ваше письмо вынудило меня к такому ответу. Я не хочу отказаться от надежды, что разум в конечном итоге все же восторжествует и что французский народ поймет, где его подлинные интересы. Это было бы и для меня лично исполнением самых искренних желаний, ибо вот уже 20 с лишним лет я тружусь во имя достижения взаимопонимания между Германией и Францией.

Иоахим фон Риббентроп

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 488—490.

81. Документы, врученные послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР

17 июля 1939 г.

АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Статья 1

Соединенное Королевство, Франция и СССР обязываются оказывать друг другу всяческую немедленную и эффективную помощь, если одна из этих трех стран окажется вовлеченной в военный конфликт с какой-либо европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы против одного из трех государств, либо

2) агрессии со стороны этой державы против любого европейского государства, независимость или нейтралитет которого соответствующая договаривающаяся страна считает себя обязанной защищать против такой агрессии.

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что слово «агрессия» в пункте 2 выше следует понимать в том смысле, что оно распространяется на такие действия, на которые соответствующее государство дало свое согласие под угрозой применения силы со стороны другой державы и которые влекут за собою утрату им своей независимости или своего нейтралитета.

Помощь, предусмотренная в настоящей статье, будет оказываться в соответствии с принципами Лиги наций, но без того, чтобы было необходимо следовать процедуре Лиги наций или ожидать действий с ее стороны.

АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Протокол

Три договаривающихся правительства согласились о следующем:

1. Пункт 2 статьи 1 соглашения, подписанного ими сегодня, должен распространяться на следующие европейские государства:

Турцию, Грецию, Румынию, Польшу, Бельгию, Эстонию, Латвию, Финляндию.

2. Вышеприведенный перечень государств может быть подвергнут пересмотру по соглашению между тремя договаривающимися правительствами.

3. В случае агрессии или угрозы агрессии со стороны какой-либо европейской державы против европейского государства, не упомянутого в вышеприведенном перечне, три договаривающихся правительства, без ущерба для немедленных действий, которые какое-либо из них сочтет себя обязанным предпринять, немедленно приступят по требованию одного из них к совместной консультации, чтобы предпринять такие действия, о которых они смогут взаимно достигнуть соглашения.

4. Настоящее дополнительное соглашение не подлежит опубликованию [67].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 494—495.

82. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции

17 июля 1939 г.

Сегодня послы заявили, что они не настаивают на включении в секретный протокол Швейцарии, Голландии и Люксембурга, ограничиваясь перечислением известных восьми стран. Однако редакция протокола потребует уточнения.

Остается разногласие о формулировке, определяющей понятие «косвенная агрессия», так как в этом вопросе наши партнеры прибегают к всевозможным жульничествам и недостойным увертками.

Мы настаиваем также на том, что военная часть есть неотъемлемая составная часть военно-политического договора, каким является проект обсуждаемого договора, и категорически отклоняем англо-французское предложение о том, чтобы прежде договориться о «политической» части договора и только после этого перейти к военному соглашению. Это мошенническое англо-французское предложение разрывает единый договор на два договора и противоречит нашему основному предложению об

одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, которая является самой важной и самой политической частью договора. Вам понятно, что без совершенно конкретного военного соглашения, как составной части всего договора, договор превратился бы в пустую декларацию, на которую мы не пойдем.

Только жулики и мошенники, какими проявляют себя все это время господа переговорщики с англо-французской стороны, могут, прикидываясь, делать вид, что будто бы наше требование одновременности заключения политического и военного соглашений является в переговорах чем-то новым, а в прессе пустили даже утку, что мы требуем будто бы военного соглашения предварительно, т. е. до заключения политического соглашения. Непонятно только, на что они рассчитывают, когда пускаются в переговорах на такие неумные проделки. Видимо, толку от всех этих бесконечных переговоров не будет. Тогда пусть пеняют на себя.

Нарком

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 495—496.

83. Записка статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекера

19 июля 1939 г.

Я доложил вчера г-ну рейхсминистру иностранных дел, что, по моему мнению, решение о запланированном визите флота в Данциг является компетенцией министра. Я предложил бы, чтобы г-н рейхсминистр доложил об этом фюреру до 22-го числа сего месяца. Мы, сказал я, всегда должны иметь в виду военное решение данцигского вопроса и вину взвалить на поляков, в то время как направление отряда кораблей в Данциг рассматривалось бы на международной арене как начало всеми ожидаемого германо-польского конфликта.

Г-н рейхсминистр в процессе разговора согласился с моей точкой зрения, что визит в любом случае не должен состояться без уведомления об этом итальянцев и раньше 4 августа.

Эту точку зрения министра я сообщил вечером в Зальцбургском отеле легационному советнику Хевелю.

Настоящим прошу г-на заместителя статс-секретаря Вёрмана лично принять это к сведению. Содержание изложенной записки прошу, однако, никому не передавать (в том числе и г-ну фон Ноститцу).

Вейцзекер

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1948». Serie D, Bd. VI, S. 790—791.

84. Информация о беседах сотрудника ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии Х. Вольтата с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном и министром внешней торговли Великобритании Р. Хадсоном *

21 июля 1939 г.

Г-н Вольтат сообщил мне следующее о своих беседах с сэром Хорасом Вильсоном и г-ном Хадсоном из министерства внешней торговли:

1. Хадсон передал Вольтату через норвежского члена китоловной комиссии, что он очень хотел бы поговорить с ним. После этого, с моего согласия, была намечена беседа, которая состоялась вчера во второй половине дня. Во время этой беседы Хадсон развивал далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплуатации существующих мировых рынков. Он высказал, между прочим, мнение, что в мире существуют еще три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно: английская империя, Китай и Россия. Англия собственными силами не может в достаточной мере обслужить свою империю, и было бы возможно и в этой сфере более широкое привлечение Германии. Точно так же Япония не может удовлетворить весь Китай в экономическом отношении; в России — положение вещей аналогично.

Хадсон высказался подробнее о разграничении сфер английских и германских интересов и о возможности устранения убийственной конкуренции на общих рынках.

Г-н Вольтат вынес впечатление, что Хадсон обладает широким кругозором и хорошо разбирается в существе дела.

2. Сэр Хорас Вильсон во время своей первой беседы развивал перед г-ном Вольтатом мысли, которые он подтвердил и развил более подробно во второй беседе. Сэр Хорас подготовил документ, в котором была изложена детально разработанная широкая программа; он начинался словами: «При условии, что...» ** (вероятно, это означает: «При условии, что политическое соглашение с Англией будет достигнуто,— должны вступить в силу следующие пункты»). Сэр Хорас Вильсон дал совершенно ясно понять, что Чемберлен одобряет эту программу; Вильсон предложил Вольтату немедленно переговорить с Чемберленом для того, чтобы Вольтат получил от него подтверждение сказанного Вильсоном. Однако Вольтат ввиду неофициального характера своих переговоров счел неуместной для себя такую беседу с Чемберленом.

Когда после первой беседы с Вильсоном явилась возможность разговора с Хадсоном, г-н Вольтат, договорившись со мной, во

* Составлена послом Германии в Великобритании Г. Дирксеном.

** В оригинале: «Under the assumption that...»

второй раз беседовал с Вильсоном. При этом для него было важно получить более ясное представление в отношении некоторых пунктов, чем это было возможно при первой беседе. Свое желание поговорить с Вильсоном во второй раз он объяснил ему тем, что он хочет поставить его в известность о состоявшейся беседе с Хадсоном и одновременно удостовериться, говорил ли Хадсон по поручению кабинета.

Программа, которая обсуждалась с г-ном Вольтатом и сэром Хорасом Вильсоном, заключает:

a) политические пункты,
b) военные пункты,
c) экономические пункты.

К пункту «a».

1. Пакт о ненападении. Г-н Вольтат подразумевал под этим обычные, заключавшиеся Германией с другими державами пакты о ненападении, но Вильсон хотел, чтобы под пактом о ненападении понимался отказ от принципа агрессии как таковой.

2) Пакт о невмешательстве, который должен включать разграничение расширенных пространств между великими державами, особенно же между Англией и Германией.

К пункту «b» — Ограничение вооружений.

1) На море,
2) на суше,
3) в воздухе.

К пункту «c».

1) Колониальные вопросы. В этой связи обсуждался главным образом вопрос о будущем развитии Африки. Вильсон имел в виду при этом известный проект образования обширной колониально-африканской зоны, для которой должны были бы быть приняты некоторые единообразные постановления. Вопрос, в какой мере индивидуальная собственность на немецкие колонии, подлежащие возвращению нам, сохранилась бы за нами после образования интернациональной зоны, остался открытым. То, что в этой области, по крайней мере теоретически, англичане готовы или были бы готовы пойти нам далеко навстречу, явствует из того достоверно известного г-ну Вольтату факта, что в феврале английский кабинет принял решение вернуть Германии колонии. Сэр Хорас Вильсон говорил также о германской колониальной деятельности в Тихом океане; однако в этом вопросе г-н Вольтат держался очень сдержанно.

2) Сырье и приобретение сырья для Германии.
3) Промышленные рынки.
4) Урегулирование проблем международной задолженности.
5) Взаимное финансовое содействие *.

Под этим сэр Хорас Вильсон понимал санирование Германией Восточной и Юго-Восточной Европы. При обсуждении этого пункта г-н Вольтат говорил о квалифицированной клаузуле * наибольшего благоприятствования, на включении которой Германия должна особенно настаивать. На мой вопрос о значении этой клаузулы г-н Вольтат ответил, что условия наибольшего благоприятствования в сочетании с господствовавшей в мире золотой валютой, как это имело место перед войной, теперь в прежнем смысле недействительны. В силу различий валютной системы и жизненного уровня, а также издержек производства невозможно предоставлять одинаковые шансы при экспорте в Германию столь различным по своему характеру странам, как, например, Канада, Аргентина и Румыния. Такая страна, как Румыния или Югославия, с ее низким жизненным уровнем, должна была бы получить более благоприятные условия, посредством применения более низких пошлин на часть ее продукции при вывозе в Германию. Г-н Вольтат сказал, что он отдает себе полный отчет в том, что это фактически приводит к отмене системы наибольшего благоприятствования; но все же очень важно, как назвать дитя для того, чтобы никого не обидеть.

Конечной целью, к которой стремится г-н Вильсон, является широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер. Тем самым, по его мнению, были бы подняты и разрешены вопросы столь большого значения, что ближневосточные проблемы, зашедшие в тупик, как Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значение. Сэр Хорас Вильсон определенно сказал г-ну Вольтату, что заключение пакта о ненападении дало бы Англии возможность освободиться от обязательств в отношении Польши. Таким образом, польская проблема утратила бы значительную долю своей остроты.

На вопрос г-на Вольтата, одобрены ли предложения Хадсона, Вильсон ответил, что они обсуждались влиятельными членами кабинета, но окончательного решения на этой стадии еще не последовало.

Г-н Вольтат заметил по этому поводу, что принципиальному урегулированию обсуждавшихся с г-ном Хадсоном вопросов должно предшествовать урегулирование колониальных вопросов.

На последующий вопрос г-на Вольтата, согласится ли английское правительство в надлежащем случае на то, чтобы кроме вышеупомянутых проблем с германской стороны были поставлены на повестку дня еще и другие вопросы, Вильсон ответил утвердительно; он сказал, что фюреру нужно лишь взять лист чистой бумаги и перечислить на нем интересующие его вопросы; английское правительство было бы готово их обсудить.

Затем г-ном Вольтатом был поставлен вопрос, каким образом можно получить со стороны какого-либо английского деятеля или инстанции подтверждение этой программы переговоров, чтобы перевести переговоры в стадию реализации.

---

* В оригинале: «Exchange of financial facilities» (англ.).

* Термин, означающий оговорку к договору.

На это сэр Хорас Вильсон ответил, что решающим моментом в этом отношении было бы назначение фюрером какого-либо полномочного лица для обсуждения вышеупомянутой программы. Если со стороны фюрера последует такое волеизъявление, то английская сторона согласится на дальнейшее обсуждение вопроса любым путем.

Относительно своих июньских переговоров [68] г-н Вольтат сказал сэру Хорасу Вильсону, что он сделал о них доклад фельдмаршалу Герингу, добавив, что он попытается теперь установить, считает ли фюрер данный момент подходящим, чтобы приступить к такому обсуждению.

Сэр Хорас Вильсон с большим оживлением ответил, что если это удастся, то будет сделан важнейший шаг по пути преодоления трудностей.

Сэр Хорас Вильсон сказал далее, что в Англии предполагается этой осенью провести новые выборы. Тактически, с чисто внутриполитической точки зрения правительству безразлично, будут ли выборы проходить под лозунгом «Готовность к надвигающейся войне» * или же под лозунгом: «Имеется в виду и может быть достигнуто прочное соглашение с Германией». Оно может мобилизовать своих избирателей под любым из этих двух лозунгов и сохранить за собой власть на следующие пять лет. Само собой разумеется, что мирный лозунг для него предпочтительней [69].

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 70—77.

85. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

24 июля 1939 г.

Суммируя всю накопившуюся у меня за последние дней десять информацию, почерпнутую из самых разнообразных источников, считаю необходимым сигнализировать, что сведения о намерениях Чемберлена, переданные мной вам со слов Ллойд Джорджа, все больше подтверждаются. Премьер делает сейчас отчаянную попытку ускользнуть от выполнения взятых на себя весной обязательств по гарантии Польше ** и одновременно оживить свою прежнюю политику «умиротворения». В этих целях английское правительство продолжает усиленно давить на польское правительство, рекомендуя ему «умеренность» в вопросе о Данциге [1]. Одновременно в отношении Германии проводится политика кнута

* В оригинале: «Bereitschaft für einen kommenden Krieg».
** См. док. № 33, 36.

и пряника: с одной стороны, мобилизация британского флота, военно-воздушная демонстрация во Франции (и, вероятно, в ближайшее время в Польше), а с другой стороны, «личные беседы» Хадсона с Вольтатом в Лондоне * о возможности предоставления Германии грандиозных международных займов до миллиарда фунтов, если Гитлер серьезно откажется от «агрессивных намерений» (читай: оставит в покое Запад и повернется лицом к Востоку). Несмотря на все официальные опровержения, нельзя сомневаться, что в своих беседах Хадсон выражал настроение премьера. Весьма характерно, что Хадсон как ни в чем не бывало остается на своем посту, хотя естественным следствием из создавшегося положения должна была бы быть его отставка, если он, как утверждает Чемберлен, без ведома последнего, на свой страх и риск, огорошил Вольтата столь «сенсационными» предложениями [69].

Имеются достоверные сведения, что через посредство неофициальных эмиссаров Чемберлен сейчас нащупывает у Гитлера возможность «урегулирования» или по крайней мере отсрочки обострения данцигской проблемы. Если ему это удастся, отпадет необходимость в быстром завершении англо-советских переговоров. Отдел печати Форин оффис в последние дни уже даже «на ухо» шептал журналистам, что возможна «отсрочка» переговоров на известный промежуток времени. Это отнюдь не исключено, тем более что 4 августа парламент расходится на каникулы, по крайней мере, месяца на два и правительство будет свободно даже от того несовершенного контроля, который пока осуществлялся оппозицией. В порядке подготовки к такому обороту дел правительственные круги наводняют сейчас Лондон всевозможными сплетнями и измышлениями, чтобы возложить ответственность за возможный срыв переговоров на Советское правительство [70]. В частности, в последние два-три дня в кулуарах парламента циркулирует мифическая история, будто бы британское правительство «из самых достоверных источников» узнало, что какое-то «высокое лицо» в Москве на днях похвалялось: в августе вылетит из правительства Галифакс, а в сентябре слетит и сам Чемберлен. Это для доказательства того, что Советское правительство якобы не хочет заключения договора, а лишь пользуется переговорами как орудием в интересах ликвидации нынешнего кабинета.

Для лучшей оценки положения необходимо также иметь в виду, что премьер все время ищет удобного момента для проведения выборов в парламент и закрепления на новую пятилетку власти консерваторов. Совершенно точно известно, что руководители «партийной машины», которые месяца два назад не советовали премьеру идти на выборы без «русского пакта», теперь изменили свое мнение и считают, что для победы на выборах при ны-

* См. док. № 84.

решней маломощности оппозиции достаточно будет «соглашения о Данциге». Таковы и надежды и расчеты чемберленовской клики. Иное дело, в какой мере они сбудутся.

Полпред

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 504—505.

86. Совместное заявление правительств Великобритании и Японии («Соглашение Арита — Крейги»)

24 июля 1939 г. *

В результате переговоров, имевших место между нами **, начиная с 15 июля 1939 г. было согласовано следующее заявление, которое должно быть опубликовано одновременно в Токио и Лондоне в понедельник 24 июля:

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве полностью признает нынешнее положение в Китае, где происходят военные действия в широком масштабе, и считает, что до тех пор, пока такое положение продолжает существовать, вооруженные силы Японии в Китае имеют специальные нужды в целях обеспечения их собственной безопасности и поддержания общественного порядка в районах, находящихся под их контролем, и что они должны будут подавлять или устранять любые такие действия или причины, мешающие им, или выгодные их противникам. Правительство Его Величества не имеет намерений поощрять любые действия или меры, препятствующие достижению японскими вооруженными силами упомянутых выше целей, и пользуется этой возможностью, чтобы в подтверждение своей политики в этом отношении разъяснить британским властям и британским подданным в Китае, что им следует воздерживаться от таких действий и мер [71].

Печат. по изд.: «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, vol. IX, p. 313.

87. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

24 июля 1939 г.

После того как возбуждение, вызванное данцигским кризисом в конце недели, улеглось, наступило всеобщее успокоение, давшее возможность руководящим деятелям сосредоточить свое внимание на центральном вопросе: повлечет ли за собой войну напряженность германо-английских отношений, или же можно достигнуть соглашения мирным путем? Среди ответственных и безответственных, алчущих войны и трезвых политиков господствует единомыслие относительно того, что крайнее напряжение, существовавшее в течение ряда месяцев, дольше продолжаться не может. В то время как пресса и большая часть политических деятелей не идут дальше фатализма или воинственного разглагольствования, немногие, действительно решающие, государственные деятели Англии глубже продумали и еще более конкретизировали упомянутые в моем донесении от 24 июня 1939 года * соображения о конструктивной политике в отношении Германии. Указанные в этом донесении внешнеполитические и внутриполитические тенденции — напряженность отношений с Японией, приостановка переговоров о пакте с Россией, сомнения в дееспособности польского союзника, тактические предвыборные соображения — продолжали оказывать тем временем свое действие и усиливали конструктивные тенденции.

Общие соображения, каким образом можно вступить на мирный путь урегулирования отношений с Германией, воплотились, по-видимому, в ряде конкретных пунктов, которые все вместе и одновременно могли бы быть подвергнуты обсуждению. В настоящее время разрабатывается обширная экономическая программа на основе политического умиротворения, которая посредством широко охватывающей формулы должна обеспечить принцип ненападения и разграничения сфер политических интересов; в эту программу будут включены следующие вопросы: колонии, сырье, сферы экономических интересов, договоренность о сотрудничестве на рынках третьих стран. Само собой разумеется, что в программу включается также пункт об ограничении вооружений, что представляет для англичан наибольший интерес. Более точные сведения об этих планах руководящих кругов может дать штаатсрат Вольтат, который во время своего пребывания в Лондоне вел на прошлой неделе, по английской инициативе, обстоятельные беседы об этих планах [69].

Для сторонников этих планов наиболее сложным является вопрос, как приступить к осуществлению этих переговоров. Общественное мнение настолько возбуждено, а поджигатели войны и интриганы настолько взяли сейчас верх, что опубликование сообщения о подобных планах ведения переговоров с Германией было бы немедленно взято под смертоносный огонь Черчиллем или другими подстрекателями, которые тотчас же выступили бы с лозунгом: «Долой второй Мюнхен» или «Долой возврат к политике умиротворения». Насколько деятельна и опасна эта группа, показало опубликование факта конфиденциальных переговоров между Вольтатом (сэр Хорас Вильсон и Вольтат) и министром внешней торговли Хадсоном; еще больший вред был нанесен

---

* Дата оглашения и публикации документа.
** Имеются в виду Арита и Крейги.

* В данном сборнике не публикуется.

опубликованием совершенно фантастической и лживой программы переговоров. То, что «Дейли телеграф» и «Ньюс кроникл» возглавляют эту кампанию травли, ясно показывает, кто именно заправляет ею из-за кулис.

Лица, занятые выработкой программы переговоров, понимают поэтому, что подготовительные шаги, направленные в сторону сближения с Германией, должны быть сделаны самым секретным образом. Лишь после того, как будет установлена готовность Германии вести такие переговоры и будет достигнуто единомыслие, по крайней мере в отношении программы, а может быть, и в отношении отдельных общих принципов,— лишь тогда английское правительство почувствовало бы себя достаточно сильным, чтобы осведомить общественное мнение о своих намерениях и о сделанных уже шагах. И если оно сможет таким путем подать надежду на урегулирование германо-английских отношений, то, по его убеждению, такое сообщение будет встречено общественностью с большой радостью и заставит замолчать всех интриганов.

От осуществления подобного плана ожидают так много, что даже считают его весьма эффективным избирательным лозунгом, который обеспечит правительственным партиям победу на осенних выборах и сохранит за ними власть на следующие пять лет. Однако среди избирательных загонщиков утвердилось убеждение, что победы на выборах можно наверняка добиться и с помощью противоположного лозунга: «Подготовка к будущей войне» — если не будет никаких надежд договориться с Германией.

Эта констатация означает вместе с тем, что ограниченность времени оказывает известное давление на принятие принципиального решения о начале переговоров с Германией и на достижение принципиального согласия. Так как выборы, по-видимому, будут происходить в ноябре, а организационная подготовка их потребует около шести недель, то английская сторона должна будет попытаться покончить с германским вопросом не позднее конца сентября. В отношении сроков имеется налицо некоторый оптимизм, так как полагают, что и германская сторона, при принципиальном согласии вступить в переговоры, должна стремиться к ускорению дела ввиду предстоящего партейтага* в Нюрнберге.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что германо-польская проблема нашла место в планах урегулирования отношений с Германией в том смысле, что, как полагают, в случае достижения соглашения между Германией и Англией разрешение польской проблемы значительно облегчится, так как более спокойная атмосфера облегчила бы ведение переговоров и заинтересованность Англии в Польше уменьшилась бы.

Изложенные выше планы авторитетных английских государственных деятелей могут показаться утопичными в свете разнузданного тона высказываний английской прессы и политических деятелей и наряду с политикой окружения, которая продолжает проводиться, хотя и не с прежним воодушевлением. Однако эти планы приобретают известную реальность, если учесть незначительность влияния английской германофобской печати и отдать себе, кроме того, отчет в том, что достижение соглашения с Германией является для Англии все еще самой важной и желанной целью, в противоположность другой альтернативе — войне, которая велась бы с величайшей неохотой, но возникновение которой считают неизбежным, если не будет достигнуто соглашение с Германией.

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 78—83.

* Съезд нацистской партии.

88. Запись телефонного разговора посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном и с помощником заместителя министра иностранных дел Великобритании О. Сарджентом

24 июля 1939 г.

Сегодня я позвонил сэру Хорасу Вильсону и затем сэру Орму Сардженту (сэр Александер Кадоган в отпуске) и сообщил им, что я хотел бы сделать некоторые замечания по поводу опубликования в печати сообщений, инспирированных г-ном Хадсоном о его беседе с г-ном Вольтатом. При этом я почти дословно придерживался нижеследующего текста моих заметок:

1) Беседа между г-ном Хадсоном и г-ном Вольтатом состоялась по инициативе не г-на Вольтата, а норвежского делегата (которого г-н Хадсон просил действовать в качестве посредника).

2) Так как г-ну Хадсону приписывается заявление, сделанное им будто бы нескольким журналистам, о том, что германское посольство совершило нескромность, я хотел бы засвидетельствовать, что ни один член посольства, ни сам г-н Вольтат не давали никому какой-либо информации по поводу этого свидания.

3) Судя по тому, что сообщено мне г-ном Вольтатом о беседе его с г-ном Хадсоном, сообщение, опубликованное в газетах, выражаясь мягко, в высшей степени неправильно. Сэр Хорас Вильсон был очень осторожен при разговоре по телефону и ничего не ответил, так что я, для большей уверенности, спросил его еще раз, достаточно ли ясно я выразил свои мысли, на что он ответил утвердительно. С сэром Ормом Сарджентом разговор был более продолжительным, потому что он еще раз спросил меня, действительно ли норвежский делегат играл роль посредника г-на Хадсона; в ответ на это я ему несколько подробней рассказал о беседе норвежца с г-ном Вольтатом. Я подчеркнул при этом, что позвонил сэру Орму Сардженту потому, что ввиду поставленных

сегодня в парламенте вопросов дело может принять самый срочный характер.

Сэр Орм Сарджент осведомился попутно о содержании беседы г-на Вольтата с г-ном Хадсоном, на что я ему ответил, что мнимый заем не играл никакой роли во время беседы, которая была скорее в основном посвящена открытию мировых рынков, сотрудничеству, урегулированию цен и валютным вопросам.

Сэр Орм Сарджент поблагодарил меня за сделанное сообщение и сказал, что он тотчас же в срочном порядке составит записку.

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 84—86.

89. Запись бесед сотрудника ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии Х. Вольтата с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном, с членом консервативной партии Великобритании Дж. Боллом и министром внешней торговли Великобритании Р. Хадсоном

24 июля 1939 г.

Запись бесед с сэром Хорасом Вильсоном (18 июля с 15 час. 15 мин. до 16 час. 30 мин. и 21 июля с 13 час. до 13 час. 30 мин.), с сэром Джозефом Боллом (20 июля с 18 час. 30 мин. до 19 час. 30 мин.) и с Р. Хадсоном (20 июля с 17 час. 30 мин. до 18 час. 30 мин.).

Все беседы были проведены по инициативе англичан и с ведома посла Дирксена.

Мы вернулись к беседе, которая имела место между сэром Хорасом, сэром Джозефом Боллом и мной в начале июня у герцога Вестминстерского. Я рассказал сэру Хорасу о моих впечатлениях по возвращении в Берлин из моей четырехнедельной поездки в Испанию. По моему мнению, сказал я, атмосфера в отношениях между Берлином и Лондоном значительно ухудшилась. Во всей политике Англии, в том числе и в ее переговорах с Россией, находит выражение ее стремление объединить все силы против Германии. Это обстоятельство в решающей мере влияет на то, как положение оценивается в Берлине. Влиятельные круги рассматривают фактическую политику Англии как новую попытку окружения; напротив, в речах Галифакса и Чемберлена в необязывающих их выражениях заявляется о готовности к переговорам. Кампания в печати затрудняет в настоящее время серьезное изучение и трезвый подход к проблемам.

По моему впечатлению, ухудшились как германо-польские, так и германо-английские отношения. Поляки сделали заявления, которые осложняют возвращение Данцига рейху и которые практически сводят возможности переговоров чуть ли не к обсуждению таможенных вопросов. Однако и заявления английской стороны также сузили возможность проведения переговоров о Данциге.

Я сказал далее, что, хотя прочел не все соответствующие речи, я слышал все же от авторитетного источника, что Чемберлен в своем последнем заявлении охарактеризовал статус Данцига как справедливый. Говорят, что лорд Галифакс снова провозгласил теорию равновесия сил в качестве основы английской внешней политики. Именно этот пункт еще больше затруднит поиски выхода из нынешней ситуации, поскольку Англия в результате взятых на себя обязательств уже не может свободно принимать решения во всех возможных случаях.

Хотя, по моему мнению, фюрер не примет опрометчивых решений в вопросе о Данциге, все же является фактом, что польское правительство никогда бы не смогло действовать так, как оно действовало, если бы его не поддерживало английское правительство и если бы его не провоцировали различного рода подстрекатели. К вопросу о Данциге нужно, однако, подходить реалистически. По мнению немецкой стороны, совершенно недостаточно вести переговоры лишь о статусе вольного города и об улучшении этого статуса.

Сэр Хорас выразил удивление по поводу этих замечаний. По его мнению, речи Чемберлена и лорда Галифакса не следует понимать в таком плане. Он вручил мне текст обеих речей. Речь на обеде, устроенном Королевским институтом международных отношений в Чэтэм хауз, была, по его словам, традиционным выступлением, которое больше носило характер лекции на политико-философскую тему. Было выработано несколько проектов этой речи. Он сейчас не может уже точно вспомнить текста последнего проекта. Во всяком случае, то существенное, что, по мнению английской стороны, нужно было сказать, заключалось несколько в ином, а не в подчеркивании возвращения английской политики к теории и практике равновесия сил. Галифакс старался выразить готовность к сотрудничеству и к политике мирного изменения нынешнего положения, постольку поскольку Германия желает таких изменений и если в ходе переговоров с Англией можно достичь какого-то единого мнения в этом вопросе.

Сэр Хорас в очень приятных выражениях сказал мне, что хотел бы по-дружески переговорить со мной как со своим коллегой. Мы оба, заявил он, заинтересованы в том, чтобы какие-либо не поддающиеся контролю факторы, вытекающие из мощного процесса нарастания сил, не привели к военному столкновению, которое переросло бы масштабы вопроса о Восточной Европе и вылилось бы в новое принципиальное столкновение между группами, руководимыми Германией и Англией. Мы оба придерживаемся интересов наших правительств, которые заключаются в том, чтобы были сохранены установившиеся формы правления и чтобы современная цивилизация не оказалась ввергнутой в величайший

кризис вследствие такого столкновения. По его мнению, если бы такая катастрофа все-таки произошла, то мы оба хотели бы ответить перед своей совестью, что мы сделали все от нас зависящее, чтобы путем объективной информации и практическими советами нашим правительствам содействовать мирному решению вопроса.

Сэр Хорас обратил внимание на то, что в сентябре 1938 г. в Мюнхене у некоторых лиц сложилось впечатление, что Англия не готова к борьбе. Вследствие этого возникла необходимость довести до сознания населения всю серьезность положения. В первую очередь нажим на правительство оказала оппозиция, поскольку сочли, что причиной поведения Англии в Мюнхене была недостаточная готовность Англии в области вооружений. Если в то время в угрожающем случае дело и могло обстоять таким образом, то в настоящее время положение совершенно иное. Английская авиация и военно-морской флот были чрезвычайно усилены. В наши дни в военном отношении Англия находится в состоянии полной готовности, в Лондоне достаточно, так сказать, лишь нажать кнопку, и военная промышленность заработает на полную мощность. Английские обязательства и гарантии тоже нужно рассматривать с учетом того, что после 15 марта[27] Англия вынуждена серьезно относиться к делу. Дело сводилось к процессу укрепления английских позиций, что к настоящему времени закончено. Не вызывает сомнений, что боевой дух и готовность населения к войне с Германией поднялись значительно выше, чем это получает отражение в спокойной позиции, занятой правительством.

Сэр Хорас, вероятно, подготовил для нашей беседы меморандум, который он велел принести своему секретарю и который начинался словами: «Предполагая, что...» Этот меморандум, очевидно, содержал одобренные Невилем Чемберленом пункты, которые подлежали обсуждению между германским и английским правительствами. Эти пункты были выставлены им в качестве предмета переговоров в связи с речью фюрера от 28 апреля.

Сэр Хорас придерживается мнения, что переговоры следует проводить тайно[69]. Пока переговоры должны проходить только между Англией и Германией; Францию и Италию следует привлечь лишь позднее. Оба правительства могли бы договориться о том, чтобы в известный момент информировать дружественные державы. Сэр Хорас заявил, что Великобритания желает говорить с Германией как с равноправным партнером. В ходе переговоров следовало бы установить контакт между самыми высокопоставленными лицами. Кроме того, в англо-германских соглашениях и заявлениях следует всячески выразить волю к сотрудничеству. Результатом переговоров должны явиться соглашения, в которых будут изложены основные линии совместной англо-германской политики, которые необходимо будет разработать в отдельных договорах в процессе осуществления дальнейшего постоянного сотрудничества.

Как и в прежних беседах, сэр Хорас просил меня назвать пункты, которые, по мнению фюрера, можно было бы обсудить между обоими правительствами. Я сказал ему, что мы можем говорить только в личном плане, и предложил обсудить его меморандум. Он спросил, когда я снова приеду в Лондон. Я сказал, что у меня нет поручения, с которым бы я мог в ближайшем будущем приехать в Лондон. Он попросил о том, чтобы я изложил пункты немецкой стороны на доступном для англичан языке и в доступной для них форме. Он сказал, что, возможно, он слишком оптимистично смотрит на вещи, а решение вопроса, которое он считает возможным, некоторым наблюдателям представляется в нынешней ситуации нереальным. Однако у него была возможность наблюдать фюрера, и он верит, что фюрер как государственный деятель, выступающий за мир, способен на еще большие достижения, чем те, которых он уже добился в деле строительства Великой Германии. Он верит, что фюрер стремится избежать возникновения войны из-за вопроса о Данциге. Когда великогерманская политика начинает приближаться к выполнению своих последних требований в том, что касается ее территориальных претензий, то фюрер в связи с этим мог бы вместе с Англией найти такое решение, которое позволило бы ему войти в историю в качестве одного из величайших государственных деятелей и которое привело бы к повороту в мировом общественном мнении.

Сэр Хорас сказал, что если я интересуюсь конкретной формулировкой позиции английского правительства, то он может обещать, что уже сегодня или завтра мне будет изложено ответственное заявление премьер-министра. Конечно, важно решить, какой путь окажется наилучшим для таких переговоров. Как полагают англичане, не следует допускать, чтобы о переговорах узнали те лица, которые в принципе враждебно относятся к установлению взаимопонимания. В данной ситуации речь может идти не о политическом маневре, а об осуществлении одной из самых крупных политических комбинаций, о которых вообще только можно подумать. Все же английское правительство не хотело бы создать впечатления, будто оно при всех обстоятельствах стремится к переговорам. Если никакое иное решение невозможно, то Англия и Британская империя готовы в настоящее время к военному столкновению и встретят его исполненные решимости. Учитывая образ мышления в некоторых кругах, он считает до чрезвычайности важным, чтобы не возникло ложного впечатления ни о готовности Англии к миру, ни о ее готовности к войне.

ПРОГРАММА ГЕРМАНО-АНГЛИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (СЭР ХОРАС В.)

А. Политические вопросы

1. Совместное германо-английское заявление о том, что обе страны не будут прибегать к нападению с применением силы как

к средству международной политики (Joint Anglo-German declaration not to use aggression). При этом речь должна идти не о «пакте о ненападении» между обеими странами, а об общем провозглашении политического принципа, в соответствии с которым обе страны отказываются от использования нападения с применением силы как средства политики. Сэр Хорас придерживается при этом мнения, что такое заявление сделало бы беспредметными гарантии Англии по отношению к Польше и Румынии, так как, сделав такое заявление, Германия уже не совершила бы нападения на эти государства, а поэтому эти государства не могли бы уже больше считать, что Германия угрожает их национальному существованию.

2. Заявление о взаимном невмешательстве (non-interference) Германии по отношению к Британскому содружеству наций и Великобритании по отношению к Великой Германии.

Я подчеркнул, что в данном случае речь идет не только о границах государств и владений, но и о территориях, являющихся сферами особых интересов и экономического влияния. Что касается Германии, то для нее это, в частности, распространяется на Восточную и Юго-Восточную Европу. Сэр Хорас ответил, что этот пункт нуждается в особо тщательной политической формулировке и что политическое определение, вероятно, лучше всего сделать после изучения экономических интересов Германии. Англия заинтересована только в том, чтобы сохранить свое участие в европейских делах.

Примечание. С помощью принципиальных заявлений, указанных в п. 1 и п. 2, англичане, видимо, хотят создать новую платформу для рассмотрения вопросов, возникающих между Германией и Польшей. После установления взаимопонимания на широкой основе между Германией и Англией для последней вопрос о Данциге играл бы уже второстепенную роль.

3. Колониальный вопрос и мандаты. Германо-английское заявление о принципиальном пересмотре соответствующих положений Версальского договора.

Поскольку и другие государства, помимо Великобритании, имеют подмандатные территории, в числе которых находятся большие германские колонии, заявление английской стороны послужило бы исходным пунктом для того, чтобы поднять вопрос о колониях в целом. Члены кабинета время от времени обсуждали планы практического решения колониального вопроса, один из которых рассматривается в рубрике «В. Экономические вопросы».

Б. Военные вопросы

Германо-английское заявление об ограничении вооружений и совместной политике по отношению к третьим странам.

1) Соглашение о военно-морском флоте.
2) Соглашение о военно-воздушных силах.
3) Соглашение о сухопутных силах.

За основу соглашения о военно-морском флоте было бы целесообразно взять опыт заключения прежнего соглашения.

В соглашениях о военно-воздушных и сухопутных силах следует учесть особые стратегические и военные условия Британской империи и особое стратегическое положение великогерманского рейха в Центральной Европе.

Германо-английские соглашения должны быть увязаны с существующими и подлежащими заключению соглашениями с третьими странами.

В. Экономические вопросы

1) Германо-английское заявление о совместной политике в области снабжения обеих стран сырьем и продовольствием и соглашение о вывозе германской и английской промышленной продукции на главные рынки.

Примечание. Если было бы желательным установление германо-английского сотрудничества во всех областях, то, поскольку мне известны взгляды видных английских политиков, я считаю возможным обеспечить сотрудничество между двумя крупнейшими промышленными нациями Европы на длительный период [15].

Благодаря правильному развитию великих народнохозяйственных сил, которые под руководством Германии и Англии в результате сотрудничества между обоими правительствами могли бы развернуться в Европе и во всем мире, был бы достигнут небывалый экономический подъем и дальнейший рост жизненного уровня народов, что будет иметь определяющее значение в индустриальную эпоху. Планомерное германо-английское сотрудничество распространялось бы прежде всего на экономическое развитие трех крупных рынков:

Британская империя (в частности, Индия, Южная Африка, Канада, Австралия);

Китай (в сотрудничестве с Японией);

Россия (в том случае, если политика Сталина будет развиваться соответствующим образом).

Германо-английское сотрудничество, которое на обозримый период времени обеспечило бы мир, открывает для всех сил труда и капитала новые неограниченные возможности, учитывая технический уровень современной промышленности.

Осуществление этих планов помогло бы избежать опасности безработицы при переходе промышленного производства от выпуска военной продукции к выпуску предметов широкого потребления. В рамках германо-английского сотрудничества оказалось бы возможным провести финансирование перестройки германской и английской промышленности. Широкое германо-английское сотрудничество в деле планирования экономики создало бы также возможность для долгосрочного финансирования крупнейших промышленных проектов и проектов по разработке сырья в других частях света.

2) Колониальные вопросы.

В связи с германо-английским экономическим сотрудничеством Хадсон изложил план создания колониального кондоминиума в Африке. В основу этого плана положена идея совместного освоения Африки европейскими колониальными державами. Речь пошла бы о широких, связанных между собою территориях, охватывающих самые крупные области тропической и субтропической Африки. Сюда могли бы войти Того, Нигерия, Камерун, Конго, Кения, Танганьика (Немецкая Восточная Африка), Португальская и Испанская Западная и Восточная Африка, Северная Родезия. На этих территориях можно было бы по единой системе организовать разработку сырья и производство продовольствия, осуществлять капиталовложения и вести внешнюю торговлю, упорядочить валюту и транспортную сеть, административное управление, а также военный и полицейский контроль.

Судя по заявлению сэра Хораса Вильсона, возможны также и другие практические решения колониального вопроса.

Г-н Хадсон сказал далее, что он не может официально выступать за установление взаимопонимания между английскими и германскими промышленными кругами, но поддержит любое практическое урегулирование, о котором ему станет известно. Конечно, Англия стремится выиграть следующую войну, однако он посчитал бы себя глупцом, если бы его желанием было говорить со мной не в данный момент, а на мирной конференции. После войны нынешние проблемы стали бы для всех участников значительно сложнее, чем в наши дни.

3) Совместное германо-английское заявление о соотношении между валютами обеих стран на основе международного урегулирования германских долгов. Кредиты германскому рейхсбанку. Восстановление связи между европейскими рынками капитала. Урегулирование валютного вопроса и вопроса о долгах Юго-Восточной Европы под главенством берлинского рынка. Приспособление оговорки о принципе наибольшего благоприятствования к особым условиям производства европейских аграрных стран.

Достижение договоренности между Англией и Германией об объеме английских вложений на рынках, находящихся в сфере особых экономических интересов великогерманского рейха в Восточной и Юго-Восточной Европе.

По вопросу о времени проведения переговоров я хотел бы указать на то, что премьер-министр как лидер консервативной партии до середины сентября должен принять решение, с какой программой ему нужно выступить на выборах, которые, по доверительному сообщению сэра Джозефа Болла, рассчитывают назначить на 14 ноября. Сэр Джозеф Болл рассчитывает, что в результате выборов Невиль Чемберлен и консервативная партия останутся у власти на дальнейшие пять лет.

Прощаясь, сэр Хорас Вильсон сказал, что считает возможным проведение совместной внешнеторговой политики обоими крупнейшими индустриальными государствами Европы. Германия и Англия, выступая поодиночке в конкурентной борьбе против всех промышленных государств, не могут и отдаленно добиться такого большого экономического подъема, который станет возможным при планомерно организованном сотрудничестве между нами.

Сэр Хорас сказал: если фюрер даст согласие на переговоры, то это будет рассматриваться как признак восстановления доверия.

Прошу указаний, могу ли я и в какой форме дать ответ сэру Хорасу.

Вольтат

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 508—515.

90. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

25 июля 1939 г.

Сегодня Галифакс, рассказав мне о последнем московском заседании (23 июля), сообщил, что британское правительство принимает советское предложение начать теперь же военные переговоры, не дожидаясь окончания политических переговоров[72]. Английская военная миссия сможет выехать в Москву примерно через 7—10 дней. Состав ее пока еще не определен.

Далее Галифакс стал говорить о том, что, поскольку британское правительство пошло нам навстречу в вопросе об одновременном вступлении в силу пакта и военной конвенции, он очень надеется, что мы пойдем британскому правительству навстречу в единственном еще оставшемся спорном вопросе — о косвенной агрессии. По утверждению Галифакса, английская формула покрывает случаи агрессии чехословацкого типа. Все, что выходит за пределы такого случая, должно служить предметом консультации. Галифакс просит нас удовлетвориться этим.

Полпред

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 515—516.

91. Инструкция начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена французской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции

27 июля 1939 г.

Вопрос о морских коммуникациях между европейским Западом и Мурманском должен быть решен совместно с англичанами, поскольку эта акватория входит в зону английского командования; кроме того, исходные базы находятся в Великобритании.

Что касается коммуникаций в Средиземном море, то вопрос связан с проблемой господства в этом районе. Поэтому, во вся-

ком случае на начальной стадии конфликта, эти коммуникации не могут быть надежными.

В отношении воздушных коммуникаций не следует исключать возможности полетов над территорией Германии, но представляется, что регулярные воздушные связи следует организовывать, используя гражданские самолеты с промежуточной посадкой в нейтральных странах Северной Европы.

В связи с вопросом о морских операциях в Балтике представляло бы интерес уточнить возможности русских, которые имеют в этом районе 52 подлодки.

Официально поляки не могут согласиться с принципом вступления (еще в мирное время) русских войск на их территорию в случае конфликта. Но нет сомнения, что при возникновении опасности они согласились бы иметь на своей территории советскую авиацию и, может быть, даже механизированные соединения. Возможность того, что они откроют свои границы для русских войск всех родов, остается маловероятной. Представляется, что румыны в этом вопросе будут также очень сдержанны, а с турками будет легче договориться.

Операция в восточном Средиземноморье должна предусматривать разрешение в возможно кратчайший срок вопроса о Додеканезах. Названная операция должна осуществляться преимущественно силами турок при поддержке британского флота и союзной авиации, в составе которой следует иметь в виду прежде всего русскую авиацию. В вопросе о получении поддержки русской авиации в отношении Додеканезов вы должны действовать в качестве посредника. Эта поддержка также будет необходима в случае, если не удастся удержать Болгарию на позиции нейтралитета и она будет атакована как турками из Фракии, так и совместными греческими и турецкими силами из района Салоник. Какова могла бы быть помощь СССР в этом случае?

Поставки со стороны России для Польши, Румынии и Турции сырья, продовольствия, вооружения, снаряжения и оборудования будут, очевидно, хорошо приняты названными государствами. Очень желательно, чтобы СССР поставил им то, что Франция и Англия не могут им дать, во всяком случае в ближайшем будущем. Прилагаемая записка содержит сведения по данному вопросу *.

Турки предусматривают возможность сколько-нибудь серьезных операций в восточном Средиземноморье и на Балканах только в случае, если они не будут чувствовать угрозы со стороны СССР на Кавказе. Вам, несомненно, представится случай довести это до сведения русских и побудить их предпринять необходимую успокаивающую акцию [73].

Гамелен

Печат. по изд.: Beaufre A. Le drame de 1940. Paris, 1965 p. 120—121.

* В данном сборнике не публикуется.

92. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Великобритании Г. Дирксену

31 июля 1939 г.

Прошу немедленно телеграфировать содержание политических переговоров, которые министериаль-директор Вольтат вел при последнем своем посещении Лондона, в особенности отчет о совещаниях Вольтата с Вами, так как он сообщает, что вел политические переговоры по согласованию с послом.

Риббентроп

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 99.

93. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

31 июля 1939 г.

1. Во время своего пребывания здесь министериаль-директор Вольтат был приглашен на беседу как сэром Хорасом Вильсоном, так и министром внешней торговли Хадсоном. По соглашению со мной Вольтат пошел навстречу этой просьбе и сообщил мне устно содержание этих бесед. Я сообщил о его здешнем пребывании по телеграфу и представил письменное донесение о его беседах с Вильсоном *.

2. В моих беседах с Вольтатом в особенности обсуждался вопрос, насколько сделанные ему Вильсоном сообщения согласуются с замеченными мною тенденциями конструктивной политики в здешних правительственных кругах **. При этом мы могли установить, что наблюдавшиеся до сих пор тенденции общего характера выкристаллизовались в план, основанный преимущественно на хозяйственно-политических предпосылках, который был выработан или, по крайней мере, одобрен Чемберленом.

3. Обобщая мои сообщения, мне хотелось бы еще раз повторить, что инициативу, проявленную Вильсоном и Хадсоном, можно объяснить следующей господствующей здесь точкой зрения, а именно:

a) что напряжение, существующее в отношениях между Германией и Англией, приведет к войне, если не будут сделаны попытки к урегулированию отношений между ними;

b) что английская политика окружения является опасной для дела мира и сопряжена со значительным риском для Англии;

c) что состояние вооружений Англии позволяет правительству попытаться пойти на компромисс с Германией, не вызывая подозрения в слабости.

* См. док. № 87.
** См. док. № 79.

4. Желание Вильсона обосновать перед Вольтатом свои мысли преимущественно хозяйственно-политического характера следует, по-видимому, объяснить тем, что Вильсон — главный экономический советник британского правительства — видел в Вольтате — уполномоченном по четырехлетнему плану — специалиста в той же области. Как замечает одна здешняя газета, Вольтат вел себя как учтивый слушатель, что видно также из того, что он категорически отклонил предложение Вильсона получить подтверждение изложенных последним мыслей со стороны политической инстанции (премьер-министра Чемберлена), так как он не считал себя уполномоченным на это [69].

Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 100—102.

94. Телеграмма статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекера послу Германии в Великобритании Г. Дирксену

31 июля 1939 г.

Вольтат по возвращении в Берлин сделал доклад о своей беседе с сэром Хорасом Вильсоном. Этот доклад был передан генерал-фельдмаршалом Герингом рейхсминистру иностранных дел. Он содержит предложение Вильсона о широком англо-германском сотрудничестве, иначе говоря, о соглашении политического, военного и экономического характера. Эти предложения рассматриваются, по-видимому, английской стороной как официальный зондаж. Вольтат, очевидно, не задал Вильсону напрашивающегося вопроса, предполагают ли эти предложения одновременный отказ от связанных с политикой окружения переговоров, в особенности с Москвой. Как уже указано в предыдущей телеграмме, рейхсминистр иностранных дел просит сообщить по телеграфу о содержании переговоров с Вольтатом, а также о Вашем отношении к ним [69].

Вейцзекер

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 103—104.

95. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру

1 августа 1939 г.

1. Касательно беседы Вольтата с сэром Хорасом Вильсоном и моего отношения к ней я ссылаюсь на телеграфное донесение от 31 июля 1939 г.* То, что Вольтат во время беседы не поднял прямо вопроса об отказе от политики окружения, объясняется его договоренностью со мной о том, чтобы он вообще больше слушал, чем говорил.

* См. док. № 93.

2. Несмотря на то что беседа в политическом отношении не была углублена, мое впечатление таково, что в форме хозяйственно-политических вопросов нам хотели предложить широкую конструктивную программу. Трудности проведения этой программы для британского правительства, при господствующем теперь настроении общественности, указаны в моем донесении от 24 июля 1939 г.*.

3. Что соглашение с Германией было бы несовместимо с одновременным проведением политики окружения, ясно здешним руководящим лицам. Определяющие соображения в этом вопросе основываются примерно на следующих положениях:

a) Соглашение с Германией химически, так сказать, растворило бы данцигскую проблему и открыло бы дорогу к германо-польскому урегулированию, которым Англии не было бы больше надобности интересоваться.

b) К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии,— или, вернее, благодаря этому — здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения.

Высокопоставленный офицер из министерства авиации недавно высказал авиационному атташе свое убеждение в том, что ни британская, ни русская сторона не имеют серьезного желания заключить соглашение.

c) Относительно оценки военного значения Польши все еще имеются сомнения, которые находят свое отражение в сдержанности в финансовом отношении. Отчет генерала Айронсайда также не был, как слышно, чрезмерно положительным [74].

Располагающий наилучшими связями, принадлежащий к лейбористской партии политик Роден Бакстон (брат лорда Ноэля Бакстона) в разговоре с советником посольства развивал те же положения, что и Вильсон, и указывал на ликвидацию политики окружения как на само собой разумеющееся следствие соглашения с Германией. Запись беседы с Бакстоном посылается с этой же воздушной почтой [69].

4. Все более усиливается впечатление, что возможность принципиального соглашения с Германией должна быть установлена

* См. док. № 87.

в течение ближайших недель для того, чтобы определить содержание избирательных лозунгов *. Здесь надеются, что политическое успокоение, которого можно ожидать с наступлением вакаций, создаст предпосылки к составлению программы переговоров, имеющей шансы на осуществление.

Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 116—118.

96. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру

1 августа 1939 г.

При сем направляю копию записи советника посольства Кордта о его беседе с лейбористским политиком Чарльзом Роденом Бакстоном, имевшей место в прошлую субботу. Хотя г-н Роден Бакстон и не принадлежит к правительственной партии и его внешнеполитические идеи противоположны идеям большинства Рабочей партии, я все же считаю, что его высказывания представляют некоторый интерес. Термин «сфера интересов» в смысле разграничения расширенных пространств ** важнейших держав был употреблен также сэром Хорасом Вильсоном в беседе с г-ном штаатсратом Вольтатом. Заслуживает внимания, далее, тот факт, что Чемберлен, подобно Бакстону, выступая вчера в палате общин, с особым ударением упомянул об англо-французском соглашении 1904 г.[75] и англо-русском договоре 1907 г.[76], по, конечно, в иной связи: премьер-министр указал на то, что понадобилось девять месяцев переговоров в 1904 г. и пятнадцать месяцев в 1907 г. для того, чтобы прийти к успешному результату. Чемберлен хотел этим ослабить упрек в чрезмерном затягивании переговоров с Советским правительством.

Фон Дирксен

ПРИЛОЖЕНИЕ

Запись беседы советника посольства Германии в Великобритании Т. Кордта с деятелем лейбористской партии Великобритании Ч. Р. Бакстоном

29 июля 1939 г. ***

Сегодня, 29 июля 1939 г., меня посетил для частной беседы, предварительно договорившись об этом со мной, бывший депутат лейбористской партии г-н Чарльз Роден Бакстон, брат известного

* См. док. № 87.
** В оригинале: «Grossräume».
*** Запись беседы составлена 31 июля 1939 г.

пэра-лейбориста лорда Ноэля Бакстона. Г-н Роден Бакстон, который в настоящее время не имеет мандата, работает при руководстве лейбористской партии на посту, который можно было бы сравнить с постом руководящего офицера в оперативном отделе генерального штаба. Он имеет особое бюро в палате общин и дает заключения по политическим вопросам для лейбористской партии. В Германии он и его жена стали хорошо известны после их мужественного выступления в защиту немецкого гражданского населения во время французской оккупации Верхнесилезской и Рурской областей. Г-н Роден Бакстон — квакер и пользуется очень хорошей репутацией даже у своих политических противников благодаря своему знанию европейских проблем и прекрасным чертам своего характера.

Г-н Роден Бакстон начал с предупреждения о том, что он не говорит ни от имени лейбористской партии, ни от имени правительства. Он хотел бы лишь изложить мне свои мысли о тех возможностях избежать войны *, которые, по его мнению, еще имеются. Он заявил, что должен был убедиться, что публичное обсуждение способов сохранения мира в настоящее время не может привести к цели. Возбуждение народов достигло такой степени, что всякая попытка разумного урегулирования вопроса немедленно саботируется общественностью. Поэтому необходимо возвратиться к своего рода тайной дипломатии. Руководящие круги Германии и Великобритании должны бы попытаться путем переговоров, с исключением всякого участия общественного мнения, найти путь к выходу из невыносимого положения. Он имеет в виду путь, который в свое время в 1904 г. помог лорду Ленсдауну преодолеть обострение отношений с Францией и который доказал свою ценность и в 1907 г. при урегулировании напряженных отношений с Россией.

В 1904 и 1907 гг. Англия стояла в основном перед теми же проблемами, что и сегодня. В период с 1898 по 1904 гг. Франция использовала каждую возможность, чтобы повсеместно создавать Британской империи затруднения, ибо она считала, что из создавшегося напряженного положения нет иного выхода, кроме приобретения возможно большего числа союзников к предстоящей войне. Переговоры, которые велись без всякого участия общественности, привели к договору 1904 г., по которому Франции предоставлялась Северо-Западная Африка, а Англии — Северо-Восточная Африка. То же самое имело место и в 1907 г. В то время Россия пыталась минировать империю в Южной Персии, Афганистане и в Тибете. Благодаря договору 1907 г. противоречия были устранены опять-таки путем создания сфер интересов.

Он задает себе вопрос, нельзя ли этот же образ действий применить теперь в отношении Германии. Сформулированное фюрером понятие жизненного пространства направляет мысль в эту

* В оригинале: «einer Konflagration».

сторону. Здесь я прервал г-на Родена Бакстона, указав ему на то, что британская политика поступала совершенно противоположным образом. Она вмешивалась в дела, которые ни в какой мере не входили в сферу ее интересов. Она даже дала гарантии государствам, которые не нуждались в этих гарантиях, и она подстрекала польское правительство к абсолютно непримиримому отношению к разумным германским предложениям. Из ответа г-на Родена Бакстона явствовало, что он вовсе не одобряет эту политику, хотя и является членом лейбористской партии. В этом именно и заключается, по его словам, причина того, что он пришел ко мне. Противоречия настолько обострились, что осталась, собственно, одна альтернатива — война или разумное соглашение. Г-н Роден Бакстон набросал далее следующий план:

Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сфер интересов. Под разграничением сфер интересов он понимает, с одной стороны, невмешательство других держав в эти сферы интересов и, с другой стороны, действенное признание законного права за благоприятствуемой великой державой препятствовать государствам, расположенным в сфере ее интересов, вести враждебную ей политику. Конкретно это означало бы:

1) Германия обещает не вмешиваться в дела Британской империи.

2) Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе.

3) Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом. Странным образом г-н Роден Бакстон в этой связи упомянул и о том, что чешско-советский договор остался без применения.

Со своей стороны, кроме ранее упомянутого невмешательства, Германия должна обещать:

1) Объявить о своей готовности к европейскому сотрудничеству (в этой связи г-н Роден Бакстон высказал мысли, сходные с идеей Муссолини о пакте четырех держав);

2) Гарантировать предоставление через некоторое время своего рода автономии Богемии и Моравии (я указал, что ведь эта культурная автономия уже существует, после чего г-н Роден Бакстон не развивал далее эту мысль);

3) Согласиться на всеобщее сокращение вооружения. Это сокращение вооружения ни в коем случае не потребуется от одной Германии; имеется в виду достигнуть того, чтобы расходы на вооружение не разорили бы вконец все народы. В ответ на мой

вопрос Роден Бакстон заметил, что военный потенциал государств мог бы остаться тот же, но только на сниженном уровне, подобно тому как если бы семья, имевшая квартиру на пятом этаже современного дома, в целях экономии средств сняла бы квартиру таких же размеров на втором этаже. По его словам, подобная уступка необходима для того, чтобы дать возможность Чемберлену и лорду Галифаксу приступить к разумным и реально-политическим переговорам с нами.

Ясно, что столь обширная программа, которая, кстати сказать, урегулировала бы также и колониальный вопрос в положительном, с точки зрения Германии, смысле, могла бы быть обсуждена только совершенно доверительно и осуществлена в атмосфере возросшего доверия.

В основном я занимал позицию слушателя, но в конце беседы весьма решительно указал на речи фюрера, который, как известно, уже давно предупреждал Англию, что ей не следует вмешиваться в дела, которые ее не касаются.

В заключение я спросил г-на Родена Бакстона, делился ли он своими мыслями с членами британского правительства. Г-н Роден Бакстон уклонился от прямого ответа. Но мне кажется, что из его витиеватых объяснений можно сделать вывод, что подобные мысли свойственны сэру Хорасу Вильсону, а следовательно, и премьер-министру Чемберлену. Не исключено, что г-н Роден Бакстон хотел пустить пробный шар. У меня, однако, сложилось впечатление, что ход мыслей г-на Родена Бакстона базируется на точной проработке вопроса [69].

Т. Кордт

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 119—127.

97. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

1 августа 1939 г.

Военный, военно-воздушный и военно-морской атташе единодушно отмечают поразительный скепсис английских военных в отношении предстоящих переговоров с представителями Советских Вооруженных Сил. Нельзя отделаться от впечатления, что с английской стороны переговоры ведутся, главным образом, с той целью, чтобы получить наконец представление о действительной боевой мощи Советских Вооруженных Сил. Имеющиеся до сих пор у англичан немногочисленные данные не исключают возможности того, что доклад военной делегации, которая должна быть послана в Москву, будет негативным.

Это впечатление усиливается благодаря ставшему сегодня известным составу английской военной делегации. Ни один из трех представителей видов вооруженных сил не имеет подготовки,

которая дала бы ему возможность вести переговоры специально по оперативным мероприятиям. Однако все три господина являются фронтовыми офицерами, которые вследствие этого обладают вполне наметанным взглядом для суждения о боеспособности какой-либо части и ее оснащении пригодными для ведения войны материалами.

Дирксен

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 518—519.

98. Проект определения понятия «косвенная агрессия», врученный послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР [77]

2 августа 1939 г.

Между тремя договаривающимися правительствами условлено, что слова «косвенная агрессия» в предыдущем § 2 * должны пониматься как не исключающие (или как включающие) акцию, принятую государством, о котором идет речь, под угрозой силы со стороны другой державы и имеющую последствием потерю его независимости или его нейтралитета.

Если создадутся обстоятельства, которые не подпадают под предшествующее определение, но которые, по мнению одного из договаривающихся правительств, содержат угрозу независимости или нейтралитету государства, о котором идет речь, договаривающиеся правительства приступят по просьбе одного из них к немедленной консультации в целях любой акции, о которой будет принято решение с общего согласия [78].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 525.

99. Инструкции для британской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции **

2 августа 1939 г. ***

Часть первая
ОБЩАЯ ПОЛИТИКА

1. Этот меморандум был составлен для руководства делегации Соединенного Королевства во время переговоров штабов с Россией и был одобрен начальниками штабов [79]. Мы не имели времени

* См. док. № 81.

** Тексты приложений I—IV, опубликованные в изд. «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third series, vol. VI, p. 780—789, в данном сборнике не публикуются.

*** Дата обсуждения на совещании британского правительственного комитета имперской обороны.

для согласования этих инструкций с французской стороной. Если какие-либо важные пункты в инструкциях двух делегаций расходятся, британская делегация должна доложить об этом начальникам штабов. В наши намерения входит, чтобы обе делегации работали как единая делегация, хотя они и не называются так. Следует, разумеется, иметь в виду, что делегаты должны действовать лишь как лица, ведущие переговоры, и что окончательное согласие относительно любой военной конвенции должно исходить от правительств Франции и Великобритании.

2. Политический меморандум, представленный министерством иностранных дел и содержащий изложение хода московских переговоров на сегодняшний день, дается в приложении I. Из этого меморандума видно, что с самого начала переговоров с Россией Советское правительство занимало сильную позицию вследствие того, что мы предоставили ранее гарантии Польше и Румынии. В связи с этим позиция русских сводилась к тому, чтобы попытаться извлечь максимальные выгоды для себя из предложенного Россией пакта о ненападении в обмен на обещание сотрудничать с нами. Русские заявляют, что уже достигнута та стадия, на которой завершение переговоров должно было бы главным образом состоять в определении условий предоставления Францией и Великобританией помощи Советскому правительству в случае, если последнее оказалось бы вынужденным защищать независимость или нейтралитет одного из Прибалтийских государств. До настоящего времени не оказалось возможным прийти к соглашению по этому пункту.

3. Со временем обнаружилось, что русские намерены настаивать на необходимости заключения военного соглашения в качестве предварительного условия для окончательного политического соглашения, тезис, не представлявшийся очевидным для британского и французского правительств. Однако, оказавшись перед возможностью разрыва переговоров, эти два правительства согласились теперь с тем, чтобы переговоры штабов начались возможно скорее, с целью удовлетворения требования русских о военном соглашении. Именно в силу этого соображения делегации и направляются в Россию.

4. Делегация должна хорошо понимать, что политическое соглашение, так же как и военное соглашение, должно относиться только к Европе и не должно включать Дальний Восток. Любая информация, которую русские дали бы нам по поводу своих планов или намерений в отношении Дальнего Востока, должна тщательно учитываться, однако миссия должна категорически уклоняться от обсуждения или сообщения намерений и планов союзников в этой зоне.

5. Вторая часть меморандума содержит стратегические соображения, которые делегация должна использовать в качестве базы при переговорах. Эти соображения должны рассматриваться как документ, предназначенный только для нас, и не должны пе-

редаваться русским. Третья часть содержит краткое изложение вопросов, могущих явиться предметом обсуждения.

6. Что касается второй части, делегация должна соблюдать наибольшую сдержанность там, где эти соображения раскрывают русским франко-британские намерения, и в этом отношении она должна действовать, поддерживая самое тесное сотрудничество с французами.

7. Мы считаем, что существуют серьезные трудности в ведении военных переговоров с Советским правительством, в особенности при отсутствии предварительного политического соглашения. Особенно ослабили бы мы нашу позицию, если предоставили бы русским секретную информацию до заключения пакта.

8. До заключения политического соглашения делегация должна, в силу изложенных выше мотивов, вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров и поддерживая очень тесную связь с послом Его Величества.

9. Мы предостерегаем делегацию против опасности возможного проникновения информации в Германию ввиду того, что между русским и германским генеральными штабами мог иметь место контакт, и в связи с тем, что делегаты, по всей вероятности, будут находиться под тщательным наблюдением и могут быть попытки получения копий или оригиналов их документов.

10. При определении того, в какой мере наши намерения и планы, изложенные в этом меморандуме, могли бы быть при настоящем положении вещей раскрыты русским, делегация должна руководствоваться главным образом позицией и общей линией поведения русской делегации. Степень доверия, которое следует оказывать русской делегации, будет тем более высокой, чем более откровенной и естественной будет ее реакция. Во всяком случае, до заключения политического соглашения делегация должна соблюдать осторожность в отношении русских.

11. Тем не менее, в целях достижения военного соглашения, какова бы ни была его форма, необходимо будет раскрыть по крайней мере некоторые из наших намерений. Мы считаем, что, как только политическое соглашение будет заключено, делегация должна будет изложить свои предложения относительно дальнейшей процедуры и ожидать указаний из Лондона до начала второй фазы переговоров. Эти предложения, разумеется, будут зависеть от атмосферы, в которой будет развиваться первая фаза переговоров.

12. Никаких документов комитета имперской обороны, так же как и настоящего меморандума, не следует брать в Москву. Делегация должна быть, однако, хорошо осведомлена в отношении общего стратегического аспекта положения, и, в частности, она должна ознакомиться с документами англо-французского комитета...*, содержащими общую франко-британскую точку зрения по стратегическим вопросам.

* Ссылка на документы в оригинале отсутствует.

13. Во всяком случае необходимо будет обсудить нашу стратегию в отношении Восточноевропейского фронта, в районе Балтики и Северного моря. Раскрытие одобренной нами стратегии для Западного фронта и Средиземного моря должно быть отложено на более поздний срок, вероятно до того времени, когда будет подписано политическое соглашение.

14. Раскрытие русским в начале переговоров технических деталей, касающихся нашего вооружения, представляется невозможным, а обмен мнениями относительно тактической подготовки — если его нельзя будет избежать совсем — должен быть ограничен общими местами на начальной стадии переговоров. Раскрытие русским технических деталей вооружения может оказаться необходимым на дальнейшей стадии, однако и тогда каждый вопрос должен тщательно взвешиваться, и, прежде чем раскрывать что-либо, должны быть запрошены инструкции.

15. Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками. Что-нибудь вроде декларации политического характера, которая была бы одобрена, отвечала бы этим условиям. Это представляется трудным, так как русские не преминут настаивать перед нашей делегацией на получении более подробной информации, и нужно будет запрашивать инструкции в тех случаях, когда возникнет сомнение относительно позиции, которую делегация должна занять.

16. Ввиду того, что поляки и румыны не хотят допускать на свою территорию советские войска, и так как они отказываются принять к рассмотрению проекты, касающиеся возможного сотрудничества, мы предлагаем следующую линию поведения, которой надлежит придерживаться в переговорах с русскими:

Какова бы ни была точка зрения Польши и Румынии, вторжение Германии в одну из этих двух стран быстро изменило бы их позицию. Кроме того, России было бы весьма невыгодно, если бы Германия могла непосредственно достигнуть русской границы или получить доступ к Черному морю, не встретив серьезного сопротивления. Следовательно, в интересах России иметь заранее выработанные планы, с тем чтобы прийти на помощь одновременно Польше и Румынии в случае, если бы эти две страны подверглись вторжению. Если русские потребуют, чтобы французское и британское правительства сделали Польше, Румынии или Прибалтийским государствам предложения, которые повлекли бы за собой сотрудничество с Советским правительством или его Генеральным штабом, делегация не должна брать на себя каких-либо обязательств, а должна доложить об этом в Лондон. Делегация не должна вести переговоры по вопросу обороны Прибалтийских государств, поскольку ни Великобритания, ни Франция не давали га-

рантий этим государствам, а если этот вопрос будет поставлен перед ней, она должна запросить инструкции из Лондона.

17. Как это вытекает из части второй, наиболее желательным является, чтобы Россия могла оказать помощь Польше и Румынии путем доставки боеприпасов и сырья. Весьма возможно, что Россия согласится на это при условии, что Франция и Великобритания сделают все необходимое в отношении поляков и румын.

Делегация должна все же попытаться побудить русских начать непосредственные переговоры с этими двумя странами. Уже имеются признаки изменения позиции Польши в этом вопросе.

Конечно, равным образом желательно, чтобы Россия предоставила аналогичную помощь Турции, но с этой стороны, как кажется, имеется меньше трудностей.

Маловероятно, что Россия согласится поставлять материалы (представляющие значительные ценности) в сколько-нибудь значительном объеме, если мы не изъявим готовность выплатить определенную финансовую компенсацию.

Следует подчеркнуть, что Россия, как великая держава, должна быть готова сделать то, что было сделано нами, т. е. оказать помощь нашим союзникам как в финансовом отношении, так и материалами.

18. Несмотря на указанные выше трудности и на новые трудности, с которыми, возможно, придется столкнуться, имеются признаки, свидетельствующие о том, что русские действительно желают одновременного заключения как политических, так и военных соглашений. Делегация должна будет обратить внимание русских, насколько важно ведение войны на два фронта для того, чтобы победить Германию. По тем же соображениям надлежит избегать раскрытия наших собственных трудностей и только в общих чертах и без излишних деталей описать те результаты, которые должны быть достигнуты в ходе франко-британских операций на Западном фронте, на море и в воздухе.

19. Делегация будет поддерживать связь с Лондоном через посла.

Часть вторая
СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

(Примечание. Эти замечания должны служить руководством для британской делегации во время переговоров. Делегации следует, как это указывается в первой части, раскрывать русским сущность этих замечаний лишь в той мере, в какой она сочтет это необходимым.)

Политика

20. Министерство иностранных дел считает, что возможная группировка держав в европейской войне в ближайшем будущем будет следующей:

Союзники — Россия, Великобритания и ее доминионы, Франция, Египет, Ирак, Португалия, Польша, Турция (хотя и не обязательно при всех обстоятельствах, но определенно, если Италия будет вражеской страной).

Нейтральные страны (просоюзнически настроенные) — Соединенные Штаты (хотя их участие на нашей стороне в определенный момент не совсем исключается), Нидерланды, Бельгия, Югославия и Румыния (за исключением случая, если они сами подвергнутся нападению и будут, по всей вероятности, защищаться. Они могут, не подвергаясь нападению, оказаться вынужденными соблюдать благожелательный нейтралитет в отношении тоталитарных государств), Греция (за исключением случая, если она подвергнется нападению), Скандинавские государства (за исключением случая, если они будут вынуждены придерживаться благожелательного нейтралитета в отношении Германии).

Нейтральные страны (настроенные в пользу врага) — Испания (за исключением случая, если она присоединится к врагу в качестве воюющей стороны), Болгария (хотя, если она присоединится к Балканской Антанте, она может оказаться настроенной просоюзнически, однако она может подвергнуться принуждению со стороны врага), Венгрия (которая, однако, может попытаться оказывать сопротивление германскому нажиму так долго, пока это будет возможно).

Вражеские страны.

Германия — Италия. Япония (хотя она может и не вмешаться активно, по крайней мере вначале). Болгария — может присоединиться к Германии против нас, если Германия или Италия вступит в войну с Румынией или Грецией. Венгрия — может поступить так же, если Германия вступит в войну с Румынией.

Нужно будет уточнить точку зрения русского штаба относительно указанных выше группировок.

Экономика

21. Было бы неправильно, если бы обсуждение экономических проблем заняло важное место в этих переговорах. Во всяком случае, переговоры по экономическим вопросам под углом зрения национальной обороны должны быть сведены к общим соображениям, причем следует с самой большой тщательностью избегать раскрытия советским властям действительных размеров экономических трудностей наших союзников, имея в виду, что важные сведения были представлены самими этими государствами.

Равным образом рекомендуется не заключать пока никаких соглашений об обмене сведениями по вопросам экономической стратегии в отношении Германии и Италии. Следующие пункты, однако, связаны с важными военными последствиями и должны подвергнуться обсуждению.

22. Первоначальные материальные резервы Польши и Румынии, как предполагается, незначительны. Противовоздушная обо-

рона их промышленных районов, видимо, весьма ограниченна, и их главные заводы немногочисленны и легко могут быть обнаружены.

23. В связи с трудностями сообщения, мало вероятно, чтобы Англия и Франция могли поставлять Польше и Румынии военные материалы, необходимые для расходования в большом количестве. С другой стороны, СССР имеет с этими двумя странами общую границу, а нападение с воздуха является единственным средством, имеющимся в распоряжении врага, для того, чтобы воспрепятствовать свободному продвижению русского снабжения в Польшу и Румынию. Принимая во внимание, что сомнения, быть может, испытываемые в настоящий момент Польшей и Румынией в вопросе принятия этой формы помощи, под давлением военной необходимости, видимо, окончательно исчезнут, экономическая помощь, которую Россия может оказывать нашим восточным союзникам, может стать жизненно важным фактором, от которого будет зависеть продолжение польского и румынского сопротивления. Следует, однако, отметить, что до настоящего времени из всех восточноевропейских государств одна лишь Турция использует в значительной мере военные материалы русского образца. Едва ли приходится сомневаться в том, что советская промышленность не была бы в состоянии приспособиться к выпуску военных материалов тех образцов, которые могут оказаться необходимыми для Польши и Румынии.

Другим затруднением является состояние внутренних коммуникаций России. Железные дороги работают в настоящий момент с максимальной нагрузкой и не могут выдержать никакого дополнительного бремени. Если в течение первых недель войны они могли бы выполнять свою роль по мобилизации армии, то промышленность и другие важные отрасли оказались бы в большей или меньшей степени парализованы. По истечении двух или трех недель военная мобилизация должна была бы быть остановлена или, по меньшей мере, приостановлена, с тем чтобы избежать полного паралича промышленности и всей жизни страны.

24. С другой стороны, хотя все правила логики заставляют полагать, что русская транспортная система должна потерпеть крах под давлением потребностей войны, не следует забывать, что все русские транспортные средства и промышленность фактически до сих пор функционировали, вопреки тому, что они уже давно должны были бы потерпеть полный крах, если исходить из общепризнанных положений. Поэтому следует помнить о том, что нельзя судить о потенциальных силах России, исходя из западных представлений.

25. Таким образом, проекты организации быстрых и надежных коммуникаций между Мурманском, Архангельском и портами Черного моря с польской границей и промышленными районами России будут иметь важное значение как для России, так и для Польши.

Французская и английская политика заключается в том, чтобы сохранить открытыми внешние коммуникации, ведущие к этим портам.

Методы ведения войны

26. Мы не можем игнорировать возможности неограниченного применения Германией или Италией методов воздушной и подводной войны и газов, вопреки договорам или соглашениям, запрещающим это. Взятие на себя инициативы в применении такого рода методов противоречило бы политике французского и английского правительств, однако последние располагают необходимыми средствами на тот случай, если бы они оказались вынужденными предпринять ответные меры.

Мы должны побудить СССР согласиться с этой политикой и, в частности, с нашей политикой в области авиации, изложенной ниже:

«Политика британского и французского правительств в отношении воздушных операций заключается в том, что мы не должны брать на себя инициативу воздушных операций против каких-либо объектов, которые не являются чисто военными в самом узком смысле этого слова, т. е. военно-морскими, военными объектами и предприятиями, и что по мере возможности нужно будет ограничиваться объектами, нападение на которые не повлечет за собой жертв среди гражданского населения».

Стратегическая проблема

27. В нижеследующих пунктах предполагается, что как Польша, так и Румыния сражаются на востоке против Германии; имеется в виду, что эти две страны поддерживаются франко-британскими действиями.

Общие преимущества союза между западными и восточными державами

28. Главным преимуществом, которым располагали бы Франция и Великобритания в результате союза с Румынией и Польшей, явилась бы необходимость для Германии сражаться на двух фронтах. Это преимущество зависело бы, однако, от поддержания солидарности с восточноевропейским фронтом.

29. Как мы видели выше, степень использования русского вооружения и военных материалов должна была бы в начале военных действий обусловить силу и длительность сопротивления этих двух держав. Имея в лице России противника, Германия окажется на востоке перед лицом значительно более трудной ситуации. Глубина фронта возрастет при этом почти до бесконечности, и Германия не сможет надеяться на развязку на востоке в ре-

зультате одной только оккупации Румынии и значительной части Польши. Чем дальше германские войска будут проникать на территорию противника, тем ближе они окажутся к России и тем более грозными окажутся те силы, против которых им придется сражаться. Прочный союз выгоден для России, так как дает ей уверенность в том, что Польша и Румыния будут служить буфером между нею и Германией.

Помимо того, что эти государства представляют естественное препятствие, в связи с чем упрощается проблема обороны России, они в известной мере освобождают ее от постоянного напряжения и от частичной мобилизации, на которые она была бы обречена в случае, если бы германская граница приблизилась к границе Украины.

Возможное развитие операций

30. Мы полагаем, что в первый период войны Россия не сможет ввести свои сухопутные силы в Польшу и Румынию, но все же мы думаем, что первоначальная обстановка должна явиться предметом обсуждения с русскими, и в связи с этим мы рассмотрим ее в следующих пунктах.

Общие соображения относительно военно-морских операций

31. Оценка мощности, расположения и возможностей русских военно-морских сил дана в приложении II.

32. По всей вероятности, польские военно-морские силы не смогут играть важной роли в операциях, которые развернутся в Балтике. Вероятно, что с самого начала германские сухопутные, морские и воздушные силы поведут наступление на польские базы в Гдыне и на полуостров Гель. Имеются все основания полагать, что такого рода операции увенчаются успехом и что, поскольку польские военно-морские силы не смогут удержать указанные базы, этим силам останется лишь два выхода: либо добираться до русских баз, либо пытаться ускользнуть из Балтийского моря через Зунд или Бельты. Первый выход кажется наиболее легким для осуществления, и в этом случае русская помощь доказала бы свою ценность.

33. При существующем положении русский флот на Балтийском море в численном отношении лишь немного уступает германскому флоту, главным образом в отношении эсминцев и подводных лодок. Весьма вероятно, однако, что их эффективность не может идти в сравнение с эффективностью германского флота, хотя русские, быть может, и не так слабы в отношении подводных операций и минных заграждений, как в других видах морского боя.

34. Морской путь через Зунд и Бельты в целях усиления флотов, действующих в Балтийском море, рассматривается как непригодный для надводных судов и весьма проблематичный для подводных лодок.

35. Учитывая точное соотношение военно-морских сил, представляется вероятным, что русские смогут эффективно противодействовать контролю со стороны Германии над германскими коммуникациями в северной части Балтийского моря.

36. Рассмотренная политическая обстановка позволяет полагать, что у русского Черноморского флота не будет никаких противников в зоне Черного моря.

Русские военно-морские операции

37. Главной ценностью русского флота явилась бы его способность удерживать германские военно-морские силы в Балтийском море, нарушать коммуникации в нем и воспрепятствовать использованию Германией ее судов в других местах.

38. Русский флот должен был бы иметь возможность действовать эффективно для того, чтобы прервать снабжение [Германии] шведской железной рудой. Для полной эффективности эти действия должны быть непрерывными.

Другие операции, которые могут осуществляться флотом Балтийского моря, включают:

a) наступательные действия подводных лодок и установку мин против германского флота и на линиях коммуникаций с Восточной Пруссией;

b) рейды легких судов против германского побережья, патрульных судов и конвоев.

39. Операции, возлагаемые на русские суда, базирующиеся на Мурманск, могли бы включать:

a) окружение германских рыболовных судов в северных морях;

b) патрулирование из русских северных баз с целью перехватывать снабжение немцев на путях из Нарвика или, по крайней мере, принуждать суда, пользующиеся этим путем, следовать территориальными водами. Эти операции вызвали бы значительные задержки и частые перерывы в движении на этом важном пути к источникам сырья;

c) патрулирование в целях охраны союзнической рыболовной флотилии в водах северных морей.

40. Помимо помощи, которую русский Черноморский флот мог бы оказать Румынии в случае нападения на нее, русские военно-морские силы могли бы пройти через Босфор и вести операции в восточной части Средиземного моря во взаимодействии с турецкими и английскими силами в этой зоне и в Эгейском море.

Это было бы особенно важным в том случае, если бы осуществился проект операций в Салониках (см. параграф 87-c).

41. Черноморские базы могли бы явиться для нас тем более полезным вкладом, что средиземноморские базы, которые мы могли бы использовать, иногда являются мало подходящими.

Было бы желательно получить сведения о возможностях ремонта судов и использования доков на Черном море.

Английская военно-морская помощь России

42. Русские военно-морские силы действовали бы за пределами Балтийского моря под прикрытием английского флота.

На русское судоходство распространялись бы, как и на судоходство других союзников, меры, принятые для обеспечения безопасности в открытом море.

43. Если бы было решено направить подкрепление русскому флоту на Балтийском море, то соответствующие суда проходили бы через Беломорский канал, их оперативной базой будет Кронштадт.

Ввиду значительности русского подводного флота в Балтийском море, представляется нецелесообразным усиление его английскими судами, поскольку последние были бы много более полезными в других местах. Было бы, однако, желательно усилить русский флот ограниченным числом имеющихся в наличии эсминцев таким образом, чтобы действовать против германских подводных лодок и легких судов.

Равным образом могло бы оказаться желательным усиление русских патрулирующих судов в Северном море.

44. Поскольку необходимо использование русских баз как в Балтийском море и северных зонах, так и на Черном море, важно было бы иметь сведения о средствах обслуживания, которые эти базы могут предоставить, и средствах обороны, которыми они располагают.

Обзор обстановки на суше и в воздухе

45. Стратегическая обстановка на суше и в воздухе должна быть изучена с учетом следующей альтернативы:

a) Германия ведет наступление на востоке и обороняется на западе;

b) Германия ведет наступление на западе и обороняется на востоке.

Можно предположить, что Германия поведет наступление на обоих фронтах, но мы считаем, что в настоящий момент это мало вероятно; даже при отсутствии угрозы вмешательства со стороны России силы Германии едва ли оказались бы в самом деле достаточными для этого.

Германская бомбардировочная авиация, по всей вероятности, будет действовать в тесной связи с германскими сухопутными силами на том фронте, где немцы начнут главное наступление. Однако если бы наступление началось на западе, то весьма возможно, что силы германской боевой авиации почти полностью будут направлены против Великобритании. Мы рассмотрим эти вопросы более подробно в последующих пунктах.

Сравнение сухопутных сил

Франция.

46. Франция может мобилизовать 86 дивизий в первые месяцы войны. Кроме того, у нее будут сравнительно значительные силы в Северной Африке.

Соединенное Королевство.

47. Великобритания до настоящего времени прилагала максимальные усилия для перевооружения на море и в воздухе, и лишь недавно она решила создать мощную сухопутную армию. В настоящее время предполагается сформировать 16 дивизий, готовых вступить в бой в первые недели войны, а впоследствии будут созданы еще 16 дивизий. Программа еще не выполнена, однако приняты меры к возможно более скорому ее выполнению. Дивизии будут использованы там, где они могут оказать наибольшую помощь делу союзников.

Польша.

48. Следует быть весьма осторожными в сообщении русским всякой информации относительно Польши и польских вооруженных сил, так как весьма возможно, что, если какие-либо секретные сведения будут им сообщены, это дойдет до поляков, которые оказали нам полное доверие.

Следует побудить русских запросить непосредственно у поляков те сведения, которые представляются им необходимыми.

49. По заявлению Польши, она намерена отмобилизовать в начале войны следующие силы:

30 действующих дивизий,
10 резервных дивизий,
} пехотные дивизии с их административными службами, полностью укомплектованные Z + 4*

11 кавалерийских бригад и 1 моторизованная бригада,
59 отдельных пехотных батальонов,
20 рот легких танков,
9 рот тяжелых танков,
38 артиллерийских дивизионов по 12 орудий артиллерии средних калибров,
4 дивизиона тяжелой артиллерии,
75 батарей и 30 отдельных взводов зенитной артиллерии.

Кроме того, Польша имеет 600 тыс. подготовленных резервистов, которые будут использованы для усиления существующих

* «Z» является, вероятно, условным обозначением первого дня мобилизации; таким образом, «Z+4» означает: через 4 дня после начала мобилизации.

соединений, в соответствии с потребностями. Она не в состоянии сформировать новые соединения из-за недостатка материальной части.

Польская армия очень хорошо оснащена современным оружием, однако ее артиллерия относительно слаба, а противовоздушная оборона недостаточна (из 75 зенитных батарей 33 оснащены устаревшими 75-мм пушками).

Большую часть транспортных средств составляет конный транспорт, в связи с чем они легко уязвимы для воздушного нападения или газовых атак.

Слабость военных ресурсов Польши

50. Слабой стороной польской армии является недостаток военного снаряжения. Она не может мобилизовать более 40 дивизий, так как она располагает трехмесячными запасами военных материалов лишь для 40 дивизий. Новые дивизии могут быть сформированы только в том случае, если они смогут получить полный мобилизационный запас снаряжения и если для них смогут быть созданы запасы на три месяца.

Кроме того, польские военные предприятия смогут лишь частично удовлетворять нужды военного времени, и только в том случае, если производство не будет сокращено в связи с вражескими действиями или из-за недостатка сырья или квалифицированной рабочей силы.

Положение Польши было бы значительно более легким, если бы она располагала русскими источниками снабжения.

Румыния.

51. Румыния в случае мобилизации располагала бы 3 кавалерийскими дивизиями, 22 пехотными дивизиями и 3 смешанными горными бригадами. В течение двух первых месяцев войны она могла бы сформировать несколько дивизий второй линии. Кроме того, имеется пограничный корпус численностью около 50 000 человек и жандармерия для охраны внутренней безопасности численностью 30 500 человек.

Румыния имеет только два завода, производящие вооружение. Поскольку эти заводы не в состоянии удовлетворить все потребности страны, Румыния зависит от закупок за границей.

Помимо того, что румынская армия оснащена различными типами вооружения, она к тому же не пользуется репутацией армии, обладающей высокими боевыми качествами. Ценность ее безусловно ниже болгарской армии. Мы допускаем, однако, что она находится на пути к улучшению. Было бы интересно знать мнение русских относительно состава, размеров вооружения, подготовки, эффективности и возможностей развития румынской армии.

Россия.

52. Мы считаем, что Россия может располагать на западной границе следующими силами:

В начале войны	Дальнейшие формирования
20 кавалерийских дивизий, 42 пехотные дивизии, 3 корпуса механизированных войск, * 17 бригад механизированных и танковых войск.	20 кавалерийских дивизий, 100—110 пехотных дивизий, 4 корпуса механизированных войск.

Приведенные в рубрике «В начале войны» цифры не включают войска, расположенные обычно в Центральной России. Мы считаем, что цифры, приведенные в рубрике «Дальнейшие формирования», могут быть достигнуты лишь в том случае, если провозоспособность русских железных дорог позволит поддерживать численность советских армий на более высоком уровне, чем тот, на котором они находятся в настоящее время. Железные дороги западной части России уже работают почти с максимальной нагрузкой.

Другие подробности содержатся в приложении II.

Германия.

53. Мы считаем, что Германия может сформировать в начале войны около 120—130 дивизий.

Две трети этих войсковых соединений были бы полностью оснащены самым современным вооружением и снаряжением. Германия захватила чехословацкое вооружение, считающееся достаточным для 40 дивизий; однако часть этого вооружения уже использована, и мало вероятно, что число дивизий, которые немцы могли бы полностью снабдить чехословацким оружием, превысило бы 40 дивизий.

Внутренняя безопасность Германии не потребовала бы никаких войск, так как эта миссия обеспечивалась бы отрядами СС. Обеспечение безопасности Богемии, Моравии и Словакии, несомненно, потребовало бы 10 дивизий.

Венгрия.

54. Поляки полагают, что Венгрия не желает ни присоединяться к немцам, ни соглашаться на использование германскими армиями ее территории. Мы не согласны с этим мнением и считаем, что Венгрия встанет в ряды держав оси с самого начала войны, если Румыния примет в ней участие.

Если это так, то Венгрия может сформировать первоначально от 14 до 20 дивизий. Эффективность венгерской армии слаба, и она еще недостаточно оснащена современным вооружением. Весьма желательно выслушать мнение русских.

---

* Корпус механизированных войск в общем соответствует тому, что мы называем легкой моторизованной дивизией.— *Прим. док.*

Возможное распределение германских сухопутных сил

55. Распределение германских сухопутных сил при различных вариантах представляется следующим образом:

a) Наступление на Румынию, оборона на других участках.
В Румынии — от 20 до 25 дивизий.
Польский фронт — 30 дивизий.
Западный фронт — 45 дивизий.
Главный резерв — от 25 до 30 дивизий.

b) Наступление на Польшу, оборона на других фронтах.
Против Польши — 60 дивизий.
Румынский фронт — 10—15 дивизий.
Западный фронт — 40 дивизий.
Главный резерв — 10—15 дивизий.

Мы должны, однако, заметить, что невозможно точно предусмотреть распределение сухопутных сил Германии. Кроме того, простое численное сравнение сил по дивизиям, без учета других факторов, может ввести в заблуждение и привести к опасным выводам.

Сравнение военно-воздушных сил

56. Сравнение военно-воздушных сил тех стран, которые могут оказаться в числе воюющих, содержится в приложении III. Делегация должна действовать с величайшей осторожностью в том, что касается сообщения русским подробных сведений относительно британских и французских военно-воздушных сил.

57. Можно, однако, заявить, что наши силы, которые могут быть мобилизованы, неуклонно и постоянно растут, и не только в численном отношении, но и в результате создания резервов самолетов и подготовленного личного состава, а также увеличения их мощи благодаря их перевооружению современной материальной частью.

Мы предпочитаем не связывать себя, называя те или иные цифры, относящиеся к определенным срокам, поскольку существует столько невесомых факторов. Утвержденный в настоящий момент план предусматривает доведение в 1941 г. военно-воздушных сил метрополии до 2500 самолетов первой линии всех типов, с полными резервами.

58. Наше авиационное производство достигло в среднем более 600 самолетов в месяц и продолжает непрерывно расти. Бомбардировщики и истребители составляют лишь 50% от этой цифры, и выпуск самолетов должен, помимо роста боевых сил первой линии в метрополии и в заморских владениях, обеспечить создание резервов, перевооружение войсковых соединений, пополнение обычных потерь и боевых самолетов, используемых для учебных целей.

* * *

Обстановка в случае, если Германия нападет на востоке и будет обороняться на западе

59. Мы определили (§ 55), что Германия могла бы сконцентрировать от 70 до 75 дивизий против Польши и Румынии, сохранив от 50 до 55 дивизий для использования их на других фронтах.

Германия создала чрезвычайно большую и мощную бомбардировочную авиацию, и она, несомненно, надеется использовать ее для того, чтобы навязывать свою волю во время войны.

Если бы ее главный удар был направлен сначала против Польши или Румынии, она прекрасно смогла бы сконцентрировать большую часть своей бомбардировочной авиации для нападения на польские коммуникационные линии, с целью облегчения продвижения своих сухопутных сил.

Германия обладала бы подавляющим превосходством в воздухе, и Польша не могла бы или почти не могла бы бороться с силами бомбардировочной авиации, которыми располагали бы немцы, если только Польша не получила бы очень широкой поддержки со стороны русской истребительной авиации. С другой стороны, значительная часть германской истребительной авиации находилась бы на Западном фронте ввиду угрозы со стороны французских и британских бомбардировщиков.

Румыно-польское сотрудничество

60. Поляки и румыны не обеспечили согласованной обороны своих стран против германского нападения, поскольку в прошлом польско-румынский союз ориентировался лишь на предположение о нападении со стороны России.

Поляки утверждают, что Венгрия не допустит прохода германских войск через свою территорию, что любое германское нападение на Румынию будет находиться под угрозой польского контрудара с северо-запада и что поэтому Германия не нападет на Румынию, не покончив предварительно с Польшей.

Мы не разделяем этой точки зрения. Германское наступление на Румынию через территорию Венгрии представляется наиболее вероятным, и оно было бы прикрыто Карпатами на своем северном фланге.

Следовательно, всякое польское контрнаступление встретит значительные трудности. Во всяком случае, мы настаиваем перед поляками на том, чтобы они приступили к координации своей обороны с обороной Румынии.

Польско-русские отношения

61 a). Представляется очевидным, что в силу трудностей сообщения непосредственная помощь Польше со стороны британских или французских сил почти невозможна. Однако везде, где действуют наземные и воздушные французские и британские силы, они оказывают косвенную помощь Польше, сдерживая силы противника. Соображения такого же характера относятся и к Румынии.

b). Поляки не желают вступать в непосредственные отношения с Россией в мирное время с целью подготовки сотрудничества во время войны; они утверждают, что это явилось бы провокацией по отношению к Германии.

Мы рассматриваем это как предлог, поскольку настоящая причина заключается в том, что они опасаются быть вынужденными согласиться на использование русских войск в Польше. Они боятся, что не смогут в дальнейшем избавиться от этих войск и помешать «коммунизации» польских крестьян.

С другой стороны, мы полагаем, что русское правительство не очень склонно держать войска в Польше, опасаясь, как бы они не подверглись «буржуазному» влиянию.

Совершенно очевидно, что если и можно будет побудить поляков принять русские воздушные силы и материалы, то во всяком случае они не желают иметь русских солдат на своей территории.

При таком положении переговоры потребуют большого такта.

Восточноевропейский фронт

62. Для информации британской делегации ниже вкратце излагается наша точка зрения относительно положения в Восточной Европе.

63. Если не считать некоторых районов, непригодных для передвижения крупных соединений, польские границы на севере и востоке не защищены никакими естественными препятствиями, и, по имеющимся у нас сведениям, укрепления на этих границах весьма слабы.

Протяженность открытых польских границ равна 700 милям, а границ, оборону которых легко обеспечить,— от 500 до 600 миль. Висла представляет собой значительную преграду.

64. Румыния располагает некоторыми полевыми оборонительными сооружениями на венгерской границе. Судя по последним сведениям, приняты меры к некоторому увеличению глубины этих оборонительных сооружений.

65. Польша сможет выставить против Германии равные силы лишь тогда, когда польская армия будет в значительной степени отмобилизована. Кроме того, германские дивизии более сильны в отношении артиллерии и бронесредств. Румынские силы далеки от того, чтобы быть способными сдерживать германское наступление.

66. В этих условиях Германия смогла бы в относительно короткий срок, несмотря на сопротивление польских сил, оккупировать Румынию, Польскую Силезию, Познанский выступ и польский коридор. Более глубокое проникновение на польскую территорию повлекло бы за собой, однако, завоевание районов, доступ к которым значительно более труден. Рост польских сил и удлинение германских коммуникационных линий привели бы тогда к значительному замедлению германского продвижения.

67. Тем не менее, ввиду ограниченных запасов военных материалов, которыми располагают поляки и румыны, возникает вопрос, окажутся ли они в состоянии остановить германское наступление и организовать прочный Восточный фронт без значительной помощи со стороны России.

68. Мы считаем, что операции польской авиации, численность которой относительно невелика, ограничатся взаимодействием с армией, хотя некоторые весьма важные объекты в Берлине, Штеттине и в Восточной Германии и находятся в пределах досягаемости польских бомбардировщиков.

Западноевропейский фронт

69. На Западном фронте германские оборонительные сооружения за время с мая 1938 г. значительно усилены и в настоящее время образуют линию Зигфрида [61]. Эта линия, хотя она еще не закончена, образует мощный барьер, который нельзя, однако, сравнить с линией Мажино [44]. В случае необходимости можно будет попросить французскую делегацию дать более полные сведения о линии Зигфрида.

70. Вопрос о том, какие наземные операции могли бы вестись на западе, касается, главным образом, французов, которые вносят главный вклад в это дело. Вопрос в настоящее время изучается в Париже, и русские могут пожелать войти в непосредственные отношения с французами по этому поводу.

71. Французские и английские бомбардировщики смогли бы атаковать объекты в Германии, но эти атаки были бы ограничены в начале военных действий в соответствии с политикой, изложенной в параграфе 26.

Однако если бы Германия взяла на себя инициативу воздушных нападений, не связанных ограничениями, то союзники имели бы большую свободу действий и смогли бы направлять свои удары на такие объекты, разрушение которых причинило бы Германии самые невыносимые затруднения.

Решение о том, в какой форме такие операции следует проводить, должно было бы быть принято в соответствующий момент союзными правительствами.

72. Каковы бы ни были ограничения в отношении объектов, которые союзные бомбардировщики могли бы атаковать, несомненно, что если бы русские бомбардировщики и истребители име-

ли возможность оказывать помощь Польше на востоке, то они добились бы непосредственных важных результатов.

Создание и содержание в Польше авиационных баз для русских самолетов не повлекло бы ввода очень большого числа русских [войск] в Польшу и не представило бы столь больших трудностей, которые связаны с вводом сухопутных сил, о чем мы говорили в параграфе 61.

73. При всех обстоятельствах действия французских и британских вооруженных сил на западе будут сковывать значительные германские силы на этом фронте. К тому же, как только можно будет располагать ресурсами, союзные силы предпримут наступление,— вероятно, против Италии.

74. В общем мы не ждем быстрого или показного успеха, но Германия непосредственно подвергнется экономическому давлению и должна будет нести тяжесть борьбы на двух фронтах. Эти факты в соединении с моральным эффектом, связанным с ведением войны против России, Франции и Великобритании, должны в огромной степени увеличить напряжение как морального состояния Германии, так и ее ресурсов. В связи с внутренним положением Германии и теми усилиями, которых требует ее программа перевооружения, сила сопротивления Германии оказалась бы ослабленной, и мы можем с уверенностью предвидеть окончательный исход.

Обстановка в случае, если Германия нападет на западе и будет обороняться на востоке

75. Можно будет просить французскую делегацию дать сведения относительно оборонительных сооружений Германии на восточной границе и определить те силы, которые, с учетом этих оборонительных сооружений, она должна будет оставить на востоке, чтобы защитить себя от нападения поляков, румын (а быть может, и русских), если ее главные наступательные операции велись бы на западе.

Было бы также интересно узнать точку зрения русских по этому вопросу.

76. Для информации британской делегации ниже излагается наша точка зрения в отношении данной ситуации.

Германия имеет систему полевых укреплений, прикрывающих Восточную Пруссию, границу Пруссии и Силезии.

Северные границы Словакии и Рутении * не укреплены, но они в большей своей части проходят по гребню Карпат, которые представляют в военном отношении значительное препятствие. По договору со Словакией немцы имеют право строить укрепления на западном берегу реки Ваг, и к сооружению этих укреплений уже приступлено.

* Закарпатской Украины.

77. Сомнительно, чтобы Румыния могла бы сделать большее, чем отказать Германии в своих экономических ресурсах, особенно в горючем, и, может быть, сковать несколько второсортных германских или венгерских дивизий. Однако Польша, предприняв наступательные действия на востоке, могла бы облегчить давление на западе.

78. Всякое наступление против Восточной Пруссии обошлось бы тем не менее весьма дорого вследствие мощности германских укреплений и трудностей, связанных с местностью.

Польская армия недостаточно снабжена наступательными видами оружия, чтобы проникнуть в германские укрепленные зоны, за исключением того случая, когда Германия [уже] стояла бы перед лицом неминуемого поражения. Наиболее естественной операцией для польской армии являлись бы, казалось, ограниченные наступательные действия в Моравии и немецкой Силезии, преимущество которых заключалось бы в высвобождении трех расположенных по соседству и очень важных польских промышленных районов.

79. По этим соображениям, Германии пришлось бы оставить от 31 до 35 дивизий для организации фронта обороны на востоке и на юге. Если бы она использовала 10 дивизий для главного резерва, она располагала бы 75—85 дивизиями к Z+15 * для наступления на западе.

80. В том случае, если бы первый удар был нанесен на востоке, операции польских военно-воздушных сил имели бы вначале ограниченный характер в силу тех же соображений, которые относятся к французским и британским воздушным силам (параграф 71).

К тому же из наших переговоров с польским генеральным штабом вытекает, что большая часть польских бомбардировщиков была бы использована для поддержки наземных операций, как наступательных, так и оборонительных.

Тем не менее, ввиду той силы, которую представляет польская бомбардировочная авиация, Германии пришлось бы держать некоторую часть своей истребительной авиации, возможно около 20%, в восточной части своей территории, чтобы противостоять угрозе со стороны польской авиации. Сомнительно, чтобы ей потребовалось оставить на востоке большое число своих бомбардировщиков.

Германия всегда утверждала, что она создала столь мощные военно-воздушные силы, так как опасалась нападения со стороны России.

Поэтому если бы русскую авиацию было возможно сосредоточить и направить против Германии, то можно полагать, что это значительно уменьшило бы силу удара против Франции и Великобритании.

* См. прим. на с. 177.

81. Мы полагаем, что помимо большого числа устаревших самолетов, приданных войсковым соединениям и морским районам и предназначенных для операций во взаимодействии с ними, у русских западнее озера Байкал имеются военно-воздушные силы в 1000 бомбардировщиков и 900 истребителей.

500 бомбардировщиков являются старыми тяжелыми самолетами с ограниченной наступательной способностью.

500 бомбардировщиков являются средними бомбардировщиками, обладающими достаточными летными качествами, и они вполне могли бы оказать некоторое влияние на общую обстановку. Они смогли бы, например:

a) от Варшавы достигнуть линии Берлин — Лейпциг — Прага;

b) из Румынии достигнуть линии Вена — Фиуме (и в дальнейшем летать над всей Венгрией);

c) из Турции достигнуть Софии и Додеканезов (и в дальнейшем прикрывать Болгарию).

Французские оборонительные сооружения

82. Франко-германская граница на всем ее протяжении прикрыта линией Мажино, которая, вероятно, является наиболее мощной из всех существующих систем неподвижной обороны. Кроме того, французы смогли бы быстро мобилизовать около 86 дивизий во Франции. В этих условиях прямое нападение на Францию весьма мало вероятно и всякое германское наступление должно будет проводиться либо через Швейцарию, либо через Нидерланды.

Поскольку рельеф местности в Швейцарии очень ограничивает возможность продвижения, представляется более вероятным, что немцы решат действовать через Нидерланды.

83. Развитие германского наступления через Нидерланды и Бельгию зависит от различных обстоятельств, например от эффективности разрушений и наводнений и от быстроты, с которой французская помощь могла бы быть оказана бельгийским войскам.

Рано или поздно этот фронт стабилизируется.

Воздушные действия на западе

84. Что касается воздушных операций, Германия могла бы сосредоточить свой главный удар либо против Великобритании, либо против Франции, хотя при некоторых обстоятельствах ряд ударов может быть, несомненно, направлен против этих двух стран одновременно. В случае вторжения во Францию через Нидерланды представляется возможным, что перед германскими бомбардировочными силами будет поставлена на это время задача оказать прямую помощь германским войскам в их наступлении и помешать подходу французских войск. В этом случае английские воздушные силы оказали бы французам всю возможную помощь.

Итальянский фронт

85. В этом меморандуме мы не учитывали последствий военных действий со стороны Италии, так как представляется маловероятным, чтобы эти действия отразились в значительной мере на положении Восточного и Западного германских фронтов. Даже если Италия попыталась бы напасть на Францию в Савойе или через Швейцарию, то это не могло бы сколько-нибудь серьезно помешать франко-британским действиям в Нидерландах.

86. Италия является самым слабым участником оси, и она окажется, вероятно, первым объектом контратаки союзников, когда наземная и воздушная обстановка на западе стабилизируется и как только можно будет располагать необходимыми ресурсами. Она также чрезвычайно уязвима в отношении экономического давления. Но во всяком случае ее активное участие на стороне Германии вынудило бы союзников к значительному распылению сил в начале войны, в частности в Средиземном море.

Помощь русских на суше

87. Учитывая отрицательное отношение поляков к пребыванию русских войск на польской земле, мы считаем, что самой ценной формой помощи со стороны русских была бы следующая:

a) Сосредоточение [войск] на севере для защиты зоны Ленинграда в целях оказания сопротивления германскому продвижению через Прибалтийские страны или для помощи Польше на ее северном фланге.

b) Сосредоточение второй группировки к югу от болот в районе Припяти для противодействия германскому наступлению через Венгрию или Румынию или для оказания помощи Польше в польской Украине.

c) Приведение в готовность экспедиционных сил, предназначенных либо для помощи союзному наступлению на Додеканезы, либо для подкрепления турецких войск во Фракии или в Салониках. Предпочтительнее, чтобы этот вопрос был поставлен французами.

d) Снабжение вооружением и военными материалами союзных государств в Восточной Европе, в частности Польши и Турции, и оказание им технической помощи.

В связи с изложенными выше положениями можно отметить, что в первую очередь представляется существенным обеспечить союзным государствам на востоке Европы возможность поддерживать непрерывный, крепкий и устойчивый фронт. Простое сосредоточение русских войск явилось бы большим моральным подспорьем для Польши и Румынии и сократило бы количество войск,

которые Германия решилась бы использовать для наступления на западе.

Представляется также весьма желательным с самого начала лишить Болгарию свободы действий.

Помощь со стороны русской авиации

88. Мы уже обратили внимание на то значение, которое мы придаем тому, чтобы Польша и Румыния получили всю возможную помощь авиацией со стороны России.

Польше не хватает современных типов самолетов и средств противовоздушной обороны. Ее слабость в этом отношении может явиться важным фактором, ослабляющим ее способность сопротивления германскому нападению. С другой стороны, в ходе недавней дискуссии в Москве СССР проявил озабоченность в отношении возможного проникновения Германии в Прибалтийские страны. Таким образом, видимо, в интересах той и другой страны, как СССР, так и Польши, чтобы русские воздушные силы сотрудничали в деле воздушной обороны на польско-германском фронте. Если этот фронт сможет быть сохранен, то это будет удерживать германские бомбардировщики за пределами радиуса эффективных действий на русской территории и вместе с тем обеспечит полякам и русским более короткую линию обороны, чем та, которую русские должны были бы защищать, если бы они были одни и если бы Германия проникла в Прибалтийские государства и Польшу.

Итак, советские истребители и наземные средства противовоздушной обороны жизненно необходимы на польско-германском фронте, и в их пребывании в Польше заинтересованы как русские, так и поляки.

89. Быть может, для России окажется невозможным участвовать в совместных наступательных бомбардировочных операциях против Германии в той мере, в какой мы могли бы желать этого, ввиду того что русская бомбардировочная авиация, как правило, не организована так, чтобы быть мобильной. Однако мы придаем очень большое значение тому, чтобы максимальное количество германских военно-воздушных сил было приковано к Восточному фронту, и единственно верным средством для этого является увеличение возможностей союзников путем перехода в воздушное наступление на этом фронте. Делегация должна, следовательно, побудить Россию использовать и изыскать любые средства, которые она сочтет возможным для того, чтобы ее бомбардировщики смогли бы принять участие в наступательных операциях против германского фронта на востоке.

90. Та помощь, которую Россия может предоставить Польше и Румынии на первых фазах войны, и давление, которое она может оказать на восточные границы Германии как на земле, так и в воздухе, явятся, несомненно, ценным дополнением к нажиму, осу-

ществляемому с другой стороны, и ускорят конец военных действий. Таким образом, мы весьма озабочены тем, чтобы узнать, в какой мере Россия считает себя способной усилить восточный барьер против агрессии в течение того времени, пока Польша и Румыния выдерживают первые удары, и до того, как Россия сможет развернуть свои главные силы против Германии. Так же обстоит дело и с военной политикой, которую Россия в связи с этим предусматривает на тот случай, если германские и русские силы войдут в соприкосновение в результате прорыва польского и румынского фронтов.

Военная ценность русских вооруженных сил

91. Важно, чтобы делегация имела ясное представление о ценности, которая может быть придана русским военным силам. В связи с этим мы упомянули о них довольно подробно в приложении II.

Представляется также важным, чтобы мы знали, какие силы Россия считает возможным выставить и содержать:

a) Военно-морской флот.
b) Армия.
c) Военно-воздушные силы.

Часть третья
КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ВОПРОСОВ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ПОДНЯТЫ ВО ВРЕМЯ ДИСКУССИИ

92. Несмотря на то что существенной задачей делегации является достижение военного соглашения по основным пунктам, переговоры могут привести к обмену сведениями по военным вопросам, относящимся к планам ведения войны.

Следующие вопросы, резюмирующие основные пункты, по которым было бы желательно иметь сведения от русского штаба, могут помочь делегации при составлении памятной записки для переговоров. Обсуждение, которое возникнет в связи с этими вопросами, не должно выходить за рамки ограничений, устанавливаемых нижеследующими инструкциями.

Группировка соседних государств

93. Какие предположения имеются у русских относительно позиции и сил их соседей в случае войны против Германии и Италии?

Взгляды русских на стратегию врага

94. Каковы взгляды русского штаба на германскую и итальянскую стратегию в начале войны и на ее последующих стадиях?

Русская военная политика

95. Какова основная идея русской политики в вопросах ведения войны и каковы взгляды русского штаба в отношении военно-морских, военных и военно-воздушных проблем сотрудничества между союзниками в войне против Германии и Италии, учитывая, что Болгария может оказаться как нейтральным, так и вражеским государством?

Стратегия на двух фронтах

96. Согласны ли русские с тем, что создание непрерывного, крепкого и устойчивого барьера на Восточном фронте Германии равным образом является ценным, и какова была бы их общая политика в целях осуществления этой концепции?

97. Если Германия нападет на западе, какие наступательные операции может предпринять Россия, чтобы ослабить давление, которое создастся в результате этого? Какие меры она может принять, чтобы усилить польское наступление?

98. Если Германия нападет на востоке, какие оборонительные операции может предложить Россия: a) в Польше, b) в Румынии? В каких пределах, на каких рубежах Советская Россия готова использовать свою армию или свои военно-воздушные силы за пределами польско-русских и румыно-русских границ?

Возможности укрепления восточного барьера против агрессии

99. Важно показать русскому штабу, что оборона границ СССР упрощается, если удастся усилить сопротивление Польши. В связи с этим возникают следующие вопросы:

100. Какими путями СССР надеется осуществлять свою морскую торговлю в военное время, учитывая ограничения внутренних перевозок, средств обслуживания, предоставляемых в различных портах, и вероятную нехватку судов?

101. Каким вооружением, сырьем и какими материалами СССР готов снабжать Польшу: в настоящее время, в начале войны, во время войны?

102. Каким образом СССР будет снабжать Польшу во время войны, принимая во внимание трудности перевозок между двумя странами? (Только для сведения делегации: по данным экспертов, польскую границу пересекают только четыре железнодорожные линии; ширина колеи неодинакова, и считают, что за сутки по ним

можно пропустить только 24 поезда обычного типа.) Эффективность перевозок по шоссейным дорогам незначительна. Дороги находятся в плохом состоянии, и местность лишь в редких случаях пригодна для грузовых автомашин. Число русских грузовиков, которые могут быть использованы, конечно, преувеличено, поскольку обычно большинство из них не находится в эксплуатации. Предлагалось использовать устаревшие тяжелые самолеты.

103. В какой мере русские товары могли бы перевозиться в Польшу морем, исходя из возможности судоходства в Балтийском море, и в какой мере советский флот мог бы обеспечить охрану или конвоирование этих перевозок?

104. В какой мере могли бы быть использованы пути, ведущие из России в Польшу, морские — через Балтику, железнодорожные — через Румынию?

105. В каких пределах русские бомбардировщики могли бы атаковать Германию с востока? Смогли бы они действовать непосредственно из России или им пришлось бы базироваться в Польше или в Румынии?

106. Сможет ли Россия помочь Польше, предоставив части своих боевых самолетов возможность вести операции с польских аэродромов? Каким количеством самолетов Россия смогла бы располагать для этой цели?

107. Какие меры Россия может принять для обеспечения организации быстрых и надежных коммуникаций между Мурманском, Архангельском, портами Черного моря и польской границей и русскими промышленными районами?

Действия в зоне Черного моря

108. Какие действия сможет предпринять Россия:

a) в целях оказания общей помощи Румынии;

b) для того, чтобы помешать Германии захватить румынскую нефть?

Какие средства обслуживания в отношении военно-морских баз она сможет предоставить в наше распоряжение в этой зоне и каково состояние их обороны?

109. В какой мере СССР сможет снабжать Турцию и Румынию вооружением и другими материалами, необходимыми для поддержания их национального существования, как сейчас, так и во время войны? Исходя из предположения, что снабжение из промышленных областей Восточной Украины и Поволжья будет проходить по Черному морю, необходимо обратить внимание на возможности водного транспорта. Делегация не должна забывать, что следует ожидать недостатка судов в этой зоне.

110. Какое количество очищенной нефти Россия смогла бы поставить во время войны? Можно ли будет располагать достаточным количеством судов-цистерн для ее перевозки?

Операции в Балтийском море и на севере

111. Какой военно-морской стратегии Россия предлагает придерживаться на Балтике и в Белом море? Каким образом она смогла бы действовать против германского торгового флота или против транспортировки германских войск морским путем в этих зонах?

112. Какие средства обслуживания в отношении военно-морских баз Россия могла бы предоставить нам на Балтике и на Мурманском побережье? В какой мере Беломорский канал и другие внутренние водные пути могут быть использованы военными кораблями (требуются по возможности полные сведения)? Каково состояние обороны портов в этой зоне?

Сотрудничество

113. Какие предложения выдвигает русский штаб в целях установления тесного взаимного сотрудничества между союзными штабами во время войны?

Относятся ли русские благоприятно к обмену миссиями?

Экономические вопросы

114. Каковы спецификации русского авиационного бензина?

Сравнение сил

115. Можно было бы воспользоваться случаем, чтобы проверить точность наших предположений в отношении Советских Вооруженных Сил и удостовериться в быстроте их мобилизации и сосредоточения в Восточной Европе (приложение II).

Координация радиопередач

116. Переговоры с русским штабом национальной обороны * могли бы охватывать: вопрос о координации радиопередач, распределение волн между союзниками, меры, которые необходимо принять для радиогониометрии в Польше и в европейской части России, а также вопрос о радиосвязи между СССР, Францией и Соединенным Королевством во время войны.

Метеорология

117. Обмен метеорологической информацией между СССР и нами во время войны представлял бы более значительный интерес для СССР, чем для нас самих, поскольку общее движение погоды идет с запада на восток и, следовательно, представляется вероятным, что этот вопрос будет поднят советской делегацией. Однако организация межсоюзнической метеорологической службы будет иметь непосредственное значение и для нас самих, если наши бомбардировщики будут пользоваться базами, созданными в Польше.

* Так в тексте.

Печат. по изд.: «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, vol. VI, p. 762—779.

100. Запись беседы посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном *

3 августа 1939 г.

I

После того как из разговоров г-на Кордта с г-ном Батлером выяснилось, что сэр Хорас Вильсон хотел бы поговорить со мной в дополнение к своей беседе с г-ном Вольтатом, мы условились, что я буду сегодня в 4 часа у него дома. Беседа состоялась и продолжалась почти два часа.

II

Я придавал большое значение тому, чтобы сэр Хорас Вильсон подтвердил мои записи, которые я сделал на основании моего разговора с г-ном Вольтатом о его беседе с сэром Хорасом Вильсоном. Мне казалось важным получить это подтверждение, чтобы иметь вполне ясное представление по столь важным вопросам, тем более что после инцидента с нескромностью Хадсона была развернута новая кампания против чемберленовской политики умиротворения. Выяснилось, что суть беседы Вольтата — Вильсона остается в полной силе. Сэр Хорас Вильсон подтвердил мне, что он предложил г-ну Вольтату следующую программу переговоров:

1) Заключение договора о «ненападении», по которому обе стороны обязываются не применять одностороннего агрессивного действия, как метода своей политики. Сокровенный план английского правительства по этому пункту сэр Хорас Вильсон раскрыл мне тогда, когда я в ходе беседы задал ему вопрос, каким образом соглашение с Германией может согласоваться с политикой окружения, проводимой английским правительством. В ответ на это сэр Хорас Вильсон сказал, что англо-германское соглашение, включающее отказ от нападения на третьи державы, начисто

* Направлена Г. Дирксеном в министерство иностранных дел Германии.

освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.; эти обязательства приняты были только на случай нападения и в своей формулировке имеют в виду именно эту возможность. С отпадением этой опасности отпали бы также и эти обязательства.

2) Англо-германское заявление о том, что обе державы желают разрядить * политическую атмосферу с целью создания возможности совместных действий по улучшению мирового экономического положения.

3) Переговоры о развитии внешней торговли.

4) Переговоры об экономических интересах Германии на Юго-Востоке.

5) Переговоры по вопросу о сырье. Сэр Хорас Вильсон подчеркнул, что сюда должен войти также колониальный вопрос. Он сказал, что в настоящий момент нецелесообразно углубляться в этот очень щекотливый вопрос. Достаточно будет условиться, что колониальный вопрос должен быть предметом переговоров.

6) Соглашение о невмешательстве. Сэр Хорас Вильсон пояснил, что требующееся от германской стороны заявление содержится уже в речи фюрера от 28 апреля. С английской стороны также будут готовы сделать заявление о невмешательстве по отношению к Великой Германии. Оно распространится, в частности, и на данцигский вопрос. Сэр Хорас Вильсон уклонился от того, чтобы высказаться относительно германской сферы интересов так же ясно, как он это сделал в разговоре с г-ном Вольтатом, или как г-н Роден Бакстон — в беседе с г-ном Кордтом, хотя из хода беседы можно было заключить, что это германское требование могло бы обсуждаться в этом пункте программы.

7) Вооружения. Сэр Хорас Вильсон сказал по этому поводу, что он хочет категорически подчеркнуть, что под этим подразумевается не разоружение, а переговоры о вооружениях вообще. В дальнейшем ходе беседы выяснилось, что он хорошо сознает трудности, стоящие на пути к заключению какого бы то ни было соглашения об ограничении вооружений, а также и тот факт, что такое соглашение может быть поставлено на очередь и осуществлено лишь через несколько лет.

8) Пользуясь этим случаем, я попросил сэра Хораса Вильсона разъяснить, как возникли газетные слухи о большом «займе на разоружение», обещанном будто бы г-ном Хадсоном, так как г-н Вольтат в разговоре со мной совсем не упомянул о нем. Сэр Хорас Вильсон сказал, что способ преодоления финансовых и экономических затруднений, которых надо опасаться в связи с ограничением вооружений, неоднократно обсуждался. Хадсон, возможно, подхватил и развил эту идею. Но этот вопрос теперь отпал и больше не поднимается. Он лично думает, что в таком

* В оригинале в скобках: «improve».

случае наступит трехмесячный или шестимесячный период финансовых затруднений, преимущественно в области техники денежной системы.

III

Возвращаясь к своей беседе с Вольтатом, сэр Хорас Вильсон остановился подробно на том, что вступление в конфиденциальные переговоры с германским правительством связано для Чемберлена с большим риском. Если о них что-либо станет известно, то произойдет грандиозный скандал, и Чемберлен, вероятно, будет вынужден уйти в отставку. Депутат-лейборист Дальтон уже указал вчера в палате общин на слухи о новых чемберленовских «попытках умиротворения», и сам он, Вильсон, получил только что анонимное письмо, в котором его и Чемберлена предостерегают от такого рода маневров.

На мое возражение, что мне кажется сомнительным, чтобы какое-либо английское правительство было в состоянии достигнуть соглашения с Германией при существующем здесь настроении умов — так как каждого, кто выступает за соглашение с Германией, считают изменником и как такового клеймят,— сэр Хорас Вильсон ответил, что хотя и возможно прийти к такому соглашению, но для этого требуется применить все мастерство лиц, участвующих в переговорах с английской стороны, чтобы не провалить все дело. На настоящей стадии требуется прежде всего сохранять строжайшую тайну. Возник вопрос: как и в какой форме можно будет позднее осведомить общественность о планах правительства? По этому поводу Вильсон сказал, не касаясь того, справедливо это или нет, что в Англии поколеблено доверие к Германии и к ее миролюбивым намерениям; важнее всего убедить британскую общественность в том, что она может доверять [Германии]. Кроме того, можно опасаться, что в ближайшие недели или месяцы произойдут события, которые вызовут новый кризис. Британское правительство располагает сведениями, что в скором времени должно быть призвано 2 миллиона человек в германскую армию, что будто на польской границе проводятся угрожающие Польше маневры с большим количеством самолетов; если также принять во внимание сделанное недавно рейхсминистром Геббельсом заявление о войне нервов, которая должна быть продолжена, то можно предвидеть положение, при котором от будущих переговоров трудно ожидать успеха. Ведь не имело бы никакого смысла вести переговоры о соглашении, если предстоит новый опасный кризис. Надо признать, что получается порочный круг, так как, с одной стороны, нельзя успокоить общественность сообщением о предстоящих переговорах (потому что это повредит переговорам), и в то же время германская сторона отказывается сделать успокаивающие заявления, пока нет ясной картины в отношении переговоров. Для Чемберлена, вследствие

демократической конституции Англии, трудно обратиться к общественности с умиротворяющим заявлением, ибо он, по всей вероятности, был бы вынужден тогда вместе с кабинетом уйти в отставку. Этот порочный круг мог бы скорее быть разорван, если бы фюрер, которому нечего бояться никаких внутриполитических нападок, взял бы на себя инициативу такого умиротворяющего заявления. Он тем более может это сделать, ибо является не только великим, но и преуспевающим государственным деятелем, который, в сознании своей силы и достигнутых успехов, может высказать мнение, не подвергая опасности свой престиж и не боясь внутренних потрясений.

Я на это возразил, что запроектированные Германией большие маневры не выдерживают никакого сравнения с военными мероприятиями, предпринятыми другими государствами: поляки на протяжении 4 месяцев мобилизовали 1 миллион человек и стоят на нашей границе (сэр Хорас Вильсон возразил против названного числа, но он ничего не возразил против цифры 900 000); английские вооруженные силы — наземные, морские и воздушные — в той или другой степени мобилизованы; Франция осуществила обширные мобилизационные мероприятия. Невозможно же требовать от нас, чтобы мы отменили свои мероприятия или отказались от маневров.

Сэр Хорас Вильсон возразил, что он этого и не имел в виду; однако имеется существенное различие в способах проведения маневров. Эти маневры можно так организовать, что другая сторона сочтет их за непосредственную угрозу и за вызов. Можно же проводить и иначе, как обычные маневры мирного времени.

Я еще раз указал на то, что мы в вопросе о будто бы обманутом доверии держимся совершенно другого мнения, чем английская сторона. Во всяком случае — факт, что английская политика в последние месяцы имела целью образовать всемирную коалицию, направленную против Германии, и что она держит по сей день отдельных членов коалиции в состоянии финансовой и военной готовности к эвентуальному выступлению против Германии. Мы должны достоверно знать, как английское правительство согласует эту политику с возможностью соглашения с Германией. Фюрер, конечно, ни в коем случае не может сделать успокоительные или дружественные заявления, не зная того, на какое отношение английской стороны к справедливым германским требованиям он может рассчитывать.

Сэр Хорас Вильсон повторил в ответ на это приведенное выше объяснение касательно английской политики окружения, что эта политика отпадет в результате заключения с Германией договора о ненападении. Что же касается вопроса, насколько фюрер должен иметь уверенность относительно уступок, которые должны быть сделаны с английской стороны раньше, чем он мог бы, так сказать, предложить пальмовую ветвь мира, то и здесь имеется

трудность, которая заключается в том, что требуется предварительно прийти к конкретным результатам; германская сторона во всяком случае должна быть достаточно уверена в том, что она полностью осведомлена о программе переговоров; ведь английская сторона изъявила готовность обсудить все предложенные германской стороной пункты. В какой мере окажется возможным договориться, пока еще, конечно, сказать нельзя.

Далее разговор коснулся вопроса, в какой форме должны быть продолжены переговоры, начатые с г-ном Вольтатом, если с германской стороны есть желание их продолжить. Сэр Хорас Вильсон сказал при этом, что английская сторона будет глубоко разочарована, если мы не продолжим того, чему положено начало: в этом случае не останется ничего иного, как быстро двигаться навстречу катастрофе. Поэтому он чрезвычайно заинтересован в том, чтобы узнать, как была принята в Берлине его беседа с Вольтатом.

Я ответил, что не могу сказать ничего определенного об этом. Я и сам не могу представить себе ясно, как с чисто технической точки зрения возможно продолжение этих переговоров; так, например, о новой поездке г-на Вольтата в Лондон из-за нескромности Хадсона не может быть и речи.

Сэр Хорас Вильсон полагает, что можно найти выход; можно будет договориться, когда для этого наступит время. Можно сделать так, чтобы оба делегата встретились в Швейцарии или где-либо в другом месте.

IV

Из беседы, изложенной выше в общих чертах, постепенно стали вырисовываться несколько определенных пунктов, которые сэр Хорас Вильсон обобщил следующим образом:

1) Какие инструкции дал фюрер относительно дальнейшего обсуждения представленного Вольтатом доклада и что думает германское правительство касательно ближайших шагов, которые следует теперь предпринять?

2) Возможно ли будет для фюрера повлиять на события ближайших недель (поскольку это зависит от него) так, чтобы они не повели к обострению положения?

3) Исходя из предположения, что программа и отдельные подлежащие обсуждению ее пункты разработаны,— каким образом фюрер мог бы объявить о своем решении взять на себя инициативу в том, чтобы создать такую атмосферу, которая давала бы шансы на успех для обсуждения программы переговоров?

На мой вопрос, каков был бы предварительный вклад с английской стороны, для того чтобы был оправдан подобный предварительный вклад с германской стороны, сэр Хорас Вильсон ответил, что британское правительство уже проявило свою добрую волю и свою инициативу тем, что оно обсудило вышеупомянутые пункты

с г-ном Вольтатом и тем самым осведомило германское правительство о своей готовности к переговорам.

Из всего хода беседы с сэром Хорасом Вильсоном можно заключить, что программу переговоров, сообщенную г-ну Вольтату и подтвержденную мне, он рассматривает как официальный зондаж со стороны Англии, на который ожидается ответ Германии. Нельзя было не почувствовать большую озабоченность английской стороны в связи с трудным положением, в котором находится британское правительство и до которого оно довело себя своими маневрами. С одной стороны, общественное мнение, взбудораженное правительственной политикой и антигерманским воздействием на него; с другой — стремление путем соглашения с Германией предотвратить войну, которую в противном случае считают неизбежной. Беспокойство о том, что политика окружения может пострадать, стоит, как мне показалось, на втором плане; здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией [69]. Точно так же привлечение Франции и Италии имело в беседе только подчиненное значение. Сэр Хорас Вильсон сказал, между прочим, что соглашение должно быть заключено между Германией и Англией; в случае, если бы было сочтено желательным, можно было бы привлечь к нему Италию и Францию.

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 131—142.

101. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

3 августа 1939 г.

Вчера имел беседу с Манделем. Он лично никого из членов военной миссии не знает. О Думенке слышал как о крупнейшем специалисте по вопросам связи. Его политического лица не знает, да и сомневается, имеет ли он такое лицо. Знает лишь, что он был рекомендован Гамеленом. Мандель располагает данными (не как член кабинета, в кабинете этот вопрос не обсуждался), что миссия выезжает в Москву без разработанного плана. Это тревожит и подрывает доверие к солидности переговоров. Он не сомневается, что Лондон и Париж (ввиду давления общественного мнения) желают сейчас избежать срыва соглашения, но не чувствуется стремления добиться солидного соглашения, которое следует немедленно применить. Больше всего в плане соглашения с СССР говорится о «частностях» — о помощи Польше, Румынии и т. д.

Все это, конечно, вещи нужные, но не так следовало бы сейчас подходить к вопросу о союзе с СССР. Надо было бы исходить из того бесспорного факта, что «война с Германией фактически уже начинается и, во всяком случае, неотвратима». Этот факт надо было бы положить в основу военных переговоров и выработать четкий и конкретный план совместных военных действий с точным распределением ролей при всех возможных ситуациях. Так в свое время поступили Рибо и Фрейсинье *, когда посылали военную миссию в Россию, так поступил бы сейчас Клемансо **, а Париж и Лондон собираются, по-видимому, говорить о заплатах.

Причины всего этого кроются в том, что здесь и в Лондоне далеко еще не оставлены надежды договориться с Берлином и что на соглашение с СССР смотрят не как на средство «сломать Германию», а как на средство добиться лишь лучших позиций при будущих переговорах с Германией. Неудивительно, что продолжается и политика затушевывания германской опасности, линия усыпления и успокаивания.

А между тем положение с каждым днем становится все более угрожающим. По всем данным, Гитлер готовится к новому прыжку. Сейчас происходит одновременная концентрация войск в Словакии и в районе Фрейштадт — Глагау — Дааро (в последнем уже сосредоточены моторизованные войска численностью около 200 тыс. солдат). Если к этому прибавить данные о мобилизации по всей стране и о постепенном превращении Данцига в укрепленный военный район, то уже в самое ближайшее время можно ожидать концентрированного удара против Польши.

Вероятнее всего, что и сейчас Гитлер постарается избежать открытой войны и, поставив Европу перед новым кризисом, опять сыграет на «слабых нервах». И так ли уж безнадежна сейчас эта игра? Мандель отовсюду слышит, что Польша — «не Чехословакия», будет драться и т. д. Но почему же тогда Польша терпит то, что происходит в Данциге? Говорят, что Франция и Англия уже не те. Конечно, в этих странах произошел огромный сдвиг, но все же не случайно появляются статьи Деа, не случайностью является такая «беседа», как лондонская беседа между Вольтатом и Хадсоном, а также факты уступок и то, что большинство социалистической партии во Франции до сих пор еще не отделалось от пацифистских иллюзий. Все это заставляет опасаться, что игра Гитлера не так уж безнадежна. «Страшнее всего,— подчеркнул Мандель,— если эта игра начнется раньше, чем договорятся в Москве».

Полпред

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 526—527.

---

* Государственные и политические деятели Франции конца XIX — начала XX в.

** Французский политический и государственный деятель начала XX в.

102. Полномочия главе советской делегации на ведение переговоров и подписание конвенции по вопросам организации военной обороны Великобритании, Франции и СССР против агрессии в Европе

5 августа 1939 г.

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов — глава военной делегации СССР, в состав которой входят начальник Генерального штаба РККА командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников, народный комиссар Военно-Морского Флота флагман флота 2-го ранга Н. Г. Кузнецов, начальник Военно-Воздушных Сил РККА командарм 2-го ранга А. Д. Локтионов, заместитель начальника Генерального штаба РККА комкор И. В. Смородинов, уполномочивается вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе [80].

Председатель СНК Союза ССР *В. Молотов*
Управляющий делами СНК Союза ССР *М. Хломов*

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 535—536.

103. Запись беседы германского журналиста с военно-воздушным атташе Германии в Польше А. Герстенбергом

7 августа 1939 г.

7 августа 1939 г. полковник Герстенберг, пригласив меня к себе, попросил коротко рассказать о текущих политических событиях. Затем он рассказал:

5 и 6 августа я был в Берлине. В настоящее время решение принято. Еще в этом году у нас будет война с Польшей. Из совершенно надежного источника я знаю, что Гитлер принял решение в этом смысле. После визита Вольтата в Лондон [68] Гитлер убежден в том, что в случае конфликта Англия останется нейтральной. Переговоры западных держав с Москвой проходят неблагоприятно для нас. Но и это является для Гитлера еще одним доводом в пользу ускорения акции против Польши. Гитлер говорит себе, что в настоящее время Англия, Франция и Советский Союз еще не объединились; для достижения соглашения между генеральными штабами участникам московских переговоров потребуется много времени; следовательно, Германия должна до этого нанести первый удар. Развертывание немецких войск против Польши и концентрация необходимых средств будут закончены между 15 и 20 августа. Начиная с 25 августа следует считаться с началом военной акции против Польши.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 537.

104. Телеграмма временного поверенного в делах США в Великобритании Х. Джонсона государственному секретарю США К. Хэллу

8 августа 1939 г.

Форин оффис не видит надежды на скорое окончание англо-франко-русских переговоров о политическом соглашении; и военной миссии, которая в настоящее время отправилась в Москву, было дано указание предпринять все усилия, чтобы продлить ее переговоры до 1 октября. Одновременно должны продолжаться переговоры посла о политическом соглашении, которое висит в воздухе почти исключительно из-за вопроса о «косвенной агрессии» [77].

Джонсон

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 538.

105. Запись беседы посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом

9 августа 1939 г.

После того как я сообщил лорду Галифаксу о цели моего визита — это был прощальный визит перед уходом в отпуск,— он начал говорить о положении в Данциге и спросил, могу ли я указать основания для обострения полемики в прессе обеих сторон. Я ответил утвердительно, сослался на провокационную статью в [газете] «Час» и добавил, что и без того с германской стороны несомненно имеется опасение и ожесточение по поводу высказываний польского генерального комиссара Ходацкого, который заявил комиссару Лиги наций Буркхардту [9], будто бы открытие таможенных границ Данцига с Восточной Пруссией означает войну. Это снова доказывает обоснованность опасения, что угроза миру в любое время может быть создана местными польскими властями.

Лорд Галифакс на это ответил, что я могу быть уверенным, что он и британское правительство сделают все от них зависящее для того, чтобы побудить поляков к умеренности. Он убежден, что как Бек, так и Рыдз-Смиглы не хотят конфликта с Германией.

Я заметил, что многообразие политических заявлений и взглядов всегда составляло внутреннюю слабость Польши; в данном случае это тоже имеет место. Миролюбивому настроению различных лиц противостоят воинственные течения других политических групп.

На замечание лорда Галифакса, что было бы чрезвычайно желательно, чтобы с обеих сторон была проявлена умеренность, чтобы наступило успокоение и чтобы в процессе переговоров открылась возможность соглашения, я ответил, что мы, со своей сто-

роны, в большой мере проявили спокойствие и умеренность, например, в поведении сената * в течение последних дней и в опровержениях, которые мы противопоставили тревожным сообщениям мировой печати.

В связи с этим я объяснил лорду Галифаксу, что опасность международного положения кроется не столько в неизбежности непосредственно предстоящего насильственного взрыва, сколько в том, что со всех сторон блокируются возможности разрешения противоречий путем переговоров. Данцигский комплекс перестал быть возможным предметом переговоров после заявления Чемберлена от 12 июля [81], поставившего его в слишком узкие рамки, не говоря уже о польской позиции и о возбуждении мировой печати ложными сообщениями. Нормализация международной обстановки в общем стала невозможной вследствие создания фронта ненападения, постоянно сменяющихся тревожных известий о посылке военных комиссий в Польшу или в Москву или же сообщений о финансовом укреплении потенциальных противников Германии. Само собой разумеется, мы чрезвычайно внимательно и с решимостью следим за этим развитием событий и делаем из него свои выводы. Комплекс англо-германских отношений блокирован, наконец, тем, что английское общественное мнение на каждую попытку компромисса со стороны английского правительства отвечает криком возмущения о якобы совершенном предательстве.

Лорд Галифакс на это еще раз высказал свое уже известное мнение, что доверие сильно поколеблено, в особенности у английского народа, в результате германского вступления в Прагу, хотя о последнем, несомненно, можно было бы сказать многое, так же как и о других неожиданных действиях Германии, и что до тех пор, пока не наступит успокоение или не будет восстановлено доверие, это напряженное положение будет продолжаться. Фюрер является единственным человеком во всем мире, кто мог бы вернуть это доверие, если бы он каким-либо образом дал сигнал к разрежению атмосферы. Он, Галифакс, попытался изложить смысл английской политики в своей речи в Чатам-хауз, и, по-видимому, успешно, так как получил многочисленные заявления одобрения со всех концов страны. Английская политика преследует двоякую цель: с одной стороны, предотвращение дальнейших агрессивных актов путем сплочения группы держав, с другой стороны — установление лучших отношений с Германией через обсуждение ее требований и претензий путем переговоров. Он уверен, что, если лед однажды будет сломлен, с английской стороны пойдут очень далеко, чтобы достигнуть соглашения с Германией.

В дальнейшем ходе беседы лорд Галифакс сказал, что он хочет подробно изложить мне свои мысли и взгляды, которые у него сложились после Мюнхена, и как они изменились с тех пор. После Мюнхена он был убежден, что 50-летний мир во всем мире

* Имеется в виду сенат г. Данцига.

обеспечен приблизительно на следующей основе: Германия — господствующая держава на континенте с преимущественными правами на юго-востоке Европы, в особенности торгово-политического характера; Англия будет заниматься там торговлей только в скромных масштабах; Англия и Франция, защищенные в Западной Европе от конфликта с Германией двусторонними линиями укреплений, будут стремиться охранять оборонительными мерами свои владения и развивать их [естественные] ресурсы; дружба с Америкой; дружба с Португалией; Испания — пока что неопределенный фактор, который во всяком случае должен по необходимости выпасть на ближайшие годы из всех комбинаций держав; Россия — расположенная в стороне, большая и трудно обозримая страна; стремление Англии обеспечить свой путь по Средиземному морю через Аден, Коломбо, Сингапур в доминионы и на Дальний Восток. Но вот произошло вступление в Прагу [27], которое все изменило и прежде всего нарушило представление о стабильности международной обстановки. Затем возникли сомнения в том, где остановится и остановится ли вообще Германия, и явилось желание обезопасить себя от дальнейших сюрпризов.

Я ответил, что, естественно, с германской точки зрения этот процесс выглядит совершенно иначе; я не хочу говорить о том, как часто обманывали наше доверие и какой печальный опыт заставил нас полагаться не на переговоры, а на собственные скорые решения. Мне хорошо известна интерпретация, которую лорд Галифакс дает своей, то есть британской, политике. Но, с другой стороны, он должен вдуматься в образ мыслей германского государственного деятеля. Последний видит только, как против Германии создается все увеличивающаяся коалиция и как величина военного потенциала, противостоящего Германии, постоянно изменяется не в ее пользу и увеличивается. В самом благоприятном случае политику Англии можно сравнить с политикой человека, который набрасывает на голову другого рыболовную сеть и говорит ему, что, если он будет вести себя смирно, с ним ничего не случится, но, как только он начнет двигаться, он причинит себе большой вред. Неудивительно, что Германия, внимательно присматриваясь, довольно скептически подходит к заявлениям английских государственных деятелей о желании добровольно и в порядке переговоров учесть германские требования. Я не могу также считать обоснованными постоянные ссылки на нарушенное доверие. Доверие и вера в честность партнера возникают лишь в процессе длительных и не вызвавших разочарования деловых отношений. Но этим не исключается та степень доверия, которая необходима для заключения договора; такое доверие возникает из сознания своей собственной силы. Англия, наверное, может найти в себе это доверие, опираясь на стоящую за ней группировку держав. Но вместо этого общественное мнение приходит в крайнее возбуждение каждый раз, как только между Англией и Германией заходит речь об урегулировании англо-германских отношений, хотя бы в области экономики,

как это случилось при переговорах Вольтата с Хадсоном[69]. Это, мне кажется, свидетельствует о том, что с английской стороны, в особенности при демократической системе и при некорректном поведении прессы, отсутствуют предпосылки для мирного урегулирования.

Лорд Галифакс объяснил мне, что если Чемберлен в палате общин встанет и скажет, что вследствие определенных действий Германии ничего больше не остается, как вести войну, то парламент единодушно последует за ним; но парламент согласится с ним и в том случае, если он заявит, что он видит возможность соглашения с Германией. Этого соглашения, в сущности, желает каждый англичанин. Недавно, во время одного праздника, в своем имении он беседовал со многими горняками и секретарями их профсоюзов. Они единодушно заверили его, что лейбористские депутаты оппозиции в палате общин не представляют действительного мнения трудящегося человека. То же самое оказалось при поездке премьер-министра в Южный Уэльс; обстановка в этом районе вообще сложная, несмотря на это, премьер-министр был встречен прямо-таки с энтузиазмом. При этом он, Галифакс, убедился в том, что горняки, с которыми он говорил, понимали и разделяли политику правительства: никакой агрессии больше не должно быть; желательно мирное разрешение существующих трудностей. Он должен со мной согласиться, что сейчас общественное мнение очень возбуждено и недоверчиво относится к переговорам с Германией. Упомянутые мною трудности пока, действительно, неразрешимы. Но столь же верно и то, что период спокойствия, необходимый для умиротворения общественного мнения, создал бы совершенно иную картину, чем настоящая. Тогда будет возможно обсудить проблемы умиротворения. Британское правительство имеет живейшее желание, чтобы это время наступило, и тогда оно пойдет очень далеко для достижения этой цели.

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 143—150.

106. Письмо посла Германии в СССР Ф. Шуленбурга в министерство иностранных дел Германии

10 августа 1939 г.

Здешний польский посол Гжибовский в начале августа возвратился из отпуска. В беседе между ним и итальянским послом Россо был затронут также вопрос об англо-франко-советских переговорах относительно заключения пакта. Итальянский посол заявил, что, по его мнению, начинающиеся в настоящее время переговоры между военными лишь тогда могут привести к конкретному результату, когда Польша в той или иной форме примет в них участие или по крайней мере заявит о своем согласии принять советскую вооруженную помощь. Польский посол ответил на это, что в

позиции Польши по отношению к переговорам о пакте ничто не изменилось. Польша ни в коем случае не потерпит того, чтобы советские войска вступили на ее территорию или даже только проследовали через нее. На замечание итальянского посла о том, что это, вероятно, не относится к советским самолетам, польский посол заявил, что Польша ни в коем случае не предоставит аэродромы в распоряжение советской авиации.

Шуленбург

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 539.

107. Из отчета Ч. Спенсера * о беседах представителей деловых кругов Великобритании с Г. Герингом

10 августа 1939 г.

[...]Герингу был задан вопрос — какие события привели к странным изменениям во взглядах фюрера в период между конференцией в Мюнхене и выступлением в Саарбрюкене 9 октября 1938 г. В ответ было сказано, что атмосфера в Мюнхене была поразительно хорошей; однако ни Чемберлен, ни Даладье, по возвращении на родину, не оказали той поддержки, на которую рассчитывала Германия. Выступления самого Чемберлена в палате общин указывали на то, что он рассматривает мюнхенское соглашение как «навязанное соглашение» и что не должно быть второго Мюнхена; Великобритания поэтому должна перевооружаться **. Выступления противников Мюнхена были более резкими, а выступления г-на Уинстона Черчилля, г-на Идена и г-на Дафф-Купера, казалось, указывали на то, что они предпочитают войну урегулированию. В своем выступлении в Саарбрюкене фюрер не делал нападок на г-на Чемберлена; он нападал только на тех, кто выступал против г-на Чемберлена, хотя именно выступления г-на Чемберлена вызвали разочарование у правительства Германии. Положение Чемберлена представляется неустойчивым. Кабинет, имеющий в своем составе Черчилля, Идена и Дафф-Купера, вероятно, возьмет верх, а курс этого кабинета был бы направлен на войну.

Фельдмаршал Геринг, отметив, что он сделал исторический обзор по конкретной проблеме, предложил обменяться мнениями по всему комплексу отношений между Великобританией и Германией без каких-либо ограничений. Нынешняя обстановка чревата постоянной угрозой возникновения войны. Для него ужасна мысль о том, что может начаться кровопролитие между двумя народами, столь близкими по расе. Идея фюрера, которую он после-

* Возглавлял группу британских промышленников на переговорах.

** На экземпляре этой записи, находящейся в досье, имеется следующая надпись карандашом почерком премьер-министра: «Я уверен, что ни в одном из моих выступлений нет ничего такого, что оправдывало бы это истолкование».— *Прим. док.*

довательно развивал в «Майн кампф», заключается в том, что взаимопонимание с Великобританией является одним из основных принципов внешней политики Германии, и с первых же дней своего прихода к власти добрая воля по отношению к Великобритании была неотъемлемой частью его политики. Однако Великобритания не пожелала ответить на проявленные с его стороны инициативы. [...]

Мюнхен явился большим успехом. Чемберлена тепло встретили в Германии, и все считали, что четыре государственных деятеля — участники конференции — заключили прочную дружбу между собой. Однако результаты не оправдали этих ожиданий. Великобритания вопреки [мюнхенской] конференции избегала обсуждения таких важнейших для Германии вопросов, как вопрос о колониях, о защите жизненных интересов и об окончательном разрешении чехословацкой проблемы. Эта последняя обсуждалась в Мюнхене. Новый поворот эта проблема получила после выдвижения польских и венгерских претензий, которые простирались за этнографические границы этих государств. В Мюнхене Чемберлен и Даладье договорились о том, что Чехословакия должна вести политику, отличную от той, которую она проводила ранее. Вопреки их предостережению Чехословакия не изменила своей политики, а закупки ею тяжелой артиллерии за рубежом усилили подозрительность в Германии. Германия пыталась соблюдать корректность. Словакия желала вести прямые переговоры с Германией, однако ей ответили, что в соответствии с чехословацкой конституцией переговоры должны вестись через посредство Праги. Стремительный выход на сцену Польши и Венгрии соответственным образом повлиял на линию поведения Германии, и она была вынуждена действовать без промедления. После Мюнхена Чехословакии стало ясно, что в экономическом отношении она без контактов или союза с Германией может очутиться в затруднительном положении. Когда президент Гаха нанес визит фюреру в Берлине, ему была предложена автономия, за исключением сфер военной и внешней политики. Однако новая ситуация, возникшая в результате выхода Польши и Венгрии за пределы своих этнографических границ, положила этому конец. Поздно вечером, до вступления в Чехословакию [немецких войск], британский посол в Берлине посетил министра иностранных дел и сообщил ему, что Великобритания не намеревается вмешиваться в события в Чехословакии.

Что касается Польши, то она извлекла для себя все выгоды в Чехословакии благодаря Германии. В переговорах с Польшей, носивших характер зондажа, фюрер пытался разрешить данцигскую проблему. Польше были предложены важные экономические льготы в Данциге, кондоминиум в Словакии и гарантия ее границ в обмен на разрешение построить через польский коридор автостраду и железную дорогу для прямой связи с Восточной Пруссией. По мнению германской стороны, такое урегулирование с Польшей

было бы реальным. Вмешательство же Великобритании привело к тому, что поляки ужесточили свою позицию. В Германии вызвал удивление тот факт, что Великобритания, которая считала возможным говорить о «легкомыслии» поляков, несколько месяцев спустя заговорила о них как о «гордом и мужественном народе». Фельдмаршал Геринг заметил, что упомянутые условия представляли для поляков лучший вариант по сравнению с тем, что они могли бы получить в настоящее время. Эти условия были предложены искренне и, по его мнению, явились бы разумным решением проблемы. Теперь же будет выдвинуто требование о предоставлении более широкой зоны в польском коридоре, а кондоминиум в Словакии отпадает. [...]

В Москве обошлись очень плохо с британскими участниками переговоров. Проходил месяц за месяцем, а результатов никаких. На пути в Москву находились военные миссии Великобритании и Франции, но среди них не было ни одного действительно авторитетного военного деятеля. По его мнению, никаких конкретных решений не будет достигнуто. Русские могут обещать многое, но ничего не выполнят. Однако им особенно хотелось бы узнать, сколько линейных кораблей и крейсеров Великобритания обяжется послать на Дальний Восток.

Фельдмаршал Геринг заявил, что обращение обеих западных держав к Сталину расценивается как нечто унизительное для них. Для Германии все еще открыты двери для переговоров с Россией; Рапалльский договор все еще остается в силе. Следует помнить, что и у Германии до сих пор много друзей в России. Что касается посылки крупных военных кораблей на Дальний Восток, то фельдмаршал Геринг сослался на речь г-на Чемберлена, в которой говорилось о такой возможности. Но этот вопрос серьезно не рассматривался, поскольку представлялось маловероятным, что на Западе можно положиться на один французский флот.

Затем фельдмаршал Геринг перешел к рассмотрению возможностей общего характера для достижения взаимопонимания между Великобританией и Германией.

Он указал на следующее:

1) Если Великобритания в будущем станет проводить чисто британскую политику, то соглашение с Германией возможно.

2) Если две эвентуально соперничающие стороны сойдутся друг с другом, соглашение возможно лишь в том случае, когда станет ясно, что обе стороны получат определенные для себя выгоды от соглашения.

В этом плане необходимо рассмотреть следующие моменты:

a) Каковы жизненно важные установки британской политики?

b) Каким образом эти установки сталкиваются с жизненными интересами Германии?

c) Каковы коренные проблемы и основные моменты германской политики?

d) Сталкиваются ли они с важнейшими направлениями британской политики?

Основные интересы Германии находятся на Ближнем Востоке *. Это естественная экономическая сфера Германии, откуда она может получать определенные материалы и сырье, в большинстве которых она сама нуждается, за исключением масличных культур. Насущные проблемы Германии можно изложить следующим образом. В настоящее время население рейха насчитывает 82 млн. немцев и 7 млн. чехов. В урожайные годы территории рейха было достаточно, чтобы прокормить это население. В неурожайные годы продовольствия не хватало. Учитывая процент нынешнего прироста населения рейха, оно может возрасти до 95—100 млн. человек. Поэтому дополнительные продукты питания могут быть получены только из колоний или путем импорта, а следовательно, и экспортной торговли.

Чего хотела бы Германия, так это достижения соглашения, благодаря которому были бы определены соответствующие сферы влияния; соответственно можно было бы раз и навсегда урегулировать интересы Германии и Великобритании. Фактически колониальные притязания Германии относятся к той или иной территории, на которой можно выращивать масличные культуры для нужд Германии. Учитывая большие масштабы британских сфер влияния во всем мире, такого рода экспансия, вероятно, затронет интересы Великобритании.

Фельдмаршал Геринг повторил, что Ближний Восток является не сферой завоевания, а сферой экономических интересов. Однако он считает, что Германия озабочена политическим порядком в этом районе и тем, чтобы он не был враждебным по отношению к Германии. Еще существует возможность взаимопонимания с Великобританией, в том числе относительно эффективной гарантии Польше, которую он, конечно, не рассматривает в качестве сферы британских интересов. Это взаимопонимание является последней надеждой Гитлера, однако оно возможно только на основе абсолютного равенства. Время быстротечно, и могут произойти события, которые сведут эту возможность к нулю. В доверительном порядке он может заявить, что, хотя с Японией и существуют дружественные отношения, между Германией и Японией еще нет каких-либо обязывающих связей.

Затем фельдмаршал Геринг перешел к рассмотрению или, как он выразился, к «трезвой оценке» положения, в котором очутились бы Великобритания и Германия в случае возможного конфликта. Прежде всего не следует недооценивать соединенные силы Германии. В Германии существует почти мистический культ преданности фюреру, которым охвачено все население. Возможность вбить клин между правительством и народом исключена. Что же касается самого Геринга, то он — второе лицо в Германии после фюрера — не идет в счет. Он верен фюреру и, по его словам, является его единственным другом.

* Так в тексте.

Если посмотреть на вооруженные силы обеих сторон, то на море — это следует признать — Германия уступает Великобритании. Германские военно-воздушные силы превосходят и в течение некоторого времени будут превосходить британские и французские военно-воздушные силы как в материальной части, так и в подготовке летного состава. Французская сухопутная армия сильна, однако для затяжной войны у нее не хватит людских резервов. Если учесть людские потери в современных боях, скажем, в 200 тыс. с лишним человек, то это составляет годовой контингент призывников во Франции, тогда как Германия сейчас может мобилизовать армию численностью в 150 дивизий.

В случае войны Великобритания вступит в нее со значительно более слабым лагерем своих союзников по сравнению с 1914 г. На Средиземном море Италия, на Дальнем Востоке Япония будут уже не с ней, а против нее, а морские коммуникации, которые были козырем Великобритании в последней войне, теперь ее слабое место. Далее, возможные результаты войны были бы для двух народов весьма неравнозначны. Для Великобритании поражение в войне означало бы ее конец как империи. Для Германии поражение могло бы означать второй Версаль, отдачу части ее территории Польше или Чехословакии. Теперь уже нет золотого запаса рейхсбанка или драгоценностей, которые подлежали бы конфискации или передаче. Опасностью, которой чревато поражение Германии для всего мира, является распространение коммунизма и выигрыш Москвы.

Британская гарантия Польше может быть осуществлена лишь с трудом. Польша же может быть без труда сокрушена вооруженными силами Германии, и ни Великобритания, ни Франция не смогут оказать ей эффективной помощи ни войсками, ни военными материалами. Польша не рассматривается Германией как «приемлемая» нация. Она оказалась даже неспособной сохранить Вислу судоходной.

По мнению фельдмаршала Геринга, между Германией и Великобританией следует провести конференции. Принимая во внимание дружбу первой с Италией, а второй — с Францией, интересы двух последних также должны быть приняты в расчет.

Отвечая на вопрос о том, должны ли быть такие конференции международными, фельдмаршал Геринг сказал, что после войны было слишком много конференций и из них ничего не получилось. Он полагает важным проведение предварительных совещаний доверительного характера между Германией и Великобританией без какой-либо гласности и ненужного шума. Важно, чтобы Германия вернула себе Данциг. Говоря это, Геринг клялся че-

стью как офицер и джентльмен, что Данциг определенно является последней территориальной претензией Германии в Европе.

Фельдмаршал спросил:

1) Если бы г-н Чемберлен обратился сегодня к Германии с предложением начать переговоры, не привел бы этот шаг к его падению?

Ответ гласил, что настроения британцев на сегодняшний день и то, как пресса может представить общественности такое предложение, вероятно, приведут к падению правительства Чемберлена.

2) Если представитель Германии обратится к г-ну Чемберлену с предложением вступить в переговоры, даст ли он свое согласие?

Ответ гласил: учитывая неоднократные заявления о готовности обсудить проблемы, вероятно, да, если такое предложение сделано искренне.

3) Если конференция будет созвана фюрером или какой-либо иной стороной для выяснения проблем, стоящих между Великобританией и Германией, есть ли возможность, что г-н Чемберлен согласится в ней участвовать без Польши?

Ответ гласил, что это такой вопрос, пытаться ответить на который мы не можем, не располагая достаточными сведениями на этот счет.

Фельдмаршал Геринг сказал, что, как ему представляется, существуют две возможности:

1) Германии следует вступить в переговоры с Польшей с целью мирного урегулирования.

2) Четыре державы — участницы мюнхенской конференции должны провести переговоры друг с другом.

3) Если будет проведено совещание четырех держав — участниц Мюнхена, будет ли необходимым, чтобы каждый из участников заранее сделал заявление по тем или иным вопросам?

Последовал ответ, что и на этот раз это — вопрос, ответить на который мы вряд ли уполномочены.

Фельдмаршал Геринг сказал, что, если конференция будет созвана или просочатся сведения о ней, польская печать поднимет шум о «предательстве». Сам он чувствует необходимость и желательность конференции, с тем чтобы обе великие державы — Германия и Великобритания — смогли найти базу для взаимопонимания. Настроения в Германии в отношении Великобритании весьма враждебные, и, как мы говорили ему, такие же настроения испытывают в Великобритании.

Время не ждет, и что-то нужно предпринять безотлагательно, если вообще следует что-либо предпринимать. В особенности необходимо сохранять в тайне все дискуссии; любое просачивание сведений в печать было бы нежелательным, и исчезла бы возможность вести такие дискуссии.

В настоящем документе опущены многочисленные замечания фельдмаршала Геринга, когда он приводил сравнения между методами, при помощи которых создавалась Британская империя, и методами, с помощью которых Германия добивается расширения сферы своего влияния. Эти замечания были сделаны в такой манере, что они представляются избитыми фразами. Аналогичными были и неоднократные ссылки на «назидательный» тон речей британских государственных деятелей и комментариев британской печати. В особенности это подчеркивалось в отношении прошлого заявления, которое было вызвано запросом, почему, в соответствии с мюнхенским соглашением, не были произведены консультации до ввода войск в Чехословакию? Действительный ответ содержится в меморандуме, но он сопровождался логическими ссылками на аналогичные «превентивные акции» Британской империи, такие, как захват датского флота в Копенгагене и нежелание независимого правительства подчинить дела, жизненно важные для его страны, диктату другой державы [82].

Печат. по изд.: «Documents on British Foreing Policy. 1919—1939». Third Series, vol. VI, p. 756—761.

108. Из записи беседы А. Гитлера с министром иностранных дел Италии Г. Чиано

12 августа 1939 г.

[...]Фюрер ответил, что при решении польской проблемы нельзя терять времени. Чем ближе подходит осень, тем труднее будет проводить военные операции на востоке Европы. С середины сентября из-за условий погоды в этих районах почти не удастся использовать авиацию; вследствие плохого состояния дорог, которые в результате начинающихся осенью дождей быстро превратятся в болото, также невозможно было бы использовать и моторизованные части. С сентября по май Польша представляет собою большое болото и полностью непригодна для каких-либо военных действий. Таким образом, в октябре Польша просто могла бы занять Данциг — а она, по-видимому, имеет такие намерения,— тогда как Германия не могла бы ничего сделать против этого, поскольку обстреливать и разрушать Данциг, разумеется, нет смысла.

Граф Чиано спросил, в какой срок, по мнению фюрера, необходимо решить вопрос с Данцигом. Фюрер ответил, что этот вопрос так или иначе надо решить до конца августа. На вопрос Чиано, как он представляет себе решение этого вопроса, фюрер ответил, что в политическом отношении Польша должна уступить Данциг, причем само собой разумеется, что ее экономические интересы не будут затронуты и что в остальном ее общая позиция должна способствовать устранению напряжения. Он сомневается в том, что Польша будет готова на это, ибо до настоящего времени она отклоняла германские предложения. Фюрер сказал, что

лично Беку он сделал эти предложения во время его визита в Оберзальцберг*. Они были чрезвычайно выгодны для Польши. За отказ от Данцига в пользу Германии в политическом отношении, при полном соблюдении польских экономических интересов, и за установление связи между Восточной Пруссией и рейхом Германия обещала гарантию границ, заключение на 25 лет пакта о дружбе и участие Польши в делах, касающихся Словакии. Бек в свое время принял к сведению данное предложение, заметив при этом, что он хотел бы изучить его. Резкий отказ последовал лишь в результате английского вмешательства. Впрочем, какие цели преследует Польша, можно со всей ясностью понять из прессы. Хотят захватить всю Восточную Пруссию, продвинуться вплоть до Берлина и т. д. Для великой державы на длительный период невыносимо терпеть соседа, питающего к ней такую сильную вражду и отдаленного от ее столицы всего на 150 *км*. Фюрер поэтому преисполнен решимости использовать первую же политическую провокацию (будь то ультиматум, жестокое обращение с немцами в Польше, попытка установить голодную блокаду Данцига, ввод польских войск на территорию Данцига или тому подобное), чтобы в течение 48 часов обрушиться на Польшу и таким путем решить проблему. Это означало бы существенное укрепление оси, точно так же как и ликвидация Югославии Италией означала бы существенный прирост сил оси.

Граф Чиано спросил, когда можно ожидать проведения подобной операции против Польши, так как, по его мнению, Италия, естественно, должна подготовиться к любым возможностям. На это фюрер ответил, что в нынешних условиях в любой момент нужно считаться с выступлением против Польши [83]. [...]

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 540—542.

109. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции [80]

12 августа 1939 г.

Начало заседания в 11 час. 30 мин. Окончание заседания в 13 час. 10 мин.

Маршал К. Е. Ворошилов. Господа, я считаю целесообразным прежде всего установить порядок заседаний военных миссий, т. е. установить дни и часы работы. Затем, мне кажется, было бы правильным установить порядок председательствования, очевидно, председательствование потребуется. Мне казалось бы, по этому вопросу было бы правильным установить председательствование по очереди, по дням: один день председательствует глава одной миссии, другой день — глава другой миссии и т. д.

* См. док. № 1.

Кроме того, предлагаю решить, как называть заседания военных миссий Англии, Франции и СССР. Полагаю, правильным будет, если наши заседания будем называть совещаниями.

После короткого обмена [мнениями] между членами миссий главы военных миссий Англии и Франции выражают свое согласие с внесенным предложением о порядке председательствования, а также свое согласие именовать заседания военных миссий совещаниями.

Маршал К. Е. Ворошилов (обращаясь к главам военных миссий). Какие будут ваши предложения о днях и часах совещаний?

Французская миссия предлагает заседать каждый день и заседания устраивать два раза в день.

Английская миссия не возражает.

Маршал К. Е. Ворошилов. Наша миссия согласна устраивать заседания каждый день — по два заседания.

Английская и французская миссии вносят совместное предложение: утреннее заседание проводить с 10 час. 30 мин. до 13 час. 30 мин. и вечернее заседание — с 17 час. 30 мин. до 19 час. 00 мин.

Предложение принимается.

Маршал К. Е. Ворошилов предлагает решить, кто сегодня будет председательствовать и сколько будет сегодня заседаний, два или одно.

После обмена мнениями английская и французская миссии предлагают сегодня устроить одно заседание и председательствование возложить на главу советской военной миссии маршала К. Е. Ворошилова.

Предложение принято.

Маршал К. Е. Ворошилов. Совещание военных миссий Англии, Франции и СССР объявляю открытым. Я полагаю, что нет надобности в каких бы то ни было речах, и предлагаю приступить прямо к делу.

Считаю необходимым прежде всего решить такой вопрос: первое — считают ли английская и французская миссии необходимым соблюдение секретности наших совещаний?

После обмена мнениями между миссиями адмирал Дракс и генерал Думенк заявляют, что совещания необходимо сделать секретными и все сообщения в прессе, какие совещание найдет нужным сделать, могут быть даны только с согласия всех трех миссий.

Советская миссия принимает это предложение.

Маршал К. Е. Ворошилов. Второй вопрос — мне хотелось бы знать мнение миссий относительно того, будут ли протоколироваться результаты нашего совещания. Лично полагал бы, что протоколировать речи и выступления нет надобности, поскольку принято решение о секретности совещаний, но отдельные решения, если таковые будут иметь место, надо протоколировать. Мы будем записывать то, что говорится, в тех случаях, когда это будет необходимо. Я предлагаю, чтобы каждая делегация составляла записи

на своем собственном языке. И еще один формальный вопрос. Я полагаю, что все выступления английских, французских и советских делегатов должны переводиться по принадлежности: выступления французских делегатов переводятся французским переводчиком, английских — английским и советских — советским.

После обмена мнениями принимается предложение маршала К. Е. Ворошилова протоколировать только принимаемые решения, а также и предложение о порядке перевода выступлений.

Маршал К. Е. Ворошилов. Формальности все окончены. Мы могли бы приступить сейчас к обсуждению вопросов по существу. Но мне кажется вполне естественным, [что], прежде чем приступить к обсуждению по существу интересующих нас вопросов, следует взаимно ознакомить друг друга с письменными полномочиями о предмете тех вопросов, по которым мы здесь будем вести разговоры. Я предъявляю мой и моих товарищей мандат на ведение переговоров и подписание военной конвенции, если мы окончательно договоримся по интересующим нас вопросам. Прошу Вас, г-н адмирал Дракс, и Вас, г-н генерал Думенк, ознакомить нас с вашими полномочиями и предъявить свои мандаты. Предлагаю все письменные полномочия, какие имеются, перевести на языки миссий. Читаю свой мандат по-русски.

Маршал К. Е. Ворошилов зачитывает текст своего полномочия *, после чего текст переводится на французский и английский языки.

Ген. Думенк предъявляет свой мандат.

Адм. Дракс заявляет, что он не имеет письменного полномочия; он уполномочен вести только переговоры, но не подписывать пакта (конвенции).

На вторичный вопрос маршала К. Е. Ворошилова, имеются ли у адмирала Дракса какие-либо письменные полномочия, адмирал Дракс заявляет, [что] он предполагает, что его полномочия английским посольством доведены до сведения советской миссии, но письменных полномочий у него нет. В случае надобности он это полномочие в письменном виде может предъявить в возможно короткий срок.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, вы отлично понимаете, что мы не сомневаемся в том, что вы представляете интересы ваших стран, в частности английская миссия представляет здесь английскую армию, флот и воздушные силы, а французская миссия — французскую армию, флот и воздушные силы. Но полномочия, по-моему, необходимы в письменном виде для того, чтобы взаимно было видно, в каких пределах вы уполномочены вести переговоры, каких вопросов вы можете касаться, до каких пределов вы можете обсуждать эти вопросы и чем эти переговоры могут окончиться. Наши полномочия, как вы видели, всеобъемлющи. Мы можем вести переговоры по вопросам организации обороны

* См. док. № 102.

Англии, Франции и СССР от агрессивных стран Европы, и мы можем подписать военную конвенцию. Ваши полномочия, изложенные на словах, мне не совсем ясны. Во всяком случае, мне кажется, что этот вопрос не праздный — он в самом начале определяет и порядок и форму наших переговоров.

Адм. Дракс заявляет, что советская миссия находится в преимущественных условиях, так как имеет возможность непосредственно сноситься со своим правительством. Далее адмирал Дракс заявляет, что если бы было удобным перенести переговоры в Лондон, то он имел бы все полномочия, но ввиду дальности расстояния от Лондона он не может подписать конвенцию без того, чтобы эту конвенцию не видело его правительство.

Маршал К. Е. Ворошилов под общий смех замечает, что привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компании.

Адм. Дракс заявляет, [что] он считает, что отсутствие полномочий не должно служить препятствием к ведению переговоров и что не было таких прецедентов, чтобы миссия, которая едет для военных переговоров, уполномочивалась подписывать конвенцию без правительства. Так было при наших переговорах с Турцией и Польшей.

Ген. Думенк зачитывает свои полномочия, текст которых сводится к следующему:

«Председатель совета [министров], министр национальной обороны и военных дел назначает члена Высшего военного совета генерала Думенка главой военной миссии, направляемой в СССР, и уполномочивает его договориться с главным командованием Советских Вооруженных Сил по всем вопросам, относящимся к вступлению в сотрудничество между вооруженными силами обеих стран».

Записано со слов переводчика французской миссии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что наша миссия не будет иметь возражений против того, чтобы принять к сведению заявление главы английской миссии адмирала Дракса о том, что отсутствующие письменные полномочия им будут представлены своевременно и что этот момент не может служить препятствием для начала нашего совещания и для обсуждения вопросов по существу.

Адм. Дракс заявляет, что он с удовлетворением принимает заявление главы советской миссии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Теперь я хотел бы просить главу английской миссии адмирала Дракса и главу французской миссии генерала Думенка сообщить нам их предложения относительно тех мероприятий, которые должны обеспечить, по их мнению, организацию обороны договаривающихся стран, т. е. Англии, Франции и Советского Союза. Есть ли у миссий Англии и Франции соответствующие военные планы?

Адм. Дракс заявляет, что, приезжая сюда по приглашению Со-

ветского правительства, он рассчитывал, что проект будет предложен советской миссией.

Маршал К. Е. Ворошилов. У нас кое-какие наметки плана имеются, но мы полагаем, что каждая миссия должна иметь свои предложения, поэтому нас очень занимает вопрос о том, что собой представляют ваши планы. Наше правительство пригласило военные миссии Англии и Франции в надежде на то, что эти вопросы как английский, так и французский генеральные штабы неоднократно обсуждали и у них имеются эти планы, тем более что нашему совещанию предшествовали политические переговоры, начатые по предложению Англии. Поэтому естественно, что этот вопрос не мог не быть в поле зрения английского и французского правительств.

Адм. Дракс заявляет, что у них, конечно, имеется план, но [разработанный] в общих чертах, так как выезд миссии был поспешный, мы [заявляет Дракс] точно выработанного плана не имеем. Германия уже имеет отмобилизованных 2 млн. войск, и ее выступление намечено на 15 августа. Мы приехали в Москву в надежде обсудить план более точно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Наша миссия не претендует на то, чтобы дать законченный во всех деталях военный план. Мы, однако, считаем целесообразным и абсолютно правильным, если хотите, справедливым, представление со стороны миссий Англии и Франции плана военной обороны трех договаривающихся стран от агрессии в Европе хотя бы в том виде, в каком он есть. Советский Союз находится в несколько отличном положении, чем Англия и Франция. Советский Союз непосредственно не соприкасается на западе со странами блока агрессоров, поэтому он может служить объектом для нападения лишь во вторую очередь. Что же касается Англии и Франции, а также тех стран, с которыми Англия и Франция уже заключили те или иные пакты, то они являются непосредственно граничащими со странами блока агрессоров, и, разумеется, у вас в первую очередь должны быть наметки против возможных военных нападений агрессоров. Мы ваших планов не знаем. До тех пор, пока мы не ознакомимся хотя бы с черновыми планами организации [обороны] Англии и Франции, а также тех стран, с которыми у вас имеются договоры [о] сопротивлении агрессорам, нам трудно со своим планом выступать. Поэтому я просил бы если не сегодня, то к завтрашнему утреннему заседанию подготовить сообщение о ваших планах, чтобы подвергнуть их обсуждению. Мы в свою очередь готовы представить свои планы, но повторяю, они также не претендуют на исчерпывающую полноту и точность.

После продолжительного обмена мнениями между членами английской и французской миссий адмирал Дракс заявил: как Вы сами указали, ваш план может быть несовершенен с нашей точки зрения, [однако] мы согласны на то, чтобы рассмотреть этот план; но особенно нас интересуют два вопроса:

1. О возможной войне для Германии * на два фронта.

2. О непосредственной связи Вооруженных Сил СССР и остальных государств, т. е. Англии и Франции.

Если бы можно было констатировать согласие по этим двум пунктам, этим было бы достигнуто многое.

Маршал К. Е. Ворошилов. Вы согласны обсудить или взаимно ознакомить [друг друга сначала] с планами, которые имеются у английской и французской миссий (один или два плана), и затем с нашим планом, после чего перейти к обсуждению всех других вопросов, которые, несмотря на их важность, тем не менее являются составными элементами самого плана.

Мне кажется, предварительно нужно рассмотреть ваши планы, а потом наш и приступить затем к обсуждению тех вопросов, о которых вы упомянули, т. е. вопроса относительно возможной войны на два фронта и затем вопроса о физической связи Вооруженных Сил Советского Союза с вооруженными силами Франции и Англии.

Адм. Дракс заявляет, что он очень доволен заявлением главы советской миссии и завтра представит в общих чертах проект наших общих целей, которые можно будет обсудить.

Маршал К. Е. Ворошилов. Цель у нас ясна, и теперь идет вопрос о выработке плана для достижения этой цели. Цель у нас определенная: защита миролюбивых стран во главе с Англией, Францией и Советским Союзом от агрессивного блока в Европе. Это, по-моему, цель, и мы теперь должны обсудить средства, как добиться этой цели. Цель ясна.

Ген. Думенк заявляет, что с их стороны все силы будут использованы против врага, и он думает, что все силы СССР должны сражаться против блока агрессоров.

Маршал К. Е. Ворошилов. Это все верно, но прежде всего нужно обсудить военный план. Если агрессивный европейский блок нападет на одну из стран, его нужно будет разбить во что бы то ни стало, а для этого необходимо иметь соответствующий военный план. Этот план нужно обсудить в подробностях, договориться, подписать военную конвенцию, разъехаться по домам и ждать событий в спокойном сознании своей силы.

Ген. Думенк выдвигает три принципа:

1. Создание для противника двух прочных фронтов: на западе и на востоке.

2. Непрерывность фронтов.

3. Использование против неприятеля всех сил.

Маршал К. Е. Ворошилов. Эти принципы у нас не вызывают возражений, однако я хочу возвратиться к обсуждаемому вопросу — взаимно ознакомить друг друга с планами, после чего приступить к их обсуждению. А принципы, безусловно, правильные.

Адм. Дракс. С Вашего согласия мы сделаем перерыв, разойдемся по домам и подготовим материалы.

* Так в тексте.

Маршал К. Е. Ворошилов. Нет возражений на этом закончить заседание? Нужно разрешить еще один формальный вопрос. Я предлагаю на каждом заседании намечать вопросы для обсуждения на следующем заседании. Если нет возражений против этого, то мы сейчас должны наметить пункты порядка дня завтрашнего, хотя бы утреннего, заседания и установить последовательность председательствования; она, по-моему, должна быть такой: глава советской миссии, английской и затем французской.

Адм. Дракс и ген. Думенк изъявляют свое согласие и далее указывают: что касается завтрашнего дня, то Вы уже определили программу.

Маршал К. Е. Ворошилов. Еще раз хочу уточнить. Завтра мы должны взаимно ознакомиться с существующими у нас планами относительно организации защиты трех договаривающихся между собою государств — Англии, Франции и СССР — против блока агрессоров и затем перейти к их обсуждению. Если нет возражений, мы на этом могли бы закончить сегодня наше совещание.

Адм. Дракс и ген. Думенк согласны с этой программой и заявляют, что они постараются сделать все, что возможно, для успешной работы.

На этом заседание закрывается.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 543—549.

110. Запись утреннего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

13 августа 1939 г.

Начало заседания в 10 час. 45 мин. Окончание заседания в 12 час. 30 мин.

Председательствует глава английской миссии адмирал Дракс.

Адм. Дракс, прежде чем начать совещание, благодарит маршала Ворошилова за новую расстановку мест *, обеспечивающую успех работы совещания; далее [он] просит выступающих говорить короткими предложениями для удобства перевода. Адм. Дракс заявляет, что будет трудно одновременно обсуждать цели, принципы и планы; однако, учитывая предложения маршала Ворошилова, он выражает согласие вести обсуждение плана организации защиты от агрессивных стран в Европе.

Маршал К. Е. Ворошилов. Тут некоторое недоразумение; очевидно, виноват переводчик. Если мне будет позволено председателем, я уточню вчерашнее предложение. Вчера мы предложили обсудить на сегодняшнем заседании, вернее — взаимно ознакомиться с имеющимися у военных миссий планами по организации обороны договаривающихся сторон от агрессии в Европе, исходя

* Так в тексте.

из того положения, что принципы и цели уже всем нам известны, и сами планы, которые мы будем обсуждать, имеют в своей основе соответствующие принципы; они должны исходить из того принципиального положения, что мы организуем наши вооруженные силы для защиты наших государств. Если окажется, что этого предположения недостаточно, тогда можно будет особо коснуться принципов и целей. Но я выражаю опасение, что это отвлекло бы нас в сторону.

Повторяю, принципы и цели ясны. Планов мы еще не знаем. Поэтому нужно было бы перейти к изложению или сообщению планов.

Адм. Дракс заявляет, что в процессе заседания придется выяснить и письменно зафиксировать наши принципы и цели, но что он готов сегодня начать с вопроса о плане.

Далее адмирал заявил, что некоторые принципы в этих переговорах будут изложены в письменном виде в течение сегодняшнего дня.

Вас, вероятно, интересует больше всего план действия сухопутных сил на Западном фронте. Поэтому я попрошу генерала Думенка изложить план обороны Западного фронта.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что г-н генерал Думенк, излагая план обороны Западного фронта, Франции и Англии, очевидно, не ограничится только западом, а выскажет свои предположения, как, по его мнению, должна быть организована защита, оттяжка сил агрессора на востоке. Я бы хотел, чтобы изложение его плана не ограничивалось только планом обороны Франции и охватило бы все предположения генерального штаба Франции.

Адм. Дракс замечает, что план будет касаться всех фронтов. Если будут возникать вопросы, просьба задавать их после сообщения генерала Думенка.

Само собой разумеется, что начальники генеральных штабов совместно выработают планы; здесь мы дадим общий набросок плана, а о деталях будем договариваться впоследствии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Это не совсем понятно. План должен быть здесь определен. Мне кажется, что дело данного высокого совещания, представляющего и правительства и вооруженные силы трех договаривающихся стран, заключается в том, чтобы установить здесь основы плана: количество войск трех держав, материальные ресурсы и реальное направление этих действующих сил в защите наших государств. Все это должно быть, как мне кажется, определено здесь.

Если у г-на председателя адмирала Дракса нет возражений, тогда мы договоримся, если есть другие предложения, я просил бы их уточнить.

Адм. Дракс предлагает сначала дать тезисы плана, а потом посмотреть, в чем его недостаток.

Командарм Б. М. Шапошников. Вчера генерал Думенк говорил относительно необходимости направить все силы против агрессии.

Поэтому нашу военную миссию интересует план действий не только сухопутных, но и воздушных и морских сил.

Адм. Дракс заявляет, что в плане все это будет изложено. Но так как предполагалось, что советскую миссию более всего интересует план действий сухопутных сил, то генерал Думенк начнет свое сообщение именно с этого.

Маршал К. Е. Ворошилов. Начать можно с чего угодно. Нас интересует общий план — сухопутных, воздушных и морских сил. Против агрессора придется бросить все наличные силы трех договаривающихся государств и всех других, кто с ними связан.

Адм. Дракс просит заслушать сообщение генерала Думенка.

Ген. Думенк, обращаясь к совещанию, заявляет, что, прежде чем докладывать, он имеет две просьбы: первая — вследствие того, что он объявит достаточно точные цифры о состоянии французской армии, [он] просит слушателей держать слышанное в большом секрете и забыть при выходе из этого зала; вторая — просит разрешить докладывать сидя и задавать вопросы после окончания всего доклада.

Обе просьбы генерала Думенка удовлетворяются.

Ген. Думенк. Выполняя пожелание маршала Ворошилова, генерал Думенк заявляет, что он хочет начать свое сообщение о количестве [и] направлении действий вооруженных сил Франции и о технике, которая сопровождает его *.

Говоря о вооруженных силах Франции, генерал Думенк просит маршала Ворошилова и адмирала Дракса сделать ему честь представить французскую армию, готовую к сражению.

Французская армия состоит из 110 дивизий. Три дивизии объединяются в армейский корпус, и 4 армейских корпуса сводятся в одну армию. Французские дивизии имеют по 3 пехотных полка и по 2 полка артиллерии. Армейские корпуса и армия имеют свою артиллерию и танки. Всего французская армия, кроме входящих в состав дивизий, имеет 4000 современных танков и 3000 пушек крупного калибра от 150 до 420 *мм* (75-*мм* [пушки] и гаубицы, входящие в состав дивизий, в это количество не входят). Сюда также не входят войска противовоздушной обороны, береговой обороны, войска Северной Африки и войска Западной Африки. К этому необходимо прибавить 200 000 войск республиканской Испании, которые просят принять их во французскую армию.

Маршал К. Е. Ворошилов. Они уже вступили или просятся вступить?

Ген. Думенк. Часть из них уже вступила. Кроме того, имеются центры (депо) обучения нового пополнения, о которых в докладе не упоминается.

Переходя к вопросу мобилизации, генерал Думенк рассказывает о времени, необходимом для сосредоточения войск на место действия *. Войска прикрытия будут готовы в течение шести часов и займут всю французскую границу и свои места в укрепленных районах. Укрепления сейчас имеются по всей французской границе, и линия Мажино [44] продолжена до моря.

Часть этих укреплений, идущих от Юры до бельгийской границы, наиболее современна и лучше укреплена. Между Бельгией и морем их можно сравнить с линией Зигфрида [61].

На Юре и в Альпах имеются сильные прикрытия (отдельные узлы обороны) во всех тех местах, где могут проходить войска. Прикрытия эти очень удобны для обороны.

В течение последних двух лет Франция приложила много усилий для укрепления своих границ.

Имея на границе войска прикрытия под защитой укрепленных районов, французская армия в состоянии в течение меньше чем 10 дней подвести к границе все основные силы, причем $^2/_3$ войск будут на месте сосредоточения через 8 дней и все остальные силы — на 2 дня позже.

Распределение этих сил по фронту неравное, но в течение 10 дней можно сделать любую перегруппировку. Генерал Гамелен располагает для этого 8 рокадами: четырьмя железнодорожными и четырьмя шоссейными.

Глубина этих рокад — 200 *км.* При помощи этих рокад главнокомандующий может менять диспозиции своих войск по собственному усмотрению.

Из [числа] 110 дивизий имеется 20 дивизий, которые довольно трудно перебросить, так как они поставлены для обороны Туниса, Корсики и для несения службы на линии Мажино. Остальные 90 дивизий могут быть легко переброшены.

Далее генерал Думенк переходит к вопросу снабжения.

Французская армия строго соблюдает правило иметь шестимесячный запас материалов, снаряжения и снабжения. Весь этот запас сосредоточен в точках, хорошо замаскированных от воздушного противника.

Не менее 10 железнодорожных линий обеспечивают нормальное снабжение армии. Фабрикация (производство) снабжения производится на военных началах. Недавно во Франции издан закон, по которому все рабочие объявляются мобилизованными и получают мобилизационные карточки наравне с солдатами. По этому же закону правительству дано право мобилизовать необходимое количество рабочих для военных заводов. Для расширения производства стали, чугуна и другой продукции для нужд обороны нужно приспособить кроме существующих военных заводов также и другие предприятия. Примерно через 3 месяца продукция всех заводов будет равна потреблению. Через 6 месяцев она будет превосходить потребление.

Этим и объясняется наличие шестимесячного запаса, которым располагает французская армия.

Генерал Думенк, обращаясь к маршалу Ворошилову, спрашивает: если вопросы обеспечения горючим Вас интересуют, я могу остановиться на этом вопросе.

* Так в тексте.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если это Вас не задержит и входит в ваш план, то мы готовы заслушать.

Ген. Думенк. Мы имеем в наших резервуарах запас горючего на 6 месяцев войны. Но, к сожалению, эти резервуары не все достаточно замаскированы, особенно расположенные на побережье. Принимаются меры к тому, чтобы их замаскировать.

Сейчас строят много подземных складов горючего. Если бы подвоз горючего прекратился, то в течение 3 месяцев мы имели бы возможность наладить производство газогенераторных двигателей. Через 3 месяца количество их может быть доведено до 10 000 двигателей.

Мы имеем также возможность производства синтетического топлива различных видов.

Мы имеем достаточные запасы хлопка и спирта для производства взрывчатых веществ.

Далее генерал Думенк переходит к изложению плана операций.

Если главные силы фашистских войск будут брошены на западную границу, Франция встретит их сильным и непрерывным фронтом и, опираясь на свои укрепления, задержит наступление неприятеля. После того как будет задержан неприятель, французская армия сосредоточит свои войска на выгодных местах для действия танков и артиллерии и перейдет в контратаку. К этому времени французская армия будет подкреплена английскими войсками, численность которых [он], к сожалению, не в состоянии сообщить.

При помощи тех рокад, о которых доложил [ген. Думенк], генерал Гамелен будет иметь возможность в короткий срок организовать мощную атаку.

В качестве примера можно привести следующее: по всем 4 дорогам (рокадам) может быть одновременно, с помощью автотранспорта, переброшено 15 дивизий.

Эта мощная атака воспрепятствует переброске неприятельских войск с запада на восток.

Если главные силы фашистских войск будут направлены на Восточный фронт, то немцы вынуждены будут оставить не менее 40 дивизий против Франции, и в этом случае генерал Гамелен будет всеми своими силами наступать против немцев.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если агрессор — в данном случае речь идет о Германии — будет нападать на восток, на Польшу, очевидно, тогда, по предположению генерала Гамелена, на французской границе будет оставлено не менее 40 немецких дивизий?

Ген. Думенк. Да, не менее 40 дивизий.

Далее Думенк продолжает: Гитлер заявляет, что линия Зигфрида[61] непроходима (непреодолима), но с этим нельзя согласиться. Нет такой крепости, которую нельзя было бы взять.

Маршал К. Е. Ворошилов. Да, я также с этим согласен.

Ген. Думенк указывает, что в старые времена были города, окруженные мощными стенами, которые артиллерия не могла

пробить, а они имели 5 линий укреплений, и тем не менее эти города пали. Французы изучили способы вгрызаться (взламывать) в эту линию.

Я думаю также, что маршал Ворошилов достаточно знаком с этими способами. Нужно сперва взломать эти укрепления, затем расширить брешь.

Таким образом генерал Гамелен заставит противника вернуть свои силы обратно с Восточного фронта.

Если неприятель этого не сделает, то фашистские силы будут разбиты.

В заключение генерал Думенк заявляет, что он нарисовал общую картину французской обороны и если имеются вопросы, то он готов на них ответить, опираясь на свою несовершенную память.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если г-н председатель разрешит, я позволю себе задать следующие вопросы.

Первый вопрос — технического порядка. Я хотел бы знать, есть ли какие-либо укрепленные узлы южнее линии Мажино[44] и к морю.

Второй вопрос: какими, если можно узнать, сухопутными силами в том варианте, который был изложен генералом Думенком, участвует Англия во время войны.

Третий вопрос: какими силами участвует в войне Бельгия — в том же варианте, изложенном генералом Думенком.

Четвертый вопрос: примет ли участие в войне на стороне Франции Польша, какими силами и есть ли на этот счет договоренность с Польшей.

Пятый вопрос: предполагает ли генеральный штаб Франции участие Италии на стороне агрессора и если предполагает, что Италия будет участвовать в войне на стороне Германии, то какие силы Франция думает выдвинуть против итальянского фронта.

Шестой вопрос: сколько сил будет выделено французским генеральным штабом на испанской границе.

Я не задал еще двух вопросов, связанных с докладом генерала Думенка.

Первый из этих вопросов — это вопрос о плане действий французской авиации и затем о плане действий военно-морского флота Франции. Когда я говорю — французского, я допускаю неточность. Я имею в виду план действий соединенных воздушных и морских сил Франции и Англии.

Ген. Думенк просит разрешить ему ответить на вопросы вечером.

Адм. Дракс. Предлагаю прервать на этом заседание и продолжить его вечером в 17 час. 30 мин.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 549—555.

111. Запись вечернего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

13 августа 1939 г.

Начало заседания в 17 час. 36 мин. Окончание заседания в 19 час. 10 мин.

Председательствует генерал Думенк.

Ген. Думенк. Заседание объявляю открытым.

Я воспользовался перерывом, чтобы подготовить [сообщение о] тех принципах и целях, о которых мы говорили ранее. Я передаю г-ну маршалу и г-ну адмиралу эти документы для их сведения, прошу их рассмотреть и сделать свои замечания к завтрашнему заседанию. (Передает документы маршалу К. Е. Ворошилову и адмиралу Драксу.)

Я перехожу теперь к ответам на вопросы, которые были предложены маршалом Ворошиловым.

Есть ли какие-либо укрепленные узлы южнее линии Мажино [44]?

(Генерал Думенк показывает маршалу К. Е. Ворошилову на карте линию Мажино, которая, как он сообщил об этом на утреннем заседании, продолжена до моря.)

Вы поставили вопрос — как она продолжается южнее. Вдоль Рейна она достаточно сильна, как и на севере.

(Генерал Думенк показывает на карте особо укрепленные участки линии Мажино.)

Перехожу затем к укреплениям по реке Ду. Здесь имеется сетка укреплений с одним главным центром.

Далее идут горы, которые трудно проходимы.

(Генерал Думенк показывает на карте пункты в районе Альп, которые имеют особо сильные укрепления.)

Эти укрепления соответствуют естественным проходам, доступным для войск. С французской стороны Альпы особенно трудно проходимы вследствие большой ширины горной цепи, чего нельзя сказать о горах по другую сторону французской границы.

Я воспользуюсь своим правом председателя, чтобы не отвечать на Ваш второй вопрос относительно участия британских войск в обороне и предоставить слово представителю британской армии генералу Хейвуду.

Ген. Хейвуд. Англия приложила особенно много усилий для достижения могущества на земле, в воздухе и на море.

Я хочу дать некоторые сведения относительно организации сухопутных сил Англии.

Британская армия состоит из двух основных частей. Одна из них — профессиональная армия, сравнительно малочисленная, хорошо обученная, моторизованная и с модернизированным вооружением. Половина этой армии расположена в самой Англии и вторая половина — вне метрополии.

Вторая часть — это территориальная армия, более многочисленная, но менее обученная. Она расположена на местах.

Кроме этого имеются войска колониальные и войска доминионов.

Благодаря Гитлеру Англия ввела обязательную военную службу. Это значит, что теперь у нас гораздо легче разрешается вопрос о формировании большой армии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Регулярной или территориальной?

Ген. Хейвуд. И той и другой.

Система теперешней армии такова, что после прохождения обязательной военной службы эти войска или записываются добровольно в регулярную армию, или в обязательном порядке записываются в территориальную армию.

Формирование частей теперь зависит исключительно от вооружения и снабжения.

Маршалу известны индустриальные возможности Англии, и вследствие этого программа будет реализована достаточно быстро.

Наша программа — это отмобилизовать один эшелон из 16 дивизий, который будет готов к первой стадии войны. Если война будет завтра, количество войск будет незначительно, а если через 6 месяцев — положение сильно изменится.

Маршал К. Е. Ворошилов. 16 дивизий, о которых сообщил генерал Хейвуд, выставляются через какой срок после объявления войны?

Ген. Хейвуд. Срок будет кратчайшим.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если завтра вспыхнет война, то сколько дивизий и в какой срок могут быть переброшены во Францию?

Ген. Хейвуд. В настоящее время в Англии имеется 5 дивизий пехотных и 1 механизированная, которые полностью укомплектованы благодаря призыву молодежи и которые могут быть направлены немедленно.

Я напомню, что в прошлой войне мы начали с 6-ю дивизиями, а окончили [с] сотней. И, находясь в настоящее время в лучшем положении, мне кажется, мы могли бы принять значительно большее участие в первый период войны.

Маршал К. Е. Ворошилов. Г-н генерал имел намерение сообщить также о втором эшелоне, но мы ему помешали в этом своими вопросами. Сейчас я прошу г-на генерала сообщить нам о втором эшелоне.

Ген. Хейвуд. 19 дивизий уже существуют, формирование остальных 13-ти продолжается и зависит исключительно от вопросов вооружения и снабжения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Стало быть, в первом эшелоне 16 дивизий и во втором эшелоне еще 16. Так я понял?

Ген. Хейвуд. Так точно.

Ген. Думенк. Разрешите перейти к третьему вопросу — об участии Бельгии в войне при этом варианте. Я постараюсь ответить на этот вопрос возможно яснее и шире.

Вопрос о Бельгии для нас является таким же, как и вопрос о Швейцарии. Я хочу говорить о Западном фронте, который касается одинаково обеих этих стран.

В первую очередь армии этих стран должны защищать их территорию. Мы не должны и не можем вступить на их территорию, прежде чем они нас об этом не попросят. Но мы готовы ответить на этот призыв. Если эта просьба придет с опозданием и их фронту будут угрожать, в этом случае наши механизированные войска и авиация начнут свои действия.

В это же время с помощью имеющихся рокад генерал Гамелен сумеет обеспечить численное превосходство.

Во всяком случае, мы готовы всеми способами и средствами обеспечить им помощь, в частности организацией путей сообщения у них в тылу, в которых они ощущают недостаток, и предоставлением необходимого вооружения и снабжения.

Я знаю, с другой стороны, и, вероятно, об этом известно и маршалу Ворошилову, что теперь эти две страны заняты постройкой сильных укреплений на своих границах.

Перехожу к четвертому вопросу: какое участие приняла бы Польша и есть ли с ней какая-нибудь договоренность по этому поводу?

Польша имеет с Францией договор о взаимной помощи. Если Польша будет атакована, то о том, как мы будем действовать на Западном фронте, я доложил уже сегодня утром. Если Польша не подвергнется нападению, а подвергнется нападению Франция, в этом случае Польша обязана сделать для нас то, что мы обязаны будем сделать для нее.

Маршал К. Е. Ворошилов. Нельзя ли узнать более конкретно, что это означает?

Ген. Думенк. Лично мне не известны точные цифры войск, какие должна выставить Польша. Все, что я знаю, это то, что главнокомандующий польской армией обязан оказать нам помощь всеми имеющимися у него силами.

Разрешите перейти к пятому вопросу: принял ли во внимание генеральный штаб Франции, что Италия будет участвовать на стороне Германии, а если так, то какие силы будут выставлены против Италии?

Да, я принял это во внимание, и прикрытия на итальянской границе имеются; кроме того, предусматривается концентрация войск, если к тому будет необходимость. Я полагаю, что для первоначального отпора понадобится 8 дивизий. Переброска подкреплений к этим 8 дивизиям в значительной мере будет зависеть от времени года, так как граница проходит в Альпах.

Маршал поставил в связи с этим другой вопрос: выступит ли Италия одновременно с Германией?

Маршал К. Е. Ворошилов. Мы такого вопроса не выдвигали. Первый ответ исчерпывает наш вопрос.

Адм. Дракс. В Лондоне мы имели некоторые сведения по этому поводу, хотя полной уверенности в них нет. В соответствии с этими сведениями, нам кажется, что, если бы СССР имел военный договор с западными державами, тогда сомнительным стало бы одновременное выступление Италии совместно с Германией. Нам кажется также, на основании этих сведений, что при наличии такого военного договора Гитлер не пошел бы на риск войны.

Ген. Думенк. Пословица говорит: «Хочешь мира, готовься к войне», и мы должны готовиться к войне.

Перехожу к следующему вопросу: какие силы предполагает Франция иметь на испанской границе?

Насколько мне известно, единственной силой являются там пограничные посты. Одним из вариантов, кажущимся весьма правильным, является подкрепление этой границы бывшими войсками республиканской Испании.

Раньше чем перейти к очередному вопросу, я хотел бы остановиться на следующем. Мне кажется, маршал просил высказать нашу точку зрения на итальянские силы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Этот вопрос мы не ставили.

Ген. Думенк. Тогда разрешите остановиться на вопросе о плане военных действий соединенных воздушных и морских сил Франции и Англии.

Я знаю, что французский флот очень тесно сотрудничает с английским флотом и что вместе они представляют мощную силу.

Главная цель наших флотов — уничтожение неприятеля. Это главная задача, все остальное является последующей целью.

Есть, конечно, много деталей, но они касаются сообщений между фронтами. Я еще вчера хотел говорить об этих сообщениях, но, согласно Вашему желанию, г-н маршал, я сегодня говорил лишь о сухопутных силах.

Вопрос о сообщении между Западным и Восточным фронтами имеет исключительно важное значение. Важно добиться такого положения, чтобы генерал Гамелен и маршал Ворошилов могли сообщаться, консультироваться и друг другу помогать. Каждый является ответственным за свой фронт, но оба фронта должны осуществлять между собой связь.

Перехожу теперь к вопросу о воздушных силах.

Авиация по своим задачам разделяется на две части: на войсковую и самостоятельного действия.

В настоящее время мы располагаем одной эскадрильей на две дивизии. Кроме того, имеются резервные самолеты для подкрепления войсковой авиации.

Но я забыл о том, что являюсь председателем и что в составе нашей миссии имеется специалист по авиации — генерал Вален, который командует воздушной дивизией в Реймсе.

Ген. Вален. Я могу лишь присоединиться к тому, что сказал генерал Думенк, а именно что наша авиация разделяется на две части: на войсковую и самостоятельного действия (истребительная и бомбардировочная).

Что касается войсковой авиации, Франция имеет достаточное количество разведывательных самолетов и самолетов для взаимодействия с артиллерией (корректировщиков). Я считаю это очень важным, а поэтому необходимо увеличить численность этой авиации.

Войсковая авиация распределяется следующим образом: одна эскадрилья на две дивизии и две разведывательные эскадрильи на каждую армию.

Всего имеется 70 эскадрилий по 10 самолетов в каждой.

Эти самолеты войсковой авиации не все одного типа, что диктуется возложенными на них функциями.

Что касается авиации истребительной и бомбардировочной, то ее применение недостаточно ясно определено по сравнению с войсковой авиацией. Необходимо прежде всего решить вопросы действия наземных войск. Этот вопрос связан с общим ведением войны. Мы только изучаем этот вопрос на основании имеющихся данных о действиях союзной авиации на Восточном фронте.

Мне кажется также, что этот вопрос об истребительной и бомбардировочной авиации мы должны отложить до тех пор, пока мы не узнаем планов военных действий на Восточном фронте.

Я имел возможность обменяться мнениями по этому вопросу с маршалом Бернетом, который разделяет эту точку зрения, но, к сожалению, я не имел еще возможности говорить на эту тему с генералом Локтионовым. Однако, зная его как большого специалиста в вопросах авиации, я не сомневаюсь, что он разделяет ту же точку зрения.

Командарм А. Д. Локтионов. Мне казалось, что здесь следовало бы сказать о количестве самолетов, [об] организации французской авиации самостоятельного действия, а также об участии английского воздушного флота на фронтах Франции.

Ген. Вален полагает все же, что следовало бы изучить авиацию трех стран и задачи, которые на них будут возложены.

Маршал К. Е. Ворошилов. Наша миссия не возражает.

Ген. Думенк предлагает наметить порядок работы следующего заседания и полагает, что маршал Ворошилов сделает такое же сообщение о диспозиции советских войск на Восточном фронте, какое он сделал в отношении французских войск.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я не возражаю против предложения, выдвинутого генералом Думенком, но хотел бы до этого получить от англо-французской миссии ответ еще на один вопрос — относительно того, как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию или если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, а также если агрессор нападет на Турцию. Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против нас?

Ген. Думенк. Мы сегодня изучили положение на Западном фронте и сообщили, какие силы могут быть выставлены на этом фронте. Я был бы рад иметь от маршала Ворошилова такие же данные относительно Восточного фронта.

Маршал К. Е. Ворошилов. Очевидно, г-ну генералу неправильно перевели мой вопрос. Я довел до сведения высокого совещания, что охотно сделаю интересующие их сообщения, но до этого я хотел бы получить ответ на свой вопрос: как представляют генеральные штабы Англии и Франции участие Вооруженных Сил Советского Союза совместно с вооруженными силами Англии и Франции в борьбе против блока агрессоров или главного агрессора?

Ген. Думенк выражает свое согласие ответить на этот вопрос завтра, с тем чтобы после этого заслушать сообщение маршала Ворошилова.

Маршал К. Е. Ворошилов. Правильно ли понят мой вопрос? Я хочу дать пояснение. Советский Союз, как известно, не имеет общей границы ни с Англией, ни с Францией. Поэтому наше участие в войне возможно только на территории соседних с нами государств, в частности Польши и Румынии [84].

Ген. Думенк заявляет, что завтра он сделает об этом сообщение.

Адм. Дракс вносит предложение вместо двух заседаний устраивать одно заседание с 10 часов до 13 часов с 30-минутным перерывом, чтобы не терять времени на переезд.

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская миссия считает, что нужно было бы работать не менее четырех часов. Против одного заседания в день наша миссия не возражает и предлагает начинать заседания в 10 часов и работать до 14 часов с перерывом на 15 минут.

Это предложение принимается.

Ген. Думенк объявляет заседание закрытым.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ ПРОЕКТ ФРАНКО-АНГЛО-СОВЕТСКОГО ВОЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ *

Преамбула

Настоящая конвенция будет осуществляться как следствие постановлений договоров, которые объединяют три договаривающиеся державы, когда будет иметь место один из случаев, предусмотренных этими договорами.

Ввиду современной военной ситуации в Европе эта конвенция касается неотложных мероприятий, которые будут приняты в случае, если бы война разразилась в ближайшем будущем.

---

* Вручен военной миссии СССР 13 августа 1939 г.

Статья I

Три договаривающиеся стороны согласны в том, что основное значение имеет установление непрерывного, прочного и долговременного фронта на восточных границах Германии, так же как и на ее западных границах.

Статья II

В целях оказания незамедлительного сопротивления развитию военных действий со стороны общего противника три договаривающиеся державы соглашаются действовать всеми своими силами, воздушными, сухопутными и морскими, на всех неприятельских фронтах, где они могут эффективно сражаться до низвержения германской мощи.

Способ использования этих сил зависит от решений соответствующих верховных командований. Эти решения будут согласовываться по мере развития событий, но первоочередные общие цели определены настоящим соглашением.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 555—562.

112. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

14 августа 1939 г.

Начало заседания в 10 час. 05 мин. Окончание заседания в 14 час. 20 мин.

Председательствует Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов.

Маршал К. Е. Ворошилов. Разрешите заседание военных миссий Франции, Англии и Советского Союза объявить открытым.

Генерал Думенк на вчерашнем заседании предъявил проект подлежащих, очевидно, рассмотрению нашего совещания принципов, как он выразился. Очевидно, эти так называемые принципы, по смыслу их, должны лечь в основу будущей конвенции. Ввиду серьезности вопросов советская военная миссия считает необходимым основательно изучить представленные три принципа, после чего даст свой ответ.

Разрешите перейти к обсуждаемому вопросу.

На вчерашнем заседании было решено, что сегодняшнее заседание мы начнем с того, что г-н генерал Думенк даст ответ на поставленный мной вопрос. Нужно ли повторить этот вопрос?

Ген. Думенк просит еще раз напомнить вопрос.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я вчера задал генералу Думенку следующий вопрос: как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию,

если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, если агрессор нападет на Турцию? Одним словом, как себе представляют английская и французская миссии наши совместные действия против агрессора или блока агрессоров в случае их выступления против одной из договаривающихся стран или против тех стран, о которых я только что упомянул?

Ген. Думенк. Я постараюсь ответить на этот вопрос. Мне на него очень легко ответить, так как, мне кажется, мы с маршалом хорошо друг друга понимаем.

Генерал Гамелен думает, а я, как его подчиненный, думаю так же, что наша первая задача — каждому крепко держаться на своем фронте и группировать свои силы на этом фронте. Что касается упомянутых ранее стран, то мы считаем, что их дело — защищать свою территорию. Но мы должны быть готовыми прийти им на помощь, когда они об этом попросят. И в этом случае мы должны обеспечить пути сообщения, которые у них недостаточно развиты. Я приготовил грубую схему, которая может пояснить мои мысли. (Генерал Думенк по своей схеме дает объяснение маршалу К. Е. Ворошилову.)

Эти страны защищают свою территорию, но мы им окажем помощь, когда они потребуют ее.

Маршал К. Е. Ворошилов. А если они не потребуют помощи?

Ген. Думенк. Нам известно, что они нуждаются в этой помощи.

Маршал К. Е. Ворошилов. ...если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они подняли руки кверху, что они сдаются.

Ген. Думенк. Это было бы крайне неприятно.

Маршал К. Е. Ворошилов. Что тогда предпримет французская армия?

Ген. Думенк. Франция тогда будет держать на своем фронте силы, которые она сочтет необходимыми.

Если обстоятельства заставят, генерал Гамелен возьмет ответственность за решение этого вопроса на себя. Фронт непроницаемый, крепкая связь с тылом и помощь путями сообщения * этим странам. Коммуникации между нами мы намерены изучать детально и согласны заняться этим попозже. Я не говорю о Турции, так как это также связано с вопросом о морских коммуникациях, которые мы решили обсуждать позже.

Кроме этого основного участия * я вижу еще два очень важных момента, которые мы совместно должны обсудить. Первое — общие действия против коммуникаций неприятеля — фашистской державы (показывает на карте направление).

Маршал К. Е. Ворошилов. Морских коммуникаций?

Ген. Думенк. Да. Вопросы снабжения и путей сообщения, как я уже сказал, мы детально изучим позже.

* Так в тексте.

Второе — совместные действия нашей бомбардировочной и истребительной авиации. Это тоже вопрос, обсуждение которого мы согласились вчера отложить. Я спрашиваю маршала, являются ли мои объяснения достаточно ясными?

Маршал К. Е. Ворошилов. Не ясны. Я очень извиняюсь за откровенность, но мы, военные люди, должны быть откровенными.

Неясность этой схемы заключается в том, что я и, думаю, мои коллеги не совсем ясно представляем себе положение Вооруженных Сил Советского Союза на этой схеме. В общем абрис весь понятен, но положение Вооруженных Сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе.

Ген. Думенк (развертывает карту СССР и показывает район западной границы). Это фронт, которого немцы не должны перейти ни в коем случае. И это тот фронт, на котором должны базироваться Советские Вооруженные Силы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Это «фронт», который мы всегда занимаем и который, можете быть уверены, г-н генерал, фашисты никогда не перейдут, договоримся мы с Вами или нет.

Ген. Думенк. Я очень рад слышать это заверение г-на маршала.

Если немцы нападут на Польшу, я не думаю, что советские силы могут принять участие в борьбе прежде, чем они закончат свое сосредоточение. Позволяю себе задать маршалу вопрос: в этот момент сможет ли он оказать помощь Польше, в момент, когда нападение случится?

Маршал К. Е. Ворошилов. Случайностей на свете не бывает. Относительно нашего плана, наших сил и возможностей мы потом будем докладывать согласно нашей вчерашней договоренности.

Ген. Думенк. Я доволен, что Вы изложите затем свою точку зрения на этот вопрос. Если бы маршал мог сейчас изложить свой план, было бы легче говорить о том, что можно сделать для оказания помощи Польше. Я сделал маршалу свои предложения, задал вопрос, и я прошу его контрпредложения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Г-н генерал Думенк ответил на часть заданного мною вопроса, но не на весь вопрос в целом. Речь идет о Восточном фронте. Если агрессор или блок агрессоров нападет на Польшу через Восточную Пруссию или непосредственно нападет на западную границу Польши — это один вопрос. На этот вопрос генерал Думенк ответил.

Вторая часть моего вопроса относится к случаю, если нападение агрессора будет произведено непосредственно на Францию или Англию, или на обе эти страны вместе,— как тогда в представлении генеральных штабов Франции и Англии помогут войска Советского Союза их странам?

(Адмирал Дракс ведет длительный разговор с генералом Думенком.)

Ген. Думенк. Я объяснил вчера, что агрессия на западе автоматически втягивает и Польшу. При этих обстоятельствах генерал Гамелен думает, что нужно будет посмотреть, как сложится положение. Генерал Гамелен думает, что советские войска должны быть сконцентрированы в тех местах, как это указано по плану, и что самую близкую связь нужно будет держать между генералом Гамеленом и маршалом Ворошиловым, чтобы не предпринимать сухопутных операций с недостаточным количеством войск. Генерал Гамелен расположит свои силы по плану и попросит произвести немедленную воздушную атаку на Германию и на ее коммуникации, а действия на западе будут подготовлены со значительным количеством сил.

Наверное, можно будет сказать, что, как только Польша и Румыния вступят в войну, им понадобится помощь в снабжении. Мы сделаем все, что можем, и эти сообщения * будут обеспечены. Но ясно, что СССР может сделать многое в этом направлении, потому что Красная Армия лучше расположена.

Маршал К. Е. Ворошилов. Так, как вы себе это представляете, я с этим не согласен. Что значит лучше расположена? (Переводчик поясняет, что речь идет о географическом положении.) Безотносительно к тому, что происходит, наша страна хорошо расположена для защиты своих границ. Для участия в совместной борьбе против врага она не может считать себя так расположенной.

Ген. Думенк. Уточню вопрос таким образом, что речь идет о ваших воздушных силах и о нападении этих сил на Германию. Сейчас мы еще не обсуждаем вопроса о путях сообщения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я хочу получить ясный ответ на мой весьма ясный вопрос относительно совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и Советского Союза против общего противника — против блока агрессоров или против главного агрессора,— если он нападет. Только это я хочу знать и прошу дать мне ответ, как себе представляют эти совместные действия генерал Гамелен и генеральные штабы Англии и Франции.

Г-н генерал, г-н адмирал, меня интересует следующий вопрос, или, вернее, добавление к моему вопросу:

Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?

И далее:

Предполагаете ли, что наши вооруженные силы будут пропущены через польскую территорию для соприкосновения с противником и борьбы с ним на юге Польши — через Галицию? И еще:

---

* Так в тексте.

Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию?

Вот эти три вопроса больше всего нас интересуют.

(Адмирал Дракс ведет продолжительную беседу с генералом Думенком.)

Ген. Думенк. Я согласен с маршалом, что концентрация советских войск должна происходить главным образом в этих областях, указанных маршалом, и распределение этих войск будет сделано по Вашему усмотрению. Я считаю, что слабыми местами польско-румынского фронта являются их фланги и место их стыка. Мы будем говорить о левом фланге, когда перейдем к вопросу о путях сообщения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я прошу ответить на мой прямой вопрос. Я не говорил о концентрации советских сил, а спрашивал насчет того, предполагается ли генеральными штабами Англии и Франции пропуск наших войск к Восточной Пруссии или к другим пунктам для борьбы с общим противником.

Ген. Думенк. Я думаю, что Польша и Румыния будут Вас, г-н маршал, умолять прийти им на помощь.

Маршал К. Е. Ворошилов. А может быть, не будут. Пока этого не видно. У нас с поляками есть пакт о ненападении, а у Франции с Польшей имеется договор о взаимной помощи. Поэтому названный мною вопрос не является для нас праздным, поскольку мы обсуждаем план совместных действий против агрессора. На мой взгляд, у Франции и Англии должно быть точное представление о нашей реальной помощи или о нашем участии в войне. (Происходит продолжительный обмен мнениями между адмиралом Драксом и генералом Хейвудом.)

Адм. Дракс. Если Польша и Румыния не потребуют помощи от СССР, они в скором времени станут простыми немецкими провинциями, и тогда СССР решит, как с ними поступить. Если, с другой стороны, СССР, Франция и Англия будут в союзе, тогда вопрос о том, попросят ли Румыния и Польша помощи, становится совершенно очевидным.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я повторяю, господа, что этот вопрос для Советского Союза является весьма кардинальным вопросом.

Адм. Дракс. Еще раз повторяю свой ответ. Если СССР, Франция и Англия будут союзниками, то в этом случае, по моему личному мнению, не может быть никаких сомнений в том, что Польша и Румыния попросят помощи. Но это мое личное мнение, а для получения точного ответа, не оставляющего сомнений, нужно спросить Польшу.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я очень сожалею, что военные миссии Великобритании и Франции этого вопроса для себя не поставили и не привезли на него точного ответа.

(Адмирал Дракс и генерал Думенк снова обмениваются мнениями.)

Адм. Дракс. Вчера Вы, г-н маршал, попросили [высказать] наше мнение. Мы его Вам сообщили. Мы обсуждаем сейчас вопрос, решение которого зависит от польского правительства под давлением войны*. Я хочу привести Вам такой пример: если человек тонет в реке и на берегу стоит другой человек, который предлагает ему спасательный круг,— откажется ли тонущий человек от предложенной ему помощи? Спасательный круг будет на хорошем месте, если мы будем совместно действовать.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если Вы перешли на «притчи», разрешите и мне последовать Вашему примеру. Я должен сказать следующее: ну, а что, если «спасательный круг» будет на таком расстоянии, что его нельзя будет добросить до утопающего? Естественно, что такой круг утопающему никакой помощи не принесет.

Ген. Думенк. Я продолжу это сравнение и скажу, что этот «спасательный круг» в первую очередь должен быть крепким и солидным. Это вопрос, на котором я настаивал с военной точки зрения с самого начала.

Маршал К. Е. Ворошилов показывает на карте, как может быть реально оказана помощь и как Советский Союз может принять своими вооруженными силами участие в совместной борьбе против агрессора.

Ген. Думенк. Это будет окончательная победа.

Маршал К. Е. Ворошилов. Неизвестно, что будет. В войне всякое бывает. Но это является предварительным условием — пропуск наших войск на польскую территорию через Виленский коридор и Галицию и через румынскую территорию. Это предварительное условие наших переговоров и совместного договора между тремя государствами. Если этого не будет, если этот вопрос не получит положительного разрешения, то я сомневаюсь вообще в целесообразности наших переговоров.

Заявление генерала Думенка и других представителей французской и английской военных миссий о том, что Польша и Румыния сами попросят помощи, я считаю не совсем правильным. Они, Польша и Румыния, могут обратиться за помощью к Советскому Союзу, но могут и не обратиться или могут адресовать свою просьбу с таким опозданием, которое потом повлечет за собой очень большие и тяжелые последствия для армий Франции, Англии и тех союзников, которые у них будут. Мы в это время не в состоянии будем оказывать соответствующего воздействия на события.

Заявление, сделанное адмиралом Драксом о том, что если Польша и Румыния не попросят помощи у Советского Союза, то они очень скоро станут провинциями Германии,— это заявление весьма интересно. Я на этом вопросе остановлюсь в двух словах.

Самого мнения о том, что Польша и Румыния, если они не

---

* Так в тексте.

попросят помощи у СССР, могут стать очень быстро провинциями агрессивной Германии, я не оспариваю. Должен, однако, заметить здесь, [что] наше совещание является совещанием военных миссий трех великих государств и представляющие вооруженные силы этих государств люди должны знать следующее: не в наших интересах, не в интересах вооруженных сил Великобритании, Франции и Советского Союза, чтобы дополнительные вооруженные силы Польши и Румынии были бы уничтожены. А ведь если они, Польша и Румыния, не попросят своевременно помощи Советского Союза, то, по концепции адмирала, вооруженные силы Польши и Румынии будут уничтожены.

Вот почему военная миссия Советского Союза настаивает на том, чтобы предварительно, до того, как мы договоримся окончательно о соответствующих документах, которые явятся результатом нашего совещания, был бы решен вопрос о пропуске советских войск на польскую территорию (на севере и юге) и на румынскую территорию.

Адм. Дракс. Мы выслушали заявление маршала с большим интересом, и я предлагаю теперь сделать 15-минутный перерыв, во время которого мы обсудим заявление г-на маршала.

Маршал К. Е. Ворошилов. Не возражаю против этого, объявляю перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Заседание продолжается.

Ген. Думенк. Я хочу сказать прежде всего, что мы удовлетворены выдвинутыми предложениями маршала относительно организации обороны на Восточном фронте. Мы думаем, что это лучший способ отбить агрессора. Но нужно быть уверенным в том, что со своей стороны мы будем располагать достаточными силами, которые смогут своевременно вступить в действие. Мы будем довольны, когда узнаем, какими средствами маршал думает вмешаться (включиться) в наши совместные действия. Может быть, маршал теперь это сделает?

Маршал К. Е. Ворошилов. Вы нашей миссии в целом не дали никакого ответа на прямо поставленный вопрос. Повторяю мой вопрос: будут ли Советские Вооруженные Силы пропущены на территорию Польши в районе Вильно через так называемый Виленский коридор? Раз.

Будут ли Советские Вооруженные Силы иметь возможность пройти через польскую территорию для соприкосновения с войсками агрессора через Галицию? Два.

Будет ли обеспечена возможность Вооруженным Силам Советского Союза в случае надобности воспользоваться территорией Румынии, если агрессор будет действовать в этом южном направлении? Три.

Еще раз повторяю: для советской миссии ответы на эти прямо поставленные вопросы являются кардинальнейшими[84]. Без точных и недвусмысленных ответов на эти вопросы дальнейшие разговоры наши не будут иметь актуального значения.

После получения ответа на эти три вопроса мы немедленно изложим наш план и наши предположения в том объеме, который мы считаем для себя необходимым и который, мне думается, вполне удовлетворит данное высокое совещание.

(Продолжительный обмен мнениями между генералом Думенком, адмиралом Драксом и генералом Хейвудом.)

Ген. Хейвуд (по поручению глав обеих миссий). Для того чтобы иметь возможность дать точный ответ, мы просим предоставить нам 5 минут.

После десятиминутного обсуждения, во время которого адмирал Дракс и генерал Хейвуд привели в порядок свои записи и прочитали эти записи генералу Думенку, генерал Хейвуд от имени английской и французской военных миссий зачитывает следующее сообщение:

«Мы уже высказали достаточно ясно наше мнение и приняли к сведению суммарный итог всего сказанного г-ном маршалом. Но не надо забывать, что Польша и Румыния — самостоятельные государства и в данном случае разрешение на проход Советских Вооруженных Сил должно быть получено от их правительств. Этот вопрос превращается в политический вопрос, и СССР должен поставить его перед правительствами Польши и Румынии. Совершенно очевидно, что это является наиболее простым и прямым методом.

Однако если маршал особенно настаивает на своем требовании, то мы можем снестись с Лондоном и Парижем для того, чтобы они задали правительствам Польши и Румынии следующий вопрос.

В случае, если Советский Союз будет нашим союзником, могут ли они разрешить советским войскам пройти на территорию Польши в районе Виленского коридора и в Галиции, а также на территорию Румынии для того, чтобы сотрудничать в операциях против Германии в случае агрессии с ее стороны?

Возможно, что Германия завтра вторгнется на территорию Польши. Если мы не хотим терять времени, то можем ли мы продолжать нашу работу в надежде на получение положительного ответа на указанные вопросы? Наше личное мнение, что конференция может продолжаться с пользой.

Мы уже дали маршалу изложение наших планов организации обороны на Западном фронте. Наши миссии, посылая запросы своим правительствам, будут чувствовать себя более уверенными, если они заслушают Ваш план использования Советских Вооруженных Сил в случае получения разрешения на проход советских войск через территорию указанных государств».

Маршал К. Е. Ворошилов. Я прошу у совещания разрешения устроить перерыв для того, чтобы сформулировать предложения советской военной миссии.

Объявляю перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Приношу мои извинения за задержку. Прошу заслушать заявление советской миссии:

«Советская военная миссия в ответ на меморандум английской и французской военных миссий, зачитанный генералом Хейвудом, отвечает:

1. Советская военная миссия не забывала и не забывает, что Польша и Румыния являются самостоятельными государствами. Наоборот, именно исходя из этого бесспорного положения, советская военная миссия и просила английскую и французскую военные миссии ответить на вопрос: будут ли пропущены Советские Вооруженные Силы через территорию Польши (Виленский коридор и Галицию) и Румынии в случае агрессии против Англии и Франции или против Польши и Румынии?

Этот вопрос тем более законен, что Франция с Польшей состоят в политическом и военном союзе, а Англия имеет пакт взаимопомощи и военный договор с Польшей.

2. Советская военная миссия согласна с мнением английской и французской военных миссий, что вышеуказанный вопрос является вопросом политическим, но еще в большей мере он является вопросом военным.

3. Что же касается заявления военных миссий Англии и Франции о том, что наиболее простым является обращение Советского правительства по вышеупомянутому вопросу непосредственно к правительствам Польши и Румынии, то, поскольку СССР не имеет военных договоров с Польшей и Румынией, а также поскольку угрожаемыми со стороны агрессии в Европе являются прежде всего Польша, Румыния, Франция и Англия, постольку вопрос о пропуске Советских Вооруженных Сил через территорию Польши и Румынии, а также и о действиях советских войск на территории этих государств против агрессора должен быть решен английским и французским правительствами совместно с правительствами Польши и Румынии.

4. Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске Советских Вооруженных Сил через территорию Польши и Румынии.

Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех. Поэтому военная миссия Советского Союза не может по совести рекомендовать своему правительству принять участие в предприятии, явно обреченном на провал.

5. Советская военная миссия просит ускорить получение от правительств Англии и Франции ответа на поставленный вопрос.

До получения ответа советская военная миссия считает возможным изложить свои соображения о плане совместных действий против агрессии в Европе».

Я очень извиняюсь, что сегодняшнее заседание было целиком использовано на один вопрос и один ответ. Завтрашнее заседание будет посвящено изложению советских планов о том, как мы себе представляем совместные действия против агрессии в Европе, если мы договоримся о заключении военной конвенции.

Если вопросов и замечаний нет, можно объявить заседание закрытым. (Замечаний нет.)

Объявляю заседание закрытым.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 563—572.

113. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

15 августа 1939 г.

Начало заседания в 10 час. 07 мин. Окончание заседания в 13 час. 20 мин.

Адм. Дракс (председательствующий). Объявляю заседание открытым.

После того как мы на вчерашнем заседании получили заявление советской военной миссии, мы передали его нашим правительствам и в настоящее время ожидаем ответа. Мы счастливы, что советская миссия в ожидании этого ответа сочла возможным продолжить работу нашего совещания. Мы также согласны продолжать работу.

Мы ожидаем теперь изложения советских планов на Восточном фронте, которое, как сказал маршал, будет достаточным для французской и английской миссий.

Я попрошу теперь маршала начать это изложение.

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская военная миссия принимает к сведению заявление г-на председателя адмирала Дракса о том, что английская и французская миссии передали своим правительствам наши вопросы и ожидают ответа на них. Я считаю возможным теперь приступить к изложению наших планов и прошу г-на председателя разрешить предоставить слово начальнику Генерального штаба Красной Армии командарму 1-го ранга члену нашей миссии Б. М. Шапошникову.

Адм. Дракс. Прошу.

Командарм Б. М. Шапошников. На предыдущих заседаниях военных миссий мы заслушали [план] развертывания французской армии на западе. Согласно просьбе военных миссий Англии и Франции, по поручению военной миссии СССР, я излагаю план развертывания вооруженных сил СССР на его западных границах.

Против агрессии в Европе Красная Армия в европейской части СССР развертывает и выставляет на фронт:

120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5000 тяжелых орудий (сюда входят и пушки и гаубицы), 9—10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов (без вспомогательной авиации), т. е. бомбардировщиков и истребителей.

В это число не входят войсковые части укрепленных районов, части противовоздушной обороны, части охраны побережья, запасные части, отрабатывающие пополнения (депо), и части тыла.

Не распространяясь в подробностях об организации Красной Армии, скажу коротко: стрелковая пехотная дивизия состоит из 3 стрелковых полков и 2 артиллерийских полков. Численность дивизии военного времени — 19 000 человек.

Корпус состоит из 3 дивизий, имеет свою артиллерию — 2 полка. (Адмирал Дракс в разговоре с генералом Хейвудом интересуется, записывает ли кто-либо из офицеров сообщение командарма Шапошникова, и получает утвердительный ответ.)

Армии различного состава корпусов — от 5 до 8 корпусов — имеют свою артиллерию, авиацию и танки.

Боевая готовность частей укрепленных районов — от 4 до 6 часов по боевой тревоге.

Укрепленные районы СССР имеет вдоль всей своей западной границы от Ледовитого океана до Черного моря.

Сосредоточение армии производится в срок от 8 до 20 дней. Сеть железных дорог позволяет не только сосредоточить армию в указанные сроки к границе, но и произвести маневры вдоль фронта. Мы имеем вдоль западной границы от 3 до 5 рокад на глубину в 300 *км*.

Мы имеем сейчас достаточное количество мощных больших паровозов и большие грузовые вагоны размером в два раза большие, чем были раньше. Наши поездные составы ходят в два раза большими по весу, чем было раньше. Увеличена скорость движения поездов.

Мы имеем значительный автотранспорт и рокады — шоссе, позволяющие произвести сосредоточение автотранспортом вдоль фронта.

Мы выслушали общие соображения о плане действий от главы французской миссии генерала Думенка и ничего конкретного не слышали о плане действий английской армии от генерала Хейвуда. Также ничего не слышали в конкретном изложении о планах действий на море объединенного англо-французского флота.

Я сейчас изложу одобренные военной миссией СССР три варианта возможных совместных действий вооруженных сил Англии, Франции и СССР в случае агрессии в Европе.

Первый вариант — это когда блок агрессоров нападет на Англию и Францию. В этом случае СССР выставляет 70% тех вооруженных сил, которые Англией и Францией будут непосредственно направлены против главного агрессора — Германии. Я поясню. Например, если бы Франция и Англия выставили против Германии непосредственно 90 пехотных дивизий, то СССР выставил

бы 63 пехотные дивизии, 6 кавалерийских дивизий с соответствующим количеством артиллерии, танков, самолетов общей численностью около 2 млн. человек.

В этом варианте считается обязательным участие в войне Польши, в силу ее договора с Англией и Францией, всеми ее силами. Причем от 40 до 45 пехотных дивизий Польша должна сосредоточить для главного удара на своих западных границах и против Восточной Пруссии.

Правительства Англии и Франции должны добиться от Польши обязательства на пропуск и действия Вооруженных Сил СССР, сухопутных и воздушных, через Виленский коридор и по возможности через Литву — к границам Восточной Пруссии, а также если обстановка потребует, то и через Галицию.

Хотя конкретных планов по действию морских флотов Англии и Франции высказано не было, считаю необходимым привести соображения Генерального штаба Красной Армии, одобренные военной миссией СССР.

Действия объединенного англо-французского флота должны иметь целью:

1. Закрытие Ла-Манша и прорыв сильной эскадры в Балтийское море для действий против флота главного агрессора в Балтике и против его берегов.

2. Англия и Франция должны добиться от Балтийских стран согласия на временное занятие англо-французским флотом Аландских островов, Моонзундского архипелага с его островами (Эзель, Даго, Вормс) *, портов Ганге, Пернов, Гапсаль, Гайнаш и Либава ** в целях охраны нейтралитета и независимости этих стран от нападения со стороны Германии.

3. Перерыв подвоза в Германию из Швеции руды и другого сырья.

4. Блокаду берегов главного агрессора в Северном море.

5. Господство в Средиземном море и закрытие Суэцкого канала и Дарданелл.

6. Крейсерские операции у берегов Норвегии и Финляндии, вне их территориальных вод, у Мурманска и Архангельска против подводных лодок и крейсеров флота агрессора.

Северный флот СССР ведет крейсерские операции у берегов Финляндии и Норвегии, вне их территориальных вод, совместно с англо-французской эскадрой.

Что же касается нашего Балтийского флота, то он, в случае благоприятного разрешения вопроса о временном занятии вышеуказанных островов и портов, будет базироваться совместно с объединенным флотом Англии и Франции на Ганге, Аландском и Моонзундском архипелагах, Гапсаль, Пернов, Гайнаш и Либаве, в целях охраны независимых Балтийских стран.

---

* Ныне Сааремаа, Хийумаа, Вормси.

** Ныне Ханко, Пярну, Хаапсалу, Айнажи, Лиепая.

При этих условиях Балтийский флот СССР может развить свои крейсерские операции, действия подводных лодок и осуществить установку мин у берегов Восточной Пруссии и Померании. Подводные лодки Балтийского флота СССР помешают подвозу промышленного сырья из Швеции для главного агрессора.

(По мере изложения командармом Б. М. Шапошниковым плана действий адмирал Дракс и генерал Хейвуд наносят на имеющиеся у них кроки обстановку.)

Второй вариант возникновения военных действий — это когда агрессия будет направлена на Польшу и Румынию. В этом случае Польша и Румыния выставляют на фронт все свои вооруженные силы.

Польша должна защищать Румынию. Польша и Румыния могут быть атакованы не одной только Германией, но и Венгрией. Германия может бросить до 90 дивизий против Польши.

Франция и Англия должны выступить и объявить немедленно войну агрессору.

Участие СССР в войне может быть [осуществлено] только тогда, когда Франция и Англия договорятся с Польшей и, по возможности, с Литвой, а также с Румынией о пропуске наших войск и их действиях — через Виленский коридор, через Галицию и Румынию.

В этом случае СССР выставляет 100% тех вооруженных сил, которые выставят Англия и Франция против Германии непосредственно. Например, если Франция и Англия выставят против Германии 90 пехотных дивизий, то и СССР выставляет 90 пехотных дивизий, 12 кавалерийских дивизий с соответствующей артиллерией, авиацией и танками.

Задачи морских флотов Англии и Франции остаются те же, что указаны в первом варианте. Задачи Северного и Балтийского флотов СССР также остаются те же, что и в первом варианте.

На юге Черноморский флот СССР, заградив устье Дуная от проникновения по нему подводных лодок агрессора и других возможных морских сил, закрывает Босфор от проникновения в Черное море надводных эскадр противника и их подводных лодок.

Третий вариант предусматривает случай, когда главный агрессор, используя территорию Финляндии, Эстонии и Латвии, направит свою агрессию против СССР. В этом случае Франция и Англия должны немедленно вступить в войну с агрессором или блоком агрессоров.

Польша, связанная договорами с Англией и Францией, должна обязательно выступить против Германии и пропустить наши войска, по договоренности правительств Англии и Франции с правительством Польши, через Виленский коридор и Галицию.

Выше было указано, что СССР развертывает 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, от 9 до 10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. самолетов. Франция и Англия должны в этом случае выставить 70% от указанных только что сил

СССР и начать немедленно активные действия против главного агрессора.

Действия англо-французского военно-морского флота должны проходить, как указано в первом варианте.

Польша должна выставить против Германии не менее 45 пехотных дивизий с соответствующей артиллерией, авиацией и танками.

Если бы в войну была втянута Румыния, то она обязана участвовать в ней всеми своими силами, и правительства Англии и Франции должны добиться согласия от правительства Румынии на пропуск наших сил через территорию Румынии.

Таковы общие соображения по совместным действиям вооруженных сил Англии, Франции и СССР, одобренные военной миссией СССР.

(Общие оживленные переговоры всех членов английской и французской военных миссий.)

Адм. Дракс. Мы благодарим маршала и начальника Генерального штаба за ясное и точное изложение плана, которое он только что сделал.

У нас будет целый ряд вопросов, которые мы желали бы задать. Мы хотели бы поэтому получить некоторое время для того, чтобы обсудить их и чтобы число этих вопросов не получилось слишком большим. Поэтому мы считаем целесообразным представить эти вопросы на завтрашнем заседании. Есть еще ряд вопросов, которые мы хотели бы поставить сегодня после перерыва.

Маршал К. Е. Ворошилов. С нашей стороны возражений нет.

Адм. Дракс. Объявляю перерыв.

(После перерыва.)

Адм. Дракс. Мы решили, что будет лучше всего, если мы зададим наши вопросы завтра.

Я хочу кратко изложить план военно-морских операций англо-французского флота.

Одной из основных задач, которые стоят перед морским флотом, является поддержание путей сообщения между метрополией и союзниками, а с другой стороны — парализование путей сообщения противника.

Мы прослушали с большим интересом предполагаемый план действий советских морских сил в Балтийском море. Этими вопросами я бы хотел заняться несколько позднее, а перед тем осветить несколько вопросов, которые лучше уяснят положение.

С точки зрения мировых морских сообщений Балтийское море имеет местное значение, но мы себе представляем, что для СССР оно имеет крупнейшее значение.

Если мы хотим быстро выиграть войну, то мы должны сразу же отрезать все пути сообщения неприятеля. Я сейчас и начну с изложения соображений относительно внешних путей сообщения (океаны и внешние моря).

Это — задача, которая требует большого количества сил. Одна из важнейших задач с точки зрения трудностей и необходимости наличия превосходных сил — это найти и разбить флот противника, для того чтобы он не мешал нашим коммуникациям.

Необходимое сырье для ведения войны мы получаем, главным образом, из Австралии и Южной Америки, но также и из других частей света.

Германия провела приготовления, которые позволяют ее крейсерам и подводным лодкам действовать на расстоянии до 10 тыс. миль от своих баз. Германия располагает для своего флота не только наземными, но и плавучими базами.

Я бы хотел напомнить, что Атлантический океан имеет 3 млн. квадратных миль, а Тихий океан — в два раза больше.

Я думаю, что опыт прошлой войны показал и нам, и Советскому Союзу необходимость поддержания коммуникаций в открытых морях с целью обеспечения наших стран необходимым сырьем для военных нужд.

Коммуникации Советского Союза идут или через Мурманск (Северный Ледовитый океан), или через Черное море (Дарданеллы). Защиты исключительно этих входов недостаточно для того, чтобы сохранить все нужные пути сообщения. Защита этих мест является местным делом, но она недостаточна для обеспечения общих коммуникаций. Поэтому Вы поймете и учтете, что если даже мы будем оперировать у советских берегов и закроем Ла-Манш, то нам придется еще вести своим флотом морские операции на миллионах квадратных миль.

Нам необходимо содержать в Северном море флот больше всего германского флота, который может быть здесь сконцентрирован в очень короткий срок.

Мы должны содержать в Средиземном море флот, который превосходил бы итальянский и дал бы нам возможность его уничтожить. В настоящее время Италия имеет в Средиземном море больше 100 подводных лодок. До тех пор, пока эти подводные лодки не будут уничтожены, советские морские коммуникации на Черном море будут находиться под сильной угрозой.

Все транспорты, идущие в Черное море, проходят через Эгейское море и через Дарданеллы, которые удобны для действия подводных лодок и мин, разбросанных на путях сообщения, потому что море здесь очень узкое и имеет много островов.

Нам можно будет позднее обсудить вопросы о сотрудничестве наших сил в Эгейском море для устранения этой опасности. Мы придаем большое значение совместным действиям против Додеканезских островов, которые могут быть базой для итальянских подводных лодок.

На севере придется принять меры для защиты советских транспортов на большом протяжении. Нужно, по-видимому, будет в северном районе разграничить сферы действия наших морских сил, оставив английской базой Оркнейские острова и базой советского

флота — Мурманск. Вы можете себе представить объем работы, которую нужно будет провести для осуществления этой цели.

Мы имеем в настоящее время флот исключительной силы. Мы увеличиваем этот флот темпами, которые не имели еще места в истории: мы в последний период ежегодно увеличиваем наш флот на 100 единиц.

Эффективность флота зависит в основном от обученности личного состава. За последние три года все наши учебные заведения и центры, обеспечивающие личным составом английский флот, были заполнены до предела.

Все наши эскадры сейчас находятся в боевой готовности и могут в течение 4 часов выйти в море. В настоящее время эскадры не находятся в своих обычных портах мирного времени, а находятся в таком положении, в каком они должны быть во время войны.

Кроме того, мы недавно мобилизовали наш запасной флот, состоящий из 130 единиц. Эти корабли еще не укомплектованы на 100% личным составом, так как мы не призвали всех резервистов-моряков. В настоящее время эти суда резерва укомплектованы личным составом от 75 до 90% (вполне точных данных у меня нет), потому что призваны не все резервисты. Но они могут быть мобилизованы меньше чем в два дня. Корабли и все снабжение и вооружение для них готовы. Речь идет только о недостатке личного состава.

Что касается нашего коммерческого флота, который выполняет основную задачу снабжения нас и наших союзников, то в настоящее время коммерческих судов имеется в производстве (постройке) на 1 млн. тонн больше, чем когда бы то ни было после войны. К этому надо добавить, что мы имеем то преимущество, что современный военный и коммерческий флот Франции будет находиться в распоряжении союзного командования.

Вийом (капитан 3-го ранга французского флота). Французский флот находится примерно в таком же состоянии, как и английский, и расположен в местах не мирного времени, а в местах сосредоточения военного времени, и выступление этого флота может быть произведено по решению франко-английского командования согласно распределению их вод *. Их соединенные и раздельные действия будут решены в зависимости от того, где будет находиться флот противника.

Французский флот является вполне современным флотом и обладает достаточной быстроходностью. Его крейсеры, контрминоносцы, эскадренные миноносцы и подводный флот натренированы для дальнейших действий. Эта тренировка производилась флотом в течение последних лет.

Адм. Дракс. План взаимодействия флотов Англии и Франции был выработан для основной цели. Это соответствует основному

---

* Так в тексте.

принципу морской стратегии. Это значит, что нам нужно будет сосредоточить свои силы для того, чтобы в самом начале разбить неприятельский флот.

В качестве примера я буду говорить о действиях против неприятельских подводных лодок. Здесь можно вспомнить, что мы находились во время войны в тяжелом положении, когда немецкие подводные лодки почти прервали наши морские коммуникации. Это произошло не потому, что английский морской флот был не в состоянии бороться против этой опасности. Это произошло потому, что мы не предвидели возможности, что Германия нарушит все международные законы, так как подводные лодки топили в открытом море нейтральные и союзные суда без предупреждения и умерщвляли их экипажи.

Как только это случилось, мы тотчас же предприняли необходимые меры. В конце войны Германия строила подводные лодки во всех своих доках с максимальной скоростью, на какую они* были только способны. Но все-таки мы топили подводных лодок больше, чем Германия их строила.

В течение последних 20 лет мы не сидели сложа руки. Мы считаем, что в настоящее время в состоянии бороться против этой угрозы гораздо более эффективно, чем в 1918 году.

Мне кажется, что я дал достаточно ясную наметку плана наших морских действий.

В случае, если Советский Союз становится нашим союзником, нужно будет обсудить довольно большое количество вопросов относительно взаимодействия флотов.

Вот все, что я хотел сказать.

Я предлагаю перейти сейчас к обсуждению программы работ на завтрашний день. Я предлагаю начать с наших вопросов в связи с изложением плана, сделанным сегодня командармом Шапошниковым.

Я полагаю также, что нам нужно будет получить ответ советской миссии на те три принципа, которые были переданы советской миссии генералом Думенком. Я предлагаю обсудить этот вопрос, потому что мы здесь с большой легкостью можем добиться соглашения с Советским Союзом. Было бы очень важно определить несколько пунктов, по которым мы могли бы прийти к соглашению.

После обсуждения этих двух вопросов маршал авиации Бернет и генерал Вален будут готовы изложить план действия своих воздушных сил. Если не будет возражений, мы на этом наше заседание закроем.

Маршал К. Е. Ворошилов. Прежде чем закончить заседание, я прошу дать мне слово на две минуты.

Советская военная миссия выражает признательность г-ну председателю и главе английской военной миссии адмиралу

* Так в тексте.

Драксу за обстоятельное изложение наметок действий англо-французского флота.

Что касается порядка дня на завтра, то мне казалось бы наиболее целесообразным заслушать сообщения представителей англо-французской авиации, чтобы иметь полную картину взаимодействия всех вооруженных сил будущих союзников.

Относительно ответа на три принципа, которые были нам переданы главою французской миссии генералом Думенком,— на завтрашнем заседании это можно будет сделать, если будет принято мое предложение, после заслушивания сообщения маршала авиации Англии и генерала авиации Франции.

Относительно окончания заседания у нас возражений нет.

Адм. Дракс. Мы пришли к соглашению относительно программы завтрашних занятий. Благодарю за то внимание, с каким проходило сегодняшнее совещание.

Объявляю заседание закрытым.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 573—582.

114. Запись беседы посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с послом Италии в Германии Б. Аттолико

15 августа 1939 г.

Во время моего пребывания в Берлине я посетил 15 августа, без предварительного уведомления, итальянского посла Аттолико, с которым я нахожусь в близких дружественных отношениях со времени нашего совместного пребывания в Москве. Так как у него был посетитель, то он попросил меня обождать несколько минут, после чего он будет располагать неограниченным временем для беседы со мной. Во время ожидания я услышал, что он был вызван для срочного телефонного разговора. Сейчас же после первых приветствий г-н Аттолико сказал мне, что он только что получил по телефону указание из Рима немедленно явиться туда для доклада. Г-н Аттолико, имевший весьма взволнованный и возбужденный вид, сказал мне без всяких предисловий, что должен говорить со мной как человек с человеком, как друг с другом, ибо бывают моменты, когда так надо поступать. При переговорах с Чиано, по его словам, были приняты решения, которые легко могут иметь своим следствием войну, и именно войну с Польшей. При этом исходили из неправильной предпосылки, что Англия не вмешается. В немногих словах я выразил сомнение в правильности этих сведений, так как участие Англии, в случае возникновения такого конфликта, без сомнения, было бы учтено. Г-н Аттолико остался, однако, при своем мнении и сказал, что я обязан переубедить руководящие инстанции. На это я ответил, что я как раз и собираюсь представить свои доклады.

Вся наша беседа длилась не больше 5 минут; г-н Аттолико столь же сильно волновался, сколь и спешил, и говорил почти исключительно он один. Я ограничился лишь тем, что вставил несколько коротких замечаний, чтобы не оставить без возражений утверждение, что война с Польшей якобы неизбежна и что Германия не учла при этом роль Англии.

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 151—152.

115. Письмо сотрудника специального бюро министра иностранных дел Германии Хетцлера легационному советнику В. Хевелю

16 августа 1939 г.

В приложении направляю Вам письмо внешнеполитического деятеля лейбористской партии г-на Чарльза Родена Бакстона, находящегося в данный момент в Берлине. Это письмо содержит предложения, которые он сделал в беседе со мной, а затем, по моей просьбе, изложил письменно.

Бакстон подчеркивал, что в данном случае речь идет о личных предложениях. Со своей стороны я сказал ему, что эти предложения, как таковые, я принимаю к сведению тоже лично и что я также не знаю, интересуются ли такого рода предложениями в компетентных германских органах в данный момент, тем более что сейчас как раз наступил отпускной период.

Сопровождавший г-на Бакстона Т. К. П. Кэтчпул, о котором я сообщал в своем последнем письме, в конце беседы дал понять, что Бакстон знает Чемберлена и Галифакса и прежде всего поддерживает весьма тесную связь с Батлером. Поэтому возможно, что Бакстон сделал эти предложения, имея на это в известной мере согласие со стороны своего правительства [69].

Д-р Хетцлер

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо специалиста по вопросам внешней политики Ч. Р. Бакстона Хетцлеру

14 августа 1939 г.

В нашей сегодняшней беседе я предложил Вам план возможного урегулирования между Германией и Англией, и Вы попросили меня изложить его письменно. Я говорил только как частное лицо, и я должен совершенно определенно разъяснить, что я не уполномочен делать это кем-либо другим. Однако, как я надеюсь, я — настоящий европеец, изучал европейские вопросы в течение

многих лет и искренне стремлюсь к миру. То, о чем я Вам говорил, сводится к следующему: я полагаю, что урегулирование возможно, если это будет в то же самое время полное урегулирование всех спорных вопросов; если оно предстанет перед общественностью как единое целое; если оно будет основано на равноправии и взаимности; и если с обеих сторон будут предприняты определенные и конкретные шаги, которые устранят существующее недоверие и создадут чувство уверенности в том, что в настоящее время в европейских делах наступает совершенно новый этап.

Я изложил бы свои идеи в следующей форме:

Если бы Англия согласилась:

a) признать Восточную Европу естественным жизненным пространством Германии;

b) урегулировать колониальный вопрос, признав права Германии на ее бывшие колонии, и немедленно начать создание новой системы в Центральной Африке на основе решений Берлинской конференции (1885 г.) с новым разделом территорий;

c) отказаться от всех методов экономической конкуренции в Восточной Европе, за исключением обычной торговли и коммерции;

d) отказаться от всех так называемых союзов «окружения» в Восточной Европе;

e) содействовать непосредственным переговорам между Польшей и Германией о Данциге и «коридоре»;

f) заключить новое соглашение о военно-морском флоте;

g) заключить договор о всеобщем разоружении на широкой основе и на базе взаимности с учреждением взаимной инспекции.

В таком случае Германия согласилась бы:

a) признать Британскую империю естественным жизненным пространством Англии;

b) войти в систему европейского сотрудничества (например, конференция Германии, Англии, Франции, Италии, Польши, Испании) для нового урегулирования в Европе при общих гарантиях новых соглашений и для обеспечения независимости всех государств;

c) отказаться от соглашений «окружения» с Испанией, если таковые существуют;

d) подписать декларацию об автономии протектората;

e) заключить новое соглашение о военно-морском флоте;

f) заключить договор о всеобщем разоружении на широкой основе и на базе взаимности с учреждением взаимной инспекции.

Чарльз Роден Бакстон

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 584—585.

116. Запись беседы руководителя внешнеполитической службы национал-социалистской партии Германии А. Розенберга с сотрудником министерства авиации Великобритании У. Роппом

16 августа 1939 г.

16 августа в 4 часа дня меня посетил барон де Ропп, совершивший поездку в Южную Францию, на Корсику и побывавший в Лондоне. Он сообщил мне, что недавно беседовал с известными нам офицерами из генерального штаба британских военно-воздушных сил и министерства авиации. Там придерживаются того же мнения, что и раньше. Считают бессмыслицей, чтобы Англия и Германия оказались из-за Польши ввергнуты в борьбу не на жизнь, а на смерть [69]; при нынешнем положении вещей результатом этого было бы лишь взаимное уничтожение авиации обеих сторон, а в конце такой войны — гибель всей европейской цивилизации, причем плоды этого пожала бы Россия, так и не применив оружия. Поляки оказывают нажим прежде всего на Форин оффис, чтобы в случае войны с Германией Англия выступила против Германии всеми имеющимися в ее распоряжении силами. Однако как раз перед лицом того факта, что вся тяжесть войны вначале ляжет на авиацию, влияние министерства авиации и генерального штаба военно-воздушных сил возрастает.

Барон де Ропп сказал мне, что он и его друзья, детально и на протяжении нескольких лет изучавшие Германию и национал-социалистское движение, не верят, чтобы Германия, даже одержав победу на Востоке, помышляла разгромить Англию или Францию. Напротив, он знает, что фюрер и наше движение всегда уважали Британскую империю как целое. Он и его друзья не могут также представить себе, чтобы мы хотели захватить какие-нибудь британские доминионы, что я подтвердил как позицию, которой национал-социалистское движение придерживалось до сих пор.

Барон де Ропп добавил, что в случае войны он будет назначен политическим советником министерства авиации по вопросам Германии, т. е. на должность офицера информационной службы, в обязанность которого входит анализ политического положения Германии и информации о ее намерениях. Он сообщил мне об этом в доверительном порядке, основываясь на нашем давнишнем знакомстве, поскольку он твердо убежден в том, что необходимо предпринять все, чтобы помешать войне. Однако в нынешней ситуации, по его убеждению, в случае военного конфликта между Германией и Польшей выступление Франции и Англии последует автоматически. Но даже и в этом случае в интересах урегулирования такого конфликта необходимо стремиться к тому, чтобы не дать превратиться ему во взаимное уничтожение. Здесь возможен вариант, когда Германия быстро покончит с Польшей, и хотя к этому времени война будет объявлена, она в этот период обеими сторонами будет вестись как оборонительная, т. е. артиллерия и другие обо-

ронительные средства возьмут на себя защиту границ, что же касается воздушных бомбардировок незащищенных городов, которые вызвали бы неистребимое чувство ненависти, то они совершаться не будут. На случай быстрого завершения германо-польского конфликта при этих условиях еще имелась бы возможность быстро ликвидировать войну, поскольку из-за государства, которое практически уже перестало бы существовать в своем первоначальном виде, ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование.

Что касается Франции, продолжал он, то в отличие от прошлого года настроения там чрезвычайно воинственны. Особенно резко возросло чувство ненависти по отношению к итальянцам, Корсику заполонили войска, а сами корсиканцы несомненно на стороне французов. Возникает вопрос: если в случае общего конфликта начнутся бои между французскими и итальянскими военно-воздушными силами, должно ли это автоматически привести к общей схватке между английской и германской авиацией?

Я принял эти сообщения к сведению и сказал, что только что возвратился из отпуска и не располагаю полной информацией о положении дел на данный момент. Де Ропп задал мне вопрос: «Считаете ли Вы, что в результате давления с английской стороны поляки стали бы благоразумней? Что можно было бы здесь предпринять?» При этом он попросил предоставить ему подробные материалы о жестоком обращении с немцами в Польше, по возможности документального характера. Я дал указание подготовить эти материалы к завтрашнему утру.

Я сказал ему, что поляки бесцеремонно отвергли первое благожелательное предложение фюрера *: возвратить Данциг и восстановить немецкие коммуникации между Восточной Пруссией и рейхом. Это произошло, вероятно, потому, что поляки во время своих прежних поездок в Лондон заручились где-то обещанием в прочной поддержке. Вероятно, можно предположить, что поляки идут ва-банк и намеренно провоцируют нас, в последние недели в неслыханных размерах усиливая преследования немцев, поскольку они не совсем уверены в поддержке со стороны Англии в случае самостоятельных военных мер, предпринятых по собственной инициативе. Они, по всей вероятности, хотят своими постоянными вызывающими выступлениями в печати и фактическими провокационными атаками вынудить Германию к какому-либо шагу и тем самым автоматически добиться полной поддержки со стороны Англии и Франции. Я считаю, продолжал он, что англичане могли бы заявить, что гарантии ** даны на случай иных условий, а не на случай тех, которые существуют сейчас. Ибо, если взять нынешнее положение, то поляки сознательно провоцируют германский рейх; тем самым, собственно, стараются заставить Англию вести игру за

* См. док. № 1.
** См. док. № 33.

Польшу. При оценке позиции поляков нужно также учитывать характер славянина, который в некоторых случаях теряет всякую сдержанность и способность трезво рассуждать и тогда в известном смысле в отчаянии обрекает свое дело на провал.

Де Ропп подчеркнул в конце беседы, что сам он совершенно точно знает, что Германия, укрепившись на Востоке, за что особенно настойчиво выступают как раз его друзья, так как в этом они не только не видят никакого вреда для будущего Англии, но даже усматривают положительный момент, вовсе не думает выступить затем против Британской империи. Однако эта идея, питаемая из определенных центров, прочно укрепилась в сознании французов и англичан, и искоренить эту мысль нелегко. Что касается его самого и его друзей, то они хорошо представляют себе положение вещей и сделают все, чтобы предотвратить роковое развитие событий.

Он сказал, что пробудет в Германии еще 8—10 дней.

Считаю своим долгом довести до сведения фюрера эту информацию, полученную из кругов британского министерства авиации, и сообщить о настроениях в самых влиятельных сферах генерального штаба британских военно-воздушных сил, тем более что подобные взгляды совпадают с тем, что публично высказывалось до настоящего времени этими кругами в их журналах.

А. Розенберг

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 586—588.

117. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ послу Франции в Польше Л. Ноэлю

16 августа 1939 г.

Генерал Думенк сообщает, что советская военная делегация с самого начала переговоров поставила, в качестве условия реализации военного пакта, уверенность Советской Армии в том, что в случае агрессии против Польши и Румынии она может пройти через Виленский коридор, Галицию и румынскую территорию. Генерал Думенк добавил, что это условие поставлено, наверное, лишь в связи с исключительно действенной помощью, которую русские намерены предоставить нам; он указывает также на большое значение, которое имеет с точки зрения рассеяния опасений польской стороны тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны ввода своих войск, исходя исключительно из стратегической точки зрения.

Генерал Мюссе выехал 15 [августа] вечером в Варшаву с необходимыми инструкциями, чтобы незамедлительно войти в контакт по этому поводу с польским генеральным штабом [85].

Вчера вечером я сам вызвал г-на Лукасевича и имел с ним беседу, содержание которой я Вам передаю в отдельной телеграмме. Необходимо, чтобы Вы лично решительно поставили перед г-ном

Беком вопрос о необходимости для польского правительства принять русскую помощь. Вам следует настойчиво подчеркнуть, что возможное русско-польское сотрудничество на восточном театре боевых действий является необходимым условием эффективности нашего общего сопротивления агрессивным планам держав оси, что, поскольку польское правительство много раз признавало ее необходимость, было бы опасно ждать начала военных действий, чтобы представить себе одну из основных форм этого сотрудничества; Вы добавите, что мы не можем предполагать, что, отказываясь обсуждать стратегические условия ввода русских войск, Польша приняла бы на себя ответственность за возможный провал военных переговоров в Москве и за все вытекающие из этого последствия. Вы можете также сделать упор на соображения, содержащиеся в телеграмме, которую вчера передал из Москвы г-н Наджиар *. Мне нет нужды доказывать Вам значение этого вопроса, от которого зависит в настоящий момент вся наша система безопасности в Восточной Европе [86].

Печат. по изд.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII, с. 145—146.

118. Записка министерства иностранных дел Франции премьер-министру Франции Э. Даладье

16 августа 1939 г.

Имею честь препроводить вам при сем записку, воспроизводящую замечания, переданные мне нашим послом в Москве 15 августа, по вопросу о ходе военных переговоров, ведущихся в настоящее время между Францией, Великобританией и СССР.

Я был бы вам обязан, если бы вы соблаговолили рассматривать эти замечания как носящие строго конфиденциальный характер.

За министра иностранных дел,
вице-директор по делам Европы,
посланник *А. Оппено*

ЗАПИСКА О ФРАНКО-АНГЛО-РУССКИХ ВОЕННЫХ ПЕРЕГОВОРАХ

По сообщению нашего посла в Москве, то, что предлагает русское правительство для осуществления обязательств политического договора, по мнению генерала Думенка, соответствует интересам нашей безопасности и безопасности самой Польши.

Отнюдь не стараясь использовать переговоры для того, чтобы получить нашу солидную поддержку на Западе в обмен на ограниченную поддержку с его стороны на Востоке, СССР предлагает нам, по мнению г-на Наджиара, вполне определенную помощь на

* См. док. № 118.

Востоке[87], не предъявляя дополнительных требований на Западе, но при условии, что Польша своей отрицательной позицией не сделает невозможным создание на Востоке фронта сопротивления с участием русских сил. В случае неудачи в этом вопросе русские не претендуют на то, чтобы мы оказывали им поддержку на Западе в тот период, пока Польша, вследствие ее отказа, будет держать их вдали от операций на Востоке. Действительно, заявляют они, в этом случае военные переговоры, а следовательно, и политический договор, одной из основных целей которого является оказание Советским Союзом помощи Польше, были бы беспредметными.

Едва ли, пишет по этому поводу наш посол в Москве, можно что-либо противопоставить этому утверждению, которое подводит нас к самой сущности вопроса. Даже если бы русские удовлетворились тем, что на Востоке предусматривалась бы только ограниченная помощь и простые меры, вытекающие из позиции выжидания, на чем должны настаивать перед ними, согласно полученным инструкциям, французская и английская миссии, то все же, по мнению г-на Наджиара, польский вопрос не мог бы быть обойден, не говоря уже о румынском вопросе. Наконец, возникли бы сложные проблемы транзита, снабжения и коммуникаций, и они оказались бы не разрешенными без участия или молчаливого согласия варшавского правительства.

Ссылаться же на сложность положения для того, чтобы замаскировать настоятельную необходимость добиться в Москве результатов без того, чтобы Польша, которой мы предоставили гарантию *, согласилась позволить нам уточнить условия русской поддержки, без которой наша гарантия могла бы оказаться слишком тяжелой или неэффективной, означало бы, по мнению г-на Наджиара, пытаться строить на песке.

Предоставляя Польше гарантию, мы должны были поставить условием этой гарантии советскую поддержку, которую мы считаем необходимой. Обстоятельства, которые весной оправдывали принятие этого решения, в настоящее время, несомненно, представляются более благоприятными. Во всяком случае, по мнению нашего посла в Москве, необходимо, чтобы поляки поняли сейчас, пока еще не слишком поздно, необходимость занятия менее отрицательной позиции.

В связи с этим Наджиар считает, что генералу Думенку должно быть оказано полное доверие и что, не устанавливая никаких ограничений, кроме тех, которые ему подскажет его опыт, мы должны были бы уполномочить его на обсуждение всех проблем, которые выдвигает эффективное участие русских сил в борьбе против агрессии на Востоке.

Будущая военная конвенция должна, разумеется, быть представлена на одобрение заинтересованных правительств. Поэтому ее нельзя заключить в полном объеме без согласия поляков, поскольку французское правительство могло бы дать свое окончательное согласие только после того, как оно снеслось бы по этому вопросу с Варшавой. В связи с этим Наджиар напоминает, что генерал Хунтцигер один заключил конвенцию с Турцией и что британское правительство затем одобрило ее.

Главное на данном этапе, говорит в заключение наш посол в Москве, состоит в том, чтобы продвинуть вперед военные переговоры с СССР и не идти на разрыв, причиной которого явился бы наш отказ от обсуждения по существу тех определенных проблем, которые возникают в связи с вопросом о русской поддержке на Востоке.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 589—590.

* См. док. № 39.

119. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

16 августа 1939 г.

Начало заседания в 10 час. 25 мин. Окончание заседания в 13 час. 55 мин.

Ген. Думенк (председательствующий). Объявляю заседание открытым. Слово предоставляется адмиралу Драксу для заявления.

Адм. Дракс. Я очень сожалею, что миссия сегодня опоздала на заседание. Это произошло вследствие того, что когда мы приехали в посольство, то должны были заняться уточнением формулировок некоторых вопросов, которые нас интересовали. Вместе с тем мне хотелось бы после перерыва поставить несколько вопросов морского порядка, но один вопрос я хотел бы задать сейчас, так как все остальные вопросы будут от него зависеть. Возможно, что ответ на этот вопрос советская миссия сможет дать либо сейчас, либо после перерыва.

Ген. Думенк. Слово предоставляется генералу Хейвуду.

Ген. Хейвуд. Мы хотели бы узнать, какие силы франко-британского морского флота, по Вашим предположениям, должны участвовать в операциях в Балтике и типаж этих судов.

Ген. Думенк. Программа нашего сегодняшнего заседания — это замечания советской делегации относительно тех принципов, которые были советской миссии переданы. Я хотел бы спросить маршала Ворошилова, может ли он сейчас дать свои замечания.

Маршал К. Е. Ворошилов. На первый вопрос, оглашенный генералом Хейвудом, я прошу разрешения дать ответ несколько позже. Что же касается второго вопроса, поставленного г-ном председателем, то, мне кажется, мы вчера условились сначала заслушать сообщения об авиации Англии и Франции, а затем перейти к вопросу о принципах, сообщенных французской миссией.

Ген. Думенк. Возможно, что произошло недоразумение, мы не расслышали друг друга, но я не вижу никаких неудобств в том, чтобы начать сейчас сообщение о воздушных силах.

Слово предоставляется маршалу воздушного флота Англии Бернету для сообщения о британских воздушных силах.

Маршал Бернет. Общая политика применения британских авиационных сил, кроме тех, которые находятся в Сингапуре, Адене, в Средиземном море, Суэцком канале, Индии и доминионах, заключается во взаимодействии с французской авиацией на Западном фронте.

Каковы те военные объекты, которые в настоящий момент имеют жизненное значение? Часть истребительной авиации останется в самой Англии для уничтожения тех сил противника, которые могут напасть на Англию. Нашей истребительной авиации в этом случае будет помогать вся организация противовоздушной обороны: прожекторные части, аэростаты заграждения, а также части звукоуловителей.

Условлено, что часть нашей авиации будет действовать с французской территории, где для этой цели заранее подготовлены аэродромы. Вы поймете, что это даст большое преимущество в стратегическом отношении для увеличения радиуса действия нашей авиации.

Наши авиационные базы в Англии защищены лучшими средствами в мире, которые непрерывно развивались с 1917 года, так что в настоящее время эффективность действия всех средств противовоздушной обороны этих баз находится на очень высоком уровне.

Мы в состоянии проводить действия нашей бомбардировочной авиации в глубоком тылу Германии. Бомбардировочная авиация с английских баз может в течение продолжительного времени и непрерывно поддерживать бомбардировку тылов Германии. Причиной этого будет то, что мы будем иметь за собой все ресурсы английской промышленности. Кроме того, мы имеем дополнительное преимущество, заключающееся в том, что мы обладаем большим количеством хорошо натренированных и обученных авиационных механиков. Это сильно облегчает разрешение проблемы снабжения и эксплуатации. Вопросы снабжения и эксплуатации материальной части гораздо легче разрешаются тогда, когда наши самолеты действуют с английских баз, чем в тех случаях, когда операции производятся из баз, выдвинутых вперед (Франция, Средиземноморское побережье), которые требуют поддержания связи с ними. Из этих баз, находящихся в Англии и расположенных во Франции, мы имеем возможность достигнуть всех важных объектов Германии.

Из прессы Вам, очевидно, известно о больших авиационных перелетах, которые были произведены из Англии до Средиземного моря, в частности до Марселя и обратно. И это было проделано не один, а несколько раз.

С каждым днем британская авиация становится все сильней и сильней. Увеличивается не только продукция промышленности, но также и выпуск пилотов и технического обслуживающего персонала, необходимого для авиации. Мы придаем большое значение авиационным техникам, на ответственности которых лежит поддержание самолетов в хорошем состоянии. Вопрос о правильной эксплуатации самолетов становится все более и более трудным по мере совершенствования самолетов.

Мы против того, чтобы построить больше самолетов первой линии, чем мы можем содержать во время войны. Мы придерживаемся такой точки зрения, чтобы иметь на первой линии такое количество самолетов, которое мы можем поддерживать постоянно в течение довольно длительного периода за счет имеющихся у нас резервов. В частности, мы предпочитаем иметь 1000 самолетов первой линии и в течение шести месяцев войны количество их поддерживать на том же уровне, чем иметь несколько тысяч самолетов первой линии, но которые не могут быть сохранены в этом количестве.

Для советской авиации представляет интерес узнать, что авиация первой линии в метрополии перешагнула уже 3000 самолетов. Сюда не включаются учебные самолеты и самолеты, которые ждут отправки за море. Но приведенная цифра не может, однако, дать настоящего представления об огромных возможностях британской авиации во время войны. Мы придаем большое значение тому, чтобы действия бомбардировочной авиации носили непрерывный и продолжительный характер. Состояние промышленности и обученности личного состава (пилоты, техники) дополняет общую картину состояния нашей военной авиации.

Остановлюсь на системе подготовки наших кадров авиации. Для обучения и совершенствования людей, успешно окончивших школы пилотажа, мы имеем около 15 школ. Из этих школ повышенного типа пилоты направляются немедленно в боевые эскадрильи. Подбор производится в следующем порядке. Отбирается молодежь, пригодная по своим физическим данным к службе в авиации. Эта молодежь проходит в школах первоначальное обучение. Часть этой молодежи, выдержавшая положенные испытания по пилотажу, идет затем в указанные выше школы, которые делятся на две категории. Первая категория — это школы, где проводится изучение материальной части современного самолета. В школах второй категории проводится изучение боевого применения самолета (бомбардировка, аэрофотосъемка, стрельба). Пилоты, наиболее подходящие для истребительной авиации, направляются в истребительные эскадрильи. Пилоты, наиболее подходящие для ведения дальних разведок и для бомбардировочной авиации, направляются соответственно в разведывательные и бомбардировочные эскадрильи. Наконец, пилоты, наиболее подходящие для службы в войсковой авиации, перед тем, как быть направленными в свои части, проходят краткосрочные курсы по своей специальности.

Количество этих школ во время войны будет значительно увеличено. Существующая в настоящее время организация позволяет

провести это увеличение. Если война разразится завтра, то это можно будет сделать немедленно.

Кроме того, мы имеем также школы для обучения всего обслуживающего нелетного состава. Число этих школ увеличивается, и много школ уже находится в стадии формирования. Имеются также гражданские школы при авиационных заводах. Мы посылаем авиационных техников на заводы для того, чтобы они изучали там современные самолеты по мере их появления. Набираются эти техники и из строевых частей, и их учебных депо. Часть пилотов после прохождения пятилетней службы переходит в запас, что позволило нам создать значительный резерв.

Что касается размера промышленной продукции наших авиационных заводов, то я могу привести здесь следующие цифры: это производство перешагнуло уже за 700 самолетов в месяц. Сюда не входят гражданские и учебные самолеты. Цифры производства гражданских самолетов я точно не знаю и говорю здесь только о военных самолетах. Эта продукция производится без увеличения обычного числа смен рабочих на заводах. Большая часть заводов работает в одну смену и часть — в две смены.

В случае войны эта промышленность может давать значительно большую продукцию. Мы имеем очень большие промышленные резервы, которые нами пока не тронуты и которые будут использованы в случае войны. Мы имеем в настоящее время много заводов, производящих автомобили, мотоциклы и другую продукцию мирного назначения, которые во время войны могут быть использованы для производства военной авиационной продукции.

Из того, что я здесь сказал, Вы можете себе составить представление о мощи британской авиации. К концу последней войны мы имели самую мощную авиацию в мире. В своих частях и соединениях мы имели более 22 тыс. самолетов. Это, конечно, не значит, что все они могли быть одновременно использованы, подняты в воздух.

Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что если бы в скором времени разразилась война, то мы начали бы ее в более благоприятных условиях, чем это было в прошлой войне. Я уверен, что мы добьемся более удивительных результатов, чем мы имели к концу прошлой войны.

В настоящее время мы имеем систему непрерывного снабжения нашей бомбардировочной, а также истребительной и разведывательной авиации всеми необходимыми ресурсами. Мы уже сейчас принимаем меры к увеличению продукции всех необходимых материалов (горючего, смазочных масел и пр.) и [к] созданию необходимых резервов для облегчения последующего расширения этого снабжения на время войны.

Мы изложили сейчас в кратких чертах состояние, в каком находится британская авиация, и рассказали о том, что она может делать. Я надеюсь, что несколько позднее мы сможем обсудить наилучшие способы применения тех огромных авиационных сил,

которые будут находиться в распоряжении СССР, Франции и Великобритании.

Ген. Думенк благодарит маршала Бернета за сделанное им сообщение относительно британской авиации. К нему присоединяются маршал К. Е. Ворошилов и адмирал Дракс.

После этого объявляется перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Ген. Думенк. Заседание возобновляется. Слово предоставляется генералу Валену для сообщения о французской авиации.

Ген. Вален. Я хочу в свою очередь дать характеристику французской авиации.

Я хочу начать с организации материальной части для того, чтобы удовлетворить желание генерала Локтионова и ответить на поставленные им вопросы, беря за принцип такое же представление*, как маршал Бернет. Я хочу начать с материальной части, затем перейти к личному составу, к организации баз и аэродромов, мобилизации и организации различных служб и закончить свое сообщение действиями воздушных сил на Западном фронте. Но до этого позволю себе сделать два замечания. Первое: я буду говорить только о самолетах первой линии, иначе говоря, относительно самолетов, которые могут быть мобилизованы немедленно и которые обеспечены для этого экипажем, вооружением, снабжением и запасными частями. При этом нужно иметь в виду, что аппаратам первой линии соответствует определенный резерв. Этот резерв зафиксирован для истребительной авиации в 200% и для всех прочих категорий — в 100%. Например, когда я говорю о 100 самолетах-истребителях первой линии, это значит, что имеется в резерве 200 самолетов, которые могут выполнять боевые функции. Второе замечание: говоря об этих воздушных силах, я буду иметь в виду только воздушные силы метрополии и Северной Африки и не буду принимать во внимание различные воздушные силы, расположенные в колониях. Их задачей является оборона самих колоний, но они могут быть в случае надобности использованы в качестве подкрепления для основных сил.

Материальная часть. Количество самолетов первой линии в настоящее время около 2000, из которых $^2/_3$ являются самолетами современными со скоростью истребителей от 450 до 500 *км/час* при усовершенствованном вооружении и для бомбардировочных самолетов — от 400 до 450 *км/час* с радиусом действия от 800 до 1000 *км* и с тоннажем бомб, которые они могут поднять, от 1000 до 2500 *кг*.

Эта авиация в последнее время развивается быстрыми темпами вследствие возможностей нашей индустрии. Предусмотрено, что наша авиация в 1940 г. будет иметь 3000 самолетов первой линии.

---

* Так в тексте.

Для того чтобы закончить вопрос о материальной части, я скажу, что мобилизация французской индустрии в отношении материальной части авиации позволяет поддерживать количество самолетов первой линии постоянно на названном мною уровне. Через три месяца после начала войны количество производимых самолетов будет превышать имеющиеся потери, и это количество будет возрастать в пропорциях, сравнимых с прошлой войной.

Личный состав. Как во всех технических войсках, обеспечение авиации личным составом является наиболее трудно разрешимой проблемой. Методы, которыми мы добиваемся подготовки личного состава для нашей авиации, сводятся к следующему.

Допризывная подготовка. Эту подготовку проходит молодежь, желающая обучаться летному делу, в общественных авиационных организациях, задачей которых является научить их владеть легкими самолетами.

Молодежь, желающая обучаться различным специальностям авиационного дела, проходит эту учебу в школах, находящихся в ведении аэроклубов.

Наконец, это обучение проводится в военных летных школах, количество которых все время увеличивается.

Далее идет подготовка авиационных техников, техников по вооружению, техников по спецоборудованию, электриков. Все они проходят обучение в специализированных военных школах. Я Вам не даю цифры, потому что в сравнении с тем, что сообщил Вам маршал Бернет, это произвело бы на Вас недостаточное впечатление, между тем как наши методы различны. Мы имеем по каждой специальности основные школы, которые заполнены до предела, не для всех, правда, специальностей, а только для летчиков, авиационных техников и техников по вооружению. Имеются, кроме того, дополнительные возможности для укомплектования наших авиационных частей техническим составом.

Подготовка запаса. Все резервисты содержатся или в действующих соединениях, и в этом случае они рассматриваются как личный состав действующей авиации, или в специальных центрах обучения резерва, где они могут проходить стажировку в обязательном или добровольном порядке.

Организация наземных баз. Кроме баз мирного времени мы организовали базы военного времени. Для этой цели в последнее время были предприняты очень большие усилия. В настоящее время по всей территории Франции мы имеем базы, рассчитанные на обслуживание всего французского и английского воздушных флотов. Эти базы построены с учетом различных вариантов ведения войны, согласно тем предположениям, которые были изложены. Каждая база рассчитана на прием не менее 20 самолетов и обеспечена всеми необходимыми средствами снабжения.

Маршал К. Е. Ворошилов. Является ли такая база полностью обеспечивающей непрерывность боевых действий авиации, или она

является такой базой, на которой можно остановиться отдохнуть, заправиться и вылететь в другое место?

Ген. Вален. Я сейчас скажу, что имеется на этих базах. Там имеются все средства снабжения, которые состоят из подземных бензохранилищ со всеми механизмами, необходимыми для быстрой заправки, складов боеприпасов, средств связи в виде подземного телефонного узла, запасных материалов маскировки (краски, полотно, сетки) и нескольких тысяч квадратных метров стальных решеток, позволяющих быстро исправлять повреждения, нанесенные аэродрому бомбардировкой. Кроме того, здесь имеются части наземных войск, именуемые ротами обслуживания. Эти роты обслуживания имеются на территории каждого аэродрома вне зависимости от того, есть там самолеты или нет. На их обязанности лежит организация обороны аэродрома, а также обслуживание всех запросов и нужд тех частей, которые занимают или будут занимать данный аэродром.

Мобилизация. Вся воздушная армия может быть приведена в боевую готовность через 4 часа. В чем это заключается? Военная авиация после приказа рассредоточивается для того, чтобы не пострадать от воздушных бомбардировок, и направляется в места, которые являются не оперативными аэродромами, а специальными аэродромами для рассредоточения. Делается это для того, чтобы в самом начале не открывать противнику своих оперативных аэродромов.

Службы. Службы воздушного флота имеют примерно такую же организацию, как и службы сухопутной армии. Некоторые службы, в частности служба санитарная, действуют абсолютно одинаково.

Организация службы снабжения горючим и службы снабжения боеприпасами разработана весьма детально. Она включает подземные склады на самих базах. Наиболее важные склады в тылу являются также подземными. Эти склады питаются либо с помощью поездов, либо по шоссейным дорогам, действующим в мирное время. Отправление поездов предусмотрено в транспортных планах. Кроме того, их снабжение предусмотрено автотранспортом. Обслуживание производится специальными подразделениями, которые называются ротами. В частности, например, имеются рота снабжения горючим и рота снабжения боеприпасами. Эти роты располагают современными средствами передвижения и вообще необходимыми техническими средствами, в частности средствами перекачки, а также грузовиками с кранами — для перевозки и разгрузки боеприпасов. Все эти роты в настоящее время уже существуют. Они будут удвоены в первый же период войны за счет специальной реквизиции машин. В частности, необходимые машины могут быть взяты из топливной промышленности.

Перехожу теперь к общему вопросу о применении авиации. Командование французского воздушного флота предполагает максимальное использование возможностей авиации для того, чтобы

в возможно короткий срок добиться сосредоточения авиации там, где этого требует положение.

Для этой цели авиация на территории Франции и Северной Африки располагает базами, о которых я уже говорил, причем количество этих баз не менее трех для каждого соединения, состоящего из 20 самолетов. Все эти базы и их снабжение предусмотрены для всех случаев военных действий. Расположение этих баз по отношению к линии фронта зависит от театра военных действий: оно будет в Альпах одно и на севере Франции — другое.

Благодаря такой организации, в случае необходимости, нет надобности перевозить с собой наземное оборудование и обслуживающий состав. Это позволяет авиации маневрировать весьма быстро и сосредоточиваться на имеющихся точках.

Следовательно, если нужен будет технический персонал, его можно перебрасывать самолетом, так как на пунктах, куда он прибудет, имеется все необходимое для того, чтобы существовать несколько дней.

Таким образом, имеется возможность, в зависимости от обстановки, переносить центр действий авиации туда, где это в данный момент всего более необходимо.

Эта организация, кроме того, облегчает защиту от нападения воздушного противника, в частности от нападения бомбардировщиков. Имеющиеся на этих базах роты обслуживания позволяют самим самолетам быстро менять аэродромы в случае их разрушения или вероятного нападения. Это также представляет большое преимущество.

Работа по созданию указанных баз стоила очень дорого, но она была необходима. В результате проведенной работы каждое соединение самолетов располагает тремя оборудованными базами.

В настоящее время построено достаточное количество этих баз для французской авиации, а также и для английской авиации, которая должна будет действовать на территории Франции. Предусмотрены все мероприятия для того, чтобы по мере развития французской авиации сохранить этот принцип трех баз для каждого соединения самолетов.

Таким образом, то, что сказано о французской авиации, почти не отличается от того, что было доложено маршалом Бернетом относительно авиации английской. Обе наши авиации стренированы для совместных действий, и значительное количество бомбардировщиков французского воздушного флота проводило уже перелеты над Англией.

Истребительная авиация, действуя совместно с противовоздушной артиллерией, защищает наиболее жизненные центры против воздушных атак неприятеля. В частности, она прикрывает все важнейшие объекты, разрушение которых могло бы повлиять на ход военных операций: железнодорожные узлы, шоссейные магистрали, мосты и сосредоточения сухопутных и воздушных сил, а

также промышленные предприятия, необходимые для нужд обороны.

Бомбардировочная авиация имеет своей целью разрушение исключительно военных объектов, расположенных на территории неприятеля, и избегает действий против мирного населения и гражданских сооружений. Объекты действия нашей бомбардировочной авиации те, которые неприятель прикрывает своей истребительной авиацией и противовоздушной артиллерией. Объекты действия бомбардировочной авиации, очевидно, одинаковы во всех странах.

Весьма сложный вопрос — последовательность атак на различные объекты. Последовательность этих атак может быть решена только в зависимости от конкретных действий в данное время на данном фронте.

На этом я заканчиваю свое выступление.

Ген. Думенк. Могу ли я от нашего общего имени поблагодарить генерала Валена за сделанное им сообщение? (Маршал К. Е. Ворошилов и адмирал Дракс благодарят генерала Валена за его сообщение.)

На вопрос, поставленный адмиралом, можно ли получить ответ сейчас?

Маршал К. Е. Ворошилов. Я попрошу г-на адмирала и высокое совещание разрешить нам представить ответ на следующем заседании.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 591—599.

120. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

16 августа 1939 г.

(Продолжение)

Ген. Думенк. Наша программа теперь предусматривает замечания советской делегации относительно трех принципов. Можно ли попросить г-на маршала сделать сейчас эти замечания?

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская военная миссия основательно ознакомилась с тремя принципами, врученными ей главою французской военной миссии г-ном генералом Думенком.

Эти три принципа об организации обороны договаривающихся сторон слишком универсальны, абстрактны, бесплотны и никого ни к чему не обязывают. Я их, разумеется, разделяю, так как против них трудно возразить. Но они, не представляя ничего конкретного, могли бы послужить материалом разве только для какой-либо абстрактной декларации. Мы же собрались здесь не для принятия общей декларации, а для выработки конкретной военной конвенции, которая должна определить количество дивизий,

артиллерийских орудий, танков, самолетов, морских эскадр и пр., совместно участвующих в деле обороны договаривающихся стран.

В этом заключается наш ответ на представленные три принципа.

Ген. Думенк. Я хочу сказать маршалу, что он очень строг по отношению к моим принципам.

Маршал К. Е. Ворошилов. Жесткость моего ответа определяется жесткостью современного военно-политического положения. Еще два дня тому назад адмирал Дракс заявил о том, что Германия отмобилизовала уже 2 млн. войск и готова выступить 15 августа, т. е. вчера, против одной из миролюбивых стран. Хотя прогноз адмирала Дракса, к счастью, не оправдался, тем не менее напряженность политического положения в Европе не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась. Отсюда следует, что совещание военных миссий Великобритании, Франции и Советского Союза, если они всерьез хотят прийти к конкретному решению вопроса о совместных действиях против агрессии, должно, не тратя попусту времени на ничего не значащие декларации, поскорее решить этот основной вопрос.

Ген. Думенк. Я хочу следовать тем советам, которые дал мне маршал Ворошилов, и предлагаю исправить эти пункты на основе того, что было вчера доложено начальником Генерального штаба командармом Шапошниковым. Нужно поручить кому-нибудь написать проект и внести новое предложение на обсуждение.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я считаю, что еще не наступил момент для редактирования какого-либо документа. Мы не разрешили кардинального вопроса для советской стороны, а именно — вопроса о пропуске Вооруженных Сил Советского Союза на территорию Польши и Румынии для совместных действий вооруженных сил договаривающихся сторон против общего противника.

Только после положительного разрешения указанного вопроса мы могли бы приступить к обсуждению заслушанных здесь в общем абрисе планов представителей трех военных миссий.

До сих пор мы только обменялись сообщениями. Я лично полагаю, что это — только начало наших конкретных разговоров об определении количества вооруженных сил каждой стороны и их применении против агрессии в Европе.

Ген. Думенк. Не находит ли г-н маршал возможным, не теряя времени, уточнить эти цифры в виде предварительного проекта параграфов (статей) конвенции?

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что до тех пор, пока наша советская миссия не будет иметь ответа на наш вопрос, теперь уже всем известный, о котором миссии Великобритании и Франции запросили свои правительства, всякая предварительная работа является, до известной степени, бесполезной.

Ген. Думенк. Я принимаю к сведению сказанное г-ном маршалом и предлагаю перейти к вопросу о том, что же мы будем делать на следующем заседании. Можем ли мы заслушать сообще-

ние начальника Воздушных Сил генерала Локтионова относительно воздушного флота Красной Армии, которого мы еще не слышали?

К тому, что я уже передал маршалу в виде ряда вопросов, есть еще некоторое количество вопросов, которые, с разрешения маршала, мы хотели бы задать советской миссии и на которые мы с удовольствием заслушали бы ответы. Эти вопросы написаны по-английски, и я даю их сейчас прочитать моему соседу (передает генералу Хейвуду).

Маршал К. Е. Ворошилов. Лучше просто передать эти вопросы в письменном виде. Я прошу разрешения дать ответ нашей миссии на одном из ближайших заседаний. Пожелание г-на председателя относительно заслушивания доклада об авиационных силах Советского Союза будет выполнено, так как советская миссия не желает быть в долгу у французской и английской миссий.

Ген. Думенк. Я предлагаю, если со стороны маршала и адмирала не будет возражений, следующее заседание устроить завтра.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я хотел бы просить г-на генерала Думенка и г-на адмирала Дракса ориентировочно сообщить, когда они ожидают ответа от своих правительств на наш вопрос.

Ген. Думенк. Как можно скорее.

Маршал К. Е. Ворошилов. Если ответ, которого ожидают английская и французская миссии, может надолго затянуться, мне думается, что нам придется, после нашего сообщения относительно авиационных сил СССР, наши заседания прервать до получения ответа.

Ген. Думенк. Мне бы хотелось, помимо заслушивания сообщения генерала Локтионова, получить также ответы на вопросы, которые только что переданы маршалу, потому что они являются очень важными.

Маршал К. Е. Ворошилов. Может быть, они очень важны, но мы с ними еще не познакомились. Нам нужно с ними познакомиться, после чего мы в состоянии будем сказать, будем ли мы отвечать на эти вопросы до получения ответа от правительств Англии и Франции или только после получения этого ответа на наш вопрос.

Адм. Дракс. Я не имею возможности сообщить о том, когда будет получен от правительства ответ, так как это зависит от самого правительства.

Ген. Думенк. Я прошу Вас сообщить на завтрашнем заседании: когда советская миссия сможет ответить на заданные нами вопросы — непосредственно сейчас же или после. Я думаю, что, может быть, мы могли бы продолжать работу, считая, что будет получен положительный ответ на вопрос, поставленный советской военной миссией.

Маршал К. Е. Ворошилов. Работать совместно наша миссия, к сожалению, не сможет до тех пор, пока мы не предположительно, а реально будем знать, как правительства Великобритании и

Франции рассматривают наше участие в совместных действиях против агрессора.

Ген. Думенк. Я думаю, что можно считать сегодняшнее совещание закрытым и открыть его завтра в 10 часов утра.

Предложение принимается.

ВОЕННЫЕ ВОПРОСЫ
К СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ

1. Каково мнение советской военной миссии о возможности вступления Италии в войну:

а) в случае, если Советский Союз подпишет пакт с Францией и Англией;

б) если Советский Союз не подпишет пакта с нами?

Если мнение советской военной миссии таково, что Италия, возможно, вступит в войну, то каково ее мнение относительно возможных действий Италии, если она будет вести операцию из Албании?

2. Из трех разных вариантов действий, намеченных советской военной миссией, какой вариант, по ее мнению, вероятнее всего будет принят Германией?

3. Может ли советская военная миссия дать более точные данные относительно районов румынской территории, в которые, по ее мнению, необходимо получить право доступа и в которых она считает желательным ведение операций?

4. Что предполагает делать Советский Союз при втором варианте, если Болгария объединится с Венгрией против Румынии? Какую помощь он может оказать в этом случае Турции?

5. Какое количество грузов может регулярно направляться по железным дорогам в Польшу:

а) из Мурманска,

б) от Черного моря?

По каким железным дорогам может быть направлен поток грузов, чтобы как можно меньше мешать снабжению русской армии?

6. Каким советским портом (портами) на Черном море мы можем пользоваться для подвоза снабжения на русско-польско-румынский фронт?

7. а) Если вопрос о пропуске советских войск в Польшу будет решен в соответствии с пожеланиями, выраженными советской военной миссией, согласен ли Советский Союз принять участие в обеспечении Польши снабжением, вооружением, сырьем и другими промышленными материалами?

б) Тот же самый вопрос относится к Румынии.

8. Какое количество очищенных нефтепродуктов может поставить Советский Союз в случае войны? Будет ли он иметь достаточное количество танкеров для их перевозки?

ЗАЯВЛЕНИЕ, КОТОРОЕ ДОЛЖНО БЫТЬ СДЕЛАНО
ПОСЛЕ ЭТИХ ВОПРОСОВ

Мы приготовили ряд вопросов относительно советской политики в области авиации, но, так как планы советской авиации будут вскоре изложены и так как это изложение может содержать ответ на некоторые из этих вопросов, мы предполагаем отложить все вопросы, касающиеся авиации, до ознакомления с планами советской авиации.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ВОПРОС

Какие типы франко-английских военных судов и в каком количестве должны, по вашему предположению, действовать в Балтике?

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 600—604.

121. Обзорная записка посла Германии в Великобритании Г. Дирксена министру иностранных дел Германии И. Риббентропу

*16—18 августа 1939 г.**

I. Май 1938 г.— Мюнхен.
II. Мюнхен — Прага.
III. Прага.
IV. Май 1939 г.— начало войны.
1) Политика окружения в полном ходу.
2) Растущее противодействие политике окружения.
3) Средства ослабления напряженной обстановки.
4) Данцигский кризис и усиление воинственных настроений.
5) Позиция германской прессы в отношении Англии.
6) Английское предложение о переговорах, сделанное через сэра Х. Вильсона.
7) Итоговый обзор.
8) Отношение к предложению сэра Х. Вильсона в Берлине.

I
Май 1938 г.— Мюнхен

Мое назначение в Лондон застало меня в Александрии 2 апреля 1938 г. 10 апреля я прибыл в Берлин. 30 апреля я выехал в Лондон.

* Записка составлена в этот период.

Позиция Англии в отношении Германии в это время определялась двумя различными фактами или тенденциями: все усиливающимся влиянием премьер-министра Чемберлена на внешнюю политику и аншлюсом Австрии.

После того как Чемберлен, будучи министром финансов, еще до своего назначения премьер-министром, оказывал чрезвычайно сильное влияние на судьбы своей страны — но больше в области финансов и экономики, а также в области имперской политики — став премьер-министром, он начал руководить также и внешней политикой Англии. Зная укоренившуюся силу пассивного сопротивления чиновников министерства иностранных дел в отношении несимпатичных им направлений внешней политики, он опирался в проведении своих внешнеполитических планов больше на сэра Хораса Вильсона — «статс-секретаря имперской канцелярии». Далее он освободился от министра иностранных дел Идена, ответственного за неудачу абиссинской политики, и назначил министром иностранных дел преданного ему лорда Галифакса. Послом в Берлин он назначил против воли министерства иностранных дел сэра Невиля Гендерсона.

Во внешней политике целью Чемберлена являлась попытка добиться соглашения с тоталитарными государствами. В начале марта 1938 г., по его распоряжению, правительству рейха было сделано очень несовершенное и недостаточное предложение по урегулированию колониального вопроса, которое Гендерсон передал лично фюреру (ответа со стороны Германии не последовало). Он начал также переговоры с Италией о ликвидации абиссинской проблемы и о разграничении интересов на Ближнем Востоке. Эти переговоры привели в апреле к заключению широкого соглашения.

В противовес этому положительному направлению в англо-германских отношениях имелись и отрицательные влияния, вызванные аншлюсом Австрии. Англия, которая задним числом охотно утверждает, что она приветствовала все справедливые действия германской политики и осудила только ликвидацию чехословацкого государства, в действительности осуждала от начала до конца все действия Германии, предпринятые ею для справедливой защиты своих жизненных интересов, и отвечала на них яростной газетной травлей. Так было с занятием Рейнской области, позднее — с разрешением судето-немецкой проблемы и весной 1938 г. с аншлюсом Австрии. Последний повлиял на Англию тем сильнее, что информация британского правительства была явно крайне недостаточной и исходила от легитимистских кругов Австрии: во всяком случае, в Лондоне были неизвестны сила стремления Австрии к аншлюсу и подготовка к нему. Отношение общественности было поэтому единодушно отрицательным и враждебным: «похищение Австрии» — насилие над Австрией — было лейтмотивом и оставалось таковым долгое время.

Также и в позиции самого правительства в отношении Германии проявлялась известная двойственность: в то время как лорд Галифакс дорожил установившейся связью с германским посольством,— например, он информировал нашего поверенного в делах первым из иностранных представителей о политических результатах визита Даладье в Лондон — министерство внутренних дел денонсировало англо-германское паспортное соглашение. Что указанные Англией паспортно-технические причины в данном случае не были решающими, стало ясно после того, как Германия пошла навстречу английским возражениям; несмотря на это, денонсация не была взята обратно. Из этого стало ясно, что министерство внутренних дел хотело отклонить ходатайства о разрешении въезда, нежелательные ему по тем или иным причинам; нежелательными же были для него какие бы то ни было выступления в положительном национал-социалистском духе.

Англо-германские отношения характеризовались, таким образом, уже и в это время сосуществованием на английской стороне двух друг другу противоречащих тенденций.

Как только замолкла враждебная газетная кампания по поводу аншлюса Австрии, на первый план, в известной мере неизбежно и автоматически, выступила чехословацкая проблема. Уже при моем первом посещении лорда Галифакса этот вопрос явился, по его инициативе, основной темой разговора. Я, согласно поручению, сказал ему, что мы стремимся к мирному разрешению судето-немецкого вопроса, но что притеснению судетских немцев должен быть положен конец. Чешский кризис последних дней недели 21 мая поставил судето-немецкий вопрос на первое место в ряду европейских проблем, которое он и занимал вплоть до своего разрешения на Мюнхенской конференции. Во время этого кризиса английское правительство безоговорочно оставалось в плену чехословацкой алармистской информации или ложной информации своей секретной службы и своих военных атташе; оно прямо исходило из того, что чешские сообщения о сосредоточении германских войск должны были быть на чем-то основаны, и направило соответствующие предупреждения по нашему адресу. Было очевидно, что буквальное повторение англичанами чешских инсинуаций должно было вызвать острейшую реакцию со стороны Германии. Таким образом, кризис последних дней недели стал одним из поворотных пунктов в англо-германских отношениях в отрицательном направлении.

Как только стало известно действительное положение вещей, наступило некоторое отрезвление и установилось более критическое отношение к Бенешу; но это произошло слишком поздно, чтобы сгладить возникшее в Германии впечатление. Вслед за тем появилась тенденция разрешить признанный опасным судето-немецкий вопрос приличным образом, в благоприятном для Германии смысле. Лицо, близко стоящее к французскому посольству в Лондоне, подало нам мысль, чтобы мы предложили плебисцит в Судетской области. Это предложение было бы, вероятно, принято

Англией и Францией. В ответ на мою телеграмму по этому поводу я вскоре получил указание оставить это предложение без последствий.

В последующие месяцы чехословацкий вопрос потерял свою непосредственную актуальность, хотя политическая общественность еще живо занималась им. Особенно большое влияние оказало посещение Генлейном Лондона. О том, что правительство искало способа мирного разрешения вопроса, свидетельствовало несколько статей в «Таймс», представлявших пробные шары в смысле отторжения Судетской области или, по крайней мере,— плебисцита. Этим статьям приписывалась официозная инспирация.

На общее настроение оказывала в это время очень сильное влияние правительственная пропаганда вооружения, особенно в области авиации. В этом же направлении действовала кампания травли немцев, проводившаяся большей частью прессы. Широкие массы начинали думать, что война неизбежна, и были объяты истерической паникой. Домашние работники отказывались поступать в дома, находящиеся на южном побережье, потому что боялись немецких бомб. У советника посольства, который хотел снять дом, были трижды взяты владельцами обратно готовые к подписи контракты; мотивировка: ввиду предстоящей войны с Германией, контракт с членом германского посольства не имеет смысла. Вообще повсеместно жаловались на то, что дома в Лондоне почти не находят покупателей, тоже из страха перед германскими бомбами. Это настроение народа выразилось также в сильном давлении парламента на правительство с целью усиления авиационного вооружения и проведения более эффективных мер противовоздушной обороны. Ответственные министры, лорд Уинтертон и Суинтон, должны были капитулировать перед этим настроением. Англия осознала, что она перестала быть островом.

Англо-германские отношения испытали некоторый сдвиг в связи с обсуждением вопроса о принятии на себя Германией австрийских долгов. Вследствие нашего отказа уступить английским требованиям, возник довольно резкий обмен мнений, во время которого англичане грозили, что они задержат причитающиеся им, по их мнению, суммы при сведении торгового баланса [с Германией]. Введение принудительного клиринга означало бы торговую войну. Однако в конце концов договорились о переговорах на широкой базе по австрийским долгам и хозяйственным вопросам. Эти переговоры проводились в Лондоне и привели наконец к соглашению от 1 июля. Это соглашение не только весьма благоприятно повлияло на экономические отношения и на Сити, но создало также и во внешнеполитическом отношении благоприятную атмосферу.

Эта благоприятная атмосфера была еще более улучшена визитом адъютанта фюрера капитана Видемана. В течение лета он был здесь неоднократно, однако раньше не беседовал с официальными лицами. Теперь он прибыл с ведома фюрера, чтобы по-

ручению генерал-фельдмаршала Геринга позондировать, будет ли визит последнего в Лондон встречен одобрительно. Г-н Видеман имел продолжительную беседу с лордом Галифаксом, который привлек к ней Кадогана. Английское правительство живо приветствовало мысль о приезде фельдмаршала. Галифакс пошел так далеко, что сказал, что прекраснейший момент его жизни наступил бы тогда, когда фюрер проехал бы рядом с королем по Mall * во время официального визита в Лондон. Капитан Видеман сообщил мне о своих беседах и, по моей настоятельной просьбе, взялся проинформировать рейхсминистра иностранных дел, который до этого времени не имел никакой информации по этому вопросу; это казалось мне наилучшим выходом из затруднительного для меня положения — быть информированным о внешнеполитическом шаге, о котором рейхсминистр иностранных дел не был информирован.

Политическая и эмоциональная ценность этих предварительных переговоров была сильно снижена тем, что они, благодаря одной из обычных нескромностей, попали в английскую прессу и были использованы для самых сенсационных комментариев. Этот проект был оставлен Берлином без последствий. Дальнейшие переговоры с английскими деятелями велись в последующие два месяца через посредство княгини Гогенлоэ.

Несколькими днями позже — около 24 июля — я взял отпуск и нанес, в числе прочих, прощальный визит сэру Хорасу Вильсону. Он спросил меня, не хочу ли я видеть премьер-министра, и спустя некоторое время проводил меня в рабочий кабинет премьера. В 20-минутной беседе Чемберлен выразил свое опасение по поводу германо-чехословацкого конфликта и попросил, чтобы со стороны Германии не были предприняты слишком поспешные шаги, так как всякое применение силы может быть чревато далеко идущими последствиями. Пусть британскому правительству дадут время; оно сделает все возможное, чтобы привести к мирному разрешению вопроса. О решении английского правительства послать лорда Ренсимена посредником в Прагу — о чем было опубликовано в печати одним или двумя днями позднее — Чемберлен мне ничего не сказал.

Также и этот визит был разглашен в прессе и снабжен искажающими истину комментариями, особенно по поводу того, что инициатива якобы принадлежала мне и что мой визит находится будто бы в связи с визитом Видемана. В результате моего настоятельного объяснения по телефону с Вильсоном прессе было сделано дополнительное сообщение; его нельзя было, однако, назвать поправкой, так как и оно было неправильно и искажало действительность. Рейхсминистр иностранных дел дважды по телефону говорил со мною по этому поводу; я дал ему все нужные объяснения.

---

* The Mall — улица, которая ведет к Букингемскому дворцу.

Общая тенденция английской политики в отношении чехословацкого вопроса определялась все яснее в течение лета: британское правительство явно хотело избежать войны при малейшей к тому возможности. Оно стремилось найти выход, который удовлетворил бы германские требования. Оно, по-видимому, было готово оказать сильное давление на чехов при условии, что не будут применяться никакие насильственные методы, а только методы переговоров. В противном случае была опасность, что Англия выступит на стороне наших противников. Этой линии придерживались мои устные и письменные донесения.

В конце июля я прибыл в Берлин в отпуск. Я сделал довольно обстоятельный доклад рейхсминистру иностранных дел; был также приглашен к заместителю фюрера в Мюнхен, которому я тоже сделал доклад; я имел продолжительную беседу с г-ном фон Нейратом.

Приблизительно 8 августа я получил частное письмо от Чемберлена, который мне сообщил об уже состоявшемся отъезде лорда Ренсимена в Прагу и о значении его миссии; она, по его словам, служит делу мира и является попыткой найти решение, приемлемое для обеих сторон. Чемберлен просил меня, или внушал мне мысль, поставить об этом в известность фюрера во время моего ближайшего доклада.

Так как я был на лечении в Рейхенгалле и уже до этого, соответственно существующим правилам, записался через канцелярию министра иностранных дел на доклад к фюреру, я попытался получить точное указание времени приема. Но, несмотря на все усилия штаатсминистра Мейснера, в Берггоф я не попал.

Между тем напряженность положения увеличилась под влиянием продолжавшихся и усилившихся притеснений судетских немцев чехами и их возрастающего отчаяния, особенно во время партийного съезда. На мои неоднократные попытки получить у рейхсминистра иностранных дел указание о дате приема для доклада фюреру, чтобы передать ему сообщение Чемберлена, я был наконец допущен незадолго до начала чая, который фюрер давал для почетных иностранных гостей. Доклад длился очень короткое время — около 5—7 минут. Я сообщил содержание чемберленовского письма, на что фюрер заметил, что английский генерал Гамильтон ему сказал, что Ренсимен является либералом до мозга костей и что он имеет слабое представление о тех проблемах, которыми должен будет заниматься. На мое замечание, что он с ними еще познакомится, фюрер возразил, что для этого ему уже не хватит времени. На этом разговор, продолжительность которого была сокращена промежуточным телефонным звонком доктора Лея по поводу его трудовых отрядов, был окончен.

Рейхсминистр иностранных дел, занятый в то время обсуждением вопроса о невозвращении на их посты послов в Лондоне и в Париже, был принят фюрером для краткой беседы перед моим докладом фюреру и после моего доклада. Он дал мне указание

оставаться пока в Германии; такое же указание получил от него и граф Вельчек.

После большой речи фюрера 12 сентября в Нюрнберге последовало дальнейшее обострение положения, которое в конце концов разрешилось поездкой Чемберлена в Берхтесгаден. Я, согласно указанию, поехал вместе с чинами министерства иностранных дел в Мюнхен и Берхтесгаден, но не был привлечен к совещанию в Берггофе и, только возвращаясь в автомобиле вместе с сэром Хорасом Вильсоном в Мюнхен, я начал принимать активное участие в деле. Вильсон был, видимо, вполне доволен результатом своего участия в переговорах, но подчеркивал большие трудности, которые придется преодолеть Чемберлену, чтобы склонить парламент и французов в пользу наших требований.

В годесбергском совещании я участвовал таким же образом: я ехал с сэром Хорасом Вильсоном в автомобиле из Кёльна в Годесберг. Вильсон был, видимо, вполне удовлетворен тем, что было уже достигнуто, т. е. тем, что Чемберлену удалось уговорить французов и чехов согласиться на уступку Судето-немецкой области после плебисцита. Он упомянул о договоре о ненападении, который должен быть дарован остальной Чехии. Большое значение он придавал прежде всего тому, чтобы сроки, устанавливаемые немцами, не были столь короткими и ультимативными, потому что из-за этого все соглашение может потерпеть крах. Когда я сообщил об этом рейхсминистру иностранных дел, он ответил: «Три дня!» К участию в годесбергских переговорах меня не привлекали, и я не имел случая беседовать ни с рейхсминистром иностранных дел, ни с фюрером. На обратном пути в Кёльн сэр Хорас Вильсон был крайне озабочен и подавлен.

В Мюнхенской конференции я не участвовал. На мой телефонный запрос в министерство иностранных дел я получил указание отправиться снова к своему посту через Берлин. Я ограничился прощальным визитом статс-секретарю, так как мне не было дано возможности явиться к рейхсминистру иностранных дел. Берлин был под впечатлением, что подписанный в Мюнхене англо-германский протокол мало внесет изменений в существующее положение.

II

Мюнхен — Прага

Когда я 6 октября возвратился в Лондон и был информирован о тамошнем настроении, мне показалось, что самым важным результатом перенесенного кризиса является то, что англо-германские отношения от него не пострадали. Кризис рассматривался скорее как стихийная катастрофа, которая благополучно миновала и за которую не нес никто ответственности. Распространилось понимание искусственности чешского государства и его непрочности. Втайне были рады тому, что теперь Чехия в резуль-

тате Мюнхенской конференции окончательно перестала быть яблоком раздора. Подписанный в Мюнхене фюрером и Чемберленом протокол рассматривался как новая основа и путеводная нить для развития англо-германских отношений («мир на всю жизнь нынешнего поколения»). На эту основу опиралась вера в возможность урегулирования счетов и ослабления напряженности обстановки. Предметом обсуждений был вопрос, какие проблемы имеются между обеими странами и как можно их разрешить.

Одновременно, главным образом под давлением парламента и в сопровождении большой шумихи в печати, снова началась гонка вооружений, и стали восполняться пробелы, которые обнаружились в конце сентября во время военных приготовлений.

Первой тенью, которая пала на эту картину англо-германских отношений, не безотрадную, если наблюдать события из Англии, была речь фюрера в Саарбрюккене (о менторстве; нападки на Идена, Черчилля, Купера). Несмотря на это, последующие недели принесли с собой различные речи Чемберлена, сэра Самуэля Хора, сэра Джона Саймона и др. с прямым или косвенным предложением по адресу Германии, чтобы она сформулировала свои требования, дабы можно было начать переговоры; в этих речах были упомянуты колонии, сырье, разоружение; в частных беседах, в качестве программы, называлось разграничение сфер экономических интересов; понятие «жизненное пространство» вошло в обиход лишь позднее. Говорились также справедливые и дружественные слова о немецком народе («мужественная, сильная и храбрая раса»). Тенденция провести различие между немецким народом и его руководящими деятелями и натравить их друг на друга только еще намечалась; она решительно выступила на передний план в последующие месяцы. Эта тенденция имела исходным пунктом Мюнхенскую конференцию и якобы наблюдавшиеся там проявления мирных настроений у публики.

Упомянутые выше мысли, высказанные в различных речах, были мне повторены сэром Самуэлем Хором во время совместного воскресного отдыха в Питворт-хауз.

Так как с немецкой стороны не только не последовало никакого дружественного ответа на этот английский зондаж, но были сделаны даже отрицательные официальные заявления и высказывания в прессе, то английские голоса, предлагавшие объясниться и начать переговоры, постепенно замолкли. Ввиду отсутствия официальных указаний я ограничился тем, что обосновывал нашу отрицательную позицию недоверием, вызванным чрезмерным вооружением Англии, кампанией в прессе, враждебными нам статьями Дафф-Купера и т. д., а в остальном старался поддерживать прежнюю температуру до выяснения положения на более широкой основе.

Выяснение произошло вскоре, в результате антиеврейских демонстраций в Германии 10 ноября. На них в Англии последовала необычайно сильная реакция, частично вызванная чисто эмоциональными причинами и недостаточным пониманием немецкой точки зрения, частично раздуваемая преднамеренно. Все антигерманские и проеврейские элементы выступили на арену и развернули безудержную антигерманскую пропаганду — особенно эмигранты, влиятельная часть политических и хозяйственных общественных деятелей, зависимых от евреев, ультрапацифисты и т. д. Многочисленные официальные лица заняли враждебную нам позицию в речах и публичных выступлениях. Фонд лорда Болдуина сборами [денег], анонсами и т. д. дал новый толчок антигерманской пропаганде под маской человеколюбия. В эти недели заглохли все голоса благоразумия и всякое стремление взаимно объясниться. В декабре наступило некоторое успокоение. Новый инцидент, длившийся недолго, возник в результате проекта чемберленовской речи на банкете ассоциации иностранной прессы; этот проект заставил меня перед самым банкетом отказаться за всех немецких участников от присутствия на нем.

Когда затем к концу декабря наступило некоторое затишье, снова возник вопрос: каким путем можно сдвинуть с мертвой точки англо-германские отношения, чтобы развивать их в смысле протокола, подписанного фюрером и Чемберленом в Мюнхене? Я пришел к выводу, что экономический путь открывает наибольшие перспективы. Для Германии экономические вопросы стояли на первом плане; в своей речи от 30 января фюрер поставил в центре вопрос о германском экспорте, как вопрос жизненной необходимости, и заявил, что предвидит целый ряд мирных лет; лондонский визит Шахта в декабре проложил путь для экономического сотрудничества; во время моего пребывания в Берлине в середине января рейхсминистр иностранных дел полностью согласился со всеми этими идеями. С английской стороны я заметил во время подготовительных бесед живое сочувствие этим мыслям.

Поэтому с середины декабря я доказывал с возрастающей энергией в своих беседах с влиятельными англичанами, что необходимо попытаться разрядить напряженную обстановку на почве экономических вопросов: имеется много трений политического характера, но в экономических интересах обеих стран имеются элементы общности и совместного развития; кроме того, они стоят у нас на первом плане. Необходимо и целесообразно поэтому достигнуть совместными усилиями успокоения и доверия в области экономики, а дальше — видно будет. Эти мысли я развил, например, перед лордом Ренсименом во время моего воскресного отдыха в Броккет-холле, причем он мне заявил, что Чемберлен специально поручил ему заниматься германскими вопросами. Я подробно разговаривал об этом также с лордом Галифаксом и с другими влиятельными лицами. Что эти беседы оказали свое действие, я заметил через несколько месяцев, когда лорд Ренсимен заговорил со мной о высказанных мною тогда предположениях.

Это был благоприятный момент для большей активизации в экономической области в том отношении, что представлялись раз-

личные возможности для реализации подобного курса: в конце января состоялся ежегодный банкет англо-германской торговой палаты; в это время происходили переговоры об угле, которым с английской стороны придавалось большое значение; и, наконец, планировались переговоры между центральными промышленными объединениями обеих стран. Все три возможности были использованы в активном смысле: на ежегодный банкет торговой палаты с обеих сторон явились многочисленные видные представители — министериаль-директор Виль, министр внешней торговли Хадсон и многие другие. Пользуясь этим случаем, с английской стороны был впервые пущен пробный шар: не посетит ли рейхсминистр хозяйства Функ Лондон? Значительно продвинулись вперед и переговоры об угле, благодаря уступкам с обеих сторон, и завершились тем, что был положен конец сбиванию цен и перехватыванию различных рынков. Заключение договора было демонстративно отпраздновано банкетом, на котором присутствовал и произнес речь также министр торговли Стенли. Переговоры между руководящими объединениями обеих сторон были назначены на конец февраля в Дюссельдорфе, и с обеих сторон был намечен первоначальный состав делегаций [26].

Самым значительным шагом вперед была попытка пригласить рейхсминистра хозяйства Функа посетить Лондон. В первый раз эта мысль была высказана на банкете торговой палаты; она была повторена в последующие дни столь настойчиво, что было необходимо получить ответ из Берлина. Ответ гласил, что г-н Функ не может в данный момент приехать в Лондон по причине перегруженности работой и что он не может также указать время своего приезда в Лондон позднее. Несмотря на это, с английской стороны не отказались от мысли об обмене визитами с участием министра торговли Стенли. Сэр Фредерик Лейт-Росс посетил меня для разговора по этому поводу. В то время как с германской стороны так и не могло быть дано положительного ответа, английские инстанции продолжали настаивать на визите Стенли и предложили, в качестве ответного шага с германской стороны, мое выступление на банкете, организуемом участниками переговоров об угле, с речью, в которой упоминалось бы об обмене визитами. Это предложение мы должны были принять; проект речи, которую я должен был произнести на банкете, я представил по его указанию рейхсминистру иностранных дел. Она была составлена в подчеркнуто трезвом и деловом духе.

В торжествах по поводу заключения соглашения об угле приняли участие все руководящие представители германской угольной промышленности и их английские коллеги. На банкете произносились подчеркнуто дружественные речи, в том числе и министром Стенли. Английские участники неоднократно подчеркивали, что сотрудничество с их германскими коллегами протекает без трений, при полном доверии и несравненно более успешно, чем с американцами. При этом окончательно договорились о поездке

Стенли в Берлин на устраиваемый там банкет той же отрасли промышленности. Также было все условлено и относительно совещания руководящих объединений в Дюссельдорфе. Чем дальше, тем становилось яснее, что с английской стороны этой встрече придавалось бóльшее значение, чем это оправдывалось не слишком важными вопросами, включенными в порядок дня; эти переговоры должны были быть использованы для установления личного контакта, чтобы вообще договориться о совместных действиях английской и германской промышленности. Атмосфера была необычайно благоприятной и действовала разряжающим образом также в политической сфере.

У меня тогда, т. е. в конце февраля, не было никакого повода предполагать, что этому развитию событий будет нанесен удар со стороны политических взаимоотношений — предстоявшими событиями в Чехословакии. Когда я, в середине января, был по служебным делам в Берлине, рейхсминистр иностранных дел, который в своей первой беседе проявил холодность в отношении Англии, четырьмя днями позже, в последней беседе, обнаружил живейший интерес к вопросу о дальнейшей активизации англо-германских отношений на экономической основе. Так как в эти самые дни в Берлине была получена записка Муссолини о его переговорах с Чемберленом в Риме, из которой было видно, что Чемберлен просил содействия дуче в деле улучшения англо-германских отношений, то я полагал, что это обстоятельство обусловило и нашу более благоприятную позицию.

Это мое впечатление усилилось благодаря тому обстоятельству, что вскоре после моего возвращения в Лондон был вызван в Берлин к рейхсминистру иностранных дел советник по делам печати д-р Хессе, который получил секретное поручение установить, с целью общего сближения, контакт с английским правительством через посредство начальника отдела печати при канцелярии Чемберлена Стюарта, хорошо знакомого Хессе. Имелось также в виду предложить заключить договор о ненападении, для подписания которого рейхсминистр иностранных дел изъявил готовность приехать в Лондон. На эти предложения, высказанные д-ром Хессе Стюарту, последний ответил, что важность дела требует обращения в политически ответственные инстанции. После этого д-р Хессе был приглашен на беседу к сэру Хорасу Вильсону, который занял позицию слушателя *. Дальнейших высказываний с английской стороны в отношении этих заявлений, однако, не последовало, потому ли, что политические события (Чехословакия) сделали ответ ненужным, или же потому, что англичанам не было приятно это сближение неофициальными путями. В пользу последней версии говорило замечание, которое мимоходом обронил в разговоре со мной Галифакс: «Господину фон Риббентропу нужно приехать в Лондон». Я в категорической форме разъяснил

* См. док. № 134.

ему, что неправильно отвечать таким образом на инициативу рейхсминистра иностранных дел; последний ищет пути к ослаблению напряженности отношений с Англией, но сообщил свои соображения в Англию неофициальным путем, чтобы не подвергать себя опасности официального отказа.

Когда я в конце февраля был на открытии выставки древнеяпонского искусства в Берлине, я заболел гриппом и не мог принять никакого участия в каких-либо мероприятиях и лишь в последние два дня перед моим отъездом имел деловые совещания. В это время усилились слухи, что в марте произойдет обострение отношений с Чехословакией, вследствие которого может стать необходимым молниеносное германское вторжение. У рейхсминистра иностранных дел не было времени принять меня, так что я не получил относительно этого никакого точного подтверждения, а равно не получил никакого указания, в каком духе разговаривать или какую позицию занять в отношении вероятной реакции Англии на германское вступление в Чехословакию.

При своем возвращении в Англию 9 марта и до 15 марта я нашел там все то же оптимистическое настроение, которое там господствовало в феврале. Как раз предстояла поездка Стенли в Берлин — 17 марта,— и было очевидно, что британское правительство придавало ей большое значение. Что она с английской стороны была задумана как акт большой политической важности, выяснилось из высказываний самого Стенли лишь позднее, после того как она потерпела крах. Также лишь позднее выяснилось, что британский кабинет, согласно информации, полученной г-ном штаатсратом Вольтатом, в конце февраля принял решение о возврате колоний Германии.

Приняв во внимание этот ход событий, становится очевидным, что британское правительство имело намерение снова пойти на сближение с Германией, которое остановилось на мертвой точке после Мюнхена, а также после еврейского инцидента.

III
Прага

Когда примерно 12 марта разразился конфликт между Чехией и Словакией — вследствие того что Прага вынудила смену кабинета в Словакии,— английская печать не проявила особенно живого интереса к этим событиям. Также и отделение Словакии было воспринято спокойно; пресса заявляла довольно единодушно, что эти события не касаются Великобритании.

В противоположность этому германское вступление в Богемию и Моравию и занятие Праги явились поворотным пунктом в англо-германских отношениях и вообще в британской внешней политике. События 15 марта воздействовали на умы англичан трояким образом:

1) В смысле политического соотношения сил присоединением Богемии и Моравии и превращением Словакии в протекторат была превзойдена та мера приращения могущества, которую Англия была готова предоставить Германии в порядке односторонних действий без предварительного соглашения с Англией. Уже аншлюс Австрии был воспринят отрицательно, так как он означал изменение соотношения сил в пользу Германии. Присоединение Судетской Германии в результате Мюнхенской конференции было воспринято как большое дипломатическое поражение, но оно было все же проглочено — с затаенной мыслью, что теперь поставлены на карту положение Англии в мире и все мировое положение.

2) Во внешнеполитическом отношении — в отношениях обоих народов друг к другу — односторонняя ликвидация Чехословакии рассматривалась как нарушение мюнхенского соглашения, как нарушение текста или, по крайней мере, духа этой сделки. На настроения широких масс еще сильнее действовало впечатление, что Чемберлен «остался в дураках», что это было «нечестно» по отношению к старому человеку, который в сентябре прошлого года три раза летал на самолете в Германию, чтобы «спасти мир».

3) Все представление, которое составил себе средний англичанин о национал-социализме, было поколеблено. Одним из немногих основных принципов национал-социализма, которые стали понятны англичанину и которые до некоторой степени были ему доступны, была расовая теория. Он вспомнил также данные немцами заверения, что Германия не заинтересована в присоединении к ней чуждых по происхождению и по расе чехов. Он воспринял как необъяснимое противоречие между принципами и поступками тот факт, что немцы присоединили около 7 млн. расово чуждых им людей.

Вышеуказанными размышлениями, чувствами и впечатлениями была в известной мере выбита почва из-под англо-германских отношений. Само собой разумеется, такое отношение к германскому вторжению в Богемию и Моравию было в большей своей части неправильным или, по крайней мере, пристрастным и совершенно не считалось с ходом развития событий. Оно не принимало во внимание, что положение в остальной Чехии становилось все неустойчивее, что катастрофу вызвало выступление пражского правительства против Словакии, что присоединение Богемии и Моравии произошло по инициативе президента Гаха, что протекторат не был инкорпорирован, а получил широкую автономию.

Для того чтобы все эти контраргументы возымели действие, уже не было времени. Вступление в Прагу подействовало на английскую общественность, как гром с ясного неба. После того как она оправилась от первого шока,— с натиском и быстротой, опрокидывавшими все доводы здравого смысла, начало формироваться мнение, основанное на полном непонимании действий Германии. Не было ни времени, ни возможности воздействовать на общественное мнение в пользу Германии,— разве только в частных

разговорах. 15-го стало известно о занятии Праги, а уже 19-го были отозваны послы обеих сторон.

Официально известие о занятии Праги было сначала принято неплохо. Чемберлен и Галифакс сделали в этот же день умеренные заявления в парламенте: в том смысле, что, несмотря на осуждение, надо продолжать прежнюю политику. Разумеется, тут же было объявлено, что визит Стенли не состоится, но в остальном не было еще заметно никаких существенных признаков того поворота в общем настроении, который произошел через несколько дней.

Обострение позиции Англии исходило первоначально не от правительства, а от политической общественности, от парламента, из избирательных округов; в Лондоне оно было тем сильнее, чем теснее был контакт между депутатами и их избирательными округами. Причины этого затишья перед бурей и развязывания бури широкими политическими кругами были различны: средний англичанин, который медленно соображает, должен был сначала оправиться от первого шока, полученного от неожиданного известия, и уяснить себе значение события. Когда это произошло, его охватили уже охарактеризованные выше чувства и соображения. К этому еще присоединилось другое обстоятельство решающего значения: консервативным избирателям стало ясно, что ликвидация чехословацкого государственного образования означала не только политическое поражение Чемберлена вследствие краха его политики «умиротворения», но также одновременно ставила под угрозу его внутриполитическое положение, а с ним и власть консервативной партии вообще. Все силы, заинтересованные в сохранении и поддержании этого положения, особенно вся партийная машина, были пущены в ход и оказывали из избирательно-тактических соображений давление на Чемберлена и кабинет, чтобы отказом от политики умиротворения и более резким языком в отношении Германии выбить оружие из рук партий оппозиции (особенно оппозиционных групп внутри консервативной партии) и отдать дань настроениям избирателей.

Одновременно оживились также влиятельные, действующие за кулисами, враждебные немцам элементы, особенно в Форин оффис, и склонили министра иностранных дел Галифакса, который сам по себе был верен премьер-министру, изменить курс британской внешней политики. Не подлежит сомнению, что в эти дни в Форин оффис была выработана политика окружения.

Под давлением этих влияний Чемберлен выступил в пятницу 17 марта в Бирмингаме с известной речью в очень резком тоне. Она положила начало политике окружения заявлением, что Англия вступит в контакт с другими единомыслящими державами.

С этого времени события начали развиваться быстрее. У меня в эти дни были два острых столкновения с Галифаксом, который не только категорически высказался против присоединения Богемии и Моравии и не хотел слушать никаких контраргументов, но

и вообще встал на дыбы и сознательно усугублял остроту положения: он наотрез отказывал в каком-либо извинении за наглое оскорбление фюрера в палате общин депутатом Дафф-Купером, которого спикер не призвал к порядку; он угрожал высылкой германских подданных и требовал отзыва одного члена посольства. В тот же самый день, 18-го, посол Гендерсон был демонстративно вызван в Лондон для «доклада».

В эти дни и до начала следующей недели враждебное немцам настроение еще более возбудилось в результате следующих обстоятельств: депутаты, которые посетили в воскресенье свои избирательные округа для общения с избирателями, вернулись под впечатлением крайне враждебного отношения [к немцам], которое господствовало в стране, и в соответствующем духе воздействовали на правительство. Таким образом, события развивались в обратном направлении по сравнению с 1936 г. при занятии Рейнской области, когда сначала правительство и парламент были за войну, но под влиянием умеряющего воздействия избирателей должны были высказаться в пользу большей сдержанности.

Далее настроение было подхлестнуто враждебной кампанией в печати по поводу того, что Германия якобы имеет завоевательные намерения в отношении Румынии. При переговорах по заключению торгового договора, в связи с интригой частнопредпринимательского характера со стороны румынского посла в Лондоне Тилеа, правительству и общественности была внушена навязчивая идея, что предстоит германское вторжение в Румынию. Это истерическое настроение умов усиливалось еще благодаря слухам, что Германия закончила большие военные приготовления на польской границе, также с намерением вторгнуться в Польшу или по крайней мере в Данцигскую область.

После того как стало известно об отзыве Гендерсона в Лондон, я также получил в субботу 18 марта указание прибыть в Берлин для доклада. В воскресенье я выехал и прибыл в Берлин в понедельник 20-го. Рейхсминистр иностранных дел не имел времени принять меня с докладом. После пятидневного ожидания я поехал в Гредицберг, с согласия рейхсминистра, предоставив себя в его распоряжение. Однако я не был вызван для доклада, а получил приглашение на банкет для почетных гостей фюрера и на выступление фюрера 28 апреля. Однако и здесь я не имел возможности сделать доклад рейхсминистру иностранных дел. Когда я затем 2 мая получил указание вернуться на свой пост, я заявил, что я это могу выполнить только после доклада рейхсминистру. Во время состоявшейся вскоре после этого беседы с рейхсминистром иностранных дел он дал мне указания в том смысле, что мы не хотим войны с Англией, но ко всему готовы. Если Польша заденет Германию, она будет разгромлена. Мы подготовлены к войне на 10 лет, даже на 20 лет. Англичане должны отказать Польше в своей помощи.

6 мая я снова прибыл в Лондон.

IV

Прага — начало войны

1) Мероприятия по окружению в полном ходу. За мое отсутствие произошел большой поворот в английской внешней политике, сказавшийся в следующем: на некоторое время прекратились попытки разрядить напряженность в отношениях с Германией путем прямых переговоров. Вместо этого была предпринята попытка организовать мировую коалицию против Германии, чтобы силой воспрепятствовать расширению германского жизненного пространства, и, так сказать, под наведенным револьвером заставить Германию высказать свои желания перед этим трибуналом, который и вынесет затем свое решение.

В первом порыве ярости английское правительство осыпало гарантиями целый ряд государств. Эти гарантии были односторонними, если соответствующее государство было против двустороннего договора; эти гарантии были двусторонними, если данное государство было согласно включиться в союзную систему. Поспешнейшим образом был заключен тесный союз с Польшей, не в последнюю очередь вследствие ложных известий о германском вторжении.

По возвращении в Лондон я попытался составить себе представление о том, ведут ли англо-германские отношения неудержимо к войне, или же имеется еще надежда на мир. Когда я судил об общем положении, находясь в Германии, война казалась мне неизбежной, ибо Англия совершенно явно вела политику окружения с величайшей энергией, не считаясь с политическими, военными и финансовыми жертвами, а Германия, согласно речи фюрера в Вильгельмсгафене, не могла, как в 1914 г., спокойно ожидать, пока вокруг нее будет полностью сковано железное кольцо.

Мои первые лондонские впечатления, казалось, подтверждали это мнение. Мероприятия по окружению достигли как раз того момента, когда в них должен был быть включен Советский Союз. Начались те затяжные и переменчивые переговоры, которые продолжались все лето. Характерно было то упорство, фанатизм, почти истерия, с которой политическая общественность подгоняла переговоры и понуждала правительство к все большим и большим уступкам, с тем чтобы пакт был заключен по возможности скорее. Все пощечины со стороны Советского Союза были приняты; поддавались на каждую, все более дерзкую русскую уловку и подошли наконец вплотную к тому, чтобы путем уступки в вопросе о «косвенной агрессии» отдать на милость России малые государства.

Из поведения общественности было ясно, что это давление с целью скорейшего заключения соглашения оказывалось потому, что коалицию без русской помощи считали недостаточно сильной для того, чтобы она выполнила свое назначение. Довольно сильная печать истерии, лежавшая в Англии на всех этих соображениях, не производила впечатления силы.

Параллельно с русскими переговорами велось в течение всех летних месяцев бесчисленное количество отдельных технических переговоров с другими участниками политики окружения: финансовые переговоры с Польшей; военные переговоры с Польшей в Лондоне; визит генерала Айронсайда в Варшаву; кредиты для Румынии и Турции; турецкая военная миссия в Лондоне; воздействие на Югославию.

Благодаря этой продолжающейся активности усиливалось, особенно за пределами Англии, впечатление, что Англия хотела с максимальной быстротой сделать окружение непроницаемым и тем самым хотела увеличить и увеличивала опасность войны. Этим были окончательно подавлены еще не исчезнувшие здравые тенденции, тем более что пресса не знала границ в своей лживой и клеветнической кампании. Например, «Санди экспресс» опубликовал целую серию статей под заголовком: «Человек, который убил Гитлера». Из этих статей следовало, что фюрер якобы убит уже некоторое время тому назад и что он с тех пор заменен двойником, заготовленным заранее! Далее в различных газетах было помещено сообщение, что Геринг якобы ранен во время покушения на его жизнь, и т. д. и т. д.

Отношение властей к немцам было также крайне недружелюбно. Ландесгруппенлейтер Карлова и 5 других членов национал-социалистской партии были высланы за пределы Англии без всякого на то повода. Некоторые германские купцы из рейха, которые работали в Англии уже 10—15 лет, были лишены права жительства, другим же не был разрешен обратный въезд в Англию. Для немецких детей, которые учились в английских школах, стало практически невозможно дальнейшее посещение школы вследствие враждебной и подстрекательской в отношении немцев системы преподавания.

2) Растущая реакция против фронта окружения. При ближайшем исследовании различных течений оказалось, что не все то было золото, что блестело, т. е. что не все то, что выдавало себя за фронт, полный решимости воевать, было таковым в действительности. Все более выкристаллизовывались небольшие, но влиятельные круги, для которых фронт окружения был не самоцелью, а средством достижения цели, т. е. Англия сознавала превосходство Германии и невозможность для себя играть роль равноправного партнера при переговорах. Она хотела посредством вооружений и образования коалиции принудить Германию заявлять свои дальнейшие требования путем переговоров. При этом можно было убедиться в растущем понимании этих требований. Даже понятие «жизненное пространство» проложило себе дорогу в английское словоупотребление.

Одновременно с этими, более благоразумными тенденциями шло все более возраставшее отрезвление в отношении действен-

ности создаваемого единого фронта окружения. В то время как по случаю включения Турции в этот фронт царило безграничное пикование, все более возрастало разочарование в отношении Польши и России: постепенно убеждались в непрочности польского государства, в сумасбродстве его великодержавных вожделений и его неутолимой нужде в деньгах. Советский Союз вызывал неудовольствие все более обременительными условиями, предъявлявшимися им в переговорах, своим явным недоверием к Чемберлену и суровой холодностью, которой он отвечал на английское ухаживание.

Эти настроения проявились в нескольких речах Чемберлена и Галифакса, в которых ясно выражался принцип двухсторонней политики Англии или политики двойного действия, как она иначе называется. Англия хочет посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией и готова для этого принести жертвы: в вопросе о колониях, о приобретении сырья, о жизненном пространстве, о сферах экономических интересов. Таковы были крылатые слова, которые употреблялись без каких-либо конкретных предложений.

3) Пути к успокоению. После того как я позондировал почву и открыл вышеупомянутые тенденции, я счел наиболее эффективным воздействие на руководящие круги Англии по двум линиям: сначала — предостережением против политики фронта окружения, а затем — конструктивными примирительными предложениями.

Мои предупреждения о тяжких последствиях продолжения политики окружения я инфильтрировал в политические каналы тремя способами: частью лично, частью через поставленных мною на эту работу членов посольства, в особенности через советника по делам печати, частью путем бесед: a) с официальными лицами, b) с политическими деятелями (депутатами, публицистами и т. д.), c) с соответствующими членами дипломатического корпуса.

В своем воздействии на должностных лиц я был ограничен известными рамками вследствие того, что сдержанность вменялась мне в обязанность. Поэтому я должен был отказаться от официальных обращений к Чемберлену или Галифаксу. Мне удалось, однако, с течением времени установить желаемые контакты иным путем. Во время завтрака у заместителя министра Батлера, где кроме нас двоих присутствовали только Галифакс и Кордт, я имел долгую беседу с Галифаксом. Я обстоятельно говорил с сэром Хорасом Вильсоном (значит — с Чемберленом) и имел несколько бесед с лордом Четфилдом и лордом Ренсименом.

Воздействие на лиц из политических кругов не представляло больших трудностей. Такие беседы происходили по инициативе самих членов парламента, не говоря о журналистах и публицистах.

Двумя важнейшими пунктами в моих высказываниях были: a) говоря коротко: своей гарантией Польше Англия отдала судьбу всеобщего мира в руки второстепенных польских чиновников и военных (провокация столкновений в [польском] коридоре или в Данциге); b) опасность для Германии английской политики окружения ясна всему германскому народу; он единодушен в решимости отразить эту опасность и не допустить повторения 1914 г. Оба эти главные положения были дополнены дальнейшими подробными разъяснениями; в особенности я старался просветить англичан, не сведущих в континентальных и особенно в восточноевропейских вопросах, относительно природы польского государства и относительно наших притязаний на Данциг и [польский] коридор.

Мои усилия в направлении конструктивной политики, т. е. возможности достигнуть успокоения методом переговоров, имели задачей установить прямой контакт между фюрером и каким-либо руководящим английским деятелем. Независимо от того, что мне это вообще казалось наиболее быстрым и верным путем к цели, в правильности этой мысли меня убеждало одно высказывание, приписываемое фюреру. Он, говорят, высказал уверенность, что в прямой беседе на немецком языке с порядочным, прямодушным англичанином найдет без особого затруднения удовлетворительное решение всех спорных вопросов. (Эти слова были мне позже — в конце июня — подтверждены бароном Гейром через г-на Хевеля.) Эту мысль о прямом объяснении с влиятельными англичанами пустить в ход было не трудно, так как они сами время от времени высказывали эту же мысль. Что это предложение встретило благоприятный прием, убедительнее всего было доказано тем, что оно было высказано мне третьим лицом в качестве его собственной мысли.

Но трудно было найти лицо, которое было бы симпатично фюреру, т. е. прямую, честную, солдатскую натуру, и которое вместе с тем владело бы немецким языком. Я думал о Батлере, Айронсайде, Берджине, Эддисоне, Четфилде,— у всех чего-нибудь недоставало: мешало либо незнание немецкого языка, либо недостатки характера. Наиболее подходящим казался мне лорд Четфилд. Насколько распространена была мысль о таком объяснении, показало мне замечание сэра Хораса Вильсона, что имеется в виду выдающаяся личность из английского хозяйственного мира. Позже через посредствующее лицо мне было сообщено Чемберленом и сэром Хорасом Вильсоном, что всякого рода личности, выдающие себя за влиятельных политиков,— как лорд Моттистон — навязывались со всех сторон и что необходима величайшая секретность. Этот посредник предоставил себя в распоряжение для дальнейшего обмена мыслями и был использован. В конце концов дело приняло другой оборот и закончилось беседами, которые штаатсрат Вольтат и я имели с сэром Хорасом Вильсоном.

4) Данцигский кризис и усиление воинственного настроения. Насколько трудным стало продвижение подобных планов и как усложнилось общее политическое положение, обнаружилось, когда данцигский вопрос выступил на первый план и английские обязательства в отношении Польши подверглись первому испытанию. По мере того как со стороны Данцига все настоятельней выдвигалось требование о его возвращении в состав империи и Данциг принимал меры самообороны, английской общественностью овладевала все возрастающая нервозность. Питаемый различными источниками, хлынул в английскую печать поток ложных сообщений о сосредоточенных в Данциге армейских корпусах, о введенной туда тяжелой артиллерии, о сооружении укреплений и т. д. Эта враждебная кампания достигла своего кульминационного пункта в первые дни июля, когда в конце недели сообщения Юнайтед Пресс из Варшавы о данцигско-польском кризисе, ультиматуме и т. д. вызвали в Лондоне настоящую панику и кризисное настроение. Создатели паники были скоро выявлены посольством — это были американские круги, работавшие через американское посольство в Варшаве. Впервые со всей отчетливостью проявилась заинтересованность Рузвельта в обострении положения или войне для того, чтобы сначала добиться изменения закона о нейтралитете, а затем, чтобы, благодаря войне, быть вновь избранным.

Эти интриги и кризисы оказали непосредственное влияние, поскольку они принудили Чемберлена сделать еще более ясно сформулированные заявления, что всякое изменение статус-кво в Данциге будет означать для Англии необходимость выполнить свои союзные обязательства. Одновременно все более возрастали возбуждение, враждебность к немцам, решимость воевать или фатализм широких масс населения. Представление, что всякое изменение существующего положения, предпринятое без согласия Польши, будет иметь следствием объявление войны Германии со стороны Англии, овладело, как маниакальная идея, умами широчайших кругов Англии.

В начале июля настроение населения могло быть охарактеризовано в следующем разрезе: первая прослойка представляла собою численно незначительную, но политически влиятельную группу, которая сознавала опасность принятого курса и стремилась каким-либо образом прийти к соглашению с Германией,— однако она была в известной мере в плену своей собственной политики; затем следовал более широкий круг решительных и подстрекающих к войне врагов Германии, состоящий из группы Черчилля — Идена — Эмери — Купера с их приверженцами, из леволиберальных, ультрапацифистских элементов, из газетной группы вокруг «Дейли кроникл», «Йоркшир пост», «Манчестер гардиен», из влиятельных еврейских групп, из эмигрантов, американского влияния и т. д. Третий слой — широкая общественность, у которой не было ненависти к Германии, но которая

устала от «вечных помех для спокойного развития», ответственность за которые она возлагала на Германию. Ее чувства могут быть лучше всего выражены фразой: «Если борьба неизбежна, не будем ее откладывать». Боевое настроение находило общую поддержку в ощущении, что недочеты в вооружениях преодолены и что особенно в отношении авиации и противовоздушной обороны Англия вооружена в достаточной мере.

Трудности на пути к разряжению атмосферы проявились, таким образом, с полной очевидностью и были следующим образом охарактеризованы мною в моих беседах с Галифаксом, Вильсоном и многими другими лицами: сложность английской параллельной политики действует на внешний мир как неискренность. С одной стороны — дела: лихорадочная политика окружения и гонка вооружений; с другой стороны — слова: мир и дружба с Германией. Дальнейшим препятствием в деле успокоения является блокирование всех возможностей переговоров из-за все более определенных заявлений Чемберлена, которым соответствует все более явный отказ Польши пойти на какие-либо уступки. И, наконец, самой большой трудностью в деле умиротворительных переговоров является подогревание общественного мнения через печать, так что всякая попытка успокоения клеймится как государственная измена.

5) Позиция германской прессы в отношении Англии. Неудивительно, что при этих обстоятельствах немцы не имели благоприятной атмосферы для ослабления напряженности отношений, а также и никакого желания рассмотреть, какую цену имеют более миролюбивые, случайные высказывания британских государственных деятелей — как, например, речи Галифакса в палате лордов и в Чатам-хауз. Германская пресса рассматривала отношения с Англией исключительно с точки зрения английской политики окружения и полемизировала с английской прессой, которая давала ей для этого чрезвычайно богатый материал. Другого тона, чем фортиссимо, нельзя было и ожидать от германской прессы, так как она уже с осени 1938 г. взяла самый резкий тон в отношении Англии и статьи без полемической тенденции были редкостью. Хотя публика в обеих странах настолько привыкла к взаимной вражде английской и германской прессы, что действие этой вражды притупилось, однако, время от времени, то личные нападки германской печати на руководящих английских деятелей, то насмешливые замечания о короле, то кампания по поводу палестинских зверств, направленная против английской армии, вызывали взрывы озлобления и еще более сокращали возможность примирения между Германией и Англией. Поэтому советник посольства по делам печати справедливо поставил вопрос о прекращении этой пропаганды и указал на то, что «достаточно дуновения ветра, чтобы побудить льва сделать прыжок!». Иногда создается впечатление, писал он, словно хотят вывести из терпения англичан раньше, чем настанет пора штурмовать Польшу.

Наряду со столь серьезными возможностями, связанными с позицией германской прессы или с методами германской пропаганды, можно оставить без рассмотрения более мелкие промахи или бестактности, которые делала германская пропаганда. Следует упомянуть только, что было бесспорнейшей ошибкой перевести на английский язык статью рейхсминистра Геббельса в «Фелькишер беобахтер», направленную против пропагандиста Стефена Кинг-Хэлла, и распространить ее в Англии. Полемика, рассчитанная на немецких слушателей, теряет свое действие в отношении английских слушателей, тем более что перевод имеет погрешности и так цепляется за оригинал, что немецкие жаргонные выражения, как «старый честный морской волк», переводятся: «вы можете рассказывать эти сказочки морячкам, вы, почтенный, старый британский Джек Тар». С другой стороны, заслуживает внимания, что деловые брошюры разъяснительного характера о Данциге, как, например, брошюра Фукса, были замечены и оказали свое хорошее действие. Также и данцигский профессор Хаферкорн сумел добиться успеха во влиятельных английских кругах как своими письменными, так и устными выступлениями.

В общем, если наблюдать [события] из Англии, то отношение германской публицистики к Англии производило такое впечатление, что каждое слово примирения с английской стороны в отношении Германии характеризовалось как признак слабости и упадка, в то время как решительный тон рассматривался как наглый вызов.

6) Английское предложение открыть переговоры. В середине июля в англо-германских отношениях наступило некоторое успокоение. Оно было вызвано отрезвлением, наступившим после разоблачения интриг подстрекателей к войне за кулисами данцигского кризиса, успокоительными известиями из Германии об уходе в отпуск руководящих лиц, большим спокойствием в Данциге и намерением английского правительства распустить парламент на каникулы.

В связи с этим или по случайному совпадению вылились в позитивные действия уже упомянутые выше конструктивные тенденции в британском правительстве, которое, взамен негативизма фронта окружения, стремилось посредством переговоров с Германией достигнуть соглашения с нею. С этой целью обратились к приехавшему в Лондон для переговоров штаатсрату Вольтату, который еще до этого завязал хорошие отношения с соответствующими лицами и, действуя в качестве экономического особоуполномоченного по 4-летнему плану, мог подчеркнуть экономическую сторону переговоров. Инициатива исходила от сэра Хораса Вильсона, ближайшего сотрудника и советника Чемберлена. Когда г-н Вольтат находился в Лондоне в июле для участия в китоловных переговорах, Вильсон пригласил его для беседы, во время которой он, на основе подготовленных заметок, развил программу широкого урегулирования англо-германских

отношений. Программа предусматривала соглашения политического, военного и экономического характера.

В политической сфере предусматривался пакт о ненападении, заключающий отказ от принципа агрессии. Сокровенная цель этого договора заключалась в том, чтобы дать возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши на том основании, что они этим договором установили бы отказ Германии от методов агрессии.

Затем должен был быть заключен договор о невмешательстве, который служил бы до некоторой степени маскировкой для разграничения сфер интересов великих держав.

В военном отношении были предусмотрены переговоры о заключении соглашения об ограничении вооружений на суше, на море и в воздухе.

В экономической сфере были сделаны предложения широкого масштаба: предусматривались переговоры по колониальным вопросам, об обеспечении Германии сырьем, о разграничении индустриальных рынков, по международным долгам, по применению клаузулы о наибольшем благоприятствовании.

Основная мысль этих предложений, как объяснил сэр Хорас Вильсон, заключалась в том, чтобы поднять и разрешить вопросы столь крупного значения, что зашедшие в тупик ближневосточные вопросы, как данцигский и польский, отодвинулись бы на задний план и могли бы тогда быть урегулированы между Германией и Польшей непосредственно.

Значение предложений Вильсона было доказано тем, что Вильсон предложил Вольтату получить личное подтверждение их от Чемберлена, кабинет которого находится недалеко от кабинета Вильсона. Однако Вольтат уклонился от этого, чтобы не нарушить неофициального характера своей миссии.

Министр внешней торговли Хадсон также просил г-на Вольтата, через посредство норвежского делегата на китоловной конференции, встретиться с ним для беседы. Посоветовавшись со мной, г-н Вольтат удовлетворил его желание. В продолжительной беседе Хадсон развил мысль об англо-германском экономическом сотрудничестве в области внешней торговли. Он указал на то, что перед обоими народами находятся три обширные области, представляющие необъятное поприще для экономической деятельности: английская империя, Китай и Россия. О них возможны соглашения, так же как и о других странах; на Балканах Англия не имеет никаких экономических притязаний. Говорилось и о финансовых вопросах. Однако не было речи о предоставлении Германии займа для перестройки военной экономики на мирную. Г-н Вольтат вынес впечатление, что Хадсон хорошо знаком с этими вопросами и является человеком смелых комбинаций.

После беседы с Хадсоном штаатсрат Вольтат имел второе собеседование с Вильсоном, во время которого Вольтат получил подтверждение хадсоновских предложений.

Факт беседы Вольтат — Хадсон, вследствие нескромности последнего, стал известен прессе, был представлен ею сенсационным образом и был поставлен в связь со слухами, циркулировавшими в последние дни в Сити и на Флит-стрит, о предоставлении Англией Германии займа в 1 миллиард фунтов стерлингов для перевода германской экономики на мирное положение. По этому поводу Хадсон сделал в воскресных газетах бестактные и еще более взбудораживающие разъяснения. Жажда сенсации и в этом случае присоединилась к желанию известных английских кругов душить в зародыше всякий проблеск возможности соглашения. Однако атмосфера не слишком ухудшилась, и продолжение собеседований не стало невозможным, ибо переговоры Вильсон — Вольтат остались неизвестными прессе, а английская нескромность была принята в Берлине сравнительно хладнокровно.

Через несколько дней после отъезда г-на Вольтата известный умеренный политик лейбористской партии Чарльз Роден Бакстон посетил советника посольства Кордта и развил перед ним в более законченной форме мысли, которые находились в несомненном родстве с предложениями, изложенными сэром Хорасом Вильсоном; Бакстон лишь сильнее подчеркивал политическую сторону англо-германского примирения, чем экономическую. Бакстон считал необходимым возвращение к методу тайной дипломатии, так как народы [по его словам] столь возбуждены и атмосфера столь сгустилась, что публичные [выступления] государственных деятелей принесли бы больше зла, чем блага. Посредством тайных переговоров должно быть подготовлено политическое соглашение, как это было в 1904 г. при заключении Антанты с Францией или в 1907 г. при заключении Антанты с Россией. (Тот факт, что Чемберлен в это самое время в палате общин упомянул о продолжительном времени, которое потребовалось для заключения Антанты с Францией и Россией, говорит за то, что Бакстон, видимо, обсудил свой план с официальными лицами или даже, быть может, был ими инспирирован.) Англия стоит теперь — так говорил далее Бакстон — перед теми же проблемами, что и тогда; тогда дело шло о разграничении жизненных пространств и сфер интересов с Францией и с Россией. Великобритания, таким образом, обещала бы уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Англия отказалась бы от гарантий, данных ею некоторым государствам, находящимся в германской сфере интересов. Далее, Великобритания воздействовала бы на Францию в том смысле, чтобы Франция уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в Юго-Восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы. Германия же должна была бы объявить о своей готовности к европейскому сотрудничеству и согласиться на всеобщее сокращение вооружений. Об этом разговоре, точно так же, как, разумеется, и о беседе с сэром Хорасом Вильсоном, был представлен отчет министерству иностранных дел.

Напоминания относительно приступа к примирительной акции с английской стороны продолжались в последующие дни и были переведены на официальные рельсы. Ввиду того, что моя беседа с г-ном Батлером не состоялась до начала наших обоюдных отпусков вследствие преждевременного отъезда Батлера, г-н Батлер передал мне через г-на Кордта, что сэр Хорас Вильсон желает говорить со мной. Чтобы не привлечь ничьего внимания, я посетил Вильсона 3 августа на его частной квартире и имел с ним почти двухчасовой разговор. В основных чертах беседа эта протекала в тех же рамках, что и беседы Вольтата. Я придавал значение тому, чтобы получить от него подтверждение предложений, которые он сделал Вольтату. Вильсон это и сделал, так что аутентичность проекта не подлежит сомнению.

Для меня особенно важно было выяснить взаимоотношение между вильсоновскими предложениями и английской политикой окружения. И по этому пункту Вильсон подтвердил мне еще более ясным образом, чем Вольтату, что с заключением англо-германской Антанты английская гарантийная политика будет фактически ликвидирована. Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения; таким образом, Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Тогда Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией.

По моему настоянию, сэром Хорасом Вильсоном был разъяснен также и вопрос, каким образом, ввиду разжигания английского общественного мнения, следует вести переговоры и спасти их от судьбы переговоров с Вольтатом. Он без обиняков признал, что Чемберлен сильно рискует, вступая на этот путь, и подвергает себя опасности падения. При большой ловкости и строгой секретности можно было бы обойти этот подводный камень. Но английское правительство должно иметь уверенность в том, что его инициатива встречает такую же готовность с немецкой стороны. Не имело бы никакого смысла начинать переговоры, если бы предстоял новый кризис. Поэтому английское правительство хотело бы знать, как принял фюрер вольтатовский отчет; предвидит ли он на ближайшие месяцы спокойный период для переговоров и, наконец, склонен ли он со своей стороны проявить готовность к переговорам путем ли публичного заявления или доверительным путем. Во всяком случае, для английского правительства было бы большим разочарованием, если бы с нашей стороны не было ответа на английскую инициативу. И тогда катастрофа осталась бы единственной альтернативой.

Я возражал на некоторые слишком обличительные суждения Вильсона, как, например, об атмосфере недоверия после Праги, об односторонних военных приготовлениях Германии. Вообще же

я больше слушал, чем говорил, к чему меня обязывало хотя бы уже то, что у меня не было никаких данных относительно того, как был принят отчет Вольтата о его лондонских беседах руководящими германскими инстанциями. Мне было лишь известно из личной телеграммы рейхсминистра иностранных дел, запросившего о содержании политических переговоров Вольтата, и из телеграммы статс-секретаря, что отчет Вольтата был препровожден фельдмаршалом Герингом рейхсминистру иностранных дел.

7) Оценка демарша Хораса Вильсона. Рассматривая политику английского правительства летом 1939 г., вылившуюся в демарш сэра Хораса Вильсона, становится ясным, что, чем дальше, тем все более усиливалась реакция против поспешно начатой опасной и легкомысленной политики окружения. По-видимому, одновременно с непрерывно увеличивающимся разочарованием по поводу переговоров с Россией усиливалась тенденция к конструктивной политике в отношении Германии, которая воплотилась в предложениях Чемберлена — Вильсона штаатсрату Вольтату и мне. Чемберлен, как объясняют его сторонники занятую им внутриполитическую позицию, вынужден был уступить натиску общественного мнения, твердо веря, что вскоре оно образумится. Затем он решил, что пришло время, чтобы овладеть общественным мнением и направить его по намеченному им пути, т. е. поступить так же, как он поступил в абиссинском деле. Таким образом, теперь он захотел использовать разочарование политической общественности в отношении России для того, чтобы снова взять курс на соглашение с Германией.

Невероятные трудности, с которыми такое начинание столкнулось бы в Англии, мною уже отмечены: блокирование всех возможностей вести переговоры вследствие английских заявлений о Данциге и разжигание общественного мнения. С другой стороны, следует подчеркнуть, что в предложениях сэра Хораса Вильсона эти трудности были учтены (сравнение с заключением Антанты в 1904 и 1907 гг.; секретность переговоров) и содержались осуществимые, или, по крайней мере, достойные попытки их осуществить, возможности. Позиция Чемберлена была, во всяком случае, достаточно прочной, чтобы, при данных обстоятельствах, осуществить его план. Влиятельные лица указывали неоднократно мне на то, что избиратели стоят за Чемберлена независимо от того, выступит ли он перед ними с лозунгом «война» или «мир». Эта констатация была, безусловно, правильной. Для значения, которое придавали Чемберлен и Вильсон своим предложениям, характерно то, что Чемберлен был готов подтвердить их Вольтату и что Вильсон, кроме того, настойчиво подчеркивал то большое значение, которое придает английское правительство германскому ответу, и считал, что альтернатива будет заключаться в том, чтобы скатиться к войне.

Трагедией и решающим моментом в возникновении новой англо-германской войны следует считать то, что Германия тре-

бовала для себя равного места мировой державы рядом с Англией, и Англия в принципе была готова согласиться на это. Но в то время как Германия требовала немедленного, всеобъемлющего и недвусмысленного осуществления своих требований, Англия хотя и была готова отказаться от своих обязательств на востоке, а тем самым и от политики окружения, равно как соглашалась предоставить Германии преобладающее положение на востоке и юго-востоке Европы и приступить к переговорам о полноценном сотрудничестве с Германией в мировом масштабе, но с тем, что все это должно быть достигнуто путем переговоров и постепенного изменения английской политики. Это изменение должно было быть осуществлено в течение месяцев, а не дней или недель.

Далее, с точки зрения техники и атмосферы переговоров дальнейшие затруднения были вызваны тем, что [как раз] в тот период, когда англичане были готовы вести эти переговоры и делать уступки, до переговоров дело не дошло; имеется в виду период от Мюнхена до Праги (исключая период антиеврейских демонстраций в Германии в ноябре м-це). После Праги наступил общеизвестный крутой поворот в английской политике, а также во внутреннем отношении каждого англичанина к Германии. Политика окружения стояла на первом плане. Когда же в июльской акции Чемберлена и Вильсона снова проявились примирительные тенденции, то европейская атмосфера была сильно насыщена электричеством. Проверка опытом, не могло ли это предложение привести к мирному исходу,— не была сделана.

8) Отношение Берлина к английскому предложению о переговорах. Через неделю, после беседы с сэром Хорасом Вильсоном, я уехал из Лондона. Еще в июле я выразил желание приехать в середине августа в Берлин для доклада и остаться в Германии до съезда партии. Рейхсминистр иностранных дел удовлетворил мою просьбу. Как мне позже стало известно, мне было бы предложено попросить отпуск, если бы я этого не сделал сам; так было с послом в Париже графом Вельчеком. В понедельник 13 августа я прибыл в Берлин. За день до этого закончились переговоры с графом Чиано в Фушле и в Оберзальцберге. Я попросил дежурных чиновников канцелярии министра доложить о моем прибытии рейхсминистру иностранных дел и узнать, должен ли я явиться к нему с докладом в Фушль, и если должен, то когда. В течение следующих дней на мои запросы мне отвечали, что по интересующему меня вопросу не получено никаких указаний от рейхсминистра иностранных дел. Я спрашивал также статс-секретаря фон Вейцзекера, когда я могу явиться для доклада в Фушль. Г-н фон Вейцзекер обещал мне еще специально написать рейхсминистру иностранных дел о приеме меня для доклада; позднее он прочитал мне отрывок из своего письма рейхсминистру иностранных дел, кратко излагавший то, что я говорил статс-секретарю, в особенности относительно позиции Англии в случае германо-польской войны.

В эти же дни мне неоднократно говорили в Берлине, что рейхсминистр иностранных дел убежден, что в случае германо-польской войны Англия не выступит на стороне Польши. Далее я узнал, что донесение г-на Вольтата о его лондонских беседах воспринимается и рассматривается скорее в качестве общей картины настроения. Мое же донесение о беседе с сэром Хорасом Вильсоном * было принято как дальнейшее свидетельство слабости Англии.

Ответа от рейхсминистра иностранных дел на мое обращение не последовало. Было ясно, что он не имеет времени или желания выслушать мой доклад, т. е. точно так же, как это было во время мартовского кризиса, когда я был вызван для доклада в Берлин и затем не был принят. Так как я чувствовал тяжесть лежащей на мне ответственности и не имел возможности сделать устный доклад, то я решил показать в короткой памятной записке **, какую позицию займет Англия в случае германо-польской войны.

Я указал на то, что польский вопрос сам по себе не является решающим для Англии, но что решающим является стремление воспрепятствовать одностороннему расширению могущества Германии на континенте. Если даже Англия и не обязана автоматически вмешаться в германо-польский конфликт, то все же следует считать ее вмешательство против нас в высшей степени вероятным. Эту памятную записку я переслал 18 августа заказным письмом статс-секретарю с просьбой о передаче ее рейхсминистру иностранных дел, что и было исполнено.

Я просил и получил от статс-секретаря разрешение остаться до дальнейших распоряжений в Гредицберге. 16 августа я выехал сюда, где и занялся составлением упомянутой памятной записки. Однако мои услуги в дальнейшем не потребовались.

Фон Дирксен

Постскриптум. Я составил эту записку потому, что считал себя обязанным письменно изложить, как развивались англо-германские отношения во время моего пребывания в Лондоне на случай, если когда-нибудь впоследствии возникло бы желание собрать весь имеющийся материал по этому вопросу. Эту обязанность я ощущал тем сильнее, что незадолго до возникновения войны все важнейшие бумаги посольства в Лондоне должны были быть сожжены; донесения же министерству иностранных дел не содержали некоторых подробностей. Настоящая записка была составлена по памяти, без помощи документов.

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 169—227.

* См. док. № 100.
** См. док. № 128.

122. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

17 августа 1939 г.

Начало заседания в 10 час. 07 мин. Окончание заседания в 13 час. 43 мин.

Маршал К. Е. Ворошилов (председательствующий). Заседание военных миссий объявляю открытым.

На сегодняшнем заседании нам предстоит заслушать сообщение об авиационных силах Советского Союза. Если нет никаких вопросов, я позволю себе предоставить слово командарму 2-го ранга начальнику Военно-Воздушных Сил РККА Локтионову.

Командарм А. Д. Локтионов. Начальник Генерального штаба Красной Армии командарм 1-го ранга Шапошников в своем докладе здесь сказал, что на западноевропейском театре Красная Армия развернет 5—5,5 тыс. боевых самолетов. Это количество составляет авиацию первой линии, помимо резерва.

Из указанной цифры современная авиация составляет 80% со следующими скоростями: истребители — от 465 до 575 *км/час* и больше; бомбардировщики — от 460 до 550 *км/час*. Дальность бомбардировочной авиации — от 1800 до 4000 *км*. Бомбовая нагрузка — от 600 *кг* на самолетах старых типов и до 2500 *кг*.

Г-н маршал авиации Бернет заявил, что лучше иметь меньше самолетов первой линии, предпочитая реальную их замену во время войны. Это правильно в том смысле, что производственные мощности авиационной промышленности должны быть такими, которые бы обеспечили полностью покрытие убыли самолетов во время войны, что особенно важно. Однако совсем не мешает иметь их и в первой линии такое количество, которое, во всяком случае, не было бы меньшим, чем у вероятных противников. Тот, кто вступит в войну с превосходной авиацией, тот, несомненно, будет иметь большое преимущество перед врагом.

Соотношение бомбардировочной, истребительной и войсковой авиации составляет: бомбардировочная — 55%, истребительная — 40% и войсковая — 5%.

Авиационные заводы Советского Союза в данное время работают в одну и только некоторые в две смены и выпускают для необходимой потребности в среднем 900—950 боевых самолетов в месяц, помимо гражданских и учебных.

В связи с ростом агрессии в Европе и на востоке наша авиационная промышленность приняла необходимые меры для расширения своего производства до пределов, необходимых для покрытия нужд войны.

Личный состав. Подготовка летного и технического состава воздушных сил проводится по следующей системе. Первоначальное обучение на учебных самолетах молодежь, признанная годной в физическом отношении для службы в авиации, проходит в аэроклубах, после чего свое дальнейшее летное обучение проходит в авиационных школах и училищах со сроком обучения в

1—2 года. Летчики-пилоты и летчики-наблюдатели обучаются в 19 авиационных школах и училищах; технический состав всех специальностей — в 8 авиационно-технических училищах. И кроме того, имеется 4 училища для усовершенствования летно-технической подготовки. А всего имеется 33 училища. При существующих технических училищах имеются курсы дополнительной подготовки инженерно-технического состава. Все школы и училища заполнены целиком и обеспечивают пополнение воздушных сил и накопление резерва.

Для высшей подготовки командиров летного состава и инженеров мы имеем Воздушную академию.

Помимо этого гражданский воздушный флот имеет свои отдельные школы для подготовки летного и технического состава не только для пополнения своих кадров, но и для накопления резервов. Переподготовка уже обученного запаса летно-технического состава систематически проводится в учебных центрах и запасных частях.

Применение авиации. Готовность основных соединений авиации по боевой тревоге исчисляется от 1 до 4 часов. Дежурные части находятся в постоянной боевой готовности.

В начальный период войны действия воздушных сил будут соответствовать разработанным планам Генерального штаба. Общий принцип действий воздушных сил определяется требованием сосредоточения усилий всех средств, как наземных, так и воздушных, в направлении главного удара. Отсюда действия авиации происходят в тесном взаимодействии с наземными войсками на поле боя и в глубину проводимой операции.

Целями бомбардировочной авиации будут являться: живая сила противника и ряд его важных военных объектов. Кроме того, бомбардировочная авиация будет получать задачи для действия по военным объектам и в более глубоком тылу противника. Советская авиация не ставит перед собой задачи бомбометания по мирному населению.

Истребительная авиация имеет своей задачей, помимо обороны ряда важных военных объектов, железных и шоссейных дорог, прикрытия сосредоточений наземных войск и авиации, защиты крупных городов в тесном взаимодействии с остальными средствами противовоздушной обороны — зенитной артиллерией и прочими средствами, борьбу с авиацией противника и обеспечение боевых действий бомбардировочной и штурмовой авиации на поле боя в тесном взаимодействии с ними.

Базирование авиации на оперативных аэродромах и работа авиационного тыла позволяют гибко маневрировать авиации по фронту и в глубину, избегая ненужной переброски авиационных парков.

Я кончил.

Маршал К. Е. Ворошилов. Слово имеет маршал Бернет.

Маршал Бернет. Я хотел бы от имени французской и английской миссий выразить генералу Локтионову нашу благодарность за точное изложение своего сообщения. На меня произвели сильное впечатление та энергия и организованность, с которыми Советский Союз сумел добиться таких выдающихся результатов в создании своей авиации.

Я попрошу разрешения несколько позднее задать один или два вопроса для уточнения некоторых моментов, которые остались для меня не совсем ясными в сообщении генерала Локтионова.

Ген. Вален. Могу ли я задать несколько вопросов, так как не совсем понял отдельные места в изложении генерала Локтионова, в частности насчет применения баз.

Командарм А. Д. Локтионов. Авиация с баз мирного времени по боевой тревоге переходит на запасные аэродромы, рассредоточивается. Согласно планам командования, авиация занимает свои, как мы называем, боевые, оперативные аэродромы, на которых уже в настоящее время имеются необходимые запасы бензина и боеприпасов. Сеть аэродромов позволяет маневрировать авиации и по фронту, и в глубину.

Маршал К. Е. Ворошилов. Разрешите перейти к дальнейшему обсуждению вопросов. У нас остались вопросы для обсуждения — это вопросы, заданные английской и французской миссиями нашей советской миссии. Вопросы, заданные советской миссии в количестве восьми плюс один морской вопрос, а всего в числе 9, представляют собою, с одной стороны, вопросы общие, имеющие политический, отвлеченный характер; с другой стороны, эти вопросы включают в себя элементы таких деталей и [такой] конкретизации взаимоотношений будущих союзников, ответы на которые будут вытекать из самого факта возможного заключения военной конвенции между нашими странами.

Сделав эту оговорку, я считаю необходимым коротко ответить по пунктам на эти вопросы.

Первый вопрос: каково мнение советской военной миссии о возможности вступления Италии в войну: а) в случае, если Советский Союз подпишет пакт с Англией и Францией, б) если Советский Союз не подпишет пакта с ними?

Мнение советской миссии таково: Италия не может остаться в стороне в случае военной агрессии в Европе. Италия имеет с Германией военный союз, обязывающий обе страны взаимно действовать против третьей стороны. Кроме того, глава нынешней Италии г-н Муссолини неоднократно и довольно определенно декларировал на весь мир о том, что он и его армия будут при всех условиях с Германией. Думается, что этого вполне достаточно, чтобы иметь на этот счет определенное мнение.

Конец этого первого вопроса следующий: если мнение советской военной миссии таково, что Италия, возможно, вступит в войну, то каковы возможные действия Италии при ведении операций из Албании?

Военная миссия Советского Союза, к сожалению, не может конкретизировать своего мнения по этому частному вопросу, исходя из того положения, что Италия, имея развязанные руки, может и, очевидно, будет действовать с различных направлений, не только с албанского, но и непосредственно на французской границе, а также, что весьма вероятно, и с испанской территории. Я уже не говорю относительно Туниса и средиземноморских островов. Отсюда советской миссии трудно и, пожалуй, нет необходимости делать какие-нибудь конкретные заключения по частному здесь заданному вопросу.

Второй вопрос: из трех разных вариантов действий, намеченных советской миссией, какой наиболее вероятный вариант будет принят Германией и каково мнение советской военной миссии по этому вопросу?

Предугадать намерения Германии и ее руководителей весьма трудно, свидетельством чему может служить хотя бы следующий факт: три дня тому назад уважаемый адмирал Дракс сообщил нам о том, что Германия отмобилизовала 2 млн. человек и собирается выступить 15 августа.

Адм. Дракс. Нет, нет.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я в этом [прогнозе] ничего плохого не вижу, и я с Вами был тогда согласен. Это могло случиться, но этого не случилось. Ни г-н адмирал, ни гг. маршалы и генералы, здесь присутствующие, ни все наше совещание в целом, к сожалению, не может сколько-нибудь точно предугадать события, потому что субъектами, организующими эти события, являются люди, которые неплохо понимают значение внезапности и неожиданных действий. Вот почему мне трудно сколько-нибудь обстоятельно ответить на второй вопрос.

Адм. Дракс. Возможно, что мое замечание было не совсем точно переведено. Я хочу пояснить. Я сказал, что Германия отмобилизовала 2 млн. человек и готова к войне, но не обязательно должна выступить 15 августа, а начиная с 15 августа она готова будет выступить в любой момент. Но я никогда не высказывал мнения насчет точной даты выступления Германии.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я очень извиняюсь перед г-ном адмиралом, если это так, но переводчики перевели тогда именно так, как я здесь сообщил, что Германия отмобилизовала 2 млн. войск и есть сведения, что 15-го она выступит. Беру запись. Здесь сказано: Германия уже имеет отмобилизованных 2 млн. войск, и ее выступление намечено на 15 августа.

Адм. Дракс. Нет, нет, я говорил не так.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я попросил бы тогда адмирала дать его точную формулировку. Это можно сделать потом. Вы исходите из того, что тогда вкралось недоразумение. Тем не менее все мною сказанное, за исключением ссылки на слова г-на адмирала, остается в полной силе. Если суждено начаться большой европейской войне, а это почти бесспорно, то она возникнет и внезапно, и в

пределах и размерах, трудно предугадываемых. Поэтому на второй вопрос я ничего обстоятельного ответить не могу.

Третий вопрос: может ли советская военная миссия дать более точные данные относительно районов румынской территории, в которые она считает необходимым получить право доступа и в которых она желает действовать?

На этот вопрос мне также трудно ответить, потому что Румыния может стать объектом нападения в различных пунктах ее территории. И если бы Советскому Союзу пришлось оказывать Румынии помощь, то мы должны были бы считаться с объективной уже сложившейся обстановкой. Эта обстановка определила бы и районы, в которые мы должны были бы послать войска.

Четвертый вопрос: что предполагает делать Советский Союз при втором варианте, если Болгария вступит в союз с Венгрией против Румынии? Какую помощь он может оказать в этом случае Турции?

На этот вопрос мне легче всего ответить. У Франции и Англии с Турцией имеются пакты о взаимопомощи. Эти пакты обязывают Англию и Францию защищать Турцию. Если бы мы заключили военную конвенцию трех государств, разумеется, мы своей долей вооруженных сил стали бы участвовать в этой защите Турции. Силы Советского Союза для того, чтобы участвовать в общей акции защиты Турции, вполне достаточны.

Пятый вопрос: каков тоннаж регулярного транспорта, который может быть послан по железным дорогам в Польшу: а) из Мурманска, б) от Черного моря? По каким железным дорогам он может быть направлен, чтобы как можно меньше мешать снабжению русской армии?

Этот вопрос относится к разряду тех деталей, о которых я уже вначале сказал. Если будет заключена конвенция между нашими странами, у Советского Союза найдется и достаточный тоннаж, и достаточно возможностей для того, чтобы выполнить все свои обязательства в отношении союзников.

Шестой вопрос. Этот вопрос также относится к разряду вопросов, детализирующих наши будущие взаимоотношения. На Черном море мы имеем достаточное число вполне современных портов, которые смогут обеспечить все нужды обороны нашего государства и союзников, если таковые у нас будут.

Если г-н адмирал и г-н генерал не возражают, мы могли бы объявить сейчас перерыв. (Возражений нет.) Объявляю перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Заседание возобновляется. Я хочу ответить на последующие вопросы.

Седьмой вопрос. Этот вопрос целиком, или почти целиком, относится к нашим хозяйственным народным комиссариатам, и в первую очередь к Народному комиссариату внешней торговли.

От себя могу сказать только одно: не только в момент войны Советский Союз будет вести те или иные торговые операции с дружественными или нейтральными странами, но и сейчас, в мирных условиях, Советский Союз, как известно, ведет оживленные торговые отношения со многими странами Европы, Америки и Азии.

Восьмой вопрос. Советский Союз имеет мощную, непрерывно развивающуюся нефтяную промышленность. В соответствии с развитием нефтяной промышленности мы имеем хороший, полностью удовлетворяющий наши потребности нефтеналивной морской, речной и железнодорожный транспорт, также непрерывно развивающийся. И, разумеется, если будет заключена конвенция, этот вопрос найдет свое разрешение в тех конкретных решениях, которые будут приняты в результате нашего договора.

Остается последний — морской вопрос. Он гласит следующее: каковы типаж и число франко-британских морских сил, которые, по Вашему предположению, должны действовать в Балтике?

Я даю слово для ответа на этот вопрос народному комиссару Военно-Морского Флота флагману флота 2-го ранга Кузнецову.

Флагман флота Н. Г. Кузнецов. Количество и типы кораблей англо-французского флота, которые мы считали бы необходимым послать в Балтику, будут окончательно определены и уточнены после детализации уже поставленных задач. (Происходит довольно продолжительный разговор между адмиралом Драксом и генералом Хейвудом.) Следует только учитывать, что, не послав в Балтику достаточного числа кораблей, трудно будет решать и основную задачу объединенных флотов, т. е. уничтожение флота противника.

Конкретные предложения о количестве и типах кораблей нам труднее определить, чем г-ну адмиралу Драксу. Задачи же так, как мы их понимаем, здесь изложены. (Снова продолжительный разговор между адмиралом Драксом и генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Благодарю народного комиссара Военно-Морского Флота СССР за данный им ответ. Я одновременно хотел бы задать еще несколько вопросов на следующем заседании.

Маршал К. Е. Ворошилов. Кто желает еще слово? Повестка сегодняшнего заседания у нас исчерпана. Необходимо определить день следующего заседания и программу работы предстоящего заседания. Мы уже условились вести нашу работу впредь до исчерпания тех вопросов, которые стояли на повестке дня нашего совещания. Дальнейший ход наших заседаний сейчас целиком зависит от получения советской военной миссией ответов на ее вопросы военным миссиям Англии и Франции.

Мы поработали довольно основательно, и мне кажется, что, если за сегодняшний и завтрашний день не будет получено ответа от правительств Англии и Франции, нам, к сожалению, придется прервать на некоторое время наши заседания в ожидании этого ответа.

Ген. Думенк. Я хочу поблагодарить от имени английской и французской делегаций за те ответы, которые были даны сегодня маршалом Ворошиловым на заданные нами вопросы. Некоторые из этих вопросов требуют, конечно, подробного и внимательного изучения. Мы готовы представить добавочные вопросы, которые необходимы для этого конкретного изучения. Что касается дальнейших наших заседаний, то, может быть, мы зафиксируем дату следующего заседания для разрешения указанных вопросов. Это нам не помешает ожидать ответа на кардинальный вопрос.

Маршал Бернет. Маршал помнит, очевидно, что сегодня утром я хотел задать несколько вопросов авиационного характера для выяснения некоторых пунктов плана, изложенного генералом Локтионовым.

Ген. Хейвуд. Предлагается задать эти вопросы авиационного характера одновременно с военными вопросами, о которых говорил генерал Думенк.

Маршал К. Е. Ворошилов. Остается решить вопрос, когда мы будем заседать. Советская миссия считает, что до получения ответа на поставленные ею вопросы мы должны будем прекратить работу нашего совещания. (Продолжительный разговор между адмиралом Драксом, генералом Думенком и генералом Хейвудом.)

Адм. Дракс. Нам предстоит еще много работы, которая не может быть выполнена без получения ответов на вопросы, которые мы хотели бы задать. Эта работа задержалась бы, если ответы не будут получены. По моему мнению, такая отсрочка не является желательной и необходимой и не в интересах трех миссий. Поэтому я предлагаю назначить следующее заседание на 20 или 21 августа, как этого пожелает маршал.

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская миссия, так же как и адмирал Дракс, считает важнейшим делом ускорение работы нашего совещания. В этих целях советская миссия готова не только заседать каждый день, но и тратить на эти заседания больше времени. Однако не по вине советской миссии нам приходится нашу работу прекратить.

Советская миссия уже заявила, что без разрешения поставленных ею вопросов она лишена возможности рекомендовать своему правительству те или иные конкретные предложения по обсуждаемым здесь вопросам. Поэтому, к сожалению, мне приходится еще раз просить и г-на адмирала Дракса, и г-на генерала Думенка согласиться на перерыв наших заседаний впредь до момента получения ими от своих правительств ответа. (Адмирал Дракс и генерал Думенк продолжительное время совещаются.)

Ген. Думенк. Позволяю себе заметить г-ну маршалу, что не по своей вине мы не можем удовлетворить его желание, так как Вы поставили нам вопросы, которые являются правительственными, и это требует времени. Тем не менее я считаю полезным назначить

время, которое может быть в последующем перенесено на более поздний срок, если ответ не будет получен. Я предлагаю назначить заседание на 20 августа в 10 часов утра.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я не вижу надобности назначать день заседания, не будучи уверенным, что это заседание может состояться. Я изъявляю от имени нашей миссии согласие в любой момент, как только ответ будет получен от обоих правительств или от одного из них, немедленно созвать наше заседание. А до получения этого ответа я рекомендую нашим дорогим гостям отдохнуть, посмотреть Москву, побывать на выставке, чувствовать себя как дома. Так лучше будет и для дела, и для внешнего мира: объявление небольшого перерыва — естественное дело.

Адм. Дракс. Мы условились, что всякое сообщение в прессе должно быть результатом общего соглашения трех миссий. А так как сейчас идет вопрос о том, чтобы отложить работу конференции на неопределенный срок, то пресса будет задавать вопросы на этот счет. Поэтому я хотел бы спросить г-на маршала, не имеет ли он какого-нибудь предложения относительно текста заявления для прессы, которое, может быть, понадобится сделать.

Маршал К. Е. Ворошилов. Самое лучшее — это не делать никакого заявления. Наши миссии являются военными миссиями, представляющими генеральные штабы трех великих государств. И совсем нет дела корреспондентам, падким на всякие сенсации, до работы нашего совещания, покуда оно не приняло тех или иных решений. Перерыв наших заседаний не обозначает разрыва, а скорейшее возобновление работ совещания целиком будет зависеть от военных миссий Англии и Франции и от их правительств. (Продолжительное совещание между адмиралом Драксом и генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Мы согласны с тем, что нет необходимости делать какое-нибудь заявление корреспондентам газет, находящимся в Москве. Но я считаю нужным обратить внимание г-на маршала на то, что когда мы сообщим нашим правительствам, что наша конференция отложена на неопределенный срок, то, по всей вероятности, мировая пресса расценит этот акт как частичный или временный разрыв, особенно если никакого заявления об этом в прессе не будет сделано. Я поэтому думаю, что в настоящих условиях наши правительства предпочли бы сделать какое-нибудь заявление в прессе. Но это — вопрос, который они сами решат. Однако, если бы срок нашего следующего заседания был установлен, они, по всей вероятности, не сочли бы нужным сделать заявление для прессы. Я думаю, маршал примет это во внимание.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я просил бы разрешения сделать небольшой перерыв, после которого мы соберемся и решим, как быть дальше. (Возражений против перерыва нет.) Объявляется перерыв на 15 минут.

(После перерыва.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Советская военная миссия принимает предложение назначить следующее заседание на один из ближайших дней — на 20-е или 21-е — и спрашивает, какой день является для Вас более приемлемым — 20 или 21 августа.

Адм. Дракс. Мы бы предпочли 21 августа. Это в том случае, если ответ из Парижа и Лондона не будет получен раньше. В противном случае мы попросим назначить день заседания раньше.

Маршал К. Е. Ворошилов. С нашей стороны возражений нет. Разрешите объявить заседание закрытым.

ВОЕННО-МОРСКИЕ ВОПРОСЫ

17 августа 1939 г.

1) Какие типы франко-английских военных судов и в каком количестве должны, по Вашему предположению, действовать в Балтике?

Как предполагается ввести эти суда в Балтику, принимая во внимание, что проход через Бельты и Зунд легко может быть закрыт немцами?

2) Как Вы предполагаете обеспечить снабжение этих сил боеприпасами, торпедами и военно-морским снаряжением?

3) Если, как это представляется вероятным, единственным входом в Балтику явится Беломорский канал, то какова максимальная величина военного судна, которое мы сможем через него провести?

4) Если германские морские силы полностью покинут Балтику для того, чтобы совершить концентрированное нападение на суда союзников в Атлантике, то сколько времени заняло бы передвижение всех франко-английских сил из Балтики через этот канал в свои воды для того, чтобы противостоять этому нападению?

Необходимо отметить, что расстояния через Белое море до наших морских баз в Северном море следующие:

Розит (Rosyth) — 2630; Чатам (Chatham) — 3000.

Эти расстояния больше, чем расстояние от Англии до Америки через Атлантический океан.

5) Какие возможности в отношении военно-морских баз мог бы предоставить нам СССР в Балтике и на Мурманском побережье?

Как скоро могут франко-английские надводные корабли, оперирующие в этих водах, быть поставлены в доки или эффективно отремонтированы в Кронштадте или Ленинграде после получения серьезных повреждений в бою? Замедлилась ли бы эта работа зимой?

6) Содержит ли СССР ледоколы для того, чтобы держать Кронштадт открытым в течение зимы?

7) В каком объеме советские силы могут помогать союзным военно-морским силам в защите конвоируемых судов в восточной

части Средиземного моря? Сколько судов может СССР направить из Черного моря для совместных действий с союзниками против итальянских подводных лодок, против Додеканезских островов и для поддержания советских коммуникаций в Средиземном море?

8) Если бы Англия согласилась послать морские силы в Балтику или в Черное море для действия против сил противника, временно сконцентрированных в этих районах, то согласился ли бы СССР послать равные силы в Северное море и Средиземное море, если там будут действовать подобные силы противника?

9) Согласен ли СССР с тем, что в случае задержания торгового судна подводной лодкой до потопления судна должны быть произведены его посещение и обыск, а экипаж — отправлен в безопасное место?

ВОЕННЫЕ ВОПРОСЫ

17 августа 1939 г.

Первый вопрос.

Между вашей границей и Восточной Пруссией — около двадцати переходов. Между Двиной и Неманом можно провести до шести различных маршрутов. Для образования фронта с крепкими исходными позициями против укрепленной линии Восточной Пруссии необходимо занять около 200 *км*, что потребует до 20 дивизий. Для подготовки наступления необходимо располагать также резервами пехоты, артиллерии и танков.

Для осуществления всего этого, видимо, потребуется не менее месяца, учитывая предварительные мероприятия по мобилизации.

Возможно, что в течение этого месяца агрессор, как только он установит сухопутную связь с Восточной Пруссией, сам подготовит операцию в направлении Риги и попытается завязать сражение с Красной Армией на фронте Рига — Гродно.

Полагает ли русская делегация, что Красная Армия будет в состоянии принять это сражение силами, по меньшей мере равными тем, которые там сможет сосредоточить противник?

Полагает ли она возможным вести сражение на этом фронте, главным образом имея в виду снабжение боеприпасами?

Второй вопрос.

К советской делегации обращались с просьбой указать районы румынской территории, в которые Красная Армия хотела бы получить право ввести свои войска, как только этого потребует обстановка.

В полученном ответе указывается, что придется учитывать конкретные обстоятельства и что обстановка уточнит зоны действия.

Потребуются следующие уточнения.

Какие действия советская делегация предусматривает в случае агрессии со стороны Венгрии против Румынии?

Предусматривает ли она возможность сражения к югу от Карпат?

Третий вопрос.

Вариант № 3, очевидно, более всего интересует Советский Союз, так как при этом варианте он развертывает наибольшие силы.

Позиция, занятая советской делегацией в настоящее время, ставит даже самую подготовку пакта в зависимость от политического вопроса, касающегося третьих держав, что вызывает отсрочку заключения пакта.

Пока пакта не существует, ситуация, в которой мы оказались бы, была бы следующей.

Франко-английские армии находились бы, очевидно, в состоянии войны с германскими армиями, так как Германия предварительно совершила бы агрессию против Польши для того, чтобы достигнуть Латвии. Но мы не имели бы никаких согласованных действий в Балтике или для поддержания ваших морских коммуникаций как в Северном Ледовитом океане, так и в Средиземном море.

Франко-английская делегация полагает, что эти вопросы могли бы быть рассмотрены и обсуждены независимо от состояния кардинального вопроса и что таким образом удалось бы избежать потери времени.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 607—618.

123. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара в министерство иностранных дел Франции

17 августа 1939 г.

Только для Вашего личного сведения и для сведения председателя совета министров.

Генерал * представил своему ведомству отчет о заседаниях 16-го и 17-го.

Следующее заседание назначено на 21-е для того, чтобы дать время, необходимое для получения до этого срока указаний по польскому вопросу.

Подтверждаю, что при отсутствии благоприятного решения (официального, официозного и даже молчаливого), которое позволило бы нам здесь дать утвердительный ответ, военные переговоры будут прерваны.

Поскольку адмирал ** получил инструкции сообразоваться с позицией французской миссии, какие-либо демарши перед англичанами представляются излишними ***.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 618—619.

---

* Ж. Думенк.

** П. Дракс.

*** Копия телеграммы была направлена в посольство Франции в Польше.

124. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка в военное министерство Франции

17 августа 1939 г.

Намеченное заседание состоялось сегодня утром; оно было посвящено главным образом изложению вопроса о силах и планах советской авиации.

Ниже приводится отчет обо всех заседаниях:

1) С самого начала создалось впечатление, что у советской делегации имеются строгие указания по вопросу о проходе через польскую и румынскую территории. При первой же возможности она поставила этот вопрос в качестве предварительной основы для любого военного соглашения и заявила, что она отсоветует своему правительству заключать какую бы то ни было конвенцию, если этот пункт не будет принят.

2) Мы смогли дать пищу для обсуждения на семи состоявшихся заседаниях, согласившись с тем, чтобы были сделаны краткие сообщения о размерах наших соответственных военных ресурсов. В этом отношении заявления советской делегации носили точный характер и содержали многочисленные цифровые данные.

Были изложены планы военной помощи, которая была бы нам оказана в различных возможных случаях. Эта помощь является значительной, поскольку она составляет, в зависимости от случая, от 70 до 100% выставляемых нами сил.

3) Мотивом их требования sine qua non * является опасение, что Польша и Румыния могут обратиться к ним за помощью слишком поздно. Другим мотивом является выраженное ими желание предпринять наступательные действия в нашу пользу в случае, если бы основной удар был направлен против нас. Наконец, это обеспечит им возможность избежать какой бы то ни было потери времени, если германская агрессия будет направлена на Прибалтийские страны.

Одним словом, мы констатируем ярко выраженное намерение не оставаться в стороне, а, как раз наоборот, действовать серьезно.

4) Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения; маршал Ворошилов утверждал, что все эти вопросы о помощи, тылах, коммуникациях и т. п. ... ** могут быть обсуждены без каких-либо трудностей, как только вопрос, который они называют «кардинальным вопросом», будет разрешен.

5) Атмосфера всегда была очень сердечной, а советский прием — превосходным.

Наши взаимоотношения с английской делегацией носят характер очень тесного контакта.

* — непременное требование (лат.).

** Многоточие оригинала.

6) Заседание на 21-е было назначено только для того, чтобы не создавать какой-либо видимости перерыва переговоров. Для того чтобы переговоры могли продолжаться, сейчас необходимо, чтобы я смог ответить «да» на поставленный вопрос.

Смотрите телеграмму нашего посла от сего числа.

Для генерала Гамелена

Думенк

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 619—620.

125. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара послу Франции в Польше Л. Ноэлю

17 августа 1939 г.

Для Вашего личного сведения и для сведения генерала Мюссе.

Капитан Бофр прибудет в Варшаву 17-го поездом, отходящим из Москвы 16-го в 23 часа. Ему поручено генералом Думенком, по согласованию со мной, изложить Вам, а также генералу Мюссе нынешнее состояние наших переговоров в той части, которая касается Польши [85].

Самое меньшее, чего нам следовало бы добиться от поляков, заключается в том, чтобы они не занимали позиции, которая спровоцировала бы разрыв наших переговоров с русскими.

Нас удовлетворило бы положение, при котором польский штаб, если только он не пожелает взять на себя больших обязательств, о чем мы его в данный момент не просим, согласился, хотя бы молчаливо, оказать полное доверие генералу Думенку для разработки совместно с русскими программы сотрудничества, весьма ограниченного географически, которая Вам будет изложена.

Если поляки не пойдут на это минимальное предложение, то они сорвут наше соглашение с русскими, что сразу же привело бы к таким последствиям, всю серьезность которых как для них, так и для нас, являющихся их гарантами, они могут себе представить [86].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 620—621.

126. Телеграмма посла Польши во Франции Ю. Лукасевича в министерство иностранных дел Польши

18 августа 1939 г.

Министр Боннэ подробно проинформировал меня о ходе военных переговоров в Москве.

Ворошилов сделал в торжественной форме следующее заявление: советская делегация спрашивает, смогут ли в случае конфликта советские войска войти в соприкосновение с германской армией со стороны Восточной Пруссии? Смогут ли они использо-

вать территорию Польши, а именно пройти через Вильно и восточную Малую Польшу? Смогут ли воспользоваться территорией Румынии? Советская делегация просит дать немедленно ясный ответ, при отсутствии же такового будет вынуждена отсоветовать правительству сотрудничество с Англией и Францией. В случае благоприятного ответа советская делегация немедленно представит свой план военного сотрудничества, полностью удовлетворяющий пожелания Англии и Франции.

Французская и английская делегации ответили, что Польша и Румыния являются суверенными государствами и, если Советская Россия желает, чтобы ее войска воспользовались их территориями, она обязана договориться с ними непосредственно.

После двухчасовой дискуссии советская делегация уклонилась от обращения к нам и к Румынии, ссылаясь на отсутствие соответствующих политических и военных договоров, ввиду чего французская и английская делегации согласились просить свои правительства договориться с нами и с Румынией. Советская делегация выразила сожаление, что она не может получить ответ немедленно, и хотела приостановить переговоры. Англичанам и французам с трудом удалось убедить советскую делегацию, что следует сохранить видимость продолжения переговоров, вследствие чего имеют место формальные заседания, бессодержательные и несущественные. Советы начинают напоминать об ускорении ответа.

О Прибалтийских государствах до сих пор не было речи.

Лукасевич

Печат. по изд.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII, с. 160—161.

127. Телеграмма посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу

18 августа 1939 г.

Даладье сказал мне сегодня, что, когда Боннэ сообщил ему реакцию польского посла в Париже на предложение Советского правительства об оказании помощи Польше в случае германского нападения на Польшу, он был удивлен и рассержен резкостью отрицательной реакции польского посла.

До того как Боннэ говорил с Лукасевичем, он посоветовал Боннэ не обсуждать этот вопрос с ним, а сделать так, чтобы французский военный атташе в Варшаве обсудил его с Рыдз-Смиглы. Он сейчас послал французского военного атташе побеседовать с Рыдз-Смиглы об этом предложении. Он считает величайшей глупостью со стороны поляков отвергать русское предложение о действенной военной помощи. Он понимает нежелание поляков, чтобы Красная Армия вступила на территорию Польши, но, как

только в Польшу вторгнутся германские армии, польское правительство, конечно, будет радо получить помощь от всякого, кто может предоставить помощь.

Он будет рад послать две французские дивизии в Польшу и уверен, что может также получить английскую дивизию для Польши так, чтобы поддержка не была бы исключительно русской, а международной.

Более того, он может получить от Советского правительства самые абсолютные гарантии об эвакуации впоследствии с польской территории, а Франция и Великобритания дадут абсолютные гарантии этих гарантий.

Ворошилов затронул существо вопроса, когда сказал англичанам и французам, участвующим в переговорах, что Красная Армия готова выступить против Германии, но что единственные практические линии прохода лежат через Вильно против Восточной Пруссии и через Львов (Лемберг) на юг.

Советское правительство не пошлет самолеты и танки без сопровождения других войск на помощь Польше. Он, Даладье, считает советскую позицию благоразумной. Армия без самолетов слепа, а без танков относительно разоружена. В заключение Даладье сказал, что, если поляки отвергнут это предложение русской помощи, он не пошлет ни одного французского крестьянина защищать Польшу.

Я воспринимаю это заявление серьезно, но не слишком серьезно, хотя он повторил его три раза. Он был сердит на польского посла в Париже и склонен к преувеличению [86].

Буллит

Печат. по изд.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII, с. 161—162.

128. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру

19 августа 1939 г.

Дорогой г-н фон Вейцзекер,

На основании нашей последней беседы в Берлине я решил изложить в записке г-ну фон Риббентропу мое мнение о позиции Англии в германо-польском конфликте. Таким путем с большей вероятностью будет достигнута цель — быть выслушанным,— чем если бы я еще раз попытался обратиться с письмом к г-ну рейхсминистру иностранных дел с просьбой принять меня для доклада.

Поэтому я прилагаю мою записку с просьбой препроводить ее рейхсминистру иностранных дел, если у Вас не будет никаких сомнений по поводу ее содержания. В случае же возникновения таковых, я был бы благодарен, если бы Вы сообщили мне об этом. Но я надеюсь, что у Вас не будет возражений, так как, сознавая

ответственность, я постарался изложить свои мысли как можно яснее и осторожнее.

Я был бы благодарен, если бы Ваша канцелярия изготовила необходимое для делопроизводства количество экземпляров и переслала один из них в посольство в Лондон. За недостатком здесь технических средств и в целях наибольшего ускорения дела я не заготовил копий.

Что касается переданных Вами вчера по телефону сведений, то я не определил своего отношения к ним, так как я не знаком с содержанием приписываемых мне высказываний и при всем желании не знаю, что можно было бы возразить против тех немногих слов, которые были сказаны мной в течение не более как пятиминутной беседы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Записка о предполагаемой позиции Великобритании в случае германо-польского конфликта

18 августа 1939 г.

I. Ввиду все возрастающего напряжения в германо-польских отношениях вопрос о предполагаемой позиции Англии в случае германо-польского конфликта приобретает все большее значение. Ответ на этот вопрос должен вытекать из анализа причин, которые побудили Великобританию к столь тесной связи с Польшей.

II. Внешнеполитические причины этой связи известны и нуждаются лишь в сжатой и выразительной характеристике: живейшая тревога, испытанная Англией уже в 1933—1936 гг. вследствие усиления Германии, еще более возросла после аншлюса Австрии и возвращения Судетской области рейху. Результаты Мюнхена были восприняты как дипломатическое поражение. После присоединения Богемии и Моравии в марте этого года, под влиянием тревоги, усилившейся в связи с угрозой для мирового положения Британии, созрела решимость воспротивиться дальнейшему изменению соотношения сил в пользу Германии, осуществляемому посредством односторонних действий. Эта цель должна была быть достигнута посредством нового издания старой концепции коллективной безопасности под новой вывеской — «образование фронта ненападения», т. е. путем окружения Германии. Краеугольным камнем этого фронта ненападения стала Польша, которая в марте посредством лживой кампании в печати была объявлена очередной «жертвой» германской «агрессии». До тех пор, пока Англия будет твердо придерживаться политики окружения, она должна будет смотреть на выполнение данных Польше гарантий как на вопрос, от которого в значительной мере зависит ее внешнеполитическая репутация.

III. На позицию Англии в отношении Польши, кроме внешнеполитических моментов, оказывают влияние еще и другие важные факторы психологического порядка. Длинный ряд дипломатических поражений Англии в прошлые годы (Восточная Азия, Абиссиния, Испания, Австрия, Мюнхен, Богемия — Моравия, крах лигонационной политики) чем дальше, тем больше действовал угнетающим образом на английское самолюбие. Оставление на произвол судьбы негуса, Шушнига, Бенеша постепенно воспринималось как моральная неполноценность, которая должна привести к тому, что Англия предстанет перед всем миром как слабая страна, недостойная доверия и политического кредита. Наряду с внешнеполитическим поворотом, который был следствием новой ориентации политики Англии после 15 марта, происходил и моральный поворот. Сейчас Англия хочет на основе взятых на себя новых обязательств доказать свою верность договорам, свою силу и восстановить свое политическое доброе имя. Одновременно она хочет преодолеть в себе комплекс неполноценности. Такова скрытая причина многократного, кажущегося почти истеричным, повторения одного и того же тезиса Чемберленом и другими британскими государственными деятелями: если произойдет присоединение Данцига к Германии вопреки желанию Польши,— не говоря уже о дальнейшем воссоединении бывших немецких земель,— то Великобритания не сможет пассивно отнестись к этому, а должна будет считать наступившим casus foederis *. Поэтому Данциг является той точкой, на которую английская общественность смотрит как загипнотизированная и одержимая навязчивой идеей.

Этот психологический фактор важно принять во внимание, так как это позволяет сделать выводы о позиции Англии в ходе дальнейшего развития германо-польских отношений.

IV. Большую роль в отношении Англии к комплексу германо-польских вопросов играет далее следующее обстоятельство, находящееся вне области внешней политики: незнание Англией истинного лица Польши. Приобретенное немцами в течение многих столетий, в результате соседства, понимание непрочности польского государства, свойственной ему мании величия, его стремления к захватам и беспощадному угнетению национальных меньшинств осталось для англичан, по различным причинам, чуждым — в силу их природной несклонности углубляться в чуждые им обстановку и образ мышления, в силу их теперешнего упрямого отношения ко всем доводам в защиту требований, выдвигаемых Германией, и, наконец, потому, что в течение пятилетнего перемирия в германо-польских спорах — с 1934 по 1939 г.— оскорбления, причиненные немецкому меньшинству, не могли быть нами использованы в полной мере и с достаточной силой. Поэтому в настоящее время среди английской общественности царит сдержанность и недоверие к германским и данцигским сооб-

* Буквально: «случай союза» — обстоятельства, обязывающие государство согласно договору о военном союзе вступить в войну, которую ведет другая сторона, или начать войну в защиту союзника (лат.).

щениям о неслыханных насильственных актах со стороны Польши и имеется тенденция, при наличии сомнительного случая, стать на сторону Польши.

V. На основании предшествующего изложения психологических моментов, влияющих на отношение Англии к комплексу германо-польских проблем, может быть поставлен вопрос: какую, предположительно, позицию займет Англия в германо-польском конфликте?

1) Необходимо предпослать общее замечание, что Великобритания не связала себя на 100% данным заранее обязательством выступить на стороне Польши в случае всякого конфликта. Это противоречило бы психологии англичан, всегда оставляющих для себя открытой возможность уклониться от принятых обязательств. Этим объясняется условие, по которому для Англии casus foederis наступает лишь тогда, когда под угрозой находится независимость Польши. Этим обеспечена известная эластичность. Утверждают, но еще не доказано, что Польша обязалась, прежде чем взяться за оружие, получить сначала у Англии согласие на это. Это означало бы для Англии свободу действий в случае самовольного объявления Польшей войны.

Автоматическое вмешательство Англии в германо-польский конфликт из-за Данцига или [польского] коридора точно так же мало вероятно, как ошибочно было бы взять постановку вопроса в статье французского политика Деа «Зачем умирать из-за Данцига?» и применить ее к Англии. Такая постановка вопроса обошла бы суть проблемы. Англия жизненно не заинтересована в судьбе Данцига, но она заинтересована в предъявлении доказательства того, что она может оплатить выданные ею политические векселя.

2) Из изложенного в первом пункте вытекает, что на вопрос, вмешается ли Англия в германо-польский конфликт, нельзя вообще ответить ни «да», ни «нет», а надлежит исследовать каждый отдельный случай, чтобы получить ясное представление о позиции Англии в этом случае. Существуют следующие возможности:

а) Данциг провозглашает свое возвращение в состав рейха в результате решения сената или плебисцита. Польша не отвечает на это военными действиями. Бои не имеют места, разве только местные перестрелки. В этом случае Англия осталась бы в стороне.

б) Если бы Польша ответила на решение сената о «воссоединении с рейхом» военным выступлением и заявила бы, что наступил момент выполнения союзного обязательства, то Англия, согласно неоднократным заявлениям Чемберлена и Галифакса, оказала бы Польше военную помощь.

в) Если бы с польской стороны была инсценирована провокация, например обстрел немецкой деревни по приказу какого-нибудь взбесившегося польского командира батареи или бомбежка немецкого селения польским летчиком, то решающее значение

при определении позиции Англии имели бы, во-первых, ясность и бесспорность сущности дела для мировой общественности и, во-вторых, наличие времени, необходимого для английской общественности, чтобы выяснить сущность дела и убедиться в исключительной виновности Польши. В ином случае могла бы возникнуть опасность, что Англия в силу предубеждения против Германии станет на сторону Польши и в случае последующих военных действий последует польскому призыву о помощи (ср. с изложенным в разделе IV).

г) В случае, если бы Германия по каким-либо причинам военного характера,— например, чтобы предупредить предполагаемое предстоящее нападение со стороны Польши,— была вынуждена прибегнуть к военным действиям против Польши, следует считаться с тем, что Англия пришла бы ей на помощь. Мало вероятно, чтобы Англия осталась нейтральной, если бы в ходе такой войны Германия в короткое время разгромила Польшу. И в этом случае Англия, принимая решение, исходила бы не из благополучия или несчастья Польши, а лишь из сохранения своего мирового положения.

VI. Вышеизложенная позиция Англии в отношении Польши и комплекса германо-польских вопросов не является неизменной величиной на все будущее время. Англо-польский союз, несмотря на внешнюю непоколебимость, подвержен внутренним постоянным изменениям. Это выявилось уже за немногие месяцы его существования. Чем дальше идет Англия по запутанным тропам восточной политики, тем больше у нее является сомнений и опасений. Неутолимая потребность Польши в деньгах привела уже финансовые переговоры к частичному срыву. Бесстыдный тон польских газет хотя и замалчивается старательно в английской печати, но в руководящих кругах возбуждает недовольство. Военная сила Польши при ближайшем рассмотрении оказывается проблематичной. Постепенно убеждаются, что особые трудности в польско-русских отношениях снижают ценность Польши как союзника. Восточная политика Англии еще не установилась, что обусловлено хотя бы продолжением переговоров с Советским Союзом. Этому содействует далее то обстоятельство, что английской стороной состояние теперешних отношений с Германией еще не считается выясненным до конца. Неизменным фактором, влияющим на общую позицию Англии, следует считать решимость опровергнуть распространяющееся мнение, что Англия — вырождающаяся, ненадежная и слабая страна. И именно в своей позиции по отношению к Польше Великобритания будет и дальше руководствоваться этими соображениями.

Фон Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 155—164.

129. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши во Франции Ю. Лукасевичу

20 августа 1939 г.

Французский и английский послы обратились ко мне в результате переговоров франко-англо-советских штабов, во время которых Советы потребовали предоставления возможности вступления в контакт с германской армией в Поморье, на Сувалщизне и в восточной Малой Польше. Эта позиция поддержана английским и французским демаршем.

Я ответил, что недопустимо, чтобы эти государства обсуждали вопрос о военном использовании территории другого суверенного государства. Польшу с Советами не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такой договор заключать не намеревается [48].

Французский посол сказал, что в таком случае они ответят Советам, что польское правительство отказалось от обсуждения или что французское правительство не взялось сделать формальный демарш, будучи уверено в отрицательном ответе.

Оставляю вопрос об ответе Советам на усмотрение Франции и Англии, оговаривая, чтобы ответ не давал повода для недоразумений.

Бек

Печат. по изд.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII, с. 162—163.

130. Телеграмма посла Франции в СССР Н. Наджиара в министерство иностранных дел Франции

20 августа 1939 г.

Если французское правительство не считает возможным разговаривать в Варшаве как гарант с достаточной авторитетностью, чтобы заставить поляков изменить их позицию, то я не вижу другого решения, кроме решения не принимать буквально возражений Бека, который, может быть, желает только одного — иметь возможность игнорировать все это дело [86].

В этих условиях можно было бы дать русским в принципе утвердительный ответ, который позволил бы продолжать военные переговоры, уточнив при этом, что предусматриваемое ограниченное право прохода [войск] будет предоставлено только в случае возникновения военных действий между Польшей и Германией.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 621—622.

131. Записка военного министерства Франции о переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве

Не ранее 20 августа 1939 г.

Французская военная миссия генерала Думенка, установив в Лондоне контакт с британской миссией адмирала Планкета *, направилась с этой последней морским путем в Ленинград и прибыла в Москву 12 августа.

«После оказанного с советской стороны прекрасного приема» 13-го начались переговоры, протекавшие «неизменно в очень сердечной атмосфере» (телеграмма генерала Думенка).

Но *непременное условие заключения договора,* выдвинутое советской делегацией еще 14-го **, состоит в том, чтобы в случае агрессии против Польши или Румынии военные силы СССР могли бы вступить:

в Виленский коридор,

в Галицию,

на румынскую территорию.

Советы мотивируют эти условия:

опасением, что их призовут на помощь полякам или румынам, когда уже будет слишком поздно;

желанием предпринять наступательные операции в интересах Франции в том случае, если главный германский удар будет первоначально направлен против Западного фронта;

необходимостью избежать какой бы то ни было потери времени в случае германской агрессии против Прибалтийских стран.

Короче говоря, по впечатлению, вынесенному генералом Думенком, они проявляют твердую решимость не оставаться в стороне, а, наоборот, принять на себя всю полноту обязательств.

С другой стороны, чтобы ослабить опасения поляков, которые можно предвидеть, советские делегаты очень жестко ограничивают зоны вступления [советских войск] и определяют их, исходя из соображений исключительно стратегического характера.

Следовательно, московские переговоры могут, видимо, продолжаться лишь в том случае, если будет достигнуто соглашение относительно условия для непосредственного сотрудничества, которое выдвинуто Советами и которое может быть принято лишь с согласия поляков.

Однако эти последние, несмотря на усилия французского посла в Варшаве и нашего военного атташе, упорно заявляют о своем отказе дать принципиальное согласие на вступление советских войск на их территорию. Г-н Бек и начальник штаба армии генерал Стахевич проявили в этом отношении непримиримую враждебность, соглашаясь только на то, чтобы, с целью не доводить дело до разрыва московских переговоров, наша военная миссия

---

* Адмирал Планкет-Дракс.

** См. док. № 112.

могла маневрировать так, как если бы ни одного вопроса не было поставлено перед поляками.

Должна ли эта уступка рассматриваться как единственная, которой можно добиться от поляков, или же ее следует толковать как молчаливый призыв к тому, чтобы оказать на них давление? [86]

Советская поддержка в деле создания Восточного фронта остается необходимой, и разрыв московских переговоров мог бы лишь подтолкнуть Гитлера на то, чтобы ускорить ход событий [80].

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 622—623.

132. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании в Польше Г. Кеннарду

20 августа 1939 г.

1. Если окончательный ответ польского правительства будет неблагожелательным, создастся очень серьезное положение. Советское правительство считает, что бесполезно продолжать военные переговоры, пока не будет получен ответ, и совещание в Москве соответственно отложено на несколько дней. Если ответ будет отрицательный, переговоры, по всей вероятности, совсем сорвутся, а попытка Великобритании и Франции достичь соглашения с Советским Союзом окончится неудачей. Я убежден, что такая неудача воодушевит Гитлера начать войну, в которой Польша будет нести главную тяжесть первого нападения. С другой стороны, я полностью убежден, что заключение военно-политического соглашения с Советским Союзом будет иметь цель удержать его от войны.

2. Г-н Бек, видимо, не согласен с этим мнением и считает, что согласие Польши на советское предложение привело бы к немедленному объявлению войны Германией. Я смотрю на создавшееся положение в несколько ином свете. Мы, возможно, находимся на грани войны, в которой в течение ближайших нескольких недель или даже в течение ближайших нескольких дней Польша может стать жертвой сокрушительного нападения. Если г-н Бек думает, что он может предотвратить или уменьшить вероятность такого нападения просто тем, что он воздержится от согласия принять помощь от Советского Союза, я думаю, что он заблуждается. А когда он говорит, что если война в самом деле начнется, то положение, возможно, будет другим, и польская позиция, возможно, изменится, я думаю, что он противоречит сам себе. Если Польша сможет позволить себе принять советскую помощь, если начнется война, то неясно, почему она не может согласиться подумать о принятии такой помощи, когда война близка.

3. Я полностью понимаю все отрицательные стороны и риск

разрешения советским войскам вступить на польскую землю; но казалось бы, что такой риск можно предпочесть риску уничтожения польской независимости при отсутствии их помощи, как бы нежелательна она ни была; и лучший путь избежать необходимости принять такую помощь, по существу, заключается в том, чтобы содействовать заключению англо-франко-советского союза, согласившись на выработку планов такой помощи, которая будет оказываться в случае необходимости.

4. За последние несколько дней польское правительство настаивало на желательности скорейшего заключения формального англо-польского договора на основании того, что это повело бы к укреплению доверия в Европе; но правительство Его Величества считает, что положительный эффект заключения англо-польского договора вряд ли явится противовесом отрицательному эффекту, действительно катастрофическому, окончательного провала англо-франко-советских переговоров в Москве. Правительство Его Величества приложило самые серьезные усилия во время недавних критических месяцев по созданию так называемого мирного фронта, одной из целей которого является сохранение польской независимости. Эти усилия будут поставлены под угрозу и вполне могут быть сведены к нулю, если Польша на сегодняшнем весьма важном этапе не внесет свой полный вклад, несмотря на все трудности, которые я полностью понимаю; для того чтобы сохранить независимость Польши, она должна сделать все, что может, чтобы облегчить и сделать полностью эффективной ту помощь, которая ей предлагается.

5. Я буду рад, если Вы с полной серьезностью изложите эти соображения г-ну Беку [88]. Мы переживаем очень критический момент, когда его решение может быть решающим фактором *.

Печат. по изд.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VII, с. 163—164.

133. Телеграмма посла Великобритании в Польше Г. Кеннарда министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу

20 августа 1939 г.

Г-н Бек вручил мне сегодня вечером ** ответ польского правительства, который, как я и ожидал, был отрицательным.

2. До этого посол Франции и я договорились, что, если ответ будет отрицательным, мы скажем Беку, что при сложившихся обстоятельствах было бы предпочтительным, чтобы он информировал нас о точке зрения его правительства, однако мы не должны

* Копии телеграммы были направлены в посольства Великобритании во Франции и СССР.

** Эта телеграмма составлена 19 августа. Копии направлены в посольства Великобритании во Франции и СССР.

рассматривать его ответ как официальный. В надежде на ослабление положения в Москве необходимо договориться, чтобы просьба или ответ на нее были неофициальными. Однако в том случае, если бы мы настаивали на таком ответе, он должен быть отрицательным.

3. Г-н Бек сказал, что он консультировался с маршалом и что точка зрения военных властей в целом совпадала с той, которую он уже изложил. Неизменный принцип политики Польши — запрещение любым иностранным войскам проходить через ее территорию, и правительство Польши возражает против прохода русских войск через ее территорию. Это также относится и к войскам Германии. Он полагает, что маршал Ворошилов сегодня попытается добиться мирным путем того, чего он добивался получить при помощи силы оружия в 1920 г.

4. Ему [Беку] сообщили из Москвы, что, когда маршал Ворошилов запросил разрешения о проходе русских войск через польскую территорию, объединенная делегация ответила, что Польша является суверенной страной и поэтому она должна выразить свое отношение к этому вопросу. Он [Бек] был благодарен за такой ответ и выразил пожелание сделать все, что в его силах, чтобы облегчить выполнение задачи объединенной делегации, которая, как он понимает, является трудной. Он [Бек] предложил, чтобы демарш, сделанный послом Франции и мной, держался в строгом секрете, и согласился, чтобы его рассматривали как чисто неофициальный обмен мнениями.

Печат. по изд.: «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, vol. VII, p. 85—86.

134. Запись беседы главного советника правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсона с советником по делам печати посольства Германии в Великобритании Ф. Хессе *

20 августа 1939 г.

По просьбе д-ра Хессе принял его сегодня во второй половине дня [89]. Он возвратился из Германии в четверг [17 августа], где, по его словам, он встречался с фюрером и Риббентропом. Хессе сказал, что ему поручили передать мне послание — я так понял, что оно было от Риббентропа,— и его привет. Одновременно Хессе вручил мне документ, который он назвал копией письма Риббентропа Ротермиру. Насколько я понял из его слов, Риббентроп просил Хессе передать мне этот документ как дополнительное

* Содержание этого документа было изложено Х. Вильсоном премьер-министру Н. Чемберлену, министру иностранных дел Э. Галифаксу и постоянному заместителю министра иностранных дел А. Кадогану во время совещания у Н. Чемберлена.

разъяснение германской точки зрения. Хессе не просил, чтобы я прочитал это письмо в его присутствии, а я не сказал ему, что уже знаком с его содержанием, поскольку оно было послано Ротермиром премьер-министру. Хессе знаком с отчетами, которые сделали Вольтат и фон Дирксен об их беседах со мной [68], и эти отчеты были предметом обсуждения между Риббентропом и Хессе во время его пребывания в Германии. Хессе сказал, что Гитлер видел эти отчеты, и дал мне понять, что привезенное им послание соответствовало точке зрения фюрера. Он сказал, что Вольтат больше не будет участвовать в переговорах, поскольку его визиты в настоящее время становятся достоянием гласности. Кроме того, он по роду своей деятельности является скорее экономистом, нежели дипломатом или политиком, а характер уже начатых переговоров не соответствует его склонностям.

Хессе сказал, что у него сложилось впечатление, что сообщения, сделанные Вольтатом и фон Дирксеном, были приняты благосклонно, однако по причинам, которые он мне объяснит, возможно предположение, что, если переговоры будут продолжены, данцигский вопрос станет настолько второстепенным, что будет оставлен в стороне. Затем он передал мне послание, состоящее из трех частей.

1) Любое обсуждение польского вопроса должно быть предметом прямых переговоров между Германией и Польшей, но не между Германией и Англией. Хессе объяснил, что, по мнению Гитлера, переговоры об урегулировании данцигского вопроса, в котором не затрагиваются британские интересы, должны быть проведены между двумя непосредственно заинтересованными правительствами. Гитлер считает, что данцигский вопрос должен решить он, и он не склонен допустить, чтобы что-либо отвлекло его от этого намерения. (Хессе сказал, что если бы данцигский вопрос можно было урегулировать, а, по его мнению, он может быть урегулирован на условиях, предложенных Германией в марте, то после этого можно было бы обсудить другие вопросы.) Если Польша будет и впредь продолжать провокации — а Гитлер определенно находится под влиянием докладов о плохом обращении поляков с немцами в некоторых частях Польши,— последствия вполне очевидны. (Хессе сказал мне, что он лично видел несколько секретных докладов о таком обращении поляков с немцами, и он убежден, что эти доклады раскрыли такое положение вещей, которое неизбежно должно произвести на Гитлера негативное впечатление.)

2) После урегулирования данцигского вопроса Гитлер намерен выдвинуть предложения по общему урегулированию, в которых он намеревается пойти настолько далеко, насколько это возможно, чтобы удовлетворить желания Англии. Гитлер будет готов предложить Англии союз.

3) Отклонение этого нового предложения будет рассматриваться Гитлером как нежелание Англии достичь взаимопонимания с Германией; Англия должна будет считаться врагом Германии. Это означало бы борьбу до конца между двумя странами. (Хессе ска-

зал в этой связи, что Гитлер огорчен тем, что его усилия достичь взаимопонимания между Англией и Германией потерпели неудачу). Он искренне заинтересован в этом, однако уже испытывает сомнения в возможности достижения такого взаимопонимания в настоящее время. Аргумент, что «доверие должно быть восстановлено», также соответствует точке зрения Германии.

Хессе сказал, что это и есть те три пункта послания, которые ему было поручено передать. Он добавил, что имеет полномочия обмениться мнениями, и сказал, что, как он полагает, у его руководителей сложилось мнение, что мы намерены обмануть их в данцигском вопросе. [Немцы] опасаются, что, если они начнут переговоры по более широкому кругу вопросов, данцигский вопрос может ускользнуть. В связи с этим, сказал Хессе, они сочли невозможным выйти за рамки заявления о том, что после решения данцигского вопроса будет сделано предложение, которое, как они надеются, будет приемлемо для нас в отношении других вопросов. Они полагают, что мы намерены исключить данцигский вопрос из повестки дня. По-видимому, доклад Дирксена не вносит ясность в вопрос об исключении данцигской проблемы, а дело заключается скорее в том, чтобы сделать попытку расширить рамки переговоров и таким образом дать возможность обсудить его на более общем фоне в надежде, что будут созданы условия, благодаря которым этот вопрос станет менее острым, чем в случае, если бы он обсуждался сам по себе.

Хессе спросил, нет ли возможности выработать какую-то формулу, которая рассеяла бы сомнения,— не обязательно, чтобы в ней говорилось, что данцигский вопрос будет включен в любую повестку дня, но что он будет обсуждаться наряду с другими вопросами. Как он полагает, следует продолжить попытки выработать такую формулу. Он считает, что было бы правильным уговорить польское правительство вести переговоры непосредственно с германским правительством. Ему известно о предпринимаемых Буркхардом усилиях, и, как он полагает, могут быть достигнуты некоторые успехи. Однако это будет зависеть от того, прекратят ли поляки плохо обращаться с немцами.

Хессе упомянул о визите Гендерсона, который он нанес Вейцзекеру в начале прошлой недели, и сказал, что повторение (если действительно это имело место) во время визита заявлений о намерении выполнить наши гарантии было ошибкой. Хессе сказал, что Гитлеру хорошо известно, что, если начнется война между Германией и Польшей, Англия не останется в стороне. Он сказал, что это полностью сознают как Гитлер и Риббентроп, так и другие руководители и что Гитлер это полностью учитывает, хотя ему еще трудно понять, почему мы должны в такой степени упорствовать в данцигском вопросе. Они рассматривают его как часть общей проблемы по пересмотру Версальского договора и не считают, что это в какой-то степени сравнимо с сопротивлением агрессии в отношении Румынии и т. д. Хессе сказал, что было бы большой ошибкой с нашей стороны продолжать заявлять о решимости выполнить наши обязательства; единственным результатом этого было бы раздражение Гитлера, который, как подчеркнул Хессе, ясно понимает создавшееся положение. (Я особенно отметил это утверждение Хессе, так как оно было сделано добровольно и не было результатом какого-либо вопроса с моей стороны. Несомненно, что эта мысль меня лично весьма занимала, однако его заявление было сделано добровольно.)

Хессе сказал, что он доволен, что не были установлены дата или даты, или, по крайней мере, они не были установлены, когда он покидал Германию четыре дня тому назад.

Хессе, хорошо знающий Англию, открыто заявлявший о большом желании улучшить отношения между двумя странами, сказал в заключение беседы, что, если есть что-либо, что он может сделать, или если желают передать через него любое послание или сообщение — он к нашим услугам. Он один из первых последователей Гитлера и тесно связан с Гитлером в течение последних двадцати лет. Ему вполне понятны настроения в нашей стране и насколько трудно в политическом плане согласиться с германской интерпретацией послемюнхенских событий. Говоря от себя лично и с большим убеждением, Хессе сказал, что, хотя он и находит мои высказывания вполне объяснимыми, он считает, что урегулирование в Данциге (плюс дорога в Восточную Пруссию) является последним требованием, которое Гитлер вынужден предъявить в качестве нерешенного вопроса Версальского договора.

*Х. В.**

Печат. по изд.: «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1977, № 2, Stuttgart, S. 238—242.

135. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции

21 августа 1939 г.

Начало заседания в 11 час. 03 мин. Окончание заседания в 17 час. 25 мин.

Адм. Дракс (председательствующий). Объявляю заседание открытым.

Я должен, прежде всего, заявить маршалу, что в соответствии с его желанием мы собрались сегодня. По моему мнению, следовало бы отложить заседание еще на 3—4 дня. Но мы хотели бы воспользоваться сегодняшним заседанием для того, чтобы обсудить три или четыре важных вопроса.

Должен Вас информировать, что полномочия британской миссии получены и будут сейчас оглашены.

(Оглашается текст полномочий на английском языке. Перевод на русский язык будет представлен по получении подлинного текста.)

---

* Инициалы Хораса Вильсона.

Я перехожу теперь ко 2-му пункту. Так как маршал пожелал, чтобы это заседание состоялось, я хотел бы попросить его высказать свое мнение насчет нашей дальнейшей работы.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я от имени миссии Советского Союза вношу предложение сделать перерыв нашего совещания не на 3—4 дня, как об этом просят английская и французская миссии, а на более продолжительный срок, тем более что члены нашей миссии заняты в эти дни на осенних маневрах, и в надежде, что за этот период будут выяснены все те вопросы, которые одинаково всех нас интересуют. Я имею в виду получение ответов от правительств Великобритании и Франции на поставленные советской миссией вопросы. (Переговоры между адмиралом Драксом и генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Я попросил бы маршала наметить более определенно срок перерыва.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я, к сожалению, лишен возможности точно определить этот срок, так как нам, очевидно, нет практической необходимости собираться до того, как будут получены ответы английской и французской миссиями от своих правительств. Мне думается, что, если будут получены положительные ответы на наши вопросы, тогда придется наше совещание собрать как можно раньше. Если ответы будут отрицательные, я вообще не вижу возможности дальнейшей работы для нашего совещания, потому что вопросы, нами поставленные, как я уже предварительно осведомлял высокое наше совещание, являются для нас решающими, кардинальными. Если на них не будут получены положительные ответы, тогда вряд ли будет необходимость вообще собираться.

Адм. Дракс. Мы понимаем, что члены советской миссии очень заняты. Мы были бы рады дать точный ответ на вопросы маршала, но я бы попросил сделать перерыв, чтобы обсудить предложение маршала о сроке перерыва совещания. (Советская миссия выражает согласие на перерыв заседания.)

Объявляется перерыв.

(После перерыва.)

Адм. Дракс. Мы с генералом принимаем с сожалением предложение маршала относительно отсрочки совещания.

Перед тем как нам сегодня расстаться, я от имени английской и французской миссий хотел бы отметить, что мы были приглашены сюда для того, чтобы выработать военную конвенцию. Поэтому нам трудно понять действия советской миссии, намерение которой, очевидно, заключалось в постановке сразу же сложных и важных политических вопросов.

Советские руководители должны были бы представить себе, что для получения ответов на эти вопросы необходимо было снестись с нашими правительствами, а наши правительства в свою очередь должны были снестись с другими правительствами. Именно

отсюда вытекает отсрочка, которая является нежелательной с любой точки зрения. Поэтому французская и английская миссии не могут принять на себя ответственность за отсрочку, которая имеет место.

Так как мы можем получить ответы от наших правительств в любой момент, мы просили бы, чтобы члены советской миссии нашли время для участия в дальнейшей работе.

В заключение мы высказываем наше мнение: мы готовы продолжать работу нашего совещания и считаем, что это время будет использовано целесообразно.

Вот все, что мы хотели сказать.

Еще раз повторяю, что мы готовы продолжать работу совещания в любой момент, когда это будет угодно.

(Адмирал Дракс свое заявление читал по отпечатанному на машинке тексту, где имелись отдельные пометки и исправления, сделанные карандашом.)

Маршал К. Е. Ворошилов. Я прошу г-на председателя сделать перерыв, чтобы нам можно было посоветоваться и дать свой ответ.

Адм. Дракс. Перед тем как это сделать, я хотел бы представить на рассмотрение маршала еще один вопрос.

Маршал К. Е. Ворошилов. Пожалуйста.

Адм. Дракс. Мы предполагаем, что не нужно делать никаких заявлений в прессе, указывающих на то, что работа конференции отложена на неопределенный срок. Мы считаем, что такое заявление в прессе вызвало бы нежелательные результаты, так как думаем, что конференция возобновит свою работу в скором времени.

(Последнее заявление генерал Думенк передает адмиралу Драксу. Генерал Хейвуд переводит его, и адмирал Дракс оглашает. Заявление было написано от руки.)

Объявляется перерыв до 16 часов.

(После перерыва.)

Адм. Дракс. Заседание возобновляется.

Командарм Б. М. Шапошников. Народный комиссар Военно-Морского Флота, член нашей миссии, сейчас очень занят и поэтому на настоящем заседании быть не может.

Адм. Дракс. Принимаем это сообщение и сожалеем о его отсутствии.

Маршал К. Е. Ворошилов. В ответ на сделанное заявление я зачитаю наше заявление.

«В своем заявлении глава английской военной миссии адмирал Дракс от имени английской и французской военных миссий поставил несколько вопросов, на которые советская миссия считает необходимым дать свои разъяснения.

1. В заявлении подчеркивается факт приглашения в СССР французской и английской военных миссий для выработки военной конвенции.

Советская военная миссия разъясняет действительное положение дела.

Настоящее совещание военных миссий Англии, Франции и СССР явилось естественным продолжением политических переговоров, которые велись между представителями Англии, Франции и СССР, целью которых, как известно, было выработать совместный план сопротивления агрессии в Европе.

В связи с этим Советское правительство неоднократно заявляло о том, что оно не может отделить политического пакта от военной конвенции, которые должны явиться результатом политических и военных переговоров между нашими странами.

Согласившись с мнением Советского правительства, правительства Англии и Франции командировали свои военные миссии в СССР.

2. Англо-французской военной миссии, по ее заявлению, трудно понять действия советской миссии, намерение которой, по ее мнению, заключается в постановке сразу же сложных и важных политических вопросов.

Намерением советской военной миссии было и остается — договориться с английской и французской военными миссиями о практической организации военного сотрудничества вооруженных сил трех договаривающихся стран.

Советская миссия считает, что СССР, не имеющий общей границы с Германией, может оказать помощь Франции, Англии, Польше и Румынии лишь при условии пропуска его войск через польскую и румынскую территории, ибо не существует других путей для того, чтобы войти в соприкосновение с войсками агрессора.

Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и Советские Вооруженные Силы не могут принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши и Румынии. Это военная аксиома.

Таково твердое убеждение советской военной миссии.

Английская и французская миссии, к нашему удивлению, не согласны в этом с советской миссией. В этом наше разногласие.

Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному вопросу, как пропуск и действия Советских Вооруженных Сил против войск агрессора на территории Польши и Румынии, с которыми Англия и Франция имеют соответствующие политические и военные отношения.

Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР.

Ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны».

(Продолжительное совещание между адмиралом Драксом и генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Нам желательно устроить небольшой перерыв.

Объявляется перерыв.

(После перерыва.)

Адм. Дракс. В ответ на заявление маршала я хочу сказать, что если бы было малейшее сомнение в серьезности нашего намерения заключить военное соглашение, то мы заявили бы об этом откровенно и немедленно.

Мне кажется, что в представлении советской миссии есть некоторые недоразумения относительно нашего мнения насчет советских планов. Мы далеки от разногласий с теми тремя вариантами плана, которые были изложены начальником Генерального штаба Шапошниковым. Поднятые политические вопросы уже обсуждаются нашими правительствами.

Но события нарастают с большой быстротой. Поэтому, чтобы не терять времени, мы хотим задать несколько важных вопросов, разработанных в рамках трех изложенных вариантов. Мы просим изучить эти вопросы, с тем чтобы Вы были в состоянии дать на них ответы на следующем нашем заседании. Мы готовы обсуждать эти вопросы в любое время, когда это Вам будет угодно.

Что же касается моего вопроса, заданного сегодня утром, то я хотел бы спросить, готовы ли Вы собраться, когда мы получим ответы из Лондона и Парижа.

Маршал К. Е. Ворошилов. Ввиду неопределенности положения относительно получения ответов, мне думается, лучше всего сейчас не предрешать вопроса о дне заседания нашего совещания. Разумеется, если английской и французской миссиями будут получены соответствующие положительные ответы на поставленные нами вопросы, советская военная миссия готова будет собраться для рассмотрения тех вопросов, которые нами только были намечены и которые подлежат еще детальному обсуждению.

Адм. Дракс. Мы передаем Вам в письменном виде ряд вопросов и просили бы эти вопросы изучить. Передаем также ряд морских вопросов *.

---

* Так в тексте. Очевидно, имеются в виду вопросы, переданные 17 августа.

Я бы просил еще маршала высказаться относительно того, имеется ли у него какое-нибудь предложение о заявлении в прессу. Я об этом спрашиваю в связи с тем, что было сделано уже одно официальное заявление, которое не было заранее согласовано с остальными миссиями.

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что брать на себя взаимные обязательства относительно сообщения в прессу сейчас нет надобности.

Советская миссия не собирается давать никаких сообщений о работе нашего совещания. Но она не может поручиться за то, что те или иные сведения могут проникнуть в печать.

Что же касается заявления г-на адмирала относительно того, что в печать проникли сообщения о работе нашего совещания, то дело здесь обстоит следующим образом.

Вся мировая пресса, в том числе английская и французская, неоднократно и весьма подробно обсуждала вопрос о том, что затруднения в работе нашего совещания проистекают от того, что советская военная миссия или Советское правительство поставили вопрос перед нашим совещанием относительно гарантии со стороны Англии и Франции наших границ на Дальнем Востоке. Я думаю, здесь нет необходимости говорить о надуманности и лживости всей этой газетной шумихи. И только этим объясняется официальное заявление ТАСС о том, что вопрос о дальневосточных границах и военном сотрудничестве между Советским Союзом и Англией и Францией на Дальнем Востоке на нашем совещании не стоял и не обсуждался, а разногласия имеются в других плоскостях.

Я в этом не вижу нарушения принятого нами решения не давать в прессу сообщения о работе. О работе не было ничего сообщено.

(Адмирал Дракс совещается с генералом Думенком.)

Адм. Дракс. Мы принимаем к сведению заявление маршала относительно сообщения ТАСС и благодарим за подробное объяснение.

Можно ли сделать отсюда заключение, что наше соглашение о том, чтобы не давать никаких сообщений в прессу без предварительной консультации всех сторон, остается в силе?

Маршал К. Е. Ворошилов. Я полагаю, что наше совещание прекращает свою работу на более или менее продолжительный период времени. Поэтому связывать себя сейчас нет надобности. Однако я повторяю, наша военная миссия не собирается давать каких-либо сведений в прессу.

Адм. Дракс. Мы принимаем это к сведению и заявляем, что со своей стороны английская и французская миссии также не собираются делать каких-нибудь заявлений в прессе.

Командарм Б. М. Шапошников. Мы получили ряд вопросов от английской и французской военных миссий. Со своей стороны советская военная миссия задавала мало дополнительных вопросов. Советская военная миссия оставляет за собой право при продолжении работы совещания поставить ряд вопросов, которые она найдет нужными.

Адм. Дракс. Это само собою разумеется.

А сейчас, так как программа нашего совещания исчерпана, я прошу разрешения передать еще пять вопросов, касающихся военно-воздушных сил.

Я согласен с предложением маршала отложить наши заседания, но перед этим хочу заявить следующее: я считал бы удивительным, если бы ответ на политический вопрос задержался.

Объявляю заседание закрытым.

ВОПРОСЫ ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ВОЕННЫХ МИССИЙ, КАСАЮЩИЕСЯ ВОЗДУШНЫХ СИЛ

21 августа 1939 г.

1) С какой быстротой советские воздушные силы могут быть мобилизованы на польском и румынском фронтах?

2) Предполагает ли СССР действовать со своих собственных авиационных баз или с передовых баз в Польше и Румынии?

3) Мог бы СССР снабжать Румынию и Польшу самолетами или материалами, необходимыми для их постройки?

4) Предполагает ли СССР в случае войны помогать Турции самолетами и оборудованием?

5) Пригодны ли аэродромы и посадочные площадки, которые были бы заняты в случае войны советскими воздушными силами на западной границе СССР, для действия авиации во все времена года, включая осень, зиму и весну? Относится ли ограничение действий авиации в определенные периоды года ко всем или только к части этих аэродромов?

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 624—630.

136. Послание премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена А. Гитлеру

22 августа 1939 г.

Вашему превосходительству, очевидно, известно относительно некоторых мер, предпринятых правительством Его Величества, о которых сегодня вечером было сообщено в прессе и по радио. Эти шаги, по мнению правительства Его Величества, были необходимы в связи с военными передвижениями, о которых сообщалось из Германии, а также в связи с тем, что сообщение о заключении советско-германского договора, по-видимому, было воспринято в некоторых кругах в Берлине как свидетельство того, что вмешательство Великобритании на стороне Польши более не является тем случаем, с которым нужно считаться. Это было бы самой большой ошибкой. Каким бы ни оказался по су-

ществу советско-германский договор, он не может изменить обязательство Великобритании по отношению к Польше, о котором правительство Его Величества неоднократно и ясно заявляло и которое оно намерено выполнять *.

Утверждают, что, если бы правительство Его Величества в 1914 г. более ясно заявило о своей позиции, можно было бы избежать страшной катастрофы. Независимо от того, справедливо или нет такое утверждение, правительство Его Величества полно решимости не допустить повторения такого трагически неправильного толкования.

Если возникнет необходимость, правительство Его Величества полно решимости и готово применить без промедления все имеющиеся в его распоряжении силы, и невозможно предвидеть последствия военных действий, если они будут начаты. Было бы опасно обольщаться тем, что, если война начнется, то она быстро закончится, даже в том случае, если будет обеспечен успех на одном из нескольких фронтов.

Ясно изложив нашу позицию, я хочу повторить вам мое убеждение в том, что война между нашими двумя народами была бы величайшим бедствием, какое только можно себе представить. Я уверен, что ни наш, ни ваш народы не желают этого. Я не считаю, что существующие разногласия между Германией и Польшей не могут быть и не должны быть разрешены без применения силы, если будет восстановлен дух доверия, это даст возможность продолжить переговоры в обстановке, отличной от той, которая существует в настоящее время. Мы были и всегда будем готовы содействовать созданию условий, при которых такие переговоры станут возможными и при которых были бы совместно обсуждены более широкие проблемы, влияющие на будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие взаимный интерес.

Трудности, стоящие на пути любых мирных переговоров при существующей напряженности, вполне очевидны, и, чем дальше это напряжение будет сохраняться, тем труднее будет осуществлять разумный подход к данной проблеме.

Однако эти трудности могли бы быть уменьшены, а возможно, и устранены, если бы вначале установилась разрядка между обеими сторонами — а лучше сказать, между всеми сторонами,— то прекратились бы подстрекательство и полемика в прессе.

Если бы можно было добиться такого перемирия, то в конце этого периода, в течение которого могли бы быть предприняты шаги по рассмотрению и урегулированию жалоб, выдвигаемых обеими сторонами в отношении обращения с национальными меньшинствами, разумно было бы надеяться на создание соответствующих условий для ведения прямых переговоров между Германией и Польшей по имеющимся между ними спорным вопросам (при содействии нейтрального посредника и при условии, что обе стороны сочтут, что это будет способствовать успеху).

Однако я должен сказать, что надежда на успешное завершение этих переговоров была бы слабой, если бы заранее не было договоренности о том, что любое соглашение, будь оно достигнуто, получит гарантии других держав. Правительство Его Величества, если будет на то желание, готово сделать посильный вклад в дело эффективного осуществления таких гарантий.

Признаюсь, что в настоящее время я не вижу другого выхода, чтобы избежать катастрофы, которая может вовлечь Европу в войну. Ввиду тех серьезных последствий для человечества, которые могут возникнуть в результате действий руководителей государств, я надеюсь, что Ваше превосходительство с величайшим вниманием взвесит высказанные мною Вам соображения.

[*Н. Чемберлен*]

Печат. по изд.: «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, vol. VII, p. 127—128.

* См. док. № 33.

137. Запись беседы главы военной миссии СССР К. Е. Ворошилова с главой военной миссии Франции Ж. Думенком

22 августа 1939 г.

Ворошилов. Я прошу генерала Думенка ознакомить меня с документом, который Вы получили от своего правительства и о чем меня известили письмом, а также я хотел бы узнать, имеется ли ответ у английской миссии по тому же вопросу.

Думенк. Я не имею этого документа, но я получил сообщение правительства, что ответ на основной, кардинальный вопрос положительный. Иначе говоря, правительство дало мне право подписать военную конвенцию, где будет сказано относительно разрешения на пропуск советских войск в тех точках, которые Вы сами определите, т. е. через Виленский коридор, а если понадобится в соответствии с конкретными условиями, то и пропуск через Галицию и Румынию [90].

Ворошилов. Это сообщение от французского правительства?

Думенк. Да, это от французского правительства, которое дало мне эти инструкции.

Ворошилов. А как английское правительство?

Думенк. Я не знаю, получил ли адмирал Дракс подобный ответ от правительства Англии, но я знаю, что адмирал согласен с тем, что конференция может продолжаться.

Ворошилов. Стало быть, английская делегация уведомлена об этом сообщении?

Думенк. Да, я сказал адмиралу, что ответ правительства Франции получен. И я почти уверен в том, что такой же ответ должен быть и от английского правительства. Но так как я яв-

ляюсь ответственным за военные вопросы, а адмирал Дракс больше за морские, этого ответа достаточно для продолжения работы конференции.

Ворошилов. Английская миссия, возможно, согласна с тем, что генерал Думенк ведает военными вопросами, тем не менее английская миссия, как мне кажется, играет если не доминирующую, то равнозначную роль во всех наших переговорах. Поэтому без ответа английского правительства на наш вопрос, конечно, трудно будет продолжать работу совещания.

Думенк. Я думаю, что ответ британского правительства будет получен очень скоро.

Ворошилов. Меня интересует еще другой вопрос. Я очень извиняюсь, г-н генерал, но вопрос очень серьезный, и я считаю необходимым его задать.

Думенк. Я также хочу говорить с г-ном маршалом серьезно и откровенно.

Ворошилов. Вы не дали ответа относительно того, какую позицию во всем этом деле занимают польское и румынское правительства, в курсе ли они дел, или Вы получили ответ лишь французского правительства, данный без ведома Польши и Румынии.

Думенк. Я не знаю, какие были переговоры между правительствами, я могу сказать только то, что сказало мне мое правительство.

Я хочу, пользуясь нашим разговором, задать один вопрос: есть ли у Вас желание быстро продвинуть это дело и подписать военную конвенцию, потому что я пришел как раз для этой цели и я вижу, что время идет.

Ворошилов. Время идет, это бесспорно, но не наша вина, что представители Франции и Англии так долго тянули с этими вопросами.

Думенк. Я согласен с Вами. Возможно, что вначале мы имели затруднения, которые были естественными и от нас не зависели. Но я хочу снова сказать маршалу, что я готов поработать настолько быстро и настолько хорошо, насколько это возможно.

Ворошилов. Я в этом не сомневаюсь. За эти немногие дни я привык к Вам и вижу Вашу искренность и желание возможно скорее заключить военную конвенцию.

Думенк. Быстро и с взаимным доверием, так, как это должно быть между военными, имеющими общего неприятеля.

Ворошилов. Но вот прошло одиннадцать дней, и вся наша работа за это время сводилась к топтанию на месте. Поэтому я лишен возможности согласиться на участие в дальнейшей работе совещания до тех пор, пока не будут получены все официальные ответы. Я не сомневаюсь, что генерал получил положительный ответ от своего правительства. Но позиция Польши, Румынии, Англии неизвестна. Поэтому наша дальнейшая работа может свестись к одним разговорам, которые в политике могут принести только вред. Я убежден, что поляки сами захотели бы участвовать в наших переговорах, если бы они дали согласие на пропуск советских войск. Поляки непременно потребовали бы своего участия, их генеральный штаб не пожелал бы остаться в стороне от вопросов, которые обсуждаются и которые так близко их касаются. Поскольку этого нет, я сомневаюсь, чтобы они были в курсе дела.

Думенк. Это возможно, но я не знаю и не могу этого сказать.

Ворошилов. Подождем, пока все станет ясным.

Думенк. Я с удовольствием могу подождать, но я не хотел бы ждать без оснований. Я откровенен с маршалом. Вместе с тем уже объявлено о том, что кто-то должен приехать, и мне эти визиты не доставляют удовольствия.

Ворошилов. Это верно. Но виноваты в этом французская и английская стороны. Вопрос о военном сотрудничестве с французами у нас стоит уже в течение ряда лет, но так и не получил своего разрешения. В прошлом году, когда Чехословакия гибла, мы ожидали сигнала от Франции, наши войска были наготове, но так и не дождались.

Думенк. Наши войска также были готовы.

Ворошилов. В чем же тогда дело? У нас не только войска были готовы, но и правительство, вся страна, весь народ — все хотели оказать помощь Чехословакии, выполнить свои договорные обязательства.

Думенк. Если бы маршал был в это время во Франции, он увидел бы, что все было готово для того, чтобы сражаться.

После этих событий в Европе, если нужно создавать фронт мира, то его нужно создавать сейчас. Повторяю, что я в Вашем распоряжении и готов работать, когда Вы хотите, как Вы хотите и методами весьма конкретными.

Ворошилов. Если бы английская и французская миссии прибыли со всеми конкретными и ясными предложениями, я убежден, что за какие-нибудь 5—6 дней можно было бы закончить всю работу и подписать военную конвенцию.

Думенк. Я думаю, что сейчас нам понадобится 3—4 дня, чтобы подписать военную конвенцию. Положение достаточно ясное. То изложение, которое было сделано Шапошниковым, является прекрасной базой для выработки конвенции. Со своей стороны я готов подписать основные предложения, сделанные Шапошниковым.

Ворошилов. Кроме наших предложений должно быть также предложение англо-французской стороны. Нам нужно еще договориться насчет очень многих конкретных вопросов.

Думенк. Я с этим согласен. Шапошников сказал, что он собирается поставить ряд вопросов. Я с удовольствием на все эти вопросы дам ответы.

Ворошилов. Давайте подождем, покуда картина будет ясна, когда мы будем иметь ответ от английского правительства и нам

станет ясна позиция Польши и Румынии, тогда мы и соберемся. Если этого не будет, тогда и собираться нет надобности, потому что никаких результатов в этом случае быть не может. Нужно, чтобы эти ответы содержали точное указание о том, что Польша об этом знает, чтобы это был ответ английского и французского правительств, согласованный с польским и румынским правительствами. Мы не хотим, чтобы Польша демонстрировала свой отказ от нашей помощи, которую мы ей не собираемся навязывать.

Думенк. Я буду иметь в виду эти вопросы маршала и по получении ответов на них немедленно поставлю об этом в известность маршала. Но в настоящее время, я думаю, что мы, военные люди, работающие вместе, можем рассмотреть достаточно точно различные варианты военных действий. В этом случае мы все-таки выиграем время.

Ворошилов. Если будет разрешен основной вопрос, тогда все другие вопросы, если никаких политических событий за это время не произойдет, нам не трудно будет разрешить. Мы потом быстро договоримся. Но я боюсь одного: французская и английская стороны весьма долго тянули и политические и военные переговоры. Поэтому не исключено, что за это время могут произойти какие-нибудь политические события. Подождем. Чем скорее будет ответ, тем быстрее мы можем окончательно решить, как быть дальше.

Думенк. В настоящих условиях время дорого. Поэтому я согласен и на рассмотрение проекта конвенции, предложенного маршалом, и на то, чтобы представить вниманию маршала свой проект. Это даст возможность выяснить достаточно конкретно желания различных сторон.

Ворошилов. Мы ведь самые элементарные условия поставили. Нам ничего не дает то, что мы просили выяснить, для себя, кроме тяжелых обязанностей — подвести наши войска и драться с общим противником. Неужели нам нужно выпрашивать, чтобы нам дали право драться с нашим общим врагом! До того как все эти вопросы будут выяснены, никаких переговоров вести нельзя.

Думенк. Если уж мне мое правительство сказало «да», то я не думаю, что оно сказало это легкомысленно. Если я сообщил, что мое правительство сказало «да», то я считаю, что мы можем начать работу. Сейчас маршал меня спрашивает о новых политических гарантиях. Я готов их запросить, но я боюсь, это создаст представление, что мы не хотим быстро заключить эту конвенцию.

Ворошилов. Вы меня, по-видимому, не так поняли. Я не говорил о новых гарантиях. Я сказал только следующее: если ничего в политике не произойдет за это время, тогда мы быстро сможем договориться. Как только картина будет ясна и на наш вопрос будет получен от французского и английского правительств от-

вет, согласованный с правительствами Польши и Румынии, тогда мы быстро договоримся, и все наши практические вопросы будут решены. Но это, повторяю, в том случае, если до тех пор не произойдет никаких политических событий.

Думенк. Я понимаю маршала так, что речь идет о декларации или заявлении польского правительства.

Ворошилов. Нет, это не так. Я спрашиваю, есть ли ответ, подтвержденный правительствами Польши и Румынии, или только ответ французского правительства, который может быть таким: мы поставили вопрос перед Польшей и надеемся получить положительный ответ и т. д. Это для нас не ответ. Это будет лишней проволочкой времени. Я верю генералу всей душой, а он верит своему правительству, но тут нужна абсолютная ясность. Нужно иметь точный ответ правительств этих стран о том, что они согласны на пропуск наших войск.

Думенк. Я не думаю, что мы имеем желание ввести Вас в заблуждение.

Ворошилов. Нет, не в заблуждение. Мы поляков хорошо знаем. Поляки, естественно, захотят выяснить некоторые вопросы, если с ними заранее не договориться, а мы с вами не знаем, осведомлены ли они вообще об этом.

Думенк. Я, может быть, знаю их несколько хуже, чем маршал, но я все-таки хочу Вас спросить: считаете ли Вы возможным начать наше совещание или его отложить?

Ворошилов. Предмета для разговора у нас сейчас нет. До тех пор, пока мы не получим ответа, все разговоры будут бесполезными.

Думенк. Мое мнение другое. Нет вообще бесполезной работы. Мы Вам доверяем и считаем, что эта работа будет основной и полезной. Например, вопрос о Виленском коридоре нужно изучить весьма точно для того, чтобы знать все недостатки и преимущества этого направления. Это полезно даже в том случае, если нужно будет потом работать вместе с поляками, о чем только что говорил маршал.

Ворошилов. Я сказал уже, что если бы поляки дали положительный ответ, то они потребовали бы своего участия в наших переговорах, поскольку этого нет, значит, они не в курсе или не согласны.

Думенк. Я вижу, что маршал не имеет намерения в ближайшее время продолжить работу нашей конференции, и я могу это констатировать. Все же я считаю, что нам имеет смысл продолжить нашу работу.

Ворошилов. На этот вопрос наша делегация уже дала свой ответ: до получения ясного ответа на поставленные нами вопросы мы работать не будем.

Думенк. Вопросы практические не всегда легко и быстро разрешаются. Практические вопросы тоже требуют достаточного изучения, и эту работу я предлагаю продолжить. Эта работа бу-

дет полезной перед заключением конвенции, к тому же она не обязывает ни одну, ни другую сторону.

Ворошилов. Мы на бесполезную работу не можем тратить времени. Когда будет внесена полная ясность и будут получены все ответы, тогда будем работать.

Думенк. Мы разговаривали друг с другом довольно свободно, но вместе с тем мы говорили о вещах, требующих большой точности. Я был бы очень доволен, если бы маршал переслал мне запись нашей беседы. Это только для меня.

Ворошилов. Хорошо. Как только у Вас все выяснится, Вы сообщите через Паласа или непосредственно напишите мне.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 631—636.

138. Телеграмма посла Германии в Италии Г. Макензена в министерство иностранных дел Германии *

23 августа 1939 г.

Сегодня вечером граф Чиано пригласил меня к себе, чтобы ознакомить с сообщением итальянского посла в Токио [Джачинто Аурити], которое, по его мнению, настолько серьезно, что он намерен просить меня как можно скорее передать это дальше, с тем чтобы незамедлительно и энергично могли последовать наши ответные действия. Сообщение посла основывается на информации его военного атташе [подполковника Скализе], вызванного вчера (вечером) в японское военное министерство, где ему было сообщено следующее:

Предстоящее заключение московского пакта о ненападении ** вызвало в Японии глубокое возмущение против Германии [91]. Это означает, как было сказано военному атташе, предательство германо-японской дружбы и идеи антикоминтерновского пакта, тем более что Японию даже не уведомили заблаговременно о таких планах.

Как возможные последствия [итальянский посол] перечисляет (причем неясно, вытекает ли это из самой беседы военного атташе в военном министерстве или отражает собственное мнение посла, которое Чиано охарактеризовал в этой связи как позицию особенно спокойного наблюдателя):

1. Падение теперешнего правительства и новый англофильский кабинет.

2. Изменение курса японской внешней политики.

* В начале телеграммы помечено: к моему разговору по телефону с легационным советником В. Хевелем. Запись этого разговора не обнаружена; на телеграмме проставлено время 23 час. 30 мин.

** Подписание советско-германского пакта о ненападении состоялось между 22 часами 23 августа и часом ночи 24 августа 1939 г. по московскому времени.

3. Отзыв посла в Берлине и, возможно, также в Риме.

4. Направление подкреплений в Квантунскую армию, чтобы уравновесить русские подкрепления в этом районе.

Если, как сообщает посол, страны оси намерены что-то предпринять в противовес этой установке японцев, то необходимо действовать. Представители военного министерства Японии якобы заявили, что у них еще нет прямых известий из Берлина и Рима. Чиано немедленно дал указание послу в Токио заявить японцам, что:

1) итальянская политика не претерпела никаких изменений, дружба и понимание в отношении Японии неизменны;

2) при оценке положения японцам следовало бы помнить, что любое ослабление позиций Англии и Франции в Европе было бы только выгодно для Японии;

3) отзыв послов явился бы беспрецедентным компрометирующим шагом и только серьезно осложнил бы складывающуюся ситуацию, которая для Японии совсем не выглядит неблагоприятной.

Послу было поручено в заключение заверить японцев в том, что они, как и прежде, могут относиться с полным доверием к итальянской позиции. Чиано закончил свое сообщение замечанием, что он придает информации своего посла чрезвычайно серьезное значение и настоятельно просит с нашей стороны — через нашего посла, прессу и т. д.— сделать все возможное, чтобы успокоить японцев.

Макензен

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. VII, S. 188.

139. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ временному поверенному в делах Франции в Великобритании Р. Камбону

24 августа 1939 г.

Французское правительство предпримет весьма настоятельный демарш перед польским правительством, с тем чтобы оно воздержалось от противодействия оружием в случае, если Сенат Свободного города объявит о присоединении Данцига к рейху. Действительно, важно, чтобы Польша не заняла агрессивную позицию, которая воспрепятствовала бы осуществлению некоторых наших пактов и, кроме того, поставила бы польскую армию в Данциге в весьма опасное положение. В случае возникновения такой ситуации правительству Варшавы следовало бы отстаивать свои права дипломатическим путем [86].

Жорж Боннэ

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1938—1939». Ministère des affaires, etrangères, p. 299.

140. Телеграмма посла Великобритании в Германии Н. Гендерсона министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу

25 августа 1939 г.

Ниже следует перевод текста устного заявления, сделанного мне Гитлером во время сегодняшней с ним встречи.

Вначале фюрер заявил, что посол Англии в конце последней беседы выразил надежду, что, как бы то ни было, все еще существует надежда на возможность взаимопонимания между Германией и Англией. Он, фюрер, в связи с этим все вновь обдумал и желает в том, что касается Англии, сделать шаг, который будет таким же решительным, как тот, который был сделан по отношению к России и который привел к недавнему заключению соглашения [92]. Заседание, состоявшееся вчера в палате общин, а также выступления г-на Чемберлена и лорда Галифакса заставили фюрера вновь встретиться с английским послом для беседы. Утверждение о том, что Германия стремится завоевать мир, является нелепым. Британская империя занимает 40 млн. *кв. км*, Россия — 19 млн. *кв. км*, Америка — 9,5 млн. *кв. км*, в то время как Германия — менее 600 тыс. *кв. км*. Совершенно ясно, кто именно стремится к завоеванию мира.

Фюрер сказал английскому послу следующее:

1. Фактические провокации Польши стали невыносимыми. Не имеет значения, кто виновен в этом. Если правительство Польши отрицает свою ответственность, то это говорит лишь о том, что оно более не имеет никакого влияния на подчиненные ему военные власти. В предыдущую ночь имел место еще двадцать один инцидент на границе. Германская сторона проявляла значительно большую сдержанность. Все инциденты были спровоцированы польской стороной. Кроме того, был обстрелян самолет гражданской авиации. Заявление польского правительства о том, что оно не несет за это ответственности, говорит о том, что оно более не может держать под контролем свой собственный народ.

2. Германия при всех условиях намерена устранить эти (македонские) * условия на ее восточной границе, и, что еще более важно, чтобы это было сделано не только в интересах спокойствия и порядка, но также и в интересах мира в Европе.

3. Проблема Данцига и [польского] коридора должна быть решена. Речь, которая была произнесена премьер-министром Англии, ни в коей мере не была рассчитана на то, чтобы побудить Германию изменить ее позицию. Самое большее, к чему может привести указанная речь,— это к кровопролитной и непредвиденной войне между Германией и Англией. Такая война будет более кровопролитной, чем война 1914—1918 гг. В противоположность прошлой войне Германии более не придется вести войну на двух фронтах. Соглашение с Россией не ограничено условиями,

* Так в тексте.

и оно свидетельствует об изменениях во внешней политике рейха... * действовать весьма длительное время. Россия и Германия никогда вновь не применят оружия друг против друга. Кроме того, соглашения, заключенные с Россией, дадут возможность обеспечить Германию экономически в течение самого длительного периода войны.

Фюрер всегда желал англо-германского согласия. Война между Англией и Германией может, в лучшем случае, принести некоторую выгоду Германии, но никакой Англии.

Фюрер заявил, что польско-германская проблема должна быть решена и это будет сделано. Однако он готов и намерен после решения этой проблемы вновь обратиться к Англии с всеобъемлющим предложением. Он весьма энергичный человек, и в этом случае он сможет быть великим в своих действиях. Он признает Британскую империю и готов лично дать обещание в отношении ее дальнейшего существования и предоставить мощь германского рейха в ее распоряжение при условии, что:

1) Его ограниченные колониальные требования, о которых можно было бы договориться мирным путем, будут удовлетворены, и в этом случае он готов установить самый продолжительный предельный срок.

2) Его обязательства по отношению к Италии не будут затронуты; другими словами, он не требует, чтобы Англия отказалась от своих обязательств по отношению к Франции, и в том, что касается его, он также не может отказаться от своих обязательств по отношению к Италии.

3) Он также желает подчеркнуть окончательное решение Германии никогда вновь не вступать в конфликт с Россией. Фюрер готов заключить соглашения с Англией, которые, как это было уже подчеркнуто, не только будут гарантировать существование Британской империи при любых условиях, в том, что касается Германии, но также, если в этом возникнет необходимость, гарантировать предоставление Британской империи помощи независимо от того, где эта помощь будет необходима. Фюрер готов согласиться на разумное ограничение вооружений, которое будет соответствовать новой политической ситуации и допустимо с экономической точки зрения. В конце беседы фюрер вновь дал свои заверения в том, что он не заинтересован в проблемах Запада и что вопрос об изменении границ на Западе его не интересует. Западные укрепления, возведение которых стоило миллиарды, являются окончательной границей рейха.

Если английское правительство учтет эти соображения, это будет благом как для Германии, так и для Британской империи. Если она отклонит эти соображения — будет война. Ни при каких условиях Великобритания не сможет выйти из нее сильнее — последняя война доказала это.

* Многоточие оригинала.

Фюрер повторил, что он человек ad infinitum решений *, которыми он сам себя связал, и что это было его последнее предложение. Как только будет решен германо-польский вопрос, он обратится к английскому правительству с предложением [93].

Направлена также в Рим и Варшаву.

Печат. по изд.: «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, vol. VII, p. 227—229.

141. Телеграмма посла Великобритании в Японии Р. Крейги министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу

25 августа 1939 г.

Все говорит о том, что сообщение о советско-германском пакте [92] о ненападении явилось для японцев сильным потрясением, и, чтобы выйти из этого состояния, им потребуется некоторое время. Поэтому я согласен с точкой зрения, выраженной в Вашей телеграмме, что мы должны ковать железо, пока горячо, и предпринять решительные усилия, чтобы оторвать Японию от тоталитаристов до того, как немцы попытаются все обосновать, если они смогут это сделать, к удовлетворению правительства и народа Японии.

2. С учетом непосредственно предшествующих событий (приостановление переговоров, антибританская агитация и т. д.) задача является очень трудной, но ни в коем случае не невозможной.

Первым шагом должно быть немедленное возобновление тяньцзиньских переговоров и по возможности их быстрое завершение. В настоящее время я предпринимаю шаги по выяснению того, существует ли возможность, при изменившихся условиях, заставить правительство Японии прийти к соглашению, в основу которого будет заложена договоренность об опломбировании серебра там, где оно находится «до окончания военных действий либо до достижения соглашения между заинтересованными сторонами о его передаче» — в зависимости от того, какой из вариантов предоставит скорейшее разрешение этой проблемы.

3. Я могу при случае выдвинуть перед японцами такой аргумент, что обе стороны должны стремиться избавиться от блокады в период наводнения.

4. Завершение тяньцзиньских переговоров, несомненно, явится лишь первым шагом в предлагаемой политике, однако это существенный шаг. Конечной целью должно быть мирное урегулирование на Дальнем Востоке, при котором мы, возможно, должны будем признать преимущества Японии в номинально автономном Северном Китае (которые почти наверняка придется признать в любом случае), но благодаря которому экономическое положение

* В тексте, присланном позже диппочтой, было great decisions (англ.) — великих решений.

в Центральном Китае можно было бы спасти от дальнейшего ухудшения, а китайский народ — от дальнейшего выжигания их земли. Как со стороны Чан Кайши, так и с нашей стороны должны быть принесены жертвы, однако не будет оснований осуждать нас в том, что мы «оставляем в беде китайский народ». Мы должны также отказаться от идеи проведения совещания в соответствии с договором девяти держав, за исключением, возможно, как крайний шаг, подтверждения договоренности, достигнутой между основными заинтересованными сторонами: наши усилия должны быть направлены на ведение переговоров, в которых на первом этапе не должны участвовать другие страны, кроме Японии, Китая, США и нас. (Включить Францию — означало бы участие Германии, а также Италии. Этот вопрос потребует весьма тщательного рассмотрения.)

5. Положение, как оно представляется здесь, таково, что в течение ближайших нескольких дней возникнет опасность дальнейшего и возможно необратимого вовлечения Японии в антибританский лагерь и утраты возможности, которой до этого не было, отвоевать японцев у тоталитаристов на основе действительного взаимопонимания и общих интересов.

Как Вам известно, премьер-министр Японии желает улучшить англо-японские отношения. Министр иностранных дел сказал мне, что он лично стремится к этому, и мы можем сыграть на тщеславии человека, подписавшего антикоминтерновский пакт [10]. Мы имеем также других друзей в нынешнем кабинете. Теперь уже не должно быть сомнений в том, что Япония стоит того, чтобы за нее бороться. По общему признанию, она затратила огромную энергию и огромные денежные средства на войну, которая все еще не окончена...* однако она имеет боеспособный флот, приобретший опыт в условиях войны, хорошо подготовленную армию с огромными резервами первоклассных войск, которые могут быть использованы при непредвиденных чрезвычайных обстоятельствах, и решительный народ, способный к величайшему самопожертвованию, народ, которому я без колебания могу предсказать великое будущее. Я не недооцениваю важности начала переговоров в целях урегулирования конфликта с Китаем в ближайшее время, и я, как Вы это предлагаете, буду поддерживать тесные контакты по этому вопросу с моими французским и американским коллегами. Однако трудности все еще весьма велики, и в настоящее время я считаю, что мы должны сосредоточить свои усилия на том, чтобы удалить Японию от Германии и приблизить ее к нам.

6. Делая эти рекомендации, я не хочу сказать, что у меня не вызывают отвращения последняя японская агрессия или последняя антибританская кампания. Однако настоящий момент для нас слишком критический, чтобы заботиться о чем угодно, только не о будущем, и я убежден, что имеется возможность — если мы будем

* Многоточие оригинала.

действовать достаточно быстро — изменить сложившуюся ситуацию в наших интересах. Рекомендуемая политика была бы более убедительной для Японии, если бы мы могли увеличить наши силы на Дальнем Востоке путем размещения флота, как я писал в моей телеграмме *.

7. Хотя я и был бы рад, если бы я уговорил моих французского и американского коллег проявить инициативу в этом вопросе, как Вы это предлагаете, однако опыт прошлого говорит о том, что в конечном итоге мы должны будем полагаться на британскую инициативу, если хотим достичь чего-либо.

Я признателен Вам за свободу действий, которую Вы предоставили мне, и впредь буду вести дело со всей осмотрительностью, насколько это совместимо со срочностью ситуации.

Печат. по изд.: «Documents on British Foreign Policy. 1919—1939». Third Series, vol. IX, 1939, p. 495—497.

142. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского с послом Китая в СССР Ян Цзе

26 августа 1939 г.

Ян Цзе сообщил, что получил ответную телеграмму от своего правительства. Китайское правительство приветствует назначение Панюшкина полномочным послом СССР в Китае.

Я сказал Ян Цзе, что мы хотели бы ускорить прием Панюшкина председателем национального правительства и вручение верительных грамот, так как это важно с точки зрения нынешнего международного положения. Заявление нашего посла в Китае о том, что Советский Союз поддерживает дружественный китайский народ в его борьбе за независимость, положительно повлияет на усиление борьбы китайского народа против японской агрессии.

Ян Цзе ответил, что он тоже считает необходимым ускорить обмен речами, он доложит об этом своему правительству и уверен, что оно согласится с его точкой зрения. Я со своей стороны сказал, что сообщу об этом Панюшкину.

Ян Цзе просил дать ему информацию, в пределах возможного, о нынешнем международном положении. Он получил от своего правительства сообщение, что подписание советско-германского пакта о ненападении [92] очень сильно обрадовало китайское правительство, ибо этот договор укрепит Советский Союз и явится, несомненно, ударом по Японии. Китайское правительство поручило ему выяснить некоторые вопросы в связи с заключенным пактом.

Посол начал с вопроса, какое влияние будет иметь это политическое событие на международную обстановку.

Я ответил, что политика Советского правительства всегда определялась желанием мира и никогда не преследовала агрессивных целей. Заключение договора между СССР и Германией кое у кого в Европе выбивает почву из-под ног, особенно у тех, кто хотел натравить Германию на Советский Союз и СССР на Германию. Думаю, что возможно избежать военного конфликта между Германией и Польшей, хотя взаимоотношения между этими странами очень напряженные. Заключение пакта о ненападении между Советским Союзом и Германией создает элемент стабильности в неустойчивой международной обстановке.

Что же касается Дальнего Востока, то, как видно из прессы, японское правительство протестует против разрыва Германией антикоминтерновского пакта [10]. В японских газетах открыто пишут, что пакт о ненападении между СССР и Германией привел к изоляции Японии и к росту трудностей, а это, несомненно, на руку освободительной борьбе китайского народа.

Какие можно сделать выводы? 1) Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией положил конец антикоминтерновскому пакту. 2) Разрядил напряженность в международных отношениях, которые существовали накануне заключения этого пакта.

Ян Цзе спросил, верно ли, что английская и французская миссии выехали из Советского Союза. Он хотел бы узнать результаты переговоров и будут ли они продолжаться.

Я ответил, что переговоры с Англией и Францией велись в течение пяти месяцев, отъезд делегаций — это эпизод в этих переговорах. Делегации приезжают и уезжают, а вопрос о борьбе за мир остается. Отъезд не есть результат заключения договора о ненападении между СССР и Германией, а результат недоговоренности по ряду вопросов. Если Англия и Франция пойдут на предложения Советского правительства, не исключена возможность заключения договора с ними. Советский Союз имеет договоры о ненападении с Польшей и другими странами, и эти договоры остаются в полной силе. В настоящее время переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции.

Ян Цзе спросил, как я расцениваю заявление Чемберлена, что Англия не позволит Германии забрать Данциг, и считаю ли я возможным столкновение Германии с Польшей.

Я ответил, что обстановка сейчас очень напряженная. По обеим сторонам границы имеются сотни тысяч мобилизованных, а в таких случаях достаточно одного инцидента, чтобы начались военные действия.

Япония, сказал Ян Цзе, очутилась на Дальнем Востоке в изолированном положении, но именно поэтому Япония будет искать соглашения с Англией.

Я ответил, что, насколько можно судить по японской прессе, Япония будет искать сотрудничества с США и усилит давление прежде всего на Китай, а затем на Англию и Советский Союз. Линия на порабощение Китая у японцев твердая. На какие уступки

* В данном сборнике не публикуется.

японцы пойдут американцам — трудно сказать. Японцы находятся сейчас в очень трудном положении. Судя по японской и иностранной прессе, у них сейчас большая растерянность. На днях нужно ожидать декларации японского правительства по вопросам своей дальнейшей политики. Захватив Тяньцзинь, Бейпин, Шанхай, Шаньтоу, Кантон и десятки городов, где финансово-экономические интересы Англии очень велики, окружая Гонконг и уничтожая английскую торговлю, захватывая ее транспорт, дезорганизуя ее фабрики и банки, Япония вряд ли сейчас пойдет на компромисс с Англией, хотя в Англии очень сильны капитулянтские настроения. Это значит, что борьба между Японией и Англией, вероятнее всего, и дальше будет обостряться.

Уходя, Ян Цзе выразил благодарность за любезную информацию и обещал в свою очередь проинформировать об этом свое правительство. Кроме того, просил, ввиду сложности международной обстановки, информировать его о событиях.

Я подтвердил, что сейчас, действительно, международная обстановка очень сложная и это еще больше требует скорейшего оформления Панюшкина полномочным представителем, который смог бы систематически информировать китайское правительство и правительство СССР об интересующих оба правительства вопросах.

Лозовский

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 638—641.

143. Интервью главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции

27 августа 1939 г.

Сотрудник «Известий» обратился к главе советской военной миссии т. Ворошилову с рядом вопросов, на которые т. Ворошилов дал следующие ответы.

Вопрос. Чем закончились переговоры с военными миссиями Англии и Франции?

Ответ. Ввиду вскрывшихся серьезных разногласий переговоры прерваны. Военные миссии выехали из Москвы обратно.

Вопрос. Можно ли знать, в чем заключаются эти разногласия?

Ответ. Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора. Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и Советские

Вооруженные Силы не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши.

Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР.

Это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран.

В этом основа разногласий. На этом и прервались переговоры.

Вопрос. Не говорилось ли во время переговоров о помощи Польше сырьем и военными материалами?

Ответ. Нет, не говорилось. Помощь сырьем и военными материалами является делом торговым, и для того, чтобы давать Польше сырье и военные материалы, вовсе не требуется заключение пакта взаимопомощи и тем более военной конвенции. США, как и ряд других государств, не имеют с Японией никаких пактов взаимопомощи или военной конвенции, однако они уже два года продают японцам сырье и военные материалы, несмотря на то что Япония находится в состоянии войны с Китаем. Во время переговоров речь шла не о помощи сырьем и военными материалами, а о помощи войсками.

Вопрос. Дипломатический обозреватель газеты «Дейли геральд» пишет, что военные миссии Англии и Франции будто бы спросили советскую миссию, готов ли СССР снабжать Польшу самолетами, боеприпасами и держать в готовности на границе Красную Армию, а советская военная миссия будто бы ответила на это предложением: «немедленно после начала войны оккупировать Вильно и Новогрудок на северо-востоке, а также Львовское, Тарнопольское и Станиславское воеводства на юго-востоке, что из этих районов Красная Армия могла бы оказать полякам военную помощь, если это потребуется».

Как вы смотрите на это заявление дипломатического обозревателя «Дейли геральд», соответствует ли оно действительности?

Ответ. Это заявление является от начала до конца лживым, автор его — наглым лжецом, а газета, поместившая это лживое заявление своего дипломатического обозревателя,— клеветнической газетой.

Вопрос. Агентство Рейтер по радио сообщает: «Ворошилов сегодня заявил руководителям английской и французской военных миссий, что ввиду заключения договора о ненападении между СССР и Германией Советское правительство считает дальнейшие переговоры с Англией и Францией бесцельными».

Соответствует ли действительности это заявление агентства Рейтер?

Ответ. Нет, не соответствует действительности. Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР

заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий [80].

Печат. по газ.: «Известия», 1939, 27 августа.

144. Заявление министра иностранных дел Франции Ж. Бонне министру иностранных дел Италии Г. Чиано

1 сентября 1939 г.

Высоко оценивая дух предложения Королевского правительства [Италии], французское правительство вновь настоятельно подтверждает свое стремление изыскать любые средства и присоединиться к любым инициативам, имеющим целью облегчить и обеспечить полюбовное урегулирование конфликта, возникшего между Германией и Польшей [94].

Поэтому французское правительство искренне воздает должное усилиям, предпринятым в том же направлении итальянским правительством, и выражает ему благодарность за информацию о проекте созыва конференции, переданную послом Франции в Риме, на которую оно дает положительный ответ.

Однако французское правительство должно отметить, что, по его мнению, конференция не смогла бы обсудить проблемы, затрагивающие интересы государств, на ней не присутствующих; поэтому французское правительство не готово обсуждать проблемы, затрагивающие интересы одной из держав в ее отсутствие.

Французское правительство считает, что такая конференция не должна ограничиваться поисками частичных и промежуточных решений проблем локального и сиюминутного характера.

Обсуждая весь комплекс основных проблем, лежащих в основе любого конфликта, конференция должна привести к общему смягчению обстановки, что даст возможность установить мир во всем мире на прочной основе.

Жорж Бонне

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1938—1939». Ministère des affaires étrangères, p. 377—378.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Согласно ст. 100—108 Версальского мирного договора 1919 г. Германия отказывалась от прав и правооснований на территорию Данцига и его округа. Город Данциг и округ объявлялись вольным городом под защитой Лиги наций; конституция его должна была быть выработана впоследствии представителями Данцига по соглашению с верховным комиссаром Лиги наций. Наиболее важными правами Польши в отношении вольного города были включение Данцига в пределы таможенной границы Польши и предоставление Польше права ведения внешних сношений Данцига и защиты его граждан в других странах.

Результаты первой мировой войны 1914—1918 гг., зафиксированные Версальским мирным договором, практически лишили Германию статуса великой державы, урезали ее территорию в Европе, лишили ее колониальных владений и ввели серьезные ограничения в области вооружения. Правящие круги Германии, стремившиеся освободиться от связывающих их условий Версаля, нарушали договор в течение всего периода его существования. Первое нарушение территориальных постановлений Версальского мирного договора было произведено Гитлером 7 марта 1936 г., когда германские войска заняли Рейнскую демилитаризованную зону. 24 октября 1938 г. в беседе с польским послом Липским Риббентроп выдвинул предложение об «общем урегулировании спорных проблем, существующих между Польшей и Германией». Эти предложения предусматривали: присоединение к третьему рейху Данцига (с сохранением экономических льгот в Данциге для Польши); строительство Германией экстерриториальной автострады и железнодорожной линии через польское Поморье; продление польско-германской декларации 1934 г. о дружбе и ненападении на 25 лет; гарантирование Германией польско-германской границы. Риббентроп предложил, чтобы обе стороны проводили «общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта» (Official Documents concerning Polish, German and Polish — Soviet Relation. 1933—1939. London, 1939, p. 47—48).— 5, 11, 15, 17, 125, 126, 136, 144.

[2] Имеется в виду декларация о ненападении между Германией и Польшей, подписанная в Берлине 26 января 1934 г. (Сборник документов по международной политике и по международному праву. М., 1936, вып. 10, с. 41—42). См. т. 1, прим. 3.— 5, 77, 107.

[3] Решением, вынесенным 2 ноября 1938 г. в г. Вене (так называемый «первый Венский арбитраж»), Венгрии были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением свыше 1 млн. человек. См. т. 1, прим. 43.—6, 13, 15, 37, 40.

[4] Польский коридор — наименование полосы польской земли (ширина от 30 до 200 *км*), полученной буржуазно-помещичьей Польшей по Версальскому мирному договору 1919 г. Польский коридор заканчивался поло-

сой морского побережья протяженностью 71 *км* и давал Польше выход к Балтийскому морю.

Польским коридором Восточная Пруссия была отделена от остальной Германии.— 8, 12, 17, 83, 125, 127.

[5] 5—11 ноября 1938 г. гитлеровцы развязали в Германии еврейские погромы. Предлогом к этой антисемитской кампании послужило убийство молодым евреем 7 ноября 1938 г. атташе германского посольства в Париже Эрнста фон Рата. В Германии начались массовые убийства евреев, уничтожение и разграбление их имущества. Антисемитские погромы в фашистской Германии служили в первую очередь крупным источником доходов для обанкротившейся гитлеровской казны.— 9.

[6] Фашистская Германия требовала возврата всех колоний, утраченных ею по Версальскому мирному договору 1919 г.— 9.

[7] Имеется в виду заявление Советского правительства правительству Польши от 23 сентября 1938 г. по поводу сосредоточения польских войск у границ Чехословакии. В заявлении содержалось предупреждение тогдашнему реакционному польскому правительству, что в случае, если бы польские войска вторглись в пределы Чехословакии, СССР считал бы это актом агрессии и денонсировал бы без дополнительного предупреждения пакт о ненападении с Польшей.—10.

[8] Восточный пакт («Восточное Локарно») — проект создания прочного барьера против гитлеровской агрессии в Восточной Европе в виде пакта взаимопомощи, который должен был охватить СССР, Чехословакию, Польшу, Латвию, Эстонию, Литву и Финляндию. Советский Союз 28 декабря 1933 г. предложил заключить региональный договор о взаимной помощи с участием СССР, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. В результате имевших место в мае 1934 г. франко-советских переговоров было условлено, что Франция присоединится к пакту в качестве его гаранта, а СССР в таком же качестве присоединится к Локарнскому пакту. 14 июня 1934 г. Советский Союз направил формальное приглашение Германии и другим заинтересованным государствам стать участниками пакта.

Гитлеровское правительство долго медлило с ответом. Наконец 11 сентября 1934 г. оно заявило, что участие Германии в Восточном пакте невозможно, пока не будет признано полное равноправие Германии в вооружениях. К этому оно прибавило, что Германия не заинтересована в советской и французской гарантиях и предпочитает двусторонние пакты ненападения или в крайнем случае многосторонние пакты ненападения и консультации, но не взаимопомощи. Таким образом, германское правительство отказалось принять участие в пакте, соглашаясь лишь на такие пакты, которые не препятствовали бы или даже содействовали бы германской агрессии.

Вскоре изменилось и отношение французского и английского правительств к проекту пакта.

Таким образом, проект Восточного пакта оказался неосуществленным. Однако он остался свидетельством усилий советской дипломатии, стремившейся создать в Европе гарантии безопасности против гитлеровской агрессии.— 10, 56.

[9] Версальским мирным договором 1919 г. был установлен пост Верховного комиссара Лиги наций в Данциге с предоставлением ему больших полномочий. В его компетенцию входило, в частности, разрешение споров между Данцигом и Польшей по всем вопросам, вытекавшим из Версальского договора и последующих дополнительных соглашений.

Верховным комиссаром Лиги наций в Данциге в 1937—1939 гг. был К. Буркхардт.— 12, 201.

[10] Антикоминтерновский пакт был заключен в Берлине 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. См. т. 1, прим. 5.— 13, 17, 63, 105, 116, 339, 341.

[11] В Польше, особенно в ее западных районах, вблизи польско-германской границы проживало большое количество немецкого населения: учителя, врачи, ветеринары.

Гитлеровскими агентами была создана фашистская организация «Союз немцев в Польше». Ее главари — Визнер и Госбах, являясь членами польского сената, вели подрывную работу по методу судетских фашистов в Чехословакии. Гитлеровцы старались деморализовать польский народ, склонить его правящие классы на путь капитуляции. Гитлеровская агентура подрывала и польскую экономику. Фашистская Германия переводила крупные суммы немецким промышленникам, занимавшим важные позиции в экономической жизни Польши. Польские промышленники не в состоянии были конкурировать с немецкими фирмами и разорялись. Немецкие колонисты владели крупными участками земли.— 14, 15, 17.

[12] Советско-польская декларация от 27 ноября 1938 г. явилась результатом переговоров между М. М. Литвиновым и В. Гжибовским (см. том 1, с. 256).— 16.

[13] По Версальскому мирному договору 1919 г. Германия лишилась Данцига и части Восточной Пруссии. В соответствии с договором Германия обязалась признать полную независимость Польши и отказаться в ее пользу от части Верхней Силезии. Вопрос об остальной части Верхней Силезии должен был решиться путем плебисцита.— 16, 83, 125.

[14] Продолжая обсуждение с Польшей вопроса об антисоветском сотрудничестве во время январских встреч 1939 г., гитлеровское руководство одновременно разрабатывало планы войны против Польши.

22 января 1939 г. на совещании генералитета третьего рейха Риббентроп заявил, что «после удачного завершения военно-политической акции против Чехословацкой Республики» ведущие военные третьего рейха потребовали в качестве «следующего этапа германской программы разрешение польского вопроса», подчеркнув, что наиболее благоприятным для этого периодом было бы лето 1939 г. Риббентроп заявил, что действия Польши в отношении германских меньшинств следовало бы использовать для обострения отношений с Польшей до такой степени, чтобы стало возможным лишь военное разрешение вопроса, в случае, если Польша отвергнет далеко идущие германские требования (Das abkommen von München 1938. tschechoslowakische diplomatische Dokumente 1937—1939. Praha, 1968, S. 333—335).— 17.

[15] Следуя по пути «политического умиротворения», Великобритания не менее активна была в проведении курса «экономического умиротворения», предоставляя Германии ряд экономических преимуществ.

Финансовой основой этой политики, как отмечают английские историки, было англо-германское платежное соглашение, заключенное казначейством еще в 1934 г. Оно фактически предоставляло односторонний клиринг для Германии. Английские товары последняя оплачивала не свободной валютой, которой у нее не хватало, а частью своего экспорта. При этом Германия не только экономила валюту, но и получала ее еще дополнительно из Англии, так как примерно 35% германского экспорта (превышающего английский экспорт в Германию) оплачивалось английской стороной свободной валютой (*Newman S.* March 1939: the British Guarantee to Poland. Oxford, 1976, p. 82). Эти средства использовались Германией прежде всего для закупки дефицитных стратегических материалов.

Даже в английском посольстве в Берлине обратили внимание на тот факт, что такое «экономическое умиротворение» Германии способствует ее вооружению. В конце 1938 г.— начале 1939 г. коммерческий атташе в Берлине Маговэн представил два меморандума, в которых предлагал Уайтхоллу пересмотреть принципы платежного соглашения 1934 г., чтобы положить конец «ситуации, когда мы сами усиливаем

германские вооружения» (Public Record Office, FO, 371/21648. «Memorandum by Magowan», 6. XII. 1938).

Однако эта попытка посягнуть на мюнхенские основы англо-германских экономических связей сразу же вызвала бурный отпор со стороны казначейства, министерства торговли, Английского банка и Торговой палаты.

Во второй половине октября 1938 г., после подписания мюнхенского соглашения, представители английских правящих кругов начали осуществлять зондаж относительно возможности соглашения с Германией по экономическим вопросам, считая это важнейшим шагом к установлению политического сотрудничества между обеими странами. 17—18 октября 1938 г. германская экономическая делегация во главе с Рютером, находившаяся в Лондоне, вела по инициативе англичан секретные неофициальные переговоры в министерстве экономики Англии с целью изучения возможности увеличения немецкого экспорта в английские колонии. Во время беседы 18 октября 1938 г. Лейт-Росс выдвинул предложение о более широком сотрудничестве между четырьмя европейскими странами (Англия, Германия, Франция, Италия) (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 273—275).

В беседе с представителем рейхсбанка Винке 6 ноября 1938 г. заведующий экономическим отделом Форин оффис Эштон-Гуэткин предложил рассмотреть возможность предоставления Германии крупных кредитов, а также заключить между германской и английской промышленными группами соглашение о рынках и ценах, в частности соглашение об угле.

В середине декабря 1938 г. президент рейхсбанка Шахт нанес визит управляющему Английским банком Норману. В своих беседах с министром торговли Стенли, Лейт-Россом и другими представителями английской экономики Шахт выяснил, что его партнеры готовы пойти на экономические переговоры с Германией о расширении торговли, восстановлении свободы валютного обращения и т. д. (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 303—304).

В январе 1939 г. глава Английского банка М. Норман нанес визит в Берлин формально для встречи с руководителями рейхсбанка, а на деле для подготовки экономического Мюнхена.

Переговоры в Лондоне, начатые между Рейнско-Вестфальским угольным синдикатом и Горнорудной ассоциацией Великобритании, привели к подписанию 28 января 1939 г. соглашения о разграничении сфер интересов и единых ценах на уголь на рынках третьих стран. Министр иностранных дел Англии Галифакс, выступая 3 февраля 1939 г. в Гулле, приветствовал создание этого межгосударственного угольного картеля как «практический вклад в сотрудничество обеих стран и как обнадеживающий признак на будущее» (Speeches on Foreign Policy by Viscount Halifax. London, 1940, p. 223). Чемберлен со своей стороны отметил в своей речи 22 февраля 1939 г., что сближение между Англией и Германией в области торговли «окажется лучшим и быстрейшим путем для достижения взаимопонимания между обеими странами».

15—16 марта 1939 г. в Дюссельдорфе состоялась конференция представителей «Федерации британской промышленности» и «Имперской промышленной группы».

Подобный экономический курс был выгоден финансовой олигархии. Ведь в 30-е годы Англия оставалась единственной великой державой капиталистического мира, которая не только не уменьшила, а, наоборот, увеличила вывоз капитала за границу. Английские долгосрочные заграничные инвестиции к 1938 г. увеличились до 22 млрд. долл., в то время как инвестиции США уменьшились до 11,4 млрд. долл., так что Англия снова заняла лидирующее место по вывозу капитала (см.: *Бункина М. К.* Центры мирового империализма. М., 1970, с. 91).— 19, 22, 29, 39, 88, 155.

[16] Речь идет о памятных записках от 7 декабря 1938 г., которыми обменялись правительства Германии и Франции во исполнение договоренности, достигнутой между министром иностранных дел Германии Риббентропом и министром иностранных дел Франции Боннэ в ходе переговоров в Париже 6 декабря 1938 г. В этих записках предусматривалась разработка практических мер в целях расширения германского экспорта во Францию и французского экспорта в Германию, а также содействия торговле Германии с французскими колониями, сотрудничеству между отдельными экономическими группами обеих стран, расширению туризма между обеими странами и экономическому сотрудничеству Германии и Франции в третьих странах (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 416—420).— 19.

[17] 6—7 декабря 1938 г. в Париже в соответствии с духом франко-германской декларации состоялись переговоры по экономическим вопросам между Боннэ и Риббентропом. Французская сторона заявила на переговорах, что она стремится к расширению франко-германского экономического сотрудничества и рассматривает эту задачу как «особо важную специальную акцию», которая будет находиться вне рамок обычной работы (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 411—420).

В феврале 1939 г. с Риббентропом беседовал граф де Бринон, редактор французской газеты «Энформасьон», пытавшийся заручиться поддержкой Германии для урегулирования франко-итальянских разногласий (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 431—432).

По поручению Даладье и Боннэ французский финансист Бодуэн вел секретные переговоры в Риме с министром иностранных дел Италии Чиано о возможности новых французских уступок Италии в целях франко-итальянского «примирения» (*Ciano G.* The Ciano Diaries. 1939—1943. New York, 1946, p. 20—21).

Одновременно велись переговоры между промышленниками Франции и Германии. По инициативе французского правительства было решено создать «франко-германский экономический центр» для развития связей между двумя странами. Предусматривалось, что французские и немецкие монополии создадут консорциум для эксплуатации французских колоний, строительства портов в Южной Америке, дорог и мостов на Балканах, разработки металлорудных месторождений в Марокко, Гвинее и других местах (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 416—420, 435—437).

Французское правительство 11 мая 1939 г. предложило Германии заключить обширное франко-германское экономическое соглашение, предусматривающее расширение торговли между двумя странами, создание совместных компаний для деятельности во французских колониях (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, 1956, S. 416—420).— 20, 25, 34, 94.

[18] 26 января 1939 г. министр иностранных дел Франции Боннэ выступил в палате депутатов с обзорным докладом о внешнеполитическом положении страны.

Коснувшись кратко отношений с Советским Союзом, Боннэ упомянул, что между двумя странами существует договор о взаимопомощи. «Необходимо покончить с легендой,— заявил Боннэ,— что наша политика якобы уничтожила обязательства, которые мы взяли на себя на востоке Европы на основе договоров с СССР и с Польшей. Эти обязательства по-прежнему существуют, и они должны выполняться так, как это предполагалось при их подготовке» (Documents diplomatiques français 1938—1939. Ministère des affaires étrangères. Paris, 1939, p. 423—426).

Недовольство И. Риббентропа этой речью Боннэ было вызвано тем, что ранее французское правительство неоднократно давало понять, что оно фактически не придает после Мюнхена никакого значения своим договорам с Польшей и СССР, признавая Восточную Европу «сферой влияния» Германии.— 20.

[19] 30 января 1939 г. в связи с 6-й годовщиной прихода к власти Гитлер выступил в рейхстаге. Первую часть своего выступления он посвятил изложению событий 1938 г. и характеристике экономического положения Германии. Давая характеристику отношений Германии с другими странами, Гитлер отметил, что Германия не имеет никаких претензий к Англии и Франции, кроме вопроса о колониях. Вопросу о колониальных требованиях Германии была посвящена значительная часть речи (см.: Правда, 1939, 1 февраля).— 21.

[20] К копии донесения Вельчека приложена выдержка из речи Боннэ по тексту, опубликованному в «Journal officiel» N 14 от 8 февраля 1939 г., с. 103. Заявления Боннэ о готовности Франции защищать «наследие предков», свои интересы и свои дружеские связи вызвали аплодисменты, после которых Боннэ сказал: «Но так как Франция стремится охранять свое собственное достояние, то здравый смысл повелевает ей поддерживать с соседними нациями отношения, проникнутые доверием, и настолько добрососедские, насколько это возможно».— 21.

[21] В письме от 18 февраля 1939 г. Дирксен анализировал возможности германо-английского сотрудничества для создания новых рынков сбыта. Подобное сотрудничество должно было бы функционировать таким образом, что Англия должна была бы обеспечивать необходимый капитал, в то время как «Германия взяла бы на себя обязательство в течение длительного времени принимать продукцию этих рынков», как, например, хлопок и другие важные виды сырья. Для Германии это имело еще то дополнительное преимущество, что она могла бы освободиться от необходимости ввозить хлопок из Соединенных Штатов.— 22.

[22] Эта запись беседы была направлена в качестве приложения к письму фон Кампе министериаль-директору Вилю от 22 февраля 1939 г., в котором, в частности, говорилось: «Как Вы увидите из приложения, мы можем констатировать приятные для нас успехи».

В докладной записке германскому министру иностранных дел Виль резюмировал основные моменты из записи беседы Кампе от 21 февраля и назвал заслуживающим интереса то, что теперь также и Франция хочет активно присоединиться к английскому образу действий, направленному на то, чтобы разрядить политическую обстановку путем достижения экономической договоренности. (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 434).— 23.

[23] В письме от 2 марта 1939 г., адресованном в МИД Германии, крупный промышленник Отто Вольф из Кёльна сообщал доверительно, что его фирма достигла договоренности с французским правительством в отношении использования железорудных месторождений в Конакри (Западная Африка), к чему проявили интерес также американские, британские и бельгийские промышленные круги.— 27.

[24] В связи с захватом Австрии фашистской Германией в марте 1938 г. возник вопрос о погашении германским правительством австрийских внешних долгов Англии, США, Франции и другим странам.

12 апреля 1938 г. английское правительство заявило, что оно полагает, что Германия примет на себя ответственность за всю внешнюю задолженность Австрии. В ответном заявлении от 12 мая 1938 г. германское правительство сообщило Англии, что оно не считает возможным взять на себя обязательства о покрытии внешней задолженности бывшего австрийского правительства. Начались длительные переговоры по этому вопросу, но Германия так и не согласилась на полное погашение всех внешних долгов Австрии.— 28.

[25] Имеется в виду обмен нотами по вопросу об экономическом сотрудничестве, состоявшийся между Германией и Францией в январе 1939 г. Французская вербальная нота от 14 января 1939 г. вручена в Берлине 15 января 1939 г. Германская нота в архиве МИД Германии не найдена (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 417, anm. 1).— 32.

[26] В феврале — марте 1939 г. в Дюссельдорфе проходили переговоры между «Федерацией британской промышленности» и немецкой «Имперской промышленной группой». Их участниками были официальные представители двух самых влиятельных и мощных объединений капиталистов Германии и Великобритании. Это было совещание подлинных хозяев двух европейских держав. Лондонский журнал «Экономист» имел веские основания назвать дюссельдорфские переговоры «беспрецедентными в истории в смысле масштабов».

15 марта 1939 г., в день, когда Германия завершила ликвидацию чехословацкого государства, в Дюссельдорфе было подписано совместное заявление, вошедшее в историю как «Дюссельдорфское соглашение».

Проект его был подготовлен английской делегацией, возглавлявшейся У. Ларком. Совместное заявление провозглашало необходимость развития торговли между обеими странами и содержало далеко идущие соглашения, практически — картельный сговор в ряде отраслей. К этому времени уже существовали многочисленные картельные соглашения между немецкими и английскими фирмами, однако представители немецких фирм были весьма скептически настроены по поводу того, достаточно ли будут действенны эти соглашения в случае перехода на мирную продукцию. Даже перспектива получения английских кредитов не казалась для немецких промышленников особенно привлекательной (*Teichova A.* Die geheimen britisch-deutsche Ausgleichversuche am Vorabend des zweiten Weltkrieges.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1959, N 7).

«Дюссельдорфское соглашение» было задумано как очередной шаг к политическому сближению с гитлеровской Германией. В этом смысле соглашение было своего рода экономическим дополнением мюнхенского сговора в сентябре 1938 г.

«Дюссельдорфское соглашение» явилось отражением курса британских правящих кругов, рассчитанного на поощрение германской экспансии на восток Европы.

В Вашингтоне были серьезно обеспокоены опасностью англо-германского экономического сговора, имевшего и антиамериканскую направленность. Серьезное беспокойство вызвало соглашение и в Восточной Европе, так как означало усиление германского и английского наступления на восточноевропейских рынках. Английская общественность высказала негативное отношение к соглашению.

На фоне встречи в Дюссельдорфе становятся понятными многие события «закулисного фронта», где ведущими деятелями оказывались представители делового мира.— 37, 276.

[27] В марте 1939 г. гитлеровцы приступили к окончательной ликвидации чехословацкого государства. 14 марта по приказу из Берлина фашиствующие элементы провозгласили «самостоятельность» Словакии, а в Чехии и Моравии организовали ряд провокаций. Английское правительство было хорошо осведомлено о планах агрессора. 13 марта министерство иностранных дел Англии разослало своим дипломатическим представителям за границей меморандум, в котором указывалось, что при всех обстоятельствах английское правительство не будет проявлять инициативу для противодействия германской агрессии против Чехословакии (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. IV, p. 240).

В ночь на 15 марта 1939 г. Гитлер вызвал в Берлин президента Чехословакии Гаху и министра иностранных дел Хвалковского и предъявил им ультиматум с требованием о недопущении всякого сопротивления вторжению германских войск. Чехия была превращена в провинцию германского рейха — «протекторат Богемия и Моравия». Словакия — отделена от Чехии и превращена в зависимое от Германии марионеточное государство.

Правительство Англии с облегчением восприняло известие об оккупации Чехословакии. В тот же день Галифакс заявил французскому послу: Англия и Франция получили «компенсирующее преимущество», заключающееся в том, что «естественным способом» покончено с обязательством о предоставлении гарантии Чехословакии, бывшим «несколько тягостным» для правительств обеих стран (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. IV, p. 273). Чемберлен публично заявил в палате общин, что Англия не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии, и сообщил, что его правительство предложило банку немедленно прекратить выплату английского послемюнхенского займа Чехословакии, а также отменило поездку министров Стенли и Хадсона в Берлин (Parliamentary Debates. House of Commons, 1939, vol. 345, col. 437, 438). Никакого осуждения германской агрессии Чемберленом высказано не было (Ibid., col. 439, 440).

Такой же политики придерживалось и правительство Франции. На заседании парламента 17 марта Даладье не только не произнес ни слова в осуждение германской агрессии, но потребовал чрезвычайных полномочий с целью подавления протеста оппозиционных сил, и в первую очередь компартии.

Лишь Советское правительство в ноте от 18 марта 1939 г. ясно и четко заявило о своей позиции в связи с ликвидацией Чехословакии, квалифицировав действия Германии как «произвольные, насильственные, агрессивные».

Советский Союз был единственной страной, готовой оказать действенную помощь Чехословацкой Республике до самого последнего момента ее трагедии. Английский историк-марксист Э. Ротштейн, подводя итог усилиям, предпринятым СССР в 1938 г. по спасению Чехословакии, писал: «Десять публичных и минимум четырнадцать частных заверений за шесть месяцев, помимо нескольких предложений о переговорах между генеральными штабами, поистине не могли оставить никаких сомнений у всякого, кто не желал намеренно быть глухим и слепым» *(Ротштейн Э.* Мюнхенский сговор. М., 1959, с. 265).

С военной точки зрения, отмечал позднее французский генерал А. Бофр, выигрыш Германии был огромным. Она не только лишила Францию сорока союзных чешских дивизий, но и сумела вооружить сорок немецких дивизий захваченным чешским оружием. Германия стала «господствовать на Дунае и нависла тенью над Балканами» (*Beaufre A.* Le drame de 1940. Paris, 1965, p. 110). Достаточно сказать, что только заводы «Шкода» с августа 1938 г. по сентябрь 1939 г. выпустили почти столько же военной продукции, сколько все английские военные заводы за тот же период (*Churchill W.* The Second World War. London, 1948, vol. I, p. 302).— 40, 47, 60, 106, 152, 203.

28 19 февраля 1939 г. английский посол в Москве Сидс информировал Литвинова о приезде в конце марта в Москву министра заморской (внешней) торговли Англии Хадсона. В тот же день нарком сообщил Сидсу о согласии Советского правительства принять Хадсона.

В беседе с советским полпредом в Лондоне 8 марта Хадсон подчеркивал, что его миссия будет выходить за рамки чисто торговых переговоров, а Галифакс заявил 18 марта полпреду, что Хадсон «готов обсуждать в Москве любые вопросы, не только экономические, но и политические».

По прибытии в Москву Хадсон 23 и 25 марта имел беседы с наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым, наркомом внешней торговли А. И. Микояном, а также был принят Председателем Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотовым. Сообщая полпреду в Лондон о беседах с Хадсоном, нарком иностранных дел 28 марта писал, что «в общем надо признать, что визит ни в политическом, ни в экономическом отношении никакого эффекта не дал».— 56.

29 В ночь с 11 на 12 марта 1938 г. германские войска вступили на территорию Австрии. При попустительстве правительств западных держав был осуществлен так называемый аншлюс Австрии, т. е. присоединение Австрии к Германии.

Советский Союз решительно осудил гитлеровскую агрессию в отношении Австрии. В заявлении представителям печати 17 марта 1938 г. народный комиссар иностранных дел СССР, действуя по поручению Советского правительства, осудил насильственное лишение австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости и подчеркнул, что «нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами, и в особенности великими державами, вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы». Советский Союз, заявил он, готов «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни». Советское правительство предложило «приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами». Нарком призвал великие державы занять «твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира» (Известия, 1938, 18 марта).

В тот же день текст этого заявления был направлен правительствам Англии, Франции, США и Чехословакии. Однако Англия и Франция отклонили советские предложения. В своем ответе от 24 марта английское правительство отказалось от каких-либо переговоров с Советским Союзом по вопросу создания коллективного фронта против фашистских агрессоров, заявив, что принятие «согласованных действий против агрессии не обязательно окажет, по мнению правительства Его Величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. I, p. 101).

Правительство США оставило советское предложение без ответа. Государственный секретарь США Хэлл писал по этому вопросу в своих воспоминаниях: «В течение нескольких недель мы обсуждали в госдепартаменте, следует ли отвечать на это заявление. Я решил, что, поскольку не требовалось официального ответа и поскольку наш ответ, диктуемый политикой уклонения от связывающих обязательств, должен быть отрицательным и поэтому может обескуражить Россию, мы не будем посылать ответа» (*Hull C.* The Memoirs. New York, 1948, vol. I, p. 658—659).— 57.

30 29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств четырех держав (Англии, Франции, Германии, Италии), где без участия представителей Чехословакии было заключено соглашение об отторжении Судетской области от Чехословакии и присоединении ее к Германии. Эта территория, передаваемая Германии, согласно мюнхенскому соглашению, делилась на пять зон. Четыре зоны подлежали оккупации гитлеровцами к 7 октября 1938 г. В пятой зоне предусматривалось проведение плебисцита под контролем созданной в Мюнхене международной комиссии, состоявшей из представителей четырех держав и Чехословакии. Эти же державы обязались предоставить Чехословакии гарантии ее новых границ. Однако, как показали дальнейшие события, обещание о предоставлении Чехословакии гарантий и сама международная комиссия явились лишь средством обмана общественного мнения.

В итоге мюнхенского сговора Чехословакия потеряла около трети своей территории и населения. Она лишилась естественных границ и пограничных укреплений и оказалась совершенно безоружной перед агрессором. Чехословакия потеряла наиболее развитые в экономическом отношении районы, основные источники минерального сырья; новыми границами были перерезаны и нарушены важнейшие транспортные

магистрали страны. Захват гитлеровцами части территории Чехословакии привел к усилению военной мощи Германии.

В то же время мюнхенское соглашение значительно ослабило позиции других европейских государств, в особенности Франции, которая лишилась своего наиболее верного союзника в Центральной Европе. После Мюнхена усилились позиции капитулянтских элементов в правящих кругах государств Юго-Восточной Европы.

Мюнхенским соглашением был сведен на нет советско-чехословацкий договор и в значительной степени обесценен советско-французский договор о взаимной помощи 1935 года. По существу, идее коллективной безопасности действиями Англии и Франции был нанесен смертельный удар. «Принося в жертву Гитлеру Чехословакию,— писал позднее известный американский публицист У. Липпман,— Англия и Франция в действительности жертвовали своим союзом с Россией». Это делалось, по его словам, «в последней тщетной надежде, что Германия и Россия будут воевать друг с другом и истощат себя» (*Lippmann W.* U. S. Foreign Policy. Shield of the Republic. Boston, 1943, p. 104, 116).— 57, 61, 95, 106, 126.

[31] Договор о воспрещении войны в качестве орудия национальной политики (пакт Бриана — Келлога) был подписан 27 августа 1928 г. представителями США, Франции, Великобритании, Германии, Польши и ряда других государств. 6 сентября 1928 г. к пакту присоединился Советский Союз.

Поскольку ратификация договора, а тем самым и его вступление в силу затягивались, СССР предложил Польше, Литве, Финляндии, Эстонии, Латвии и Румынии подписать протокол о досрочном введении в силу пакта Бриана — Келлога между участниками этого протокола, не дожидаясь общей ратификации пакта. 9 февраля 1929 г. в Москве между СССР, Польшей, Румынией, Эстонией и Латвией был подписан протокол о введении в действие пакта Бриана — Келлога. К Московскому протоколу присоединились также Турция, Иран и Литва.— 58.

[32] 13 февраля 1939 г. в Бухарест прибыл Х. Вольтат для ведения переговоров по вопросу германо-румынского экономического сотрудничества.

В беседе Кароль II заявил, что по его поручению министерством иностранных дел совместно с министерствами национальной экономики, финансов и вооружений подготовлена программа экономического и политического сотрудничества Румынского королевства с Германией (см.: *Шевяков А. А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963, с. 56).

Во время бесед румынская сторона предлагала разработать экономическую программу, которая предусматривала бы экспорт в Германию из Румынии продовольствия, леса, нефтепродуктов, минерального сырья, а также развитие румынской промышленности, строительство различных коммуникаций с учетом интересов Германии (Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Ser. D, vol. V, 1956, p. 393).

23 марта 1939 г. между королевским правительством Румынии и гитлеровской Германией было заключено соглашение «Об укреплении экономических связей между Румынией и Германией». В преамбуле соглашения говорилось: «Румынское королевство и Германская империя намерены... расширить свои экономические взаимоотношения... и достигнуть широкого и планомерного сотрудничества в экономической области». Соглашение предусматривало разработку «многолетнего экономического плана», который «учитывал бы германские импортные потребности».

Германо-румынский договор состоял из пяти статей и секретного приложения. В соответствии с первой статьей договора Румынское королевство обязывалось развивать сельскохозяйственное производство, лесное хозяйство и деревообрабатывающую промышленность с учетом

импортных потребностей Германской империи; создавать смешанные румыно-германские акционерные общества по разведке, добыче и переработке нефти, добыче марганца, медной руды, бокситов и другого минерального сырья; развивать промышленность с учетом интересов Германии. Германия должна была поставлять Румынии вооружение и снаряжение для румынской армии, материалы, оборудование и машины для военной и горнорудной промышленности, строить и усовершенствовать шоссейные и железнодорожные пути, морские и речные порты. В статьях второй и третьей указывалось, что проведение в жизнь предусмотренных договором мероприятий возлагалось на правительственные комитеты, и определялся порядок работы этих комитетов. Взаимные расчеты, согласно четвертой статье, должны были производиться только на основе клиринга. Пятая статья устанавливала, что договор заключается на срок до 31 марта 1944 г. и будет автоматически продлеваться.

Секретный протокол к договору давал толкование его статей. В нем, в частности, указывалось, что правительство Румынии брало на себя обязательство всячески содействовать и поощрять деятельность нефтяных компаний по осуществлению более обширной программы добычи нефти и развития нефтеперерабатывающей промышленности. Королевское правительство давало также согласие на создание в Свободной Зоне смешанных румыно-германских промышленных предприятий и торговых обществ. Германия должна поставить Румынии вооружение и военное снаряжение на сумму в 200—250 млн. марок (Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Ser. D, vol. VI, p. 91—96).

Согласно договору только в 1939 г. Румыния должна была вывезти в Германию 700 тыс. тонн пшеницы, 200 тыс. тонн кукурузы, 300 тыс. тонн разного рода кормовых продуктов, 180 тыс. голов живых свиней, 20 тыс. свиных туш; обязана была поставить большое количество нефти, нефтепродуктов и другого минерального стратегического сырья.

В развитие договора от 23 марта 1939 г. румынское правительство заключило с гитлеровской Германией ряд других соглашений: соглашение об эксплуатации румынских лесных богатств и лесоразработок от 13 мая 1939 г., протокол об организации совместных румыно-германских обществ по производству сельскохозяйственных продуктов и о поставках их Германии от 20 июля 1939 г., конвенцию о способах выполнения существующих соглашений и ежегодных экспортно-импортных контингентах товаров от 28 сентября 1939 г.

Промышленно-финансовые круги рейха оценивали соглашение от 23 марта как свою большую победу. 30 марта президент рейхсбанка Вальтер Функ заявил своим коллегам, что румыно-германский договор открывает новые пути эксплуатации естественных богатств Румынии, усилит экономическую мощь Германии.

Таким образом, румынская буржуазия связала себя тесными узами с германскими монополиями.

В тот период правящие круги Англии вели интенсивные конфиденциальные переговоры с гитлеровцами, в ходе которых английское правительство снова пыталось найти возможность заключения англо-германской сделки за счет жизненных интересов Советского Союза и придунайских стран.

Чтобы усилить свои позиции в переговорах с гитлеровцами и заставить последних отказаться от требований по колониальному вопросу, английское правительство в середине февраля 1939 г., в разгар германо-румынских переговоров, направило в Бухарест своего представителя лорда Семпилла с целью якобы оживления англо-румынских торговых связей. Не предложив никаких конкретных мероприятий по расширению экономических связей Англии с Румынией, Чемберлен стремился лишь дать понять Гитлеру, что Англия может оказать противодействие германскому проникновению в эту и другие страны Юго-Восточной Европы.

18 марта правительство Чемберлена обратилось в Москву с запросом о том, какова будет позиция Советского Союза в случае германской агрессии против Румынии. При этом английское правительство не предлагало никаких конкретных мер по обузданию агрессора и не уточняло своей собственной позиции, что придавало запросу характер явной провокации с целью столкнуть Советский Союз с Германией.

Получив сообщения о заключении долгосрочного румыно-германского экономического договора, французские власти также ускорили окончание торговых переговоров с Румынией, которые были начаты еще в ноябре 1938 г. 31 марта 1939 г. в Париже был подписан франко-румынский торговый договор сроком на один год, предусматривавший облегчение и увеличение румынского экспорта во Францию.

Англо-румынские переговоры закончились подписанием 11 мая 1939 г. торгового соглашения. Англия обязалась закупить около 600 тыс. тонн нефти, 200 тыс. тонн румынской пшеницы и предоставить Румынии заем в размере 5 млн. фунтов стерлингов.

Нельзя согласиться с мнением, что англо-франко-румынские торговые соглашения 1939 г. явились якобы свидетельством намерений Англии и Франции обуздать стремление Германии к абсолютному экономическому и политическому господству над Румынией. Предпринятые правительствами Англии и Франции шаги имели целью обмануть общественность своих стран и использовать переговоры с Румынией в качестве одного из козырей при переговорах с гитлеровской Германией, имеющих целью достигнуть соглашения с ней на антисоветской основе.— 59, 71.

[33] 30 марта на заседании английского правительства Галифакс внес предложение об опубликовании заявления о том, что в случае нападения Германии на Польшу Англия придет последней на помощь. Чемберлен поддержал его. Он отметил, что ресурсы Чехословакии уже используются Германией. А если и ресурсы Польши отойдут к рейху, то это будет иметь очень серьезные последствия для Англии.

На заседании указывалось, что если английское правительство вовремя не займет твердую позицию в связи с угрозой Польше, то авторитет Англии во всем мире будет серьезно подорван.

Советский Союз, будучи глубоко заинтересованным в том, чтобы Польша не была захвачена Германией, был готов сделать все, что в его силах, ради сохранения независимости и неприкосновенности Польши. Однако на заседании английского правительства вопрос о сотрудничестве Англии с СССР даже не поднимался.

При обсуждении вопроса о гарантиях на заседании внешнеполитического комитета английского правительства премьер-министр сказал: «Генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется не защитой отдельных стран, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что могла бы угрожать нашей безопасности. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам. Господство Германии над Данией не увеличило бы военной мощи Германии, и поэтому в данном случае нам не следует брать обязательств о военном вмешательстве с целью восстановления статус-кво» (Public Record Office, Cab. 27/625, p. 138).

31 марта 1939 г. английское правительство в одностороннем порядке предоставило «гарантии» независимости Польше, 13 апреля — Греции, Румынии и Турции. Позже аналогичные «гарантии» Польше предоставила и Франция. Как показали последующие события, политика односторонних «гарантий», проводимая правительствами Англии и Франции, имела своей целью воспрепятствовать осуществлению советских предложений по созданию системы коллективной безопасности в Европе и,

по существу, не предусматривала действительной защиты малых стран. Английское правительство стремилось подтолкнуть СССР к односторонней политической акции против Германии, которая повела бы к резкому ухудшению советско-германских отношений.— 62.

[34] Эта оговорка давала возможность и Польше, и Англии при определенных условиях пойти на соглашение с Гитлером.

Англия, как известно, вскоре начала тайные переговоры с гитлеровскими эмиссарами. Оговорка устраивала и Бека, надеявшегося на компромисс с Германией. Бек в беседе с Галифаксом 4 апреля 1939 г. подтвердил еще раз, что он не согласится на сотрудничество с СССР. «Какое-либо соглашение о взаимной помощи между Польшей и Советской Россией,— говорил Бек,— вызвало бы немедленную враждебную реакцию в Берлине...» (Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., Госполитиздат, 1952, с. 72).

25 августа 1939 г. в Лондоне между правительствами Великобритании и Польши был подписан договор о военном союзе.

26 августа 1939 г., за неделю до начала войны, Невиль Гендерсон, выступая на заседании кабинета, откровенно заявил, что «действительная ценность наших гарантий Польше заключается в том, чтобы дать возможность Польше прийти к соглашению с Германией путем переговоров» (Public Record Office, Cab. 23/100, p. 379).— 65.

[35] Ось Берлин — Рим — политический союз, заключенный фашистскими агрессорами — Германией и Италией в Берлине 25 октября 1936 г. См. т. 1, прим. 5.— 66, 89, 102, 117.

[36] В буржуазной печати нередки утверждения, будто пакт о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. открыл дорогу для фашистской агрессии против Польши, что якобы и привело к войне, начавшейся 1 сентября 1939 г.

Документы свидетельствуют о длительной и тщательной подготовке вторжения гитлеровской Германии в Польшу.

Первый оперативно-стратегический план войны Германии против Польши появился еще в веймарский период. Он был составлен сначала под руководством генерала Секта, а затем в 1927—1928 гг. переработан группой военных специалистов во главе с полковником Фричем (см.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973, т. I, с. 339).

Из протокола совещания у Гитлера от 5 ноября 1937 г. следует, что война с Польшей планировалась гитлеровцами после захвата Чехословакии. На Нюрнбергском процессе был представлен также германский документ от 25 августа 1938 г. «относительно будущей организации военно-воздушных сил [Германии], к которому была приложена карта, на которой Прибалтийские государства, Венгрия, Чехословакия и Польша показаны как части Германии» (Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1957, т. I, с. 366).

На Нюрнбергском процессе было подчеркнуто, что документальные доказательства не оставляют «ни малейшего сомнения в том, что германское правительство стремилось к захвату всей Польши...» Требования и переговоры относительно Данцига были всего лишь ширмой и предлогом для дальнейших действий (там же, с. 370). Вопрос о нападении на Польшу рассматривался на заседании генералитета третьего рейха 22 января 1939 г.— 68, 82.

[37] Польско-французский союзный договор был подписан 12 февраля 1921 г. в Париже. См. т. 1, прим. 31.— 70.

[38] Французское правительство поддерживало маневры Чемберлена, который всячески затягивал выработку, а затем и заключение союзного договора с Польшей. 10 апреля польский посол в Париже Лукасевич попросил Бонне согласовать обязательства Франции и Англии. Через три

дня Даладье в заявлении прессе подтвердил франко-польский союзный договор 1921 г. и солидаризировался с гарантиями, данными Польше Великобританией.

Французская декларация была столь же малообязывающей, как и декларация Чемберлена. Французское правительство не хотело конкретизировать свои обязательства перед Польшей, хотя договор 1921 г. уже не соответствовал новым условиям, сложившимся в Европе в связи с реальной угрозой агрессии со стороны Германии и Италии.

Французское министерство иностранных дел передало 12 мая польскому послу проект протокола о взаимопомощи. В протоколе содержалась оговорка о том, что обязательства Франции и Англии должны совпадать. Польское правительство потребовало, чтобы при подписании протокола в него было включено дополнительное положение о том, что «Данциг представляет жизненный интерес для Польши» (*Bonnet G.* De Washington au Quai d'Orsay, p. 151).

Боннэ сразу же обратился в Лондон. В Лондоне заявили, что Англия не брала на себя таких обязательств и не собирается их брать.

В середине мая в Париж приехал польский военный министр Каспржицкий.

Переговоры Гамелена с Каспржицким закончились 17 мая заключением военного соглашения, в котором указывалось, что «с того момента, когда главные германские усилия будут направлены против Польши, Франция развернет наступательные действия против Германии своими основными силами (начиная с 15-го дня после начала общей мобилизации во Франции)» (General Gamelin, Servir, Le prologue du drame (1930—1939). Paris, 1946, vol. II, p. 421).

Обязательства Франции содержали ряд оговорок, дававших ей возможность оттягивать срок вооруженного выступления на помощь Польше.— 70.

[39] Имеется в виду советско-французский договор о взаимной помощи от 2 мая 1935 г. См. т. 1, прим. 18.— 70.

[40] Приведенный советский документ от 17 апреля 1939 г. и записка А. Кадогана по этому вопросу обсуждались 19 апреля 1939 г. на заседании английского правительственного комитета по вопросам внешней политики. В записке А. Кадоган отмечал:

«[...] Это русское предложение ставит нас в крайне затруднительное положение.

Что мы должны сделать — так это взвесить преимущество письменного обязательства России вступить в войну на нашей стороне и минусы открытого союза с Россией.

Преимущество является, по меньшей мере, проблематичным. Из сообщений нашего посольства в Москве видно, что, в то время как Россия может успешно защищать свою территорию, она не может, если бы она даже пожелала того, оказать полезную активную помощь за пределами ее границ.

Что касается Польши, ущерб от открытого союза с Россией вполне очевиден, так как Польша заявила нам, что она решительно против такого союза. Возможно, в меньшей степени, это также относится и к Румынии.

Не говоря уже о реакции наших потенциальных противников — Германии, Италии и Японии, которые смогут поднять в своих странах большой шум по поводу «красной опасности», Португалия, Испания и Югославия предупредили нас, что союз с Советами лишит нас их симпатий. [...]

По-видимому, с практической точки зрения все аргументы — против принятия русского предложения. Этот союз мало дает с точки зрения дополнительной безопасности: он только вызовет подозрения у наших друзей и усилит враждебность наших врагов. [...]

Однако весьма трудно отказаться от советского предложения. Мы

утверждали, что Советы проповедуют «коллективную безопасность», но не вносят никаких практических предложений. Теперь они сделали такие предложения и будут нас критиковать, если мы их отвергнем.

Существует риск — хотя и весьма отдаленный,— который заключается в том, что, если мы отвергнем это предложение, Советы могут заключить какое-либо «соглашение о невмешательстве» с немецким правительством [...]» (Public Record Office, Cab. 27/624, p. 309—312).

Премьер-министр Невиль Чемберлен, выступая на этом заседании, заявил, что «вся имеющаяся в его распоряжении информация говорит о том, что русские вооруженные силы в настоящее время имеют малую ценность в военном отношении для наступательных операций. [...] Поэтому, не отвергая русское предложение, мы должны постараться создать впечатление, что для военного союза время еще не созрело. [...] Этот союз нельзя признать необходимым для того, чтобы снабжать малые страны Восточной Европы снаряжением и боеприпасами». Чемберлен сослался на точку зрения министра иностранных дел Польши Ю. Бека о том, что «нежелание заключить открытый союз Польши с Россией объясняется тем, что это может спровоцировать Германию на агрессивные действия» (Public Record Office, Cab. 27/624, p. 300—302).

Министр по координации обороны лорд Четфилд заявил, что «политические аргументы против военного союза между нашей страной, Францией и Россией являются неотразимыми и, как таковые, не могут не перевесить любые военные преимущества» (Ibid., p. 309).

В заключении внешнеполитического комитета по советскому предложению говорилось: 1) «Комитет в настоящее время не склонен принять советское предложение. 2) Важно добиться того, чтобы французское правительство не ответило на предложение, которое было передано ему отдельно, без консультации с правительством Его Величества. (Форин оффис рекомендовали немедленно предпринять шаги в целях предупредить французское правительство об опасности сепаратных действий с его стороны.) 3) Весьма важно, чтобы как содержание советского предложения, так и реакция на него правительства Его Величества не стали сейчас достоянием гласности. На этом необходимо настаивать перед французским правительством. Кроме этого премьер-министра просили передать соответствующее предостережение лидерам лейбористской оппозиции в этой стране» (Ibid., p. 302—303).

Обсуждение советского проекта договора на заседании внешнеполитического комитета показало, что уже 19 апреля 1939 г. правительство Великобритании советских предложений не приняло, не стремилось заключить договор и, соответственно, вести переговоры по этому вопросу.— 72, 87.

[41] Характеризуя этот проект «соглашения трех», нарком иностранных дел СССР писал 28 апреля 1939 г.: «Видоизмененное предложение Боннэ звучит почти издевательски. Если первоначальному предложению была хоть внешним образом придана видимость взаимности и равноправия и помощь нам предлагалась в случае наших инициативных действий, то по новому предложению мы получим помощь лишь в том случае, если Англия и Франция по своей инициативе окажутся в конфликте с Германией и они будут получать нашу помощь».

Единственным положительным моментом в этом проекте является то, отмечал нарком, что в первоначальном предложении говорилось о помощи лишь Польше и Румынии, а в новом предложении говорится о предупреждении всяких насильственных изменений статус-кво в Центральной и Восточной Европе.— 74.

[42] Агрессивные державы — Германия, Италия и Япония, став на путь подготовки к войне за передел мира, считали необходимым превратить антикоминтерновский пакт в прямой военный союз трех держав. Особую заинтересованность в этом вопросе стала проявлять с начала 1938 г. гитлеровская Германия.

Во время мюнхенской конференции Риббентроп вручил министру иностранных дел Италии Чиано проект тройственного пакта между Германией, Италией и Японией (*Toscano M.* Le Origini del patto d'acciaio. Firenze, 1948, p. 19—20).

В конце октября 1938 г. Риббентроп посетил Рим для ведения переговоров с Италией о заключении пакта. 2 января 1939 г. Чиано сообщил Риббентропу о согласии Италии подписать пакт, но отмечал, что желательно представить его как «пакт мира» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 476).

Японское правительство под различными предлогами затягивало, однако, ответ на предложение о заключении тройственного пакта. Эта затяжка отражала внутриполитическую борьбу в Японии по вопросу будущего направления японской агрессии. 12 марта 1939 г. Р. Зорге сообщал, что, по мнению германского посла в Японии Отта, «японцы готовы в любой момент подписать пакт, полностью направленный против СССР». В апреле 1939 г. японское правительство известило правительства Германии и Италии о том, что оно согласно подписать пакт, направленный против СССР, но не считает возможным заключать пакт, направленный одновременно также против Англии, Франции и США (*Toscano M.* Op. cit., p. 104, 125).

Такая позиция Японии вызвала недовольство правящих кругов Германии и Италии. Правительства этих стран, стремившиеся к переделу мира, добивались заключения тройственного союза, направленного не только против СССР, но также против Англии, Франции и США. Гитлер и Муссолини отклонили японские предложения об ограниченном действии договора.

Учитывая позицию Японии, Германия и Италия подписали 22 мая 1939 г. двусторонний германо-итальянский договор о военном союзе («Стальной пакт») (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VI, S. 466—469).

Японское правительство приняло окончательное решение о подписании тройственного пакта 4 сентября 1940 г., когда в связи с поражением Франции и ослаблением позиций Англии на Дальнем Востоке Япония намеревалась активизировать свои агрессивные действия.

Тройственный пакт, подписанный 27 сентября 1940 г., предусматривал, что «Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе», а «Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточноазиатском пространстве». Участники пакта обязались поддерживать друг друга «всеми политическими, экономическими и военными средствами» в случае, если один из них окажется в состоянии войны с какой-либо державой, не участвовавшей в войне в Европе и в китайско-японском конфликте (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. XI, S. 175—176).

Основная цель тройственного пакта заключалась в координации действий Германии, Италии и Японии в завоевании мирового господства.— 74, 89, 115.

43 Германские предложения Польше, изложенные 21 марта 1939 г. Риббентропом польскому послу Липскому, сводились к следующему:

Данциг в качестве самостоятельной единицы входит в состав германского рейха. Германия получает также право на строительство экстерриториальной железнодорожной линии и автострады, которые связывали бы Германию с Восточной Пруссией (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VI, S. 58—60).

В телеграмме германскому послу в Варшаве от 23 марта 1939 г. Риббентроп указывал, что польскому правительству можно заявить, что международное положение Польши в результате передачи Германии Данцига укрепится, а также что Германия и Польша могут проводить единую восточную политику, так как интересы обеих стран по «защите

от большевизма» совпадают (Ibid., p. 72). Ответ на предложение Риббентропа правительство Польши дало в специальной инструкции, врученной Липскому 25 марта 1939 г. В ней подчеркивалось, что польское правительство дружественно относилось к режиму Германии. «В 1934—1939 гг.,— говорилось в инструкции,— оно отказывалось присоединиться к деятельности, направленной против Германии» (Polnisches Weissbuch, док. № 62). Правительство Польши как прежде, так и теперь, говорилось в этом документе, придает большое значение поддержанию хороших отношений с Германией. Бек дал понять, что польское правительство готово пойти на большие уступки, но оно опасается взрыва возмущения польского народа. 26 марта Липский передал ответ Риббентропу. Риббентроп признал уступки, сделанные польским правительством, недостаточными, и продолжал настаивать на передаче Германии Данцига и «коридора через коридор».

28 марта 1939 г. Бек пригласил германского посла в Варшаве Мольтке и заявил, что «интервенция германского правительства в целях изменения Status quo в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу» (Polnisches Weissbuch, док. № 64).

27 апреля 1939 г. Германия, ссылаясь на отказ польского правительства принять предложения Берлина, аннулировала германо-польскую декларацию 1934 г. о ненападении.— 77, 80, 82, 96, 99, 101, 116.

44 Линия Мажино — система французских долговременных фортификационных сооружений и заграждений на границе с Германией, Люксембургом и частично с Бельгией, построенная по предложению А. Мажино, бывшего в 1929—1932 гг. военным министром Франции. Предназначалась для защиты Северо-Восточной Франции от германского вторжения.— 78, 127, 183, 221, 223, 224.

45 Польско-румынский договор о союзе был подписан 3 марта 1921 г. в Бухаресте. Буржуазные правительства Польши и Румынии принимали после Великой Октябрьской социалистической революции участие в военной интервенции против Советской России. Польша захватила при этом Западную Украину и Западную Белоруссию, а Румыния — Бессарабию. Польско-румынский союз был заключен с целью удержать захваченные ими территории, а также попытаться осуществить новые захваты советских земель.

Польско-румынский договор предусматривал: взаимную военную поддержку сторон в случае войны одного из участников договора с Советской Россией (ст. 1); координацию их политики во взаимоотношениях с Советской Россией (ст. 2); заключение польско-румынской военной конвенции (ст. 3); обязательство не вести переговоров о сепаратном мире в случае войны с Советской Россией (ст. 4). Согласно статье 5 устанавливался пятилетний срок действия этого договора. В 1926, 1931 и 1936 гг. договор пролонгировался на очередные пять лет.

В марте — апреле 1939 г. Англия предоставила Польше и Румынии свои гарантии, не оговорив, что они направлены против Германии. В связи с этим и учитывая антисоветский характер польско-румынского договора, Советское правительство 17 апреля 1939 г. предложило английскому правительству уточнить, что гарантии Польше и Румынии предоставляются только на случай германской агрессии.

Правительства Советского Союза и Великобритании поставили весной 1939 г. перед Польшей и Румынией вопрос о желательности изменения содержания польско-румынского союза, с тем чтобы обе страны обязаны были прийти друг другу на помощь лишь в случае нападения Германии на одну из них. Однако польское правительство не согласилось на внесение в договор такого рода изменений, так как оно не намеревалось выступать против использования Германией территории Румынии в качестве плацдарма для нападения на СССР. Нарком иностранных дел писал 13 апреля 1939 г. в этой связи: «Бек старается сознательно сорвать всякие гарантии Румынии, чтобы в эту сторону направить

германскую агрессию. Бек еще в 1934 г. в Москве говорил мне, что Германия изберет Румынию плацдармом для наступления на Украину, причем Бек не выражал никакого беспокойства по этому поводу. Можно было даже понять, что на этот счет у него имеется соглашение с Гитлером».— 80.

[46] 28 апреля 1939 г. поверенный в делах Германии в Польше передал в министерство иностранных дел Польши германский меморандум от 27 апреля 1939 г., в котором говорилось, что Польша своим вступлением в союзные отношения с Англией аннулировала германо-польскую декларацию 1934 года. Кроме того, германское правительство в этом меморандуме выразило сожаление, что польское правительство отклонило предложение Берлина об «урегулировании» вопроса о Данциге и об установлении окончательной польско-германской границы (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VI, S. 288—291).

5 мая 1939 г. польское правительство дало ответ на германский меморандум. В польском ответе опровергалось утверждение германского правительства о том, что англо-польское коммюнике о взаимном предоставлении гарантий будто бы является несовместимым с германо-польской декларацией 1934 г. Вместе с тем польское правительство выразило готовность начать переговоры о новом договорном урегулировании германо-польских отношений, исходя из принципа добрососедства (Ibid., p. 357—360).— 81, 116.

[47] 19 марта 1939 г. министру иностранных дел Литвы Урбшису был вручен ультиматум о передаче Клайпедской области Германии. Вручая ультиматум, Риббентроп заявил, что в случае сопротивления или обращения за поддержкой вопрос будет разрешен путем вооруженного вмешательства. Литовскому правительству было дано четыре дня для ответа.

Урбшис в тот же день сообщил об этом Великобритании, Франции и Польше. Боясь использовать обычные дипломатические каналы, литовский министр, находившийся в Берлине проездом из Рима, уведомил эти страны через их военных атташе в Берлине. Он заявил, что точка зрения литовского правительства будет зависеть от ответа их правительств.

Согласно Версальскому мирному договору 1919 г. и решению конференции послов 1923 г., Англия и Франция были обязаны оказать помощь Литве. В подписанной Англией, Францией, Италией и Японией 8 мая 1924 г. конвенции говорилось: «Право суверенитета над Клайпедой или его исполнение не может быть изменено без согласия высоких договаривающихся сторон». Но, так же как и в отношении Австрии и Чехословакии, английское и французское правительства отказались выполнить свои обязательства и тем самым вынудили Литву капитулировать перед агрессором.

22 марта 1939 г. правительство Литвы под угрозой вооруженного нападения подписало документ о передаче Клайпедской области Германии.

В тот же день германские войска вступили в Клайпеду. По дополнительному германо-литовскому соглашению Литва попадала в политическую и экономическую зависимость от гитлеровской Германии.— 82, 107.

[48] Советский Союз, глубоко заинтересованный в том, чтобы Польша не была уничтожена фашистским рейхом, неоднократно предлагал Польше сотрудничество и помощь против агрессии, стремился привлечь Польшу к участию в создании системы коллективной безопасности, проводил политику добрососедства в отношениях с Польской Республикой.

19 февраля 1939 г. между Советским Союзом и Польшей был подписан торговый договор, основанный на принципах наибольшего благоприятствования.

17 апреля 1939 г. Советский Союз обратился к Англии и Франции с

предложением заключить договор о взаимной помощи с одновременным подписанием военной конвенции. Договор предусматривал оказание «всяческой, в том числе и военной», помощи и Польше.

10 мая 1939 г. во время визита в Варшаву заместитель министра иностранных дел В. П. Потемкин заявил в беседе с министром иностранных дел Польши Ю. Беком, что «СССР не отказал бы в помощи Польше, если бы она того пожелала».

11 мая 1939 г. в беседе с министром иностранных дел СССР посол Польши В. Гжибовский, в соответствии с полученными из Варшавы инструкциями, высказал негативное отношение к вопросу о заключении пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Польшей.

25 мая 1939 г. советский полпред в Польше Н. И. Шаронов снова заявил в беседе с Ю. Беком, что СССР готов помочь, но, «чтобы помочь завтра, надо быть готовым сегодня, т. е. заранее знать о необходимости помогать».

14 августа 1939 г. глава советской делегации К. Е. Ворошилов на заседании военных миссий выступил с предложением о пропуске советских войск на польскую территорию через Виленский коридор и Галицию и через румынскую территорию. Это предложение предусматривало организацию эффективного отпора агрессору и надежной помощи восточноевропейским странам, и Польше в частности. Советское правительство вновь предложило Польше руку помощи.

2 сентября 1939 г., на второй день войны, когда германские самолеты уже бомбили польские населенные пункты, а Англия и Франция, несмотря на свои союзные договоры с Польшей, продолжали молчать о своей позиции, Н. И. Шаронов посетил Ю. Бека и, сославшись на интервью К. Е. Ворошилова от 27 августа 1939 г., в котором упоминалось о возможной поставке Советским Союзом Польше военных материалов, спросил, почему Польша не обращается к Советскому Союзу за помощью. Польскому правительству понадобилась неделя, чтобы В. Гжибовскому дать указание о вступлении по этому вопросу в контакт с Советским правительством.

Польское правительство ко всем советским предложениям высказывало негативное отношение или оставляло без ответа.

Правители буржуазной Польши надеялись, что им удастся договориться с фашистским рейхом и германская агрессия, минуя Польшу, обратится против СССР. Оно делало все зависящее, чтобы помешать успешному завершению англо-франко-советских переговоров.— 86, 119, 314.

[49] 6—7 мая 1939 г. в Милане состоялись переговоры министра иностранных дел Германии Риббентропа с министром иностранных дел Италии Чиано. В официальном коммюнике о переговорах говорилось, что оба министра «решили теснуюсплоченность обоих народов закрепить в виде широкого политического и военного пакта». Такой пакт между Германией и Италией был подписан 22 мая 1939 г. (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VI, S. 466—469).— 89, 96, 107.

[50] В эти дни, в частности в связи с подписанием 22 мая германо-итальянского союза, в Англии рассматривался вопрос о ее дальнейшей позиции в англо-франко-советских переговорах. Это нашло отражение в меморандуме, составленном 22 мая 1939 г. в министерстве иностранных дел Англии (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. V, p. 640—646).

Рассматривая плюсы и минусы заключения англо-франко-советского договора о взаимной помощи, авторы меморандума отмечали в качестве отрицательного момента, что в результате заключения такого договора могут сделать «вывод, что правительство Его Величества окончательно отказалось от всякой надежды добиться урегулирования с Германией...». А правящие круги Англии, все еще надеявшиеся на заключение соглашения с фашистской Германией, не хотели создавать такого впечатления. Кроме того, в меморандуме высказывалось опасение, что в

случае заключения договора Англия «в результате неспособности Польши или Румынии оказать сопротивление германскому нападению или в результате нападения Германии на Советский Союз морем или через Прибалтийские государства может быть втянута в войну не с целью защиты независимости какого-либо малого европейского государства, а для оказания поддержки Советскому Союзу против Германии». Помогать же Советскому Союзу английское правительство не хотело.

В то же время авторы указанного меморандума не могли не признать наличие положительных для Англии сторон этого соглашения. Такой договор, говорилось в меморандуме, возможно, является «единственным средством предотвращения войны». Наконец, авторы меморандума считали желательным заключить какое-то соглашение, по которому в случае нападения на Англию Советский Союз должен был бы прийти ей на помощь: а) для того чтобы Германии пришлось воевать на два фронта и б) для того чтобы «попытаться вовлечь в войну и Советский Союз», с тем чтобы он не остался невредимым, в то время как Англия и Германия будут превращены в руины.— 102.

[51] Имеется в виду речь Гитлера в рейхстаге 28 апреля 1939 г. В этой речи Гитлер подверг критике версальскую систему договоров, пытался оправдать захват Австрии и Чехословакии, а также заявил, что мюнхенское соглашение не решило всех вопросов, связанных с перекройкой европейских границ. Гитлер объявил о денонсации англо-германского морского соглашения 1935 г., заявив в то же время о желании установить дружественные отношения с Англией при условии, если с ее стороны будет проявлено известное понимание интересов Германии.

Гитлер сообщил также об отклонении польским правительством германских предложений об «урегулировании» разногласий между Германией и Польшей, а также об аннулировании Германией польско-германской декларации о ненападении 1934 года.— 107.

[52] Имеется в виду англо-германское морское соглашение от 18 июня 1935 г. См. т. 1, прим. 9.— 107.

[53] 14 апреля 1939 г. президент США Рузвельт обратился к Гитлеру и Муссолини с посланием, в котором он призвал к решению существующих проблем за столом переговоров, т. е. мирным путем. В послании Рузвельт запрашивал Гитлера и Муссолини, согласны ли они дать заверения в том, что их вооруженные силы в течение 10 или 25 лет не совершат нападения на перечисленные им в этом послании 30 стран Европы и Ближнего Востока. Заявив о готовности США принять участие в переговорах о разоружении и расширении международной торговли, если Гитлер и Муссолини дадут положительный ответ, Рузвельт предложил услуги «доброго посредника» (The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, 1939, p. 201—205).

Муссолини в своей речи 20 апреля 1939 г. и Гитлер в своем выступлении 28 апреля 1939 г. отвергли предложения Рузвельта.— 107.

[54] В результате переговоров 12 мая 1939 г. была опубликована совместная англо-турецкая декларация, в которой говорилось, что обе стороны намерены заключить долгосрочное соглашение «в интересах их национальной безопасности». До заключения такого соглашения правительства Англии и Турции выразили готовность «эффективно сотрудничать и оказывать взаимную помощь и поддержку друг другу» в случае акта агрессии, ведущего к войне в районе Средиземного моря. Оба правительства признали необходимым обеспечение безопасности на Балканах и согласились в этих целях проводить консультации (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. V, p. 497).— 108.

[55] С середины июня 1939 г. метод ведения англо-франко-советских переговоров несколько изменился. Было решено вместо пересылки друг другу очередных предложений перейти к прямым переговорам трех

стран в Москве. Советское правительство сообщило английскому, что приветствовало бы приезд в Москву для участия в переговорах министра иностранных дел Англии. Однако Галифакс, сославшись на сложность международной ситуации, ответил, что ему трудно отлучиться из Лондона. В Москву на переговоры был направлен У. Стрэнг — директор центрального департамента Форин оффис. У. Черчилль писал в своих воспоминаниях, что посылка в Москву «столь второстепенного лица была фактически оскорбительной» (*Churchill W. S.* The Second World War, vol. I, p. 389).

15 июня В. М. Молотов принял Сидса, Наджиара и Стрэнга. С советской стороны на приеме присутствовал первый заместитель наркоминдела В. П. Потемкин. Обсуждались основные вопросы разногласий. В. М. Молотову были вручены тексты англо-французских формулировок по вопросам переговоров.

Сообщая об этой встрече Галифаксу, Сидс, в частности, писал в телеграмме от 20 июня 1939 г.:

«[...] В 5 часов в тот же день г-н Наджиар, г-н Стрэнг и я отправились в Кремль, где нас принял г-н Молотов с г-ном Потемкиным в качестве переводчика. [...]

Я выразил надежду правительства Его Величества, что теперь окажется возможным достигнуть соглашения по всему договору в целом без особой задержки, добавив, что такой договор должен быть, с нашей точки зрения, возможно более кратким и простым. В советском проекте имеется, правда, ряд пунктов, а именно статья 1 (2), 5 и 6, которые создают для правительства Его Величества некоторые затруднения, и мы предложили изучить эти пункты, за столом, по порядку один за другим, вместо той процедуры, которая имела место до сих пор, когда из Лондона в Москву и обратно передавались по телеграфу полные проекты договора.

Самым важным не урегулированным между нами вопросом, продолжал я, является подпункт (2) статьи 1 советского проекта, относящийся к агрессивным действиям в отношении определенных стран, указанных там по названию. Правительство Его Величества считает нежелательным, чтобы имело место особое перечисление стран, в деле обороны которых три державы, подписавшие договор, должны были бы сотрудничать. Я столь подробно обсуждал этот пункт во время предыдущих встреч с г-ном Молотовым, что мне нужно теперь всего лишь напомнить ему о том, что три прибалтийские государства сильно возражают не только против получения гарантий по договору, но и вообще против их упоминания в договоре. Я хотел бы также указать на то, что Польша и Румыния, и особенно последняя, дали совершенно ясно понять, что они не хотят, чтобы их упоминали в таком договоре. [...]

Когда г-н Потемкин закончил перевод, г-н Молотов сказал, что он разочарован содержанием нашего сообщения. Из всего, что он видел в английской и французской прессе, он ожидал, что мы представим нечто значительно более позитивное и близкое точке зрения советского правительства. [...]

Г-н Молотов поставил затем ряд вопросов о международном фоне данных переговоров.

Его первый вопрос заключался в том, готово ли правительство Его Величества и французское правительство гарантировать Финляндию, Эстонию и Латвию, если эти страны выразят готовность получить гарантию. Г-н Наджиар и я ответили, что мы не имели инструкций по этому вопросу. Мы должны иметь дело с существующей ситуацией, а позиция этих трех Прибалтийских государств в настоящее время хорошо известна. [...]

Г-н Молотов спросил, как отнесется, по нашему мнению, польское правительство к нашим настоящим предложениям. Мы сказали ему, что правительство Его Величества поняло после запроса в Варшаве, что польское правительство вряд ли бы стало возражать против системы,

предусматриваемой в англо-французском проекте от 25 мая, и что общий смысл нашего настоящего предложения тот же, что и в нашем предыдущем проекте. Мы не знаем, были ли сделаны подобные же запросы в прибалтийских столицах.

Затем он вернулся к позиции Прибалтийских государств и высказал мнение, что их взгляды отнюдь не являются идентичными. Латвийский министр иностранных дел тщательно воздерживался, например, от того, чтобы присоединиться к тем резким заявлениям, которые были недавно сделаны финским и эстонским министрами иностранных дел. Его замечания сводились к тому, что, поскольку уже имелись различные оттенки в позиции этих трех государств, то их можно было бы побудить со временем изменить свою позицию. Мы рассказали ему о линии, которой придерживался латвийский министр в своей беседе в Форин офис 12 июня [№ 37], и сказали, что если и имелись различные оттенки в позиции трех стран, то они все еще не хотели, чтобы их упоминали в предполагаемом договоре или чтобы их сделали объектом гарантии без их согласия на это.

Далее Молотов спросил, предусматривали ли мы в тех гарантиях, которые мы предоставили другим государствам (Бельгии, Греции, Польше, Румынии и Турции), оказание совместной помощи третьим государствам. Мы сообщили ему в общих чертах о той договоренности, которую мы достигли с этими странами. Он спросил, предусматривала ли наша договоренность с Польшей возможность нападения на Литву. Мы повторили ему, что польский посол в Лондоне сказал советскому послу по этому поводу, а именно, что когда в англо-польской декларации говорилось о косвенной угрозе независимости Польши, то оба правительства имели в виду возможную акцию против Данцига, который не являлся, конечно, польской территорией. Вопрос об оказании помощи Литве не обсуждался с г-ном Беком. Он сказал затем, что, как он понимает, Польша поможет Великобритании в случае нападения на Голландию. Так ли это? Имея в виду, что г-н Бек хотел, чтобы его заверения правительству Его Величества по этому пункту оставались секретными, г-н Стрэнг ограничился словами, что вопрос о борьбе с косвенной угрозой в отношении каждой страны должен быть, без сомнения, обсужден во время переговоров о формальном договоре, который предусматривался англо-польской декларацией, но что ничего определенного пока еще не было решено. [...]

В заключение г-н Молотов сказал, что изучит представленный ему материал и созовет нас после этого на следующее заседание. [...]» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 115—120).

Газета «Известия» сообщала, что «результаты первой беседы и ознакомления с англо-французскими формулировками расцениваются в кругах Наркоминдела как не вполне благоприятные» (Известия, 1939, 16 июня).

В этот момент основной проблемой, по которой шли переговоры, был вопрос о помощи трех держав другим, более слабым странам, в том числе Прибалтийским. Западные державы, не намереваясь препятствовать германской агрессии в Прибалтике, не хотели распространения своих гарантий на Прибалтийские государства. Для безопасности же Советского Союза предотвращение захвата Германией Прибалтики имело важнейшее значение.

Советскому полпреду в Лондоне были даны указания (10 июня) заявить Галифаксу, что без удовлетворительного решения вопроса о гарантиях Прибалтийским государствам довести переговоры до конца невозможно.

Как сообщал в Москву И. М. Майский, Галифакс в беседе с ним по этому вопросу вынужден был признать «правомерность нашего желания иметь гарантии трех держав против прямой или косвенной агрессии в отношении Латвии, Эстонии и Финляндии». Это не означало, однако,

что английское правительство было готово пойти по данному вопросу навстречу Советскому Союзу. Как раз напротив, оно исходило из того, что германская агрессия в Прибалтике и отпор ей со стороны СССР — один из вполне устраивавших его вариантов развязывания вооруженного конфликта между Советским Союзом и фашистским рейхом.

«Правда» опубликовала 13 июня в этой связи статью «Вопрос о защите трех Балтийских стран от агрессии», в которой отмечалось, что многие газеты западных стран вынуждены признать неправильность своих прежних оценок в отношении Прибалтийских стран и не отрицают, что вопрос о сохранении их нейтралитета представляет жизненный интерес с точки зрения безопасности Советского Союза. Газета разоблачала несостоятельность утверждений некоторых иностранных газет, что Прибалтийские страны сами могут с успехом отстоять свою независимость в случае агрессии. «Правда» подчеркивала, что народы Прибалтийских стран, несомненно, «кровно заинтересованы в гарантии их независимости» со стороны трех держав.— 122.

[66] Учитывая возражения Англии против предоставления англо-франко-советских гарантий Прибалтийским странам, Советское правительство фактически предложило пока снять вопрос о гарантиях другим странам и как можно скорее подписать соглашение трех держав о взаимной помощи друг другу. Это было крупной уступкой со стороны Советского Союза. Однако правительства Англии и Франции не приняли этого предложения, что снова свидетельствовало о том, что они не были заинтересованы в скорейшем завершении переговоров и заключении соглашения.

По поводу этой встречи 16 июня Сидс писал Галифаксу в своей телеграмме от 17 июня 1939 г.: «Г-н Молотов попросил французского посла, меня и г-на Стрэнга вновь встретиться с ним сегодня во второй половине дня [16 июня]. Встреча продолжалась полтора часа. Он вручил нам документ, содержащий ответ Советского правительства на те представления, которые мы ему вчера сделали. Г-н Потемкин сделал устный перевод на французский язык документа г-на Молотова.

Английский его перевод содержится в моей последующей телеграмме.

Г-н Молотов сказал затем, что три правительства неоднократно пытались изучить в самом широком плане вопрос о предлагаемом договоре. Каждый раз возникала трудность и отбрасывалось одно из условий советской стороны. Если правительство Его Величества и французское правительство обращаются с Советским правительством, как с наивными людьми или дураками, сам он может позволить себе лишь улыбаться, однако он не может гарантировать, что все так спокойно отнесутся к этому. Советское правительство дало положительный ответ на предложение английского и французского правительств о том, чтобы взять на себя обязательства в отношении пяти гарантированных стран. С тех пор Великобритания и Франция добавили Швейцарию и Голландию. Когда, однако, Советское правительство попросило таких же гарантий у Великобритании и Франции в отношении трех пограничных государств, которые слабы и нуждаются в поддержке, оно получило категорический отказ. Это ставит Советское правительство в унизительное положение, и оно не может с этим согласиться.

Если три Прибалтийских государства не хотят советской гарантии, то Советское правительство готово отложить весь вопрос об оказании помощи другим государствам, за исключением участников договора, как не готовый для урегулирования. Советское правительство готово взять на себя обязательства в отношении других государств, в которых оно лишь незначительно заинтересовано, при условии, что смогут быть получены требуемые гарантии для Прибалтийских государств. Как уже на это указал советский посол Вашему превосходительству, это является обязательным условием. Из сделанных нами предложений ясно, что этот вопрос не урегулирован, и поэтому лучше будет его отложить.

Французский посол спросил, может ли он суммировать позицию Советского правительства таким образом, что если две западные державы не смогут создать системы гарантий, которая будет одинаковой как для трех Прибалтийских государств, так и для других пяти государств, то Советское правительство предпочтет отложить весь вопрос о гарантиях в отношении стран, не являющихся участницами договора, и ограничить договор соглашением о взаимопомощи между тремя державами — участницами договора, которое будет вступать в действие в случае прямой агрессии против одной из них. Г-н Молотов сказал, что это так.

Мы спросили его, предполагается ли включение в этот ограниченный договор тех из статей существующих проектов, которые были бы все еще актуальными. Г-н Молотов сказал, что да, но вопрос нужно будет, конечно, изучить подробно, когда придет время.

Мы спросили его, предполагает ли Советское правительство в случае, если объем соглашения будет сокращен таким путем, следовать той же процедуре, которая была принята при наших переговорах с Польшей и Турцией, а именно договориться о предварительной декларации, за которой должны были бы последовать переговоры о заключении формального договора. Г-н Молотов не одобрил этой идеи и сказал, что следует предпочесть немедленное заключение формального договора.

Французский посол сказал, что недостаточно говорить о трех Прибалтийских государствах и о пяти гарантированных государствах. Голландия и Швейцария столь же важны для Великобритании и Франции, как Прибалтийские государства для Советской России.

Мы сделали замечание формального порядка относительно того, что заявление об англо-французских предложениях в начале второго подпараграфа параграфа 2 в документе г-на Молотова является неточным, поскольку правительство Его Величества и французское правительство не предлагали оказание Советским правительством помощи Польше и другим гарантированным странам, а оказание Советским Союзом помощи Великобритании и Франции в случае, если бы они оказались втянутыми в военные действия из-за этих государств. [...]» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 89—91).— 123.

[57] Договор, подписанный между РСФСР и Германией в Рапалло 16 апреля 1922 г., вошел в историю международных отношений как отказ немецких правящих кругов от односторонней ориентации внешней политики Германии на Запад, в результате чего она пошла на установление нормальных, взаимовыгодных отношений с Советским Союзом. Согласно Рапалльскому договору между РСФСР и Германией восстанавливались дипломатические отношения; обе стороны отказывались от возмещения военных и невоенных убытков; Германия признавала национализацию германской собственности в РСФСР; предусматривалось развитие экономических связей между двумя странами на основе принципа наибольшего благоприятствования (см.: Документы внешней политики СССР. М., 1961, т. V, с. 223—224).

Заключение Рапалльского договора явилось крупным успехом советской дипломатии в борьбе за установление мирных отношений с капиталистическими странами на основе равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга. Рапалльский договор был выгоден и Германии, так как он означал восстановление традиционных экономических связей между обоими государствами, а также укрепление внешнеполитических позиций Германии.— 124.

[58] Так называемая годесбергская программа была предъявлена Гитлером Чемберлену 22 сентября 1938 г. в Бад-Годесберге. Она представляла собой ультимативные требования Гитлера относительно немедленной передачи фашистской Германии ряда районов Чехословакии.— 125.

[59] Вручая свой проект статьи 1 договора о взаимной помощи между Великобританией, Францией и СССР, английский и французский послы

заявили: «Учитывая точку зрения Советского правительства, а также данные географического порядка, Прибалтийские государства, Польша и Румыния являются, если оба правительства не ошибаются, именно теми соседними европейскими государствами, неприкосновенность которых представляет один из элементов безопасности СССР. Что касается Франции и Великобритании, то для них Бельгия, Голландия и Швейцария являются теми соседними европейскими странами, которые имеют для безопасности Франции и Англии то же значение, что и пять вышеупомянутых государств для России» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 135).

Англичане и французы пытались представить дело таким образом, что новое англо-французское предложение учитывает все пожелания СССР и интересы его безопасности, в том числе в отношении распространения гарантий на Прибалтийские государства, но на самом деле это было не так.

О переговорах, имевших место 21 июня 1939 г., Сидс, в частности, сообщал Галифаксу в телеграмме от 22 июня 1939 г.: «[...] Г-н Потемкин спросил, ссылаясь на параграф первый нашего нового проекта статьи 1, кто будет определять, представляет ли агрессия против европейского государства угрозу безопасности для одной из договаривающихся сторон. На это мы ответили, что в нашем проекте на этот счет ничего не говорится. Одно решение будет заключаться в том, чтобы оставить этот пункт без определения, другое — постараться найти какое-либо определение. Мы спросили, не имеет ли г-н Молотов чего-либо сказать по поводу этих двух возможностей. На этот вопрос мы не получили ответа.

Во время обсуждения мы объяснили, что формулировки слов во второй части параграфа 1 новой статьи 1 имеют целью пойти навстречу точке зрения Советского правительства и в то же время избежать перечисления других государств, учитывая их подозрительность. Несмотря на существующие трудности, мы думаем, что смогут быть найдены пути для заключения полезного договора. Вполне возможно, что если три державы смогут достигнуть договоренности подобной той, которую мы сейчас предложили, то те государства, которые ныне колеблются, отнесутся со временем более положительно к соглашению, заключенному этими тремя державами.

Г-н Молотов сказал, что, как он считает, Советское правительство должно настаивать на включении в договор названий соответствующих восьми стран; Советское правительство все еще придерживается той точки зрения, что все три договаривающиеся державы должны взять на себя обязательство по защите этих восьми стран. Если не представляется возможным указать названия стран и если эти страны не смогут занять более позитивной позиции, то было бы более логичным принять план, предложенный в советском ответе от 16 июня, а именно заключить договор, предусматривающий прямую агрессию только лишь против держав, подписавших договор. Далее г-н Молотов спросил, как английское и французское правительства отнеслись к этому предложению. Мы сказали ему, что оба правительства предпочли бы заключить договор в предложенном ими духе, нежели договор более ограниченного характера.

Г-н Молотов сказал, что те обязательства, которые мы попросили взять на себя Советское правительство в отношении пяти гарантированных государств, весьма тяжелы и что в соответствии с расчетами Генерального штаба для выполнения этих гарантий требуется 100 дивизий. Учитывая это, является существенным, чтобы те гарантии, которые Советское правительство получит в обмен, были точно сформулированы, а не оставались неопределенными, как в нашем проекте.

Французский посол спросил от своего имени, будет ли соответствовать советской точке зрения, если названия соответствующих стран будут указаны в отдельном документе, который не подлежит опубликованию.

Г-н Молотов сказал, что этот вопрос можно было бы обсудить. Он спросил, как я к этому отношусь. Я сказал, что этот вопрос можно было бы рассмотреть.

Французский посол спросил, не будет ли возможным указать вместо перечисления государств определенные географические районы. Г-н Молотов не счел это предложение полезным.

Французский посол спросил затем от своего имени, как бы Советское правительство отнеслось к предложению о том, чтобы параграф 2 нашего нового проекта статьи 1 (агрессия против гарантированных государств) был бы опущен и чтобы статья состояла лишь из параграфа 1, а государства, к которым три правительства намеревались бы применить ее, были бы перечислены в отдельном документе.

Г-н Молотов ответил, что если бы правительство Его Величества и французское правительство захотели бы выдвинуть это предложение, то Советское правительство было бы готово его обсудить.

В заключение г-н Молотов сказал, что сделанное нами предложение не являлось, с его точки зрения, шагом вперед. Он представит его, однако, Советскому правительству и сообщит нам его ответ. Мы сказали, что были бы рады познакомиться с любым контрпредложением, которое захочет представить Советское правительство.

Он ответил, что предложения Советского правительства заключены в проекте, который уже был нам представлен» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 140—142).— 126.

[60] 22 июня 1939 г. Сидс (во второй телеграмме Галифаксу) сообщал об ответе советской стороны на англо-французский проект и о переговорах, имевших место 21 июня.

Ответ гласит, писал Сидс:

«Советское правительство внимательно ознакомилось с предложениями Англии и Франции, переданными В. Молотову 21 июня. Ввиду того что эти предложения являются повторением старых предложений Англии и Франции, встретивших, как известно, серьезные возражения со стороны Советского правительства, Советское правительство пришло к выводу — отклонить эти предложения как неприемлемые». Мы спросили, не может ли г-н Молотов сказать, как можно изменить проект статьи 1, представленной Советским правительством 2 июня, по которому имеются существенные разногласия, чтобы пойти навстречу нашей точке зрения. Он ответил, что поскольку правительство Его Величества и французское правительство не приняли предложение Советского правительства от 16 июня (заключение ограниченного договора), то Советское правительство возвратилось к своему предложению от 2 июня и продолжает на нем настаивать.

Я спросил, означает ли предложение от 2 июня не только то, что гарантируемые государства должны быть перечислены в самом договоре, но и что договор должен предусматривать общую гарантию тремя подписавшими договор державами восьми государств, упомянутых в советском проекте. Г-н Молотов ответил, что это было то, что предложило Советское правительство, и то, на чем оно настаивает.

На наш вопрос, следует ли рассматривать текст статьи 1 его проекта от 2 июня как неизменный, он ответил, что проект этот представлен обоим правительствам для обсуждения.

Французский посол возвратился к своему личному предложению, изложенному в абзаце 8 моей телеграммы № 135, о том, что гарантированные страны могут быть указаны в отдельном документе. Г-н Молотов сказал, что если это предложение будет официально внесено обоими правительствами, то Советское правительство готово его обсудить.

Мы спросили, не смогли бы мы в ожидании решения основного вопроса — статьи 1 — перейти к обсуждению текста других статей, которые вряд ли бы вызвали какие-либо затруднения. Г-н Молотов сказал, что будет лучше уладить сначала основной вопрос» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 143).

По этому поводу газета «Известия» писала: «В кругах Наркоминдела сообщают, что «новые» англо-французские предложения не представляют какого-либо прогресса по сравнению с предыдущими предложениями» (Известия, 1939, 22 июня).— 126.

[61] Линия Зигфрида — система германских долговременных укреплений, возведенных в 1936—1940 гг. на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля.— 127, 183, 221, 222.

[62] 27 июня 1939 г. английский посол в Германии Гендерсон вручил статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Вейцзекеру меморандум в связи с денонсацией Германией англо-германского морского соглашения 1935 года. В своем меморандуме английское правительство указало, что оно не может признать оправданным и правомерным денонсацию германским правительством этого договора. В то же время английское правительство высказало пожелание начать переговоры о заключении между Германией и Англией нового морского соглашения (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 153—158).— 128.

[63] В телеграмме от 1 июля 1939 г. Сидс сообщал Галифаксу о том, что Молотову был вручен проект статьи 1. Далее Сидс писал: «Г-н Потемкин спросил, покрывает ли фраза «сочтет себя обязанным» лишь обязательства по договору или же и обязательства, продиктованные жизненными интересами. Мы сказали, что она покрывает оба случая.

Г-н Молотов дал ясно понять, что, по мнению Советского правительства, проект этот в его настоящем виде является слишком общим и что ему необходимо придать более конкретный характер, добавив поименный список [стран]. Мы предложили, чтобы список стран, не подлежащий оглашению, был приведен в приложении к договору. Он выразил надежду, что Советское правительство согласится с этим.

Мы передали ему с этой целью проект, текст которого приводится в моей последующей телеграмме [№ 206].

Г-н Молотов сразу же сказал, что включение Голландии, Швейцарии и Люксембурга вносит новый элемент в переговоры. Он возвратился к своим арифметическим аргументам, которые уже достаточно хорошо известны, чтобы требовать повторения. Он считает, что для Советского правительства будет трудным, если не невозможным, принять на себя обязательства в отношении Голландии и Швейцарии (он не особенно беспокоился о Люксембурге). Во-первых, Советское правительство не имеет дипломатических отношений с этими двумя странами, и поэтому принятие Советским правительством на себя обязательств в их отношении вызывает возражение как юридического, так и политического характера. (Мы здесь указали на то, что обязательства эти будут ложиться на нас, а не на них.) Во-вторых, эти обязательства будут представлять собой серьезное дополнение к тем обязательствам, которые Советское правительство уже приняло на себя. Тот факт, что правительство Его Величества и французское правительство расширили таким путем объем договора, делает необходимым для Советского правительства в свою очередь вновь изучить положение. Ему нужно будет изучить два вопроса:

а) Возможность установления нормальных отношений между Советским Союзом, с одной стороны, и Голландией и Швейцарией — с другой.

б) Возможность получения компенсации в другом месте за то увеличение объема обязательств, которое будет означать для Советского Союза включение в список этих двух стран. Он указал, например, на то, что Польша и Румыния заключили соглашения о взаимопомощи как с Великобританией, так и с Францией. Советский Союз должен подумать, не сможет ли он заключить подобные же соглашения с Польшей и Турцией, с тем чтобы та поддержка, которую Польша и Турция смогут оказать Советскому Союзу, компенсировала бы ту помощь, кото-

рую Советский Союз теперь просил предоставить Голландии и Швейцарии.

Мы спросили, означает ли это, что Советское правительство хочет, чтобы теперешние переговоры были прерваны, пока эти два вопроса не будут урегулированы. Г-н Молотов ответил, что поднятые им два вопроса связаны в логическом и политическом отношении с нашим предложением о распространении советских обязательств на Голландию и Швейцарию. Советское правительство должно поэтому их внимательно изучить.

На наш вопрос, представляет ли это официальный ответ Советского правительства, г-н Молотов ответил, что сказанное им является предварительным выражением его личной точки зрения. Он передаст наши предложения Советскому правительству и сообщит нам ответ. [...]

Во время беседы г-н Молотов поднял еще один вопрос в связи с нашим новым проектом статьи 1. Наш проект предусматривает случаи прямой агрессии против одной из трех договаривающихся стран или против одного из государств, упомянутых в списке. Он не предусматривает случаев косвенной агрессии. Это особенно важно в отношении государств, упомянутых в списке. Он имеет в виду случаи, подобные сдаче президента Гахи в марте. [...] Он отметил, что вопрос может быть решен, если после упоминания слова «агрессия» в нашем новом проекте статьи 1 смогут быть вставлены слова «прямая или косвенная».

Мы сказали ему, что должны передать это предложение нашим правительствам. [...]» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 230—232).— 129.

64 В телеграмме от 4 июля 1939 г. Сидс сообщал Галифаксу о том, что 3 июля Молотов пригласил Стрэнга, Наджиара и его, Сидса, и вручил ответ на последние англо-французские предложения. Сидс писал: «Мы не достигли больших успехов в отношении Голландии и Швейцарии.

Когда г-н Молотов сказал, что его правительство может согласиться лишь на секретный список без этих двух стран, я ответил, что мы оказались в интересном положении, поскольку Советское правительство, неоднократно заявлявшее об отсутствии у нас якобы искренности и о нечестности наших предложений, теперь, после всех наших уступок, ожидало английской и французской поддержки в случае прямой или косвенной агрессии против любой части своей европейской границы, в то время как агрессору нужно было лишь напасть на нас через Голландию или Швейцарию, с тем чтобы быть уверенным, что по существующему проекту Советский Союз не был бы обязан прийти нам на помощь.

Г-н Молотов заявил, что Голландия и Швейцария представляют собой новое расширение советских обязательств, предложенное после заседания Верховного Совета, на котором он говорил (и получил одобрение народных представителей) о пяти странах плюс о Прибалтийских государствах. Поэтому не может быть добавлено большее число стран. Позднее он, однако, внес предложение о том, что если Польша и Турция заключат пакты о взаимопомощи с Советским Союзом, то эти две страны могут быть исключены из числа третьих государств и будут заменены в списке Голландией и Швейцарией. [...]

Г-н Молотов далее сообщил, что принятие секретного списка является уступкой со стороны Советского правительства и что она должна быть уравновешена исключением пункта о странах, которые могут потребовать помощи. Он не может согласиться с моим аргументом, что опубликование секретного списка, вместо открытого, является лишь вопросом формы, в то время как исключение пункта, предусматривающего [гарантирование] стран, подобных Голландии, является вопросом сути.

Он указал на то, что Советское правительство не возражает в принципе против расширения своих обязательств в отношении этих

двух стран, но что оно должно иметь компенсацию в виде договора о взаимопомощи с Польшей и Турцией.

Французский посол заявил со своей стороны, что для наших двух правительств, может быть, окажется возможным дать Советскому правительству заверение в том, что мы сделаем все возможное для того, чтобы побудить Польшу и Турцию заключить такие соглашения с Советским Союзом. Быть может, Советское правительство сочтет это достаточной гарантией для включения Голландии и Швейцарии в настоящий секретный список? Г-н Молотов сказал, что обещаний и усилий недостаточно. Должны быть заключены соглашения с Польшей и Турцией по крайней мере одновременно с подписанием нашего соглашения. [...]» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 249—251).— 131.

65 Английские правящие круги в это время рассматривали вопрос о срыве англо-франко-советских переговоров. При этом было признано, что в качестве предлога как для срыва переговоров, так и для их дальнейшей затяжки лучше всего воспользоваться вопросом об определении понятия «косвенная агрессия». Так, английский посол в Москве Сидс отмечал в своей телеграмме Галифаксу от 12 июля, что для срыва переговоров лучше воспользоваться вопросом о косвенной агрессии, чем вопросом о военном соглашении (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 332).

О встречах 8—9 июля Сидс сообщал Галифаксу в телеграмме от 10 июля 1939 г. следующее:

«Мы провели сегодня вечером с г-ном Молотовым около 3 часов и вновь все обсудили.

Советское правительство настаивает на включении в статью 1 слов «прямая или косвенная агрессия». Мы заявили, что не уполномочены делать этого. В дополнение к ссылкам на англо-польский прецедент, о котором говорилось при последней встрече, г-н Молотов указал на то, что г-н Майский, информируя о вашей с ним беседе от 12 июня [№ 38], сообщил, что правительство Его Величества признает оправданным желание Советского Союза получить гарантии двух других государств на случай прямой или косвенной агрессии в отношении Прибалтийских государств. Поскольку дело обстоит так, он не может понять, почему мы не хотим включить эти слова в статью 1.

Г-н Молотов, как мы и опасались, отказался от определения косвенной агрессии, которое он предложил при нашей последней встрече (абзац второй моей телеграммы), и предложил совершенно новый проект протокола, который он теперь называет «дополнительным письмом». [...] Мы спросили его также, что он понимает под определением «использование сил соответствующего государства». В качестве примера он привел использование германских офицеров или инструкторов в эстонской и латвийской армии и превращение этих армий в оружие агрессии против Советского Союза. Мы сказали, что эти два выражения создают для нас очень большие трудности. Мы считаем, что если не считать этих двух пунктов, то это определение, хотя и является менее приемлемым, чем вчерашний проект г-на Молотова, не отличается тем не менее существенно от проекта, предложенного в вашей телеграмме № 160.

Вы увидите из абзаца 2 проекта протокола, предложенного г-ном Молотовым, что Голландия и Швейцария включены в список, но применение к ним соглашения предусматривается лишь в том случае, если Турция и Польша заключат пакт о взаимопомощи с Советским Союзом. Г-н Молотов добавил во время нашей беседы, что необходимо, чтобы Голландия и Швейцария установили дипломатические отношения с Советским Союзом прежде, чем к ним сможет быть применена статья 1. Он отказался от включения в список Люксембурга. Г-н Молотов как будто бы склонен рассмотреть включение в протокол условия о кон-

сультации между тремя правительствами в случае агрессии против Голландии и Швейцарии. [...]

Долгая дискуссия имела место по поводу статьи 6 (отношение между политическим пактом и военным соглашением). Г-н Молотов сказал, что, с точки зрения Советского правительства, совершенно необходимо, чтобы эти два соглашения не только бы вступали одновременно в силу, но и были бы одновременно подписаны. [...] В результате обсуждения многочисленных вопросов нам удалось установить, что процедура, которую г-н Молотов готов принять, заключается в следующем. Как только будет заключено соглашение по тексту семи статей политического соглашения, состоится парафирование текста каждой статьи на трех языках. Затем между генеральными штабами немедленно начнутся переговоры. После заключения переговоров о военном соглашении одновременно будут подписаны и вступят в силу тексты политического и военного соглашений. Хотя текст политического соглашения и будет согласован, это соглашение будет существовать лишь в виде ряда статей, а не в качестве дипломатического документа до тех пор, пока не произойдет подписание обоих документов. Статьи политического соглашения не должны публиковаться до подписания, хотя, как только будет достигнуто согласие по поводу их текста, три правительства могут делать заявления о содержании отдельных статей.

Мы выразили свое удивление г-ну Молотову и весьма энергично возражали против такого образа действий, но он остался совершенно непреклонен. Он сказал, что без военного соглашения политическое соглашение явится всего лишь пустой декларацией и что Советское правительство готово подписать политическое соглашение лишь одновременно с военным соглашением, которое образует с политическим соглашением единое целое. Единственное, что он готов был, видимо, сделать,— это установить в статье 6 дату заключения военного соглашения.

В этих условиях я и мой французский коллега считаем, что мы не можем продолжать переговоры без дальнейших инструкций. [...]» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 310—312).— 133.

[66] 1 июля 1939 г. министр иностранных дел Франции Боннэ в беседе с германским послом Вельчеком затронул вопрос о польско-германских отношениях. Посол в соответствии с полученными им из Берлина инструкциями дал недвусмысленно понять, что Германия намерена «урегулировать» свои отношения с Польшей еще в 1939 г. Сославшись на «военную и экономическую мощь» Германии, Вельчек пригрозил Боннэ катастрофическими последствиями, которые возникнут для Франции, если она будет оказывать поддержку Польше. Боннэ, как сообщал посол в Берлин, «очень полно охарактеризовал свои заслуги в деле достижения взаимопонимания с Германией и в осуществлении мюнхенского соглашения, которое призвано было путем исключения в будущем применения силы создать основу для урегулирования всех справедливых претензий Германии». Для достижения такого урегулирования необходимо было, по мнению Боннэ, чтобы «состояние напряженности на восточной границе Германии, особенно в Данциге, уступило место более спокойной атмосфере».

В заключение беседы Боннэ, сославшись на «отношения дружбы и доверия», которые установились у него с Риббентропом, просил передать германскому министру записку (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VI, S. 693).

В этой записке Боннэ говорилось, что он считает своим долгом напомнить о существовании франко-польского союза и французской декларации о предоставлении гарантий Греции и Румынии, а также сообщить, что в случае какой-либо акции, которая имела бы целью изменить статус-кво в Данциге и вызвать тем самым вооруженное сопротивление

со стороны Польши, Франция была бы вынуждена ввести в действие франко-польское соглашение.

На самом деле буржуазная Франция не желала «умирать за Данциг». В годы второй мировой войны Боннэ в беседе с одним из румынских дипломатов приоткрыл подлинные мотивы своей политики. Он признал, что имел намерение «полностью пожертвовать Польшей» с целью спровоцировать вооруженный конфликт между Германией и СССР. Такова была тайная цель политики Боннэ, подготавливавшего совместно с английской дипломатией новую сделку с Гитлером, на этот раз за счет Польши (*Toscano M.* Pagine di Storia Diplomatica Contemporanea. II. Origini e Vicende della seconda querra mondiale. Milano, 1963, p. 293).— 136.

[7] В телеграмме от 18 июля 1939 г. Сидс писал Галифаксу:

«Сегодня [17 июля] мы встретились с г-ном Молотовым, поскольку он не мог принять нас вчера.

Я сказал г-ну Молотову, что мы намереваемся в качестве уступки общим взглядам Советского правительства включить определение косвенной агрессии в статью 1 и даже согласиться с сохранением слов «прямая и косвенная», заявил, что правительство Его Величества придает величайшее, и даже решающее, значение тому, чтобы определение это носило характер, не вызывающий подозрений у независимых и нейтральных государств, что я получил весьма точные инструкции относительно тех пределов, далее которых правительство Его Величества не готово идти в этом вопросе. Я отметил, что мы достигли согласия с Советским правительством в отношении случая, когда правительство под угрозой применения силы со стороны агрессора действует против своей воли, что может повлечь за собой потерю им независимости или нарушение нейтралитета; но мы должны избегать всего, что могло бы быть истолковано как вмешательство во внутренние дела другого государства. Формула должна предусматривать случаи, когда существует угроза применения силы и когда независимость или нейтралитет государства оказались бы тем самым под угрозой. Другого определения не может быть принято. По этим причинам правительство Его Величества не может согласиться с последней советской формулой, и мне поручено настаивать перед Советским правительством на срочном принятии нашего определения, из которого при его внимательном и беспристрастном рассмотрении видно, что оно покрывает все, что является необходимым, и все, что является законным.

Г-н Молотов сказал, что наша формула неприемлема. Она является и слишком общей, и слишком ограниченной. Он настаивает на включении слов «без угрозы применения силы» (потому что иначе формула не покроет случаев, происшедших с президентом Гахой, который отрицал, что он действовал под угрозой силы) и на включении слов «использование территории и силы». После напрасных заявлений о том, что эта формула может быть истолкована как дающая возможность одному участнику соглашения втягивать других его участников в военные действия, если бы третье правительство осуществило свое право решать собственную политику, я сказал, что мы готовы пойти на замену слов в нашей формуле, при условии, однако, чтобы была сохранена ее суть. Он остался непреклонен. Советское определение представляет собой официальное решение Советского правительства [заявил он], предлагая перейти к следующему пункту повестки дня.

Мы представили тогда новый проект протокола, где в списке государств были опущены Голландия и Швейцария, но была прибавлена общая формула, предусматривавшая консультацию «в случае агрессии или угрозы агрессии со стороны одного европейского государства против другого европейского государства, не указанного в упомянутом выше списке». Остальная часть формулы такая же, как в абзаце 3 моей телеграммы № 159 (№ 285).

Французский посол пояснил, что этот проект протокола связан с проектом статьи 1, который мы представили, и что оба проекта взаимосвязаны. Мы приняли во внимание, что Советское правительство не склонно брать на себя обязательства в отношении Голландии, Люксембурга или Швейцарии, несмотря на то что Великобритания и Франция готовы принять на себя обязательства в отношении трех Прибалтийских государств. В связи с этим английское и французское правительства хотят получить некоторую компенсацию. Предложение Советского правительства, сделанное в его проекте протокола, переданном 9 июля [№ 282], а именно применить соглашение к Голландии и Швейцарии в случае, если Польша и Турция заключат пакты о взаимопомощи с СССР, правительство Его Величества и французское правительство не считают с этой точки зрения адекватным. Оба правительства считают поэтому, что будет лучше включить общее условие о консультации, которое охватывало бы Голландию, Люксембург и Швейцарию, а также любое другое европейское государство, не включенное в список и могущее оказаться жертвой агрессии.

Г-н Молотов спросил, покроет ли эта формула не только те государства, с которыми Советское правительство имеет дипломатические отношения, но и государства, с которыми оно не имеет дипломатических отношений. Мы сказали ему, что формула эта имеет общий характер и покроет как ту, так и другую категорию государств. Г-н Молотов отметил с удовлетворением, что оба правительства готовы исключить Голландию и Швейцарию из списка и что он рассмотрит формулу, касающуюся консультации, которую они представили, хотя с первого взгляда она и вызывает у него сомнения.

Г-н Молотов спросил затем, нет ли у нас замечаний по другим пунктам. Мы обратились к статье 6 и изложили ему аргументы, содержащиеся в абзаце 10 вашей телеграммы № 167 [№ 289]. Г-н Молотов сразу же дал ясно понять, что Советское правительство должно настаивать на одновременном вступлении в силу политического и военного соглашений. Он даже сказал, что с советской точки зрения должно быть не два соглашения (политическое и военное соглашения), а единое политико-военное соглашение. Политическая часть не будет действовать без военного соглашения. Советское правительство хочет, чтобы военные обязательства и вклад каждой стороны были ясно установлены. По этому пункту не должно быть недоразумений. Если правительство Его Величества и французское правительство не согласятся с тем, чтобы политическая и военная части соглашения трех стран составляли органическое и единое целое, то не будет смысла продолжать нынешние переговоры. Он просил нас изложить это нашим правительствам и предложил, чтобы дальнейшее обсуждение было отложено до тех пор, пока не будет достигнута договоренность по этому вопросу. [...]

Он сказал, что если этот принципиальный вопрос будет улажен, то вопрос о том, как изложить согласованный текст политических статей, будет носить технический характер и иметь лишь второстепенное значение. [...]

Он прямо поставил вопрос о том, действительно ли правительство Его Величества и французское правительство согласны начать военные переговоры. Мы заверили его в том, что они согласны, и французский посол заявил, что французское правительство будет готово начать военные переговоры немедленно, не ожидая подписания политического соглашения. Г-н Молотов спросил меня о моем мнении, и я, основываясь на § 4 вашей телеграммы № 173, сказал ему, что мы готовы начать без дальнейших промедлений технические переговоры, но лишь при условии, если будет достигнуто соглашение по обсуждаемым ныне статьям. Французский посол спросил, предполагает ли Советское правительство немедленно начать военные переговоры до завершения обсуждения политических статей и параллельно с этим обсуждением. Г-н Молотов сказал, что, если оба правительства сделают официальное предложение в этом смысле, он думает, что Советское правительство может согласиться с этим.

Он повторил, что вопрос, на который он просит нас дать совершенно определенный ответ, заключается в том, готовы ли оба правительства согласиться с тем, чтобы политическая и военная часть соглашения составляли единое целое.

Г-н Молотов поднялся затем с замечанием, что решение наших двух правительств по этому вопросу является решающим и что все остальное не имеет большого значения. Я остановил его и позволил себе напомнить о том, что я говорил по вопросу о косвенной агрессии, который чрезвычайно важен для правительства Его Величества. [...]» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 375—377).— 139.

[68] Одновременно с переговорами с Советским Союзом весною и летом 1939 г. имели место тайные переговоры, которые велись между видными представителями фашистской Германии и Англии по инициативе последней с целью создания единого антисоветского блока. Они начались 6 июня и продолжались до 20 августа 1939 г.

6 июня Вольтат прибыл в Лондон — официально для обсуждения ряда финансовых и экономических вопросов. Таких вопросов было много, но ими он занимался лишь побочно. Уже в день приезда он посетил Вильсона. На беседе были экономический эксперт консервативной партии Друммонд-Вольф и «серый кардинал» Чемберлена сэр Джозеф Болл: встреча состоялась не в официальной резиденции Вильсона, а у герцога Вестминстерского, видного деятеля консервативной партии.

Во время бесед были затронуты принципиальные вопросы англо-германских отношений, и прежде всего вопрос о том, как добиться их улучшения.

7 июня Вольтат продолжил их обсуждение с заведующим экономическим отделом Форин оффис Эштон-Гуэткином. Вольтат развил перед ним свой план экономического сотрудничества обеих стран, базирующийся на идее раздела сфер влияния (например, Восточная и Юго-Восточная Европа должна была остаться за Германией), и подчеркнул, что этот план разделяют влиятельные политики, военные и промышленники в Германии.

8 июня Вольтат вернулся в Берлин.— 144, 200, 319.

[69] После второй мировой войны в полной мере раскрылось лицемерие Англии и Франции, которые использовали московские переговоры как средство давления на фашистскую Германию в своих интересах и за спиной СССР с мая и до конца августа 1939 г. вели переговоры с Германией.

Инициатором этих переговоров была Англия. С ее стороны на различных этапах в них участвовали Чемберлен, Галифакс, ближайший советник Чемберлена Вильсон, министр внешней торговли Хадсон, представители партийного руководства: Болл — от консерваторов и Бакстон — от лейбористов, парламентский заместитель министра иностранных дел Батлер, офицер командования английских ВВС Ронп; с немецкой стороны — германский посол в Лондоне Дирксен, его советник Кордт, правительственный чиновник по особым поручениям Вольтат, а также ряд других лиц. Роль посредников между Гитлером и Герингом, с одной стороны, и правительством Чемберлена, с другой, выполняли: шведский промышленник Далерус, верховный комиссар Лиги наций в Данциге Буркхардт, немецкий дипломат Тротт цу Зольц, принц Гогенлоэ и другие.

В основу переговоров была положена идея заключения нового «пакта четырех» (Англии, Франции, Германии и Италии) или, если на этом пути возникнут трудности (переговоры проходили без активного участия Франции и Италии), двустороннего англо-германского союза. В случае выгодной империалистической сделки с Германией (под ви-

дом «пакта о ненападении» и «договора о невмешательстве») Англия изъявляла готовность прекратить переговоры с СССР, отказаться от гарантий, данных Польше и другим странам, и даже пожертвовать интересами своей ближайшей союзницы — Франции (см.: Вторая мировая война. М., 1974, т. II, с. 146—150).

2 и 3 мая, а затем 10—14 июня 1939 г. состоялись визиты в Лондон высокопоставленного «посредника» между гитлеровской Германией и западными державами принца Гогенлоэ. В памятной записке на имя Хевеля, личного представителя министра иностранных дел при ставке Гитлера, Гогенлоэ сообщает о беседах с Ванситтартом, Эштон-Гуэткином, лордом Астором, герцогом Кентским и представителями деловых кругов. Во время одной из встреч Ванситтарт заявил, что «в общем и целом есть много пунктов, где Англия и Германия могут сотрудничать в экономическом отношении, например на Дальнем Востоке; есть общие интересы и в Испании».

Во время второй поездки в Лондон (10—14 июля) участники переговоров с английской стороны предложили конкретную программу, которая сводилась к следующему:

«а) Взаимоотношение политики «агрессивности» и «окружения».

б) Немецкое жизненное пространство.

в) Широкий экономический компромисс и сотрудничество.

г) Возврат колоний».

В сокращенном изложении Гогенлоэ это было точно то, что Вильсон изложил в июне и июле Вольтату, включая раздел сфер влияния, уступки в колониальном вопросе и метод тайных переговоров с представителями рейха.

8 июня 1939 г. состоялась встреча Чемберлена с Троттом. Британские политические деятели давали понять своим немецким собеседникам, что они готовы продолжать политику Мюнхена и предоставить Германии «свободу рук» в Восточной Европе (Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Serie D, vol. VI, p. 681—682).

Свидетельством определенного сближения точек зрения сторон может служить выступление Галифакса 29 июня 1939 г., выразившего готовность договориться с Германией по вопросам, которые, по его мнению, «внушают миру тревогу». Галифакс, в частности, сказал: «В новой обстановке мы могли бы обсудить колониальную проблему, вопрос о сырье, торговых барьерах, «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и многое другое, что затрагивает европейцев» (Speeches on International Policy by Lord Halifax. Oxford, 1940, p. 296).

В июле 1939 г. Вольтат вторично посетил Лондон, и контакты возобновились. Гитлеровский план раздела мира на сферы влияния был подкреплен английским предложением о «сотрудничестве» с Германией в трех районах мира: в Британской империи, Китае и России. Таким образом, в числе территорий, подлежавших разделу, английская сторона назвала Китай и Советский Союз, с которым Великобритания в это время вела переговоры о совместной борьбе против фашистской агрессии.

Данные о закулисных контактах различных представителей Германии и Англии летом 1939 г. подтверждают полную обоснованность опасений, которые испытывал Советский Союз.

Некоторые западные политики и историки пытаются изобразить дело так, будто Советский Союз проявил «излишнюю подозрительность». Документы опровергают эти утверждения. Речь идет не о случайных контактах или о личной инициативе отдельных английских и немецких деятелей, а о широкой системе закулисных связей, в которую входили:

— прямые контакты высокопоставленных представителей английского правительства с немецкими эмиссарами (Вильсон — Вольтат, Хадсон — Вольтат, Вильсон — Хессе, Галифакс — Далерус, Репсимен — Геринг, Ванситтарт и Эштон-Гуэткин — Гогенлоэ), в ходе которых до сведения Гитлера и Геринга доводилась конкретная программа англо-германского сговора (план Вильсона);

— политические контакты деловых кругов обеих стран (соглашение в Дюссельдорфе, совещание Геринга с английскими бизнесменами, другие контакты через Далеруса), имевшие целью разработку планов экономического сговора;

— контакты официальных политических деятелей Англии с представителями так называемой «генеральской оппозиции», за которыми стояли военные круги гитлеровской Германии (Канарис, Гальдер и другие);

— зондажи английских эмиссаров через ведомство Риббентропа (поездки в Берлин Бакстона, Лейт-Росса, Друммонд-Вольфа и Эштон-Гуэткина), в ходе которых «дублировались» идеи Вильсона;

— регулярные связи представителей консервативной партии и ряда органов английской прессы с германскими дипломатами и разведчиками, направленные на подготовку английского общественного мнения к возможному сговору.

Все элементы этой системы в настоящее время подтверждены документально и говорят о двойной игре Запада в столь ответственный период европейской истории, когда мир ожидал создания действенного фронта против агрессии.— 144, 145, 147, 152, 160, 161, 165, 198, 204, 248.

[70] Оценка позиций двух сторон на англо-франко-советских переговорах, а также вопрос о возможности их срыва обстоятельно рассматривался в письме Стрэнга в Форин оффис от 20 июля 1939 г. В письме Стрэнг, в частности, отмечал, что объективно Великобритания была заинтересована в заключении договора с СССР.

Стрэнг писал: «[...] Необходимость заключить соглашение для нас является более неотложной, чем для них. В противоположность СССР мы взяли на себя обязательства, выполнения которых от нас могут потребовать в любое время. Некоторые из взятых нами обязательств выгодны Советскому Союзу, так как они защищают значительную часть его западной границы. Поскольку мы взяли эти обязательства, у нас не остается какого-либо иного выхода, кроме создания мирного фронта. В конечном счете в распоряжении русских имеются по меньшей мере два возможных политических варианта, а именно: политика изоляции и политика соглашения с Германией. Наша пресса и наша общественность призывают к тому, чтобы мы быстро заключили соглашение, и у русских имеются достаточные основания полагать, что мы не осмелимся оказаться перед фактом окончательного срыва переговоров. В этом заключается сила их позиции в переговорах, и если мы хотим соглашения с русскими, то мы должны заплатить ту цену, которую они запрашивают, или цену весьма близкую к ней.

Это, однако, не означает, что сами русские не хотят прийти к соглашению или что они хладнокровно отнесутся к срыву переговоров. Напротив, они вряд ли вообще начали бы эти переговоры, если бы не считали, что трехстороннее соглашение выгодно им. Но нам следует помнить, что заключение тесного политического и военного союза с двумя капиталистическими державами будет чем-то совершенно новым в их внешней политике. Эти переговоры как для них, так и для нас в большой степени связаны с риском. Если мы не доверяем им, то и они в равной степени не доверяют нам.

По существу, они не являются дружественной нам державой, но так же, как и мы, вынуждены пойти на это в силу необходимости. Если у нас возникают сомнения в отношении правильности того, что мы делаем, то такие же сомнения имеются и у них. [...]

За время переговоров их недоверие и подозрение в отношении нас не уменьшились и, как мне кажется, уважение к нам также не возросло. Тот факт, что мы ставили одно препятствие за другим по вопросам, которые, по их мнению, не являлись основными, создавало впе-

чатление, что мы, может быть, несерьезно относимся к достижению соглашения. Однако тот факт, что в конце мы все же уступили, будет напоминать им о том, что мы являемся все теми же державами, которые (как они это понимают) в прошлом капитулировали перед Японией, Италией и Германией, и что, возможно, в будущем снова поступим подобным же образом. По-видимому, мы поступили бы более разумно, если бы уплатили запрашиваемую Советами цену на более ранней стадии, поскольку мы не находимся в выгодной позиции, чтобы торговаться, и поскольку, в связи с тем что международная обстановка ухудшается, советская цена, по-видимому, возрастет.

Мы, возможно, могли бы добиться лучшего соглашения, если бы быстро согласились с содержанием советского проекта от 2 июня, по сравнению с тем, чего мы сможем добиться теперь.

Советское правительство твердо придерживается той точки зрения, что любые обязательства, которые оно берет на себя, должны быть четко сформулированы и чтобы были поставлены все точки над «и». СССР не возьмет на себя какого-либо обязательства до тех пор, пока оно не будет окончательно определено как с политической, так и с военной точек зрения.

Когда поставлены на карту их собственные интересы и когда они заявляют о том, что подвергаются особой опасности, а именно в Прибалтийских государствах, они полны решимости гарантировать, чтобы наша помощь оказывалась не только в случае агрессии классического типа, но и в случае агрессивного действия, предпринятого в соответствии с новой техникой, с которой ознакомили нас державы «оси». Если мы хотим понять, как они относятся к Балтийским государствам, то мы должны только представить себе, как бы отнеслись мы сами к установлению германского влияния над Голландией или Бельгией. Как Вы помните, мы уделили большое внимание этому вопросу в феврале прошлого года, когда мы достигли соглашения с французами в отношении общих действий в случае германской акции против Голландии.

На той стадии, которой сейчас достигли переговоры, у нас имеется несколько альтернатив. Мы могли бы принять советскую точку зрения о неотделимости политических и военных соглашений и разойтись в отношении определения косвенной агрессии. Или мы могли бы принять советское определение косвенной агрессии и разойтись в отношении статьи 6. Или мы могли бы не принять ни то, ни другое и разойтись в отношении обоих вопросов. Если (как, по-видимому, и обстоит дело) мы фактически не можем оказаться перед разрывом по одному из этих вопросов, мы могли бы перейти к мысли о соглашении, которое бы ограничивалось только случаем прямого нападения на страну, подписавшую соглашение; или мы могли бы принять советский проект статьи 6, немедленно приступить к военным переговорам и тем временем продолжить наши усилия с целью достичь соглашения в отношении определения косвенной агрессии. Я склонен полагать, что последнее явится наилучшим вариантом (что я все еще считаю вполне возможным), если мы не сможем выработать более или менее удовлетворительное определение косвенной агрессии в обмен за принятие советской позиции в отношении статьи 6.

Я старался обдумать компромиссные проекты для определения косвенной агрессии. Я совершенно уверен, что мы не можем оставить без изменений оба проекта, на которых настаиваем, но мы могли бы поддержать один из них — и этот проект является наиболее важным из этих двух, а именно проект, касающийся утраты независимости или нейтралитета. Любая компромиссная формула была бы более детальной по сравнению с нашей собственной, и она напоминала бы, по крайней мере внешне, общую структуру советского проекта. Вы смогли бы принять что-либо в таком духе?

«Три договаривающихся правительства решили, что выражение «косвенная агрессия» в параграфе 2 выше следует понимать как охватывающее действие, с которым согласилось указанное государство в результате давления или угрозы силой под влиянием европейской державы (включая использование этой державой территории и вооруженных сил указанного государства для целей агрессии) такого характера, которое повлечет за собой утрату этим государством независимости и нейтралитета».

Этот проект ослабляет выражение «угрозы силой», но сохраняет выражение «утрату независимости и нейтралитета». Проект, с нашей точки зрения, был бы лучше, если бы мы могли сказать: «включая использование этой державой территории указанного государства в качестве прохода или базы для операций в агрессивных целях». Как вы, возможно, помните, мы использовали эту фразу в англо-французской декларации, направленной Бельгии, от апреля 1937 г., но, я уверен, Молотов сочтет ее слишком ограниченной.

Г-н Молотов дал ясно понять, что если мы не согласимся на неотделимость политических и военных статей, то соглашение не может быть достигнуто. Возражения против этого убедительно изложены в § 10 вашей телеграммы № 167. И действительно, необычным является то, что от нас ожидают обсуждения военных секретов с Советским правительством, прежде чем мы убедимся в том, что оно будет нашим союзником. Но нам здесь кажется, что мы многого не потеряем, если согласимся с советской позицией. И действительно, если бы мы поступили таким образом, то это нам было бы выгодно по следующим причинам.

Если бы Советское правительство приняло наш проект статьи 6 и если бы было достигнуто соглашение по всем другим несогласованным вопросам, то это привело бы к подписанию договора о взаимопомощи, юридическому вступлению его в силу, и в кратчайший срок он был бы дополнен военным соглашением. Если при таких же условиях мы вынуждены были бы принять советский проект статьи 6, то непосредственным результатом, возможно, были бы официальные заявления договаривающихся правительств с изложением содержания политических статей соглашения (которое не вступило бы в силу до согласования военных статей) и заявления о том, что будут незамедлительно начаты военные переговоры. В качестве средства, которое удовлетворило бы наше общественное мнение или оказало бы сдерживающее влияние на возможного агрессора, первое решение, несомненно, выглядело бы лучше второго. Мы сомневаемся в том, что это многое даст, поскольку именно начало переговоров должно явиться наиболее сильным фактором в любом случае; эти переговоры могут быть начаты немедленно. Мы хотели обязать Советское правительство посредством договора как можно скорее предоставить нам эффективную помощь в случае нападения на нас или в случае, если мы должны будем выполнить наши обязательства, например, по отношению к Польше; по-видимому, между этими двумя путями выбор небольшой. Если бы Советское правительство подписало политическое соглашение до подписания военного соглашения, то по закону оно было бы обязано помогать нам. Но до заключения военного соглашения оно, по-видимому признавая свое обязательство, может заявить, что поскольку никаких конкретных военных соглашений не было заключено (как, в частности, не было достигнуто никакого соглашения между Советским Союзом и Польшей), то практически не представляется возможным предоставить нам эффективную помощь. С другой стороны, отсутствие военного соглашения не должно помешать выполнению Великобританией и Францией своего обязательства оказать помощь Советскому Союзу, если бы последний был вынужден выступить в защиту (скажем) Балтийских государств, поскольку, в противоположность Советскому Союзу, Великобританию и Францию не отделяет от Германии другое государство, подобное Польше. Политическое соглашение в случае его подписания, таким образом, могло бы связать нас более эффективно, чем оно связало бы Советский Союз. С этой точки

зрения для нас выгоднее советский проект статьи 6, чем наш собственный. Согласно советскому проекту статьи 6 мы также не были бы связаны никаким обязательством оказывать помощь Советскому Союзу в связи с Балтийскими государствами до тех пор, пока не будут подписаны и не вступят в силу политическая и военная части соглашения.

Переговоры по военной части соглашения явятся весьма трудным делом. По-видимому, военные переговоры не будут завершены до тех пор, пока не удастся достигнуть договоренности между Советским Союзом и Польшей о том, что Советскому Союзу разрешат проход по крайней мере через часть польской территории в случае войны, в которой Польша должна участвовать на нашей стороне. Этого результата не легко добиться, и мы можем оказаться в таком положении, что месяцами будем вести переговоры с Москвой, не достигнув какого-либо конкретного соглашения.

Что для нас лучше — продолжение этого неопределенного положения или окончательный срыв переговоров, является вопросом высокой политики, но лично мне кажется, что первое лучше. Срыв переговоров вызовет неприятное чувство. Он вдохновит немцев к действию. Он может привести Советский Союз к изоляции или к соглашению с Германией. С другой стороны, тот факт, что военные переговоры будут иметь место, хотя они и не дадут каких-либо ощутимых результатов, по-видимому, будет все же беспокоить Гитлера. Менее всего вероятно, что Россия останется нейтральной или в случае войны будет на противоположной стороне. С ней было бы легче договориться о военном сотрудничестве, если бы она решила присоединиться к нам.

Остается вопрос о трехстороннем соглашении, которое бы ограничивалось случаем прямой агрессии против страны, подписавшей соглашение. Если мы не согласимся с советской трактовкой статьи 6, то, как вы понимаете, никакого соглашения нельзя будет достичь, поскольку Советское правительство может в этом случае выступить за военно-политическое соглашение. Полагаю, что вести переговоры об ограниченном военно-политическом соглашении будет не намного легче, чем вести переговоры о более широком военно-политическом соглашении, поскольку возникает проблема такого же рода. Если мы согласимся с советской трактовкой статьи 6 и если мы предложим, как вы предлагаете в ваших телеграммах № 160 и 162, чтобы ограниченное соглашение содержало положение, предусматривающее дальнейшие переговоры с целью распространения соглашения на другие государства, то вполне возможно, что Советское правительство спросит, почему такие переговоры не могут вестись параллельно с военными переговорами, поскольку несогласованным остается только один пункт, а именно определение косвенной агрессии. В этом случае мы окажемся в положении, которого можно достичь в любом случае, если мы все еще будем стремиться к достижению более широкого соглашения.

Имеются в виду параллельные переговоры о

1. Несогласованном пункте или пунктах, относящихся к политическим статьям более широкого договора.

2. Военных проблемах, связанных с договором.

Последний вопрос. Если мы действительно начнем военные переговоры и если решат, что они будут происходить в Москве, то желательно, чтобы на переговоры мы послали по крайней мере одного офицера высокого ранга. Русские ожидают, что к ним будет проявлено такое же отношение, как и к французам, и во всяком случае не менее хорошее, чем к полякам. Визит Айронсайда в Варшаву широко отмечался здесь в печати, и для Советского правительства может быть обидным, если мы не пошлем сюда кого-нибудь в таком же ранге. Я полагаю, что с этой же почтой военный атташе пишет об этом в военное министерство.

Посол читал это письмо и согласен с его содержанием.

Уильям Стрэнг»

(Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 422—426).

У. Стрэнг был известен тем, что активно поддерживал мюнхенскую политику Чемберлена, его курс на соглашение с «третьим рейхом».

У. Черчилль признает в своих воспоминаниях, что посылка в Москву «столь второстепенного лица» была фактически оскорбительной». Никакого положительного влияния на ход переговоров приезд Стрэнга в Москву не оказал.— 145.

[71] Мюнхенское соглашение имело серьезные последствия для Дальнего Востока. Оно убедило Японию в том, что западные державы занимают позицию попустительства агрессии. Реакцией на Мюнхен было наступление Японии на важнейшие стратегические и экономические центры Южного Китая.

С начала 1939 г. объектами японского нажима стали международные концессии.

В этом отношении наиболее уязвимой из всех была Великобритания.

В апреле 1939 г. Галифакс информировал японского посла, что переговоры Великобритании с Россией ни в коей мере «не предполагают вмешательства в действия Японии. Великобритания не намерена вмешиваться в дальневосточную ситуацию при условии, если Япония будет вести себя разумно» (*Tansill C.* The back door to War. Chicago, 1952, p. 505).

14 июня 1939 г. японские власти установили блокаду английских и французских концессий в Тяньцзине. Поводом послужило убийство в одном из кинотеатров Тяньцзиня китайца (японского агента). Обвинение в убийстве пало на четырех китайцев, укрывшихся на территории английской концессии. Английская администрация отклонила требования японских властей о их выдаче.

Правительство Великобритании надеялось урегулировать «тяньцзиньский конфликт» путем переговоров с японской стороной. Однако японские представители выдвигали все новые и новые условия, потребовав, в частности, выдачи серебра, принадлежащего Китаю и находящегося в банках английской концессии (на сумму около 50 млн. долл.). Затем последовало японское заявление о том, что «тяньцзиньский инцидент» не будет урегулирован до тех пор, пока Великобритания не даст заверений в признании «существующей обстановки» в Китае (см.: *Марушкин Б. И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае 1937—1939 гг. М., 1957).

24 июня 1939 г. советский посол в Англии И. М. Майский в телеграмме в Народный комиссариат иностранных дел СССР писал, что «позиция английского правительства в отношении событий в Тяньцзине становится все более капитулянтской... Есть много оснований ожидать, что ликвидация тяньцзиньской блокады пойдет «мюнхенским путем».

26 июня 1939 г. посол Англии в Японии Р. Крейги сообщил министру иностранных дел Японии Х. Арите о готовности Англии вести переговоры по тяньцзиньскому вопросу (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. IX, p. 229—230).

7—8 июля представители армии совместно с военным министром Итагаки обсудили требования Японии к Англии, а 11 и 12 июля эти требования были утверждены кабинетом Хиранума.

15 июля 1939 г. начались переговоры между Аритой и Крейги. Арита вручил Крейги заранее подготовленный проект соглашения. Проект вызвал недовольство значительной части правящих кругов Англии, особенно тех, кто был заинтересован в китайском рынке. В ответ на угрозы Японии они предлагали принять решительные меры экономического давления, в частности применить эмбарго.

Английский посол в Китае А. К. Керр сообщал министру иностранных дел Англии Галифаксу, что принятие японских условий будет

равносильно полному изгнанию Англии из Китая (Ibid., p. 285). 17 июля Чемберлен заявил в палате общин, что «пределы обсуждения токийских переговоров будут ограничены «тяньцзиньским вопросом» (Ibid., p. 284).

В тот же день, 17 июля, когда Чемберлен заверял парламент, что переговоры будут касаться только «тяньцзиньского вопроса», Крейги в телеграмме в Лондон настойчиво доказывал выгодность и целесообразность соглашения на условиях, предложенных Аритой, заявив, что Англии выгоднее пойти на сближение с Японией (Ibid., p. 286—287). 17 июля Галифакс ответил Крейги, что «Англия может в основном принять предложения Аригы в первоначальной формуле» (Ibid., p. 290).

Таким образом, английское правительство согласилось принять японские предложения именно в тот день, когда Чемберлен выступил в парламенте с противоположными утверждениями.

19 июля состоялась вторая беседа Аригы с Крейги, а 20 июля Чемберлен известил Крейги о решении правительства принять японские условия без всяких изменений.

22 июля японское правительство констатировало, что подписание совместного заявления будет означать признание Англией «нового порядка» в Китае, отказ от помощи Чан Кайши и невмешательство в действия Японии на оккупированной территории (см.: Асахи, 1939, 22 июля).

22 июля это совместное заявление было парафировано обеими сторонами (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. IX, p. 313). 24 июля 1939 г. премьер-министр Англии Невиль Чемберлен, выступая в палате общин, ознакомил английскую общественность с текстом заявления.

Это заявление вошло в историю как «соглашение Арита — Крейги». Характерно, что в соглашении речь шла не только о Северном Китае, а обо всей оккупированной Японией территории. Крейги в интервью иностранным корреспондентам 24 июля откровенно признал, что «английское правительство с самого начала (японо-китайской войны — 7 июня 1937 г.) не имело в виду мешать Японии». На вопрос корреспондента, относится ли соглашение ко всему Китаю, Крейги ответил: «Принципиальное соглашение предусматривает районы, захваченные японской армией в Северном, Центральном и Южном Китае» (Иомиури, 1939, 25 июля).

Англия, таким образом, признала «законность» японской агрессии в Китае, согласилась на пребывание японских войск в этой стране в течение неопределенного срока и обязалась не мешать установлению в Китае «нового порядка». В то же время никаких обязательств по отношению к Англии Япония не брала на себя.

В условиях, когда Япония вела военные действия против СССР и МНР в районе реки Халхин-Гол, соглашение Арита — Крейги, являвшееся частью политики «дальневосточного Мюнхена», укрепляло позиции Японии и положение японских войск в Китае на том плацдарме, с которого они действовали против СССР и МНР. Советское государство оказалось, таким образом, перед непосредственной опасностью войны одновременно в Европе и на Дальнем Востоке, причем без союзников.— 146.

[72] В телеграмме Галифаксу от 24 июля 1939 г. Сидс сообщал:

«Сегодня [23 июля] мы видели г-на Молотова во второй половине дня.

Я начал беседу с заявления о том, что я должным образом информировал Вас о том большом значении, которое Советское правительство придает одновременному вступлению в силу политического и военного соглашений. Возражения правительства Его Величества диктовались главным образом соображениями практического порядка, поскольку оно опасалось, что наличие перерыва между заключением политического соглашения и его вступлением в силу поощрит агрессора. Я рад сообщить, что правительство Его Величества приняло теперь статью 6 так, как она фигурирует в советском проекте, и согласилось на одновременное вступление в силу обоих соглашений. Г-н Молотов выразил удовлетворение.

Я отметил, что теперь остаются неурегулированными два пункта, главным из которых является определение косвенной агрессии в статье 1. [...] Мы передали ему [Молотову] пересмотренные проекты статьи 1 и протокола и выразили надежду, что г-н Молотов сможет сказать, что Советское правительство их принимает.

В ответ на вопрос г-на Молотова французский посол сообщил, что французское правительство полностью согласно со сказанным мною.

Г-н Молотов сказал, что он уже объяснил точку зрения Советского правительства в том, что касается определения косвенной агрессии в статье 1, и в том, что касается протокола. Он не считает, однако, что эти вопросы создадут непреодолимые трудности, и убежден, что три правительства смогут найти формулу, которая бы их удовлетворила. Важным моментом с советской точки зрения является определение формы и объема военных обязательств договаривающихся сторон. Прав ли он, считая, что, согласно английской точке зрения, три правительства достигли основы для соглашения и что теперь должны быть конкретно определены те обязательства, которые три правительства должны взять на себя? Я спросил, означает ли его вопрос, что должны быть начаты военные переговоры. Он ответил, что «да». Я сказал, что правительство Его Величества готово начать военные переговоры, но сначала оно хочет достигнуть соглашения по оставшимся неурегулированным политическим пунктам. Поскольку г-н Молотов заявил, что в этом отношении не будет непреодолимых трудностей, я думаю, что предпочтительнее сразу же урегулировать остающиеся политические пункты, с тем чтобы имелась политическая основа для ведения военных переговоров.

Г-н Молотов ответил, что он не предвидит каких-либо непреодолимых трудностей в отношении статьи 1 и протокола и что по этой причине необходимо немедленно начать военные переговоры. Поскольку правительство Его Величества и французское правительство теперь согласились на одновременное вступление в силу двух частей соглашения, важно, чтобы не было дальнейших задержек в открытии военных переговоров.

Французский посол заметил, что для того чтобы изучить военные проблемы, необходимо, чтобы была урегулирована главная политическая основа. Поэтому желательно сразу же достигнуть соглашения по двум остающимся пунктам, так как, если по ним не будет достигнуто соглашения, изучение военных проблем не представляется возможным.

Г-н Молотов ответил, что, хотя определение косвенной агрессии не представит непреодолимых трудностей, оно является деликатным вопросом, по которому все еще имеется незначительное расхождение во взглядах. Если мы теперь будем продолжать дискуссию по этому вопросу и отложим военные переговоры, то потеряем больше времени. Международное положение таково, что оно возлагает на три правительства долг принять возможно скорее конкретные меры. Французский посол сказал, что, как он понимает, советское предложение сводится к тому, что военные переговоры должны начаться сразу же. Г-н Молотов согласился с этим. Французский посол повторил, что французские военные эксперты, прежде чем начать переговоры, должны быть информированы о той политической основе для военных переговоров, которая была согласована. Г-н Молотов считает, что политическая основа является уже достаточно ясной, чтобы позволить начать военные переговоры. Отсрочка военных переговоров до тех пор, пока будут урегулированы остающиеся детали, явится ненужной тратой времени. Тот факт, что три страны занимаются разработкой конкретных деталей своих обязательств, имеет большое значение для возможных агрессоров.

Я сказал, что правительство Его Величества не имеет намерения терять время. Я готов немедленно передать по телеграфу все сказанное, но не могли бы мы, в ожидании ответа, приступить к работе по урегулированию двух остающихся пунктов? Г-н Молотов спросил, почему считается необходимым тратить время на детали и откладывать рассмотрение основной проблемы, т. е. откладывать военные переговоры, без которых договор не будет иметь содержания. Я повторил, что будет полезным продолжить обсуждение статьи 1 и протокола в ожидании ответа правительства Его Величества и французского правительства. Я счел также нужным настаивать на том, что вопрос об определении косвенной агрессии является, с точки зрения правительства Его Величества, не деталью, а вопросом принципиальным.

Г-н Молотов повторил, что после того, как военные эксперты начнут свою необходимую работу по определению военных обязательств соответствующих сторон, остающиеся неурегулированными политические пункты смогут быть с легкостью урегулированы. Я спросил его, готово ли Советское правительство принять те два принципа, которые лежат в основе предложенного нами определения косвенной агрессии, а именно что государство, о котором идет речь, должно действовать под угрозой применения силы и что его действие должно повлечь за собой отказ от своей независимости и от нейтралитета. Могу ли я сообщить правительству Его Величества, что Советское правительство согласилось с этими двумя принципами? Г-н Молотов на этот раз не дал ответа от имени Советского правительства, что во время военных переговоров можно будет с легкостью урегулировать остающиеся политические пункты.

Он спросил затем, имеют ли правительство Его Величества и французское правительство какие-либо возражения против того, чтобы немедленно начать военные переговоры, или же они все еще питают какие-либо сомнения.

Французский посол повторил, что военные переговоры должны иметь политическую основу. Он привел статьи проекта договора, по которым было достигнуто соглашение, и два пункта, которые все еще остаются неурегулированными. Даже если правительство Его Величества и французское правительство и готовы немедленно начать переговоры, будет необходимо, чтобы три правительства запротоколировали, что они достигли соглашения по таким-то статьям и что все еще имеются расхождения во взглядах по двум неурегулированным пунктам. Я сказал, что у меня нет возражений против немедленного начала военных переговоров, хотя и остаются неурегулированными два пункта.

Г-н Молотов спросил, следует ли ему понять, что правительство Его Величества и французское правительство не хотят начинать военные переговоры, пока эти два пункта не будут урегулированы.

Французский посол ответил, что предложение, сделанное г-ном Молотовым, новое и что до тех пор, пока он не сообщил его французскому правительству и не узнал его точки зрения, он не может дать официального ответа на вопрос г-на Молотова. Я подтвердил, что такова и моя позиция. Он выразил сомнение, правы ли мы, заявляя, что это предложение новое. Во время нашей последней беседы он говорил о немедленном начале военных переговоров. Французский посол и я сказали, что, как мы поняли, он говорил главным образом об одновременном вступлении в силу двух частей соглашения.

Я спросил, считает ли г-н Молотов, что военные переговоры и политическое обсуждение двух неурегулированных пунктов должны происходить одновременно. Он ответил, что «да». На мой вопрос, думал ли он о том, где должны происходить военные переговоры, он выразил надежду, что правительство Его Величества и французское правительство не будут иметь возражений против того, чтобы они происходили в Москве и чтобы они начались немедленно. Он надеется, что оба правительства смогут дать свой ответ в ближайшее время. [...]» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 456—460).— 157.

[73] Инструкция, врученная французской делегации для переговоров в Москве, была выработана в ходе совместных франко-британских переговоров 13 июля и на совещании начальников генеральных штабов 17 июля 1939 г.

Этот документ вряд ли можно назвать инструкцией для французской миссии. Целью переговоров было быстрейшее заключение эффективного военного союза трех держав; но о подобном союзе в инструкции нет ни слова. Точнее: инструкция не предусматривала заключение такого союза.

Организация подлинного боевого сотрудничества вооруженных сил Советского Союза, Франции и Англии была невозможна без положительного разрешения вопроса о пропуске советских войск через территорию Польши для соприкосновения с потенциальным противником. Это являлось военной аксиомой. В инструкции, однако, лишь констатировалась отрицательная позиция польского правительства и не содержалось никаких соображений, которые свидетельствовали бы о желании французского военного командования изыскать какие-то пути для решения вопроса. Что представляла собой содержавшаяся в ней формула о поставках Советским Союзом Польше и Румынии вооружений, военного снаряжения и продовольствия? Один из современных буржуазных авторов — Бенуа-Мешен утверждает, что позиция западных держав в ходе военных переговоров свидетельствовала лишь о «недостатке реализма» (*Benoist-Mèchin.* Histoire de l'Armèe Allemande. 1918—1946, vol. VI. Le Défi, 1939. Paris, 1966, p. 234). Можно привести и мнение другого буржуазного исследователя — Б. Горьели, также далекого от симпатий к коммунизму, но подошедшего к анализу вопроса несколько более объективно. Горьели писал, что в случае, если бы Польша не смогла противостоять наступлению вермахта до того времени, когда подоспела бы помощь со стороны Франции и Англии, подобная политика «была бы гибельной для России: продавая военную технику Польше, она подвергла бы себя репрессиям со стороны Гитлера, войска которого вскоре достигли бы ее границ» (*Goriely B.* L'Union Sovietique et la Pologne.— In.: Les Frontières européennes de l'URSS. Paris, 1957, p. 271). Расчет англо-французской дипломатии заключался в том, что Советский Союз легко даст себя заманить в расставленную западню и произойдет военное столкновение между СССР и фашистским рейхом.

Значительно более лаконичный и краткий, чем инструкция английской военной миссии, приведенный документ не содержал реальной основы для организации эффективного военного сотрудничества трех держав.

О том, что Францию больше интересовали разговоры о переговорах, чем достижение реальной договоренности о сотрудничестве с Советским Союзом против фашистской агрессии, свидетельствует запись беседы секретаря комитета имперской обороны Великобритании Х. Исмея с начальником генерального штаба французской армии М. Гамеленом 29 июля 1939 г. Исмей писал:

«[...] В конце моей беседы с генералом Гамеленом генерал Жамэ спросил, может ли он передать мне копию «директив», которые были даны генералу Думенку в качестве инструкции на предстоящих переговорах с Россией. Генерал Гамелен сказал: «Конечно. Мы ничего не скрываем от наших друзей». По возвращении в свой кабинет генерал Жамэ вручил мне копию упомянутого документа, из которого после продолжительной волокиты были изъяты начало и конец с целью скрыть источник.

Документ поразил меня тем, что он сформулирован в столь общих выражениях, что почти бесполезен, чтобы служить в качестве инструкции: в нем говорится лишь о том, чего бы хотели французы от русских, и

ничего не говорится о том, что собираются делать французы. Когда я сказал генералу Жамэ, что русские могут задать некоторые вопросы в отношении вклада Франции и Англии, он улыбнулся и пожал плечами.

Должен отметить, что я, в порядке рабочей гипотезы, спросил генерала Думенка, что он собирается сказать русским, если они будут настаивать на получении информации о планах французов, и как много он намеревается сообщить русским. Генерал ответил: «Весьма немного. Я просто буду слушать. [...]» (Public Record Office, Prem. 1/311).— 158.

[74] 17—19 июля 1939 г. в Польше с официальным визитом находился генеральный инспектор заморских войск Англии генерал Айронсайд, в обязанности которого входила подготовка и поддержание сотрудничества с военными штабами союзников. Целью визита было «обсуждение с польским генеральным штабом существующей военной ситуации и получение информации о мерах, которые поляки предлагают предпринять в случае необходимости» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 274).

В Варшаве Айронсайд встречался с некоторыми военными деятелями и министрами, а также имел длительную беседу с маршалом Рыдз-Смиглы. По мнению Айронсайда, польская армия имела хорошо подготовленные кадры, однако ее оснащение было недостаточным (Ibid., p. 486). В этой связи он обратился к английскому правительству с предложением ускорить завершение англо-польских переговоров о предоставлении Польше займа, что дало бы ей возможность лучше вооружить свои войска. В результате этих мер польские войска могли бы, по его мнению, дольше «сдерживать германское наступление» и тем самым «сберечь жизни английских солдат» (Ibid., p. 379). В то же время Айронсайд дал полякам понять, что Англия не хотела бы ввязываться в мировую войну из-за случайных столкновений в Данциге или на германо-польской границе, и подчеркнул необходимость изучить условия, при которых начинают действовать английские гарантии Польше (Ibid., p. 416).

Тем самым Айронсайд недвусмысленно предупредил поляков, что английское правительство не считало себя обязанным автоматически приходить на помощь Польше в случае ее конфликта с Германией, а оставляло за собой право решать вопрос о том, было ли вступление Польши в войну с Германией достаточно «обоснованным» и обязана ли поэтому Англия оказывать ей помощь.— 161.

[75] Англо-французское соглашение (Entente cordiale — «Сердечное согласие»), подписанное 8 апреля 1904 г.,— один из важнейших дипломатических актов начала XX в. Оно устраняло коренные разногласия между Англией и Францией и давало им возможность выступить против Германии совместно.

«Готовятся к войне с Германией»,— охарактеризовал В. И. Ленин тайный смысл соглашения.— 162.

[76] Русско-английское соглашение (подписано в Петербурге 31 августа 1907 г.), включившее Россию в Антанту, явилось важным этапом в создании империалистического блока, противостоящего Тройственному союзу, который возглавляла Германия.— 162.

[77] В англо-французском проекте определения понятия «косвенная агрессия» по-прежнему оставался открытым вопрос о том, когда вступают в силу гарантии трех держав другим государствам.

Признавая на словах обоснованными опасения Советского правительства в отношении косвенной агрессии Германии в Прибалтике, английское правительство не стремилось к скорейшему урегулированию этого вопроса. В указании Сидсу Галифакс писал 28 июля 1939 г., что, поскольку решено начать военные переговоры, «нет опасности срыва переговоров в течение ближайших критических недель». При этих изменившихся обстоятельствах, указывал Галифакс, мы считаем, что

«можем занять несколько более жесткую позицию» в отношении пункта об определении косвенной агрессии. Галифакс предлагал в связи с этим Сидсу не отходить в дальнейшем от существа английского определения косвенной агрессии, данного в предложении от 8 июля 1939 г. (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 525).

В телеграмме от 28 июля 1939 г. Сидс сообщал Галифаксу: «Во время нашей сегодняшней [27 июля] встречи с г-ном Молотовым я говорил в духе вашей телеграммы № 183 [435], сообщив о согласии правительства Его Величества на немедленное начало военных переговоров в Москве и о том, что оно ожидает, чтобы сразу же было начато обсуждение неурегулированных политических пунктов. Французский посол высказался в том же смысле и выразил надежду, что Советское правительство поможет обеим военным миссиям удобно устроиться в Москве. Г-н Молотов обещал сделать это. Г-н Молотов не мог дать ответа на вопрос, поставленный французским послом, относительно состава советской делегации.

В ответ на мое высказывание относительно урегулирования нерешенных политических пунктов г-н Молотов сказал, что Советское правительство изучает вопрос о косвенной агрессии. [...]

Г-н Молотов спросил, является ли позиция правительства Его Величества и французского правительства по этому вопросу непоколебимой. Откажутся ли они от всяких изменений в своем меморандуме. Если это так, то решения будет трудно достигнуть.

Я ответил, как уже это делал ранее, что мы готовы допустить изменения в формулировках, но суть должна быть сохранена. Основой нашего определения является: а) угроза применения силы; б) отказ от независимости и нейтралитета. Наша формула достаточно широка для того, чтобы покрыть любой законный случай, который может возникнуть. Если бы мы постарались сделать определение более широким, то оказалось бы, что мы одобряем вмешательство во внутренние дела третьих государств, а этого правительство Его Величества не хочет делать. Я надеялся, что до нашей следующей встречи он еще раз взглянет на нашу формулу и определит, нельзя ли предложить какой-нибудь альтернативы, которая хотя и изменит слова, но сохранит сущность.

Г-н Молотов сказал, что, как он думает, наша формула может быть улучшена. Она должна быть исправлена таким образом, чтобы имелись в виду случай с президентом Гахой, а также случай с Данцигом, т. е. ситуация, связанная с внутренним развитием страны, которое изменило бы внешнее положение другого государства. Он надеется, что правительство Его Величества и французское правительство смогут, так же как и Советское правительство, представить альтернативные проекты. В таком случае он убежден, что будет найдена удовлетворительная формула. [...]

Я спросил г-на Молотова, что он думает об общей идее проекта заявления, который мы ему передали. Г-н Молотов ответил, что еще не пришло время для совместного коммюнике. Надо сначала посмотреть, что могут дать военные переговоры. Важно возможно скорее заключить договор. [...]

Я задал вопрос, собирается ли Советское правительство воздержаться от заявлений со своей стороны в настоящее время. Г-н Молотов сказал, что это так. Для Советского правительства военные статьи являются наиболее важной частью. Предложенный нами проект создаст иллюзию, что все урегулировано в политическом отношении.

Французский посол заявил, что, как он понимает, советская точка зрения сводится к следующему:

1. Советское правительство считает, что прибытие военных миссий является само по себе фактором существенного значения.

2. Советское правительство не может согласиться с совместным коммюнике в соответствии с франко-английским проектом, поскольку вся-

ничего не говорится о том, что собираются делать французы. Когда я сказал генералу Жамэ, что русские могут задать некоторые вопросы в отношении вклада Франции и Англии, он улыбнулся и пожал плечами.

Должен отметить, что я, в порядке рабочей гипотезы, спросил генерала Думенка, что он собирается сказать русским, если они будут настаивать на получении информации о планах французов, и как много он намеревается сообщить русским. Генерал ответил: «Весьма немного. Я просто буду слушать. [...]» (Public Record Office, Prem. 1/311).— 158.

[74] 17—19 июля 1939 г. в Польше с официальным визитом находился генеральный инспектор заморских войск Англии генерал Айронсайд, в обязанности которого входила подготовка и поддержание сотрудничества с военными штабами союзников. Целью визита было «обсуждение с польским генеральным штабом существующей военной ситуации и получение информации о мерах, которые поляки предлагают предпринять в случае необходимости» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 274).

В Варшаве Айронсайд встречался с некоторыми военными деятелями и министрами, а также имел длительную беседу с маршалом Рыдз-Смиглы. По мнению Айронсайда, польская армия имела хорошо подготовленные кадры, однако ее оснащение было недостаточным (Ibid., p. 486). В этой связи он обратился к английскому правительству с предложением ускорить завершение англо-польских переговоров о предоставлении Польше займа, что дало бы ей возможность лучше вооружить свои войска. В результате этих мер польские войска могли бы, по его мнению, дольше «сдерживать германское наступление» и тем самым «сберечь жизни английских солдат» (Ibid., p. 379). В то же время Айронсайд дал полякам понять, что Англия не хотела бы ввязываться в мировую войну из-за случайных столкновений в Данциге или на германо-польской границе, и подчеркнул необходимость изучить условия, при которых начинают действовать английские гарантии Польше (Ibid., p. 416).

Тем самым Айронсайд недвусмысленно предупредил поляков, что английское правительство не считало себя обязанным автоматически приходить на помощь Польше в случае ее конфликта с Германией, а оставляло за собой право решать вопрос о том, было ли вступление Польши в войну с Германией достаточно «обоснованным» и обязана ли поэтому Англия оказывать ей помощь.— 161.

[75] Англо-французское соглашение (Entente cordiale — «Сердечное согласие»), подписанное 8 апреля 1904 г.,— один из важнейших дипломатических актов начала XX в. Оно устраняло коренные разногласия между Англией и Францией и давало им возможность выступить против Германии совместно.

«Готовятся к войне с Германией»,— охарактеризовал В. И. Ленин тайный смысл соглашения.— 162.

[76] Русско-английское соглашение (подписано в Петербурге 31 августа 1907 г.), включившее Россию в Антанту, явилось важным этапом в создании империалистического блока, противостоящего Тройственному союзу, который возглавляла Германия.— 162.

[77] В англо-французском проекте определения понятия «косвенная агрессия» по-прежнему оставался открытым вопрос о том, когда вступают в силу гарантии трех держав другим государствам.

Признавая на словах обоснованными опасения Советского правительства в отношении косвенной агрессии Германии в Прибалтике, английское правительство не стремилось к скорейшему урегулированию этого вопроса. В указании Сидсу Галифакс писал 28 июля 1939 г., что, поскольку решено начать военные переговоры, «нет опасности срыва переговоров в течение ближайших критических недель». При этих изменившихся обстоятельствах, указывал Галифакс, мы считаем, что

«можем занять несколько более жесткую позицию» в отношении пункта об определении косвенной агрессии. Галифакс предлагал в связи с этим Сидсу не отходить в дальнейшем от существа английского определения косвенной агрессии, данного в предложении от 8 июля 1939 г. (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 525).

В телеграмме от 28 июля 1939 г. Сидс сообщал Галифаксу: «Во время нашей сегодняшней [27 июля] встречи с г-ном Молотовым я говорил в духе вашей телеграммы № 183 [435], сообщив о согласии правительства Его Величества на немедленное начало военных переговоров в Москве и о том, что оно ожидает, чтобы сразу же было начато обсуждение неурегулированных политических пунктов. Французский посол высказался в том же смысле и выразил надежду, что Советское правительство поможет обеим военным миссиям удобно устроиться в Москве. Г-н Молотов обещал сделать это. Г-н Молотов не мог дать ответа на вопрос, поставленный французским послом, относительно состава советской делегации.

В ответ на мое высказывание относительно урегулирования нерешенных политических пунктов г-н Молотов сказал, что Советское правительство изучает вопрос о косвенной агрессии. [...]

Г-н Молотов спросил, является ли позиция правительства Его Величества и французского правительства по этому вопросу непоколебимой. Откажутся ли они от всяких изменений в своем меморандуме. Если это так, то решения будет трудно достигнуть.

Я ответил, как уже это делал ранее, что мы готовы допустить изменения в формулировках, но суть должна быть сохранена. Основой нашего определения является: а) угроза применения силы; б) отказ от независимости и нейтралитета. Наша формула достаточно широка для того, чтобы покрыть любой законный случай, который может возникнуть. Если бы мы постарались сделать определение более широким, то оказалось бы, что мы одобряем вмешательство во внутренние дела третьих государств, а этого правительство Его Величества не хочет делать. Я надеялся, что до нашей следующей встречи он еще раз взглянет на нашу формулу и определит, нельзя ли предложить какой-нибудь альтернативы, которая хотя и изменит слова, но сохранит сущность.

Г-н Молотов сказал, что, как он думает, наша формула может быть улучшена. Она должна быть исправлена таким образом, чтобы имелись в виду случай с президентом Гахой, а также случай с Данцигом, т. е. ситуация, связанная с внутренним развитием страны, которое изменило бы внешнее положение другого государства. Он надеется, что правительство Его Величества и французское правительство смогут, так же как и Советское правительство, представить альтернативные проекты. В таком случае он убежден, что будет найдена удовлетворительная формула. [...]

Я спросил г-на Молотова, что он думает об общей идее проекта заявления, который мы ему передали. Г-н Молотов ответил, что еще не пришло время для совместного коммюнике. Надо сначала посмотреть, что могут дать военные переговоры. Важно возможно скорее заключить договор. [...]

Я задал вопрос, собирается ли Советское правительство воздержаться от заявлений со своей стороны в настоящее время. Г-н Молотов сказал, что это так. Для Советского правительства военные статьи являются наиболее важной частью. Предложенный нами проект создаст иллюзию, что все урегулировано в политическом отношении.

Французский посол заявил, что, как он понимает, советская точка врения сводится к следующему:

1. Советское правительство считает, что прибытие военных миссий является само по себе фактором существенного значения.

2. Советское правительство не может согласиться с совместным коммюнике в соответствии с франко-английским проектом, поскольку вся-

кое такое коммюнике должно быть более детальным и более осторожно составленным. (Г-н Молотов согласился и сказал, что такое коммюнике должно было бы сказать, что политические переговоры еще не закончены, что еще продолжается обсуждение вопроса об определении понятия «косвенная агрессия» и что предстоит обсуждение наиболее важной части проблемы, а именно военных вопросов.)

3. Советское правительство не исключает возможности совместного коммюнике, объявляющего факт прибытия военных миссий, но лишь после того, как они прибудут.

Г-н Молотов согласился с этим определением его позиции. [...]» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 521—525).— 166, 201.

[78] В телеграмме от 3 августа 1939 г. Сидс писал Галифаксу:

«Г-н Молотов принял нас сегодня во второй половине дня [2 августа].

Я сообщил ему о составе нашей военной миссии так, как она указана в Вашей телеграмме № 192, и сказал, что она выедет, вероятно, в конце этой недели. Г-н Молотов сказал, что это будет удобно и что он сможет в скором времени дать нам состав советской делегации. Он спросил, будет ли наша миссия иметь полномочия для ведения переговоров. Я сказал, что не могу ответить на этот вопрос, поскольку мне не приходилось иметь до сих пор дела с военными переговорами. В ответ на вопрос французского посла о процедуре переговоров г-н Молотов предложил, чтобы три главы делегаций встретились для составления программы.

Г-н Молотов сообщил, что он хотел бы изложить точку зрения Советского правительства по поводу замечаний, сделанных г-ном Батлером в палате общин 31 июля, которые явились предметом коммюнике в советской прессе (моя телеграмма № 183) [512]. Г-н Батлер грубо исказил советскую позицию в отношении Прибалтийских государств. Французскому послу и мне, конечно, хорошо известно, какова эта позиция, и в Москве такое искажение ее вызвало негодование. Я спросил г-на Молотова, имеет ли он полный текст замечаний г-на Батлера. Я сам его не видел. Он ответил, что имеет полный текст из агентства ТАСС. Я сказал, что многое зависит от того, какие точно слова были употреблены, и убежден, что со стороны г-на Батлера не имелось намерения сказать что-либо обидное для Советского правительства. Я даже убежден, что дело обстоит как раз наоборот.

Г-н Молотов ответил, что г-н Батлер представил советскую формулу так, будто Советское правительство хотело нарушить независимость Прибалтийских государств. Советское правительство, напротив, хотело гарантировать эту независимость. Он вынужден обратить внимание на тот факт (который является для него совершенно непонятным), что в то время, когда три правительства обсуждали в обстановке секретности вопрос косвенной агрессии, иностранная пресса знала все, что происходило, и, более того, советская точка зрения искажалась официальным лицом в Лондоне. Позиция, которую заняло Советское правительство, имеет в виду защиту независимости и нейтралитета Прибалтийских государств. Согласно г-ну Батлеру и прессе, советская позиция направлена против этой независимости и нейтралитета. Развивая свои замечания, г-н Батлер сказал также, что расхождения, которые существуют на этом основании между двумя правительствами, являются истинной причиной задержки в переговорах. Это неправда.

Я повторил, что не знаю точно, что г-н Батлер сказал и какие слова ему приписываются. [...]

Я передал затем текст нашей первоначальной формулы вместе с дополнительной фразой о консультации, так как она одобрена в Вашей телеграмме № 188 [476]. В тексте определения я заменил слово «включая» (или в качестве альтернативы «или не исключая») словом «покрывая». Г-н Потемкин устно перевел французский текст проекта на русский язык.

Г-н Молотов сказал, что дополнительная фраза не улучшает определения. Консультации недостаточно для того, чтобы покрыть те случаи, которые он имеет в виду. Французский посол поинтересовался, почему г-н Молотов так считает. Г-н Молотов ответил, что фраза о консультации не предусматривает оказания немедленной помощи в случаях, которые имеются в виду. Он спросил г-на Наджиара, не имеет ли он нового предложения. Французский посол ответил, что сделал личное предложение на одном из предыдущих заседаний, но что оно не имело успеха. [...]

Г-н Молотов согласился с тем, что консультация может иногда явиться необходимой, но заметил, что в тех случаях, которые он имеет в виду, речь идет об оказании немедленной помощи. Наша новая фраза вызывает возражение, так как она ослабляет силу действия статьи в том, что касается немедленной помощи.

[...] Г-н Стрэнг объяснил затем на основе Вашей телеграммы № 191 [№ 497], что целью англо-французской формулы (а это относится как будто бы в равной степени и к советскому проекту) является не стремление покрыть определением все случаи косвенной агрессии, к которым будет применяться статья 1, а возможность показать тот разряд промежуточных случаев, которые подпадают под действие статьи. Германская акция в Данциге, которая явно угрожает независимости Польши, не была бы «прямой агрессией», а своего рода случаем, к которому можно должным образом применить определение «косвенной агрессии», хотя этот случай и не был бы покрыт ни англо-французским, ни советским определениями в том виде, в котором они сейчас имеются. Именно по этой причине мы предложили использовать в нашей формуле слова «включая», а не «покрывая».

[...] В ответ на вопрос г-на Стрэнга о том, имеется ли теперь полная ясность в отношении характера расхождений между тремя правительствами, г-н Молотов сказал, что слова «под угрозой применения силы» слишком ограничивают рамки англо-французского определения. Он напомнил, что Советское правительство первоначально предложило формулу, которую правительство Его Величества и французское правительство отвергли, предложив собственную фразу. Советское правительство составило тогда новый проект. Взгляды Советского правительства ясно отражены в условиях этого проекта. [...]

Г-н Молотов был иным человеком, чем при нашей прошлой встрече, и я чувствую, что наши переговоры понесли серьезный ущерб» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 570—574).— 166.

[79] 25 июля 1939 г. Галифакс сообщил советскому полпреду в Лондоне, что английское правительство приняло советское предложение начать переговоры о заключении англо-франко-советского военного соглашения, не дожидаясь окончания политических переговоров.

26 июля 1939 г. на заседании английского правительства рассматривался вопрос об основных задачах военной миссии в Москве. В протоколе заседания было зафиксировано: «Все были согласны с тем, что нашим представителям следует дать указание вести переговоры очень медленно, пока не будет заключен политический пакт». Не следует, указывалось в решении английского правительства, начинать переговоры с предоставления Советскому правительству информации, касающейся английских планов, а стремиться к тому, чтобы «русские информировали наших представителей относительно того, что они могли бы сделать, например, чтобы оказать помощь Польше» (Public Record Office, Cab. 39/39, p. 225).

Английское и французское правительства, несмотря на многочисленные свидетельства активной подготовки Германии к новым агрессивным акциям, не проявляли действительного стремления к успешному завершению переговоров с СССР. Об этом свидетельствует, в част-

ности, протокол совещания правительственного комитета имперской обороны Великобритании от 2 августа 1939 г., в котором отмечалось:

«[...] Комитет рассмотрел подробные инструкции, подготовленные заместителями начальников штабов в качестве руководства для делегации Соединенного Королевства на военных переговорах с Россией...

Адмирал Дракс сказал, что он имеет ряд вопросов, по которым он хотел бы получить дополнительные разъяснения.

Во-первых, предполагалось, что цель делегации заключается в том, чтобы добиться быстрого решения, а вовсе не в том, чтобы допустить затягивание военных переговоров, и что конечной целью является достижение политического соглашения. С другой стороны, в инструкциях, которые он получил, ему предписывается не спешить и проявлять осмотрительность до тех пор, пока не будет достигнуто политическое соглашение. В этом вопросе могут возникнуть некоторые затруднения, поскольку возможно, что русские надеются на достижение некоторых ощутимых результатов на военных переговорах перед тем, как они будут готовы дать свое окончательное согласие на политический пакт.

Лорд Галифакс выразил свое согласие. Он понимает, что перед делегацией стоит сложная задача. [...] Из беглого ознакомления с инструкциями представляется, что позиция, занятая делегацией, если она будет строго придерживаться инструкций, вызовет большое подозрение у русских.

Лорд Четфилд указал, что это и является целью заседания. [...] Адмирал Дракс обратил внимание на длинный перечень вопросов, содержащихся в части III инструкций, которые предлагается предъявить русскому Генеральному штабу.

Эти вопросы невозможно было бы поставить без готовности дать информацию в ответ на аналогичные вопросы, которые могли бы быть заданы русским Генеральным штабом. Например, ему поручили убедить русских в желательности поставок военного имущества Польше, Румынии и Турции. Русские вполне могут указать на то, что они уже снабжают военным имуществом Китай, и просить их о том, чтобы они снабжали еще три других страны, это слишком много.

Г-н Хор Белиша сказал, что такой аргумент вполне можно было бы парировать, заявив, что в военное время мы не в состоянии снабжать Польшу военными материалами. Для нас было бы пустой тратой времени обеспечивать ее поставками в мирное время, если в период войны эти каналы будут перекрыты. В связи с этим вопрос заключается в справедливом и разумном распределении труда в общем деле. Очевидно было бы лучше, если бы Россия, учитывая ее географическое положение, снабжала восточноевропейские страны. Кроме того, мы могли бы сказать русским, что мы уже взяли на себя большие обязательства по снабжению военными материалами и кредитами такие страны, как Египет, Ирак, Турция и Португалия. Можно было бы обратить особое внимание на то, что русские за последнее время значительно увеличили свой промышленный потенциал и похвалялись своими крупными вооруженными силами. В этом отношении делегация может сыграть на тщеславии русских и добиться от них принятия на себя определенных обязательств по снабжению военными материалами восточноевропейских стран.

Лорд Галифакс сказал, что делегация должна основывать свои аргументы на предположении, что в военное время как Румыния, так и Польша будут весьма рады получать помощь от России. Однако любое предложение о том, чтобы такая помощь была организована и координирована нами, должно быть встречено с твердостью и с контрпредложением: Россия должна сама установить связь с Польшей и Румынией. Мы не желаем, чтобы нас вовлекли в переговоры между русскими и поляками или же между русскими и румынами.

Генерал Хейвуд сказал, что, как он считает, русский Генеральный штаб может поставить перед делегацией вопрос о косвенной агрессии.

Это может быть сделано в форме рассмотрения конкретного случая, например такого, о котором говорится в п. 54 инструкции. Возможно, делегацию спросят о том, какие шаги предпримет Великобритания в случае германского нападения на Венгрию. Какую позицию должна занять делегация, если будет поставлен такой конкретный вопрос?

Г-н Моррисон предложил не возражать против обсуждения военных планов на чисто гипотетической основе. Политической стороны обсуждаемых вопросов, конечно, следует избегать, и делегация всегда будет иметь возможность сказать, что это является предметом, выходящим за рамки военных переговоров. [...]» (Public Record Office, FO/23072).— 166.

80 В результате позиции Англии и Франции политические переговоры зашли в тупик. Тогда Советский Союз, предложивший с самого начала переговоров заключить — наряду с политическим соглашением — соответствующую военную конвенцию о формах и размере взаимной помощи, поставил дальнейшее продолжение переговоров в зависимость от заключения такой конвенции. Таким образом, военные переговоры должны были сыграть решающую роль для исхода англо-франко-советских переговоров в целом. Они должны были показать, готовы ли западные державы сотрудничать с Советским Союзом и отказаться от пособничества агрессору.

2 августа Политбюро ЦК ВКП(б), обсудив вопрос о военных переговорах, определило состав советской делегации.

Военный атташе Франции в СССР Палас сообщал в Париж 7 августа: «Тот факт, что в состав этой миссии входят народный комиссар обороны СССР и народный комиссар Военно-Морского Флота, начальник штаба и его заместитель и командующий советской авиацией, показывает всю ту важность, какую Советское правительство придает этим переговорам».

В состав французской военной миссии входили: генерал армии Думенк, генерал Вален, капитан 1-го ранга Вийом, майор Кребс, капитан Бофр, капитан Зовиш, капитан де Вийскот де Ринкэз, а также военный атташе в Москве генерал Палас, помощник военного атташе капитан 3-го ранга Абраам, военно-воздушный атташе подполковник Люге.

В состав английской делегации входили: адмирал Реджинальд Планкет-Эрнл-Эрл-Дракс, маршал авиации Ч. Бернет, генерал-майор Хейвуд, полковник Лэвидсон, капитан авиагруппы Кольер, капитан 3-го ранга Робертшоу, капитан Колтмэн, а также военно-морской атташе капитан Клейпчи, военный атташе в Москве полковник Файербрейс и военно-воздушный атташе подполковник Хэллауэлл.

Касаясь состава французской миссии, советский полпред во Франции писал в НКИД, что французское правительство, по-видимому, поставило перед ней «скромную программу». «Ее подбор по преимуществу из узких специалистов,— подчеркивал он,— свидетельствует и об инспекционных целях делегации — о намерении в первую голову ознакомиться с состоянием нашей армии».

Характеризуя членов английской делегации, американский буржуазный историк У. Ширер пишет, что «Дракс... по своим данным был абсолютно не способен вести на высоком уровне переговоры с русскими, которых он считал пришельцами с другой планеты... Бернет ничего не понимал ни в вопросах большой стратегии, ни в дипломатии...» (*Shirer W.* The Collapse of the Third Republic. An Inquiry into the Fall of France in 1940. New York, 1969, p. 448).

Подход Советского Союза к переговорам свидетельствовал о том, что он стремился поставить их на реальную основу, был готов принять на себя всю полноту обязательств по военному соглашению и нести основное бремя в совместной борьбе против общего врага. Французский премьер-министр Даладье заявлял послу США во Франции

Буллиту, что, согласно информации, полученной им из Москвы, советские представители «искренне стремятся добиться окончательного соглашения» (Foreign Relations of the United States, 1939, Washington, 1956, vol. I, p. 213).

Английский посол в СССР Сидс писал министру иностранных дел Англии Галифаксу: «Все до сих пор указывает на то, что советские военные представители действительно серьезно относятся к военным переговорам».

В ходе переговоров выяснилось, что военные миссии Великобритании и Франции не имели даже предварительного военного плана совместных военных действий Великобритании, Франции и СССР против агрессора.

Главное, однако, заключалось в том, что планы французской и английской военных миссий совершенно не предусматривали честного и эффективного сотрудничества западных держав с СССР в борьбе против фашистской агрессии.— 200, 316, 344.

[81] По-видимому, имеется в виду выступление Н. Чемберлена в палате общин по вопросу о Данциге 10 июля 1939 г.— 202.

[82] Со времени мюнхенского соглашения выявились определенные каналы, по которым шел неофициальный обмен мнениями между правительственными кругами Германии и Великобритании с целью достичь «англо-германского примирения». Среди закулисных контактов и переговоров первой по времени была миссия шведского промышленника А. Веннер-Грена, который поддерживал контакт с Герингом. Веннер-Грен, хозяин шведской электротехнической фирмы «Электролукс», был также связан с Круппом. По просьбе Геринга Веннер-Грен в июне 1939 г. посетил Лондон и передал Чемберлену предложение о «компромиссе в колониальном вопросе» и об общем англо-германском соглашении.

Другим эмиссаром Геринга был шведский промышленник Биргер Далерус, располагавший одинаково глубокими связями как с немцами, так и с английским деловым миром. Идея встречи видных английских промышленников с Герингом родилась 2 июля 1939 г. на совещании английских промышленников с участием Далеруса. Выступая на нем, член консервативной партии директор фирмы «Джон Браун энд К°» и «Ассошиэйтед электрикал индастрис» Чарльз Спенсер выдвинул тезис о том, что «Германия может путем войны получить меньше, чем путем переговоров» (*Dahlerus B.* The Last Attempt. London, 1948, p. 26).

Далерус выступил в роли организатора новой встречи. Но это не была «личная дипломатия» Далеруса. Когда Далерус изложил Галифаксу (которому он был рекомендован президентом англо-шведского общества Г. Вернером) идею встречи Геринга с представителями деловых кругов Великобритании, то министр в первую очередь настаивал на ее секретности и поставил условие, чтобы «он (Галифакс) ничего официально об этом не знал», а вся корреспонденция о переговорах, «результаты которых он заинтересован узнать», посылалась бы ему не прямо, а только через Вернера (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 485).

«Частная встреча» между Герингом и группой видных английских промышленников состоялась в условиях глубокой конспирации 7 августа 1939 г. в имении жены Далеруса в Шлезвиг-Гольштейне «Зенке Ниссен Хоф» вблизи датской границы. Семь английских участников во главе с Ч. Спенсером приехали порознь в Гамбург, после чего на машине под шведским флагом отправились в имение. Среди них Холден — директор компании «Кревенс рейлуэй кариджс», Брайан Маунтен — директор страховой компании «Дженерал Бэннер оф игл Этер», Стенли У. Роусон — директор компании «Джон Браун энд К°» и Роберт Ренвик — управляющий и заместитель председателя фирмы «Каунти оф Лондон электрик саплай», Гарольд Вестон — председатель и управляющий компании «Эллайд бейкериз» и «Вестон бисквит». Ч. Спенсер, Холден и

Роусон одновременно являлись директорами фирмы «Интернейшнл шипбилдинг инжинеринг» в Данциге.

Переговоры проходили 7 августа с 10 утра до 18.30. Во время совещания английской стороной был передан меморандум Герингу (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VI, S. 915—919).

Во время переговоров по вопросу угрозы конфликта из-за Данцига было выдвинуто предложение созвать новое совещание четырех «мюнхенских держав» — без участия Польши и Советского Союза.

8 августа состоялась беседа Далеруса с Герингом, во время которой Геринг подтвердил свое положительное отношение к встрече «мюнхенских держав», о чем он обещал доложить Гитлеру (при условии, что Англия согласится на «решение данцигского вопроса»).

Эта встреча представляет собой весьма характерный этап развития англо-германской тайной дипломатии в решающие недели, предшествовавшие началу второй мировой войны. Самое существенное в ней заключается в том, что она меньше всего может рассматриваться как частная: ее участники с английской стороны хотя и не занимали официальных постов, но действовали с ведома и в прямой связи с Форин оффис и Чемберленом (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VI, p. 762).— 211.

[83] 11 августа 1939 г., до беседы с Гитлером, министр иностранных дел Италии Чиано имел встречу в Зальцбурге с министром иностранных дел Германии Риббентропом. Обсуждался вопрос о подготовке к войне и согласовании политики в отношении Англии, Франции и Польши. При этом Риббентроп не скрывал намерений Германии в самое ближайшее время «решить» польский вопрос. На вопрос Чиано: «Чего вы хотите: коридор или Данциг?» — Риббентроп ответил: «Теперь больше ничего. Мы хотим войны» (*Freund M.* Geschichte des Zweiten Weltkrieges in Dokumenten. Freiburg, 1956, Bd. III, S. 26).— 212.

[84] В своей телеграмме Галифаксу, посланной после этого заседания, Сидс писал, что «русские подняли теперь основной вопрос, от решения которого зависит успех или неудача военных переговоров, вопрос, который лежал в основе всех наших затруднений с самого начала политических переговоров, а именно как добиться заключения какого-либо полезного соглашения с Советским Союзом, пока его соседи поддерживают своего рода бойкот», который может оказаться прекращенным тогда, «когда будет слишком поздно». Поскольку мы взяли на себя обязательства в отношении Польши и Румынии, писал Сидс далее, советская делегация «имеет основания возложить на Великобританию и Францию обязанность обратиться к этим странам» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VII, p. 1).— 229, 236.

[85] Для переговоров с польским генеральным штабом 15 августа 1939 г. в Варшаву был направлен генерал Мюссе.

19 августа генерал Мюссе в сопровождении английского военного атташе подполковника Суорда посетил начальника польского генерального штаба Стахевича. Они изложили «стратегические соображения», раскрывавшие значение для Польши помощи Советского Союза. Демарш, однако, полностью обесценивался тем, что вместо твердой постановки вопроса о необходимости предоставления права прохода советским войскам польскому правительству предлагалось дать молчаливое согласие на формулу, ни к чему в действительности не обязывавшую. Практически имелось в виду секретное соглашение между штабами, «не вовлекающее правительства соответствующих государств». Такая договоренность, разъяснял Суорд, «дала бы возможность делегациям, ведущим переговоры в Москве, свободно обсуждать различные связанные с этим военные факторы и выработать конкретный план, который польское правительство не обязано было бы учитывать до его представления в

окончательной форме». Дополнительный аргумент в пользу этого предложения Суорд видел в том, что подобный план имел бы «предварительный характер» и был бы «сравнительно малозначащим», поскольку «окончательная договоренность по главным политическим вопросам еще не была достигнута» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VII, p. 135—136).

Такова была та «уловка», которая должна была дать возможность западным державам продолжать переговоры в Москве, даже выработать «конкретный план» и вместе с тем в критическую минуту оставить Советский Союз с пустыми руками, в чем и был ее главный смысл. Не менее коварной была приведенная «формула» и в отношении польского «союзника» западных держав. Лишая Польшу единственного средства, способного спасти ее от катастрофы,— помощи Советского Союза, англо-французская дипломатия отводила ей роль связанной жертвы, призванной отвлечь внимание хищника от других целей и вызвать его прыжок в желательном направлении.

Вечером 19 августа Бек, сославшись на решение Рыдз-Смиглы, сообщил официальный ответ польского правительства. Это был категорический отказ (*Bonnet G.* Dèfence de la Paix. Fin d'un Europe. Genève, 1948, p. 282).— 252, 307.

86 Роковую роль в судьбе Польши в этот период сыграла Франция. Отказавшись выполнить свои союзнические обязательства по отношению к Чехословакии в 1938 г. и делая все, чтобы не пришлось выполнять их по отношению к Польше, правительство Франции в 1938—1939 гг. было готово «любой ценой» договориться с Германией, пойти на соглашение с Гитлером, т. е. практически капитулировать. (Documents diplomatiques français. 1932—1939. 2 serie (1936—1939), t. XI, p. 605—606). Поэтому подписание франко-германской декларации 6 декабря 1938 г. укрепило у Риббентропа и Гитлера «мнение в том, что более ничто не остановит движения Германии на восток и что Польша в тот день, когда она подвергнется нападению, будет в свою очередь покинута Францией, как была покинута Чехословакия» (Les événements survenus en France de 1933 à 1945, vol. IV, p. 856). Развертывание фашистской агрессии весной 1939 г. ставило под угрозу безопасность самой Франции. В этих условиях отказываться от союзника, пусть даже не очень мощного, каким являлась Польша, было нельзя. Провозглашением «гарантий» в апреле 1939 г. французская дипломатия постаралась крепче привязать ее к себе. Но как сочетать это с подготовкой «второго Мюнхена»? Воспользовавшись начатыми переговорами с Польшей об уточнении обязательств, французский министр иностранных дел сумел придать им наиболее удобный, с его точки зрения, вид: сохраняя для Польши весь свой объем, они в том, что касается Франции, приобрели условный характер. Боннэ имел теперь возможность, сославшись на какой-либо подходящий предлог, аннулировать их.

В качестве такого предлога, на который делала ставку французская дипломатия, было нежелание польского правительства согласиться на получение военной помощи от Советского Союза.

«Добиваясь» от Варшавы согласия на проход советских войск, Боннэ искусно дозировал свою «настойчивость» с таким расчетом, чтобы этого согласия не получить. Цель Боннэ состояла в том, чтобы продолжать московские переговоры и вместе с тем сохранять возможность в критическую минуту отказаться и от подписания пакта с СССР, и от выполнения обязательств в отношении Польши. Это позволило бы ему либо заключить сделку с Гитлером, либо просто предоставить Польшу своей судьбе в расчете на то, что, сокрушив ее, гитлеровская армия вторгнется затем в пределы Советского Союза (*Duroselle J.-B.* Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1957, p. 279).

Имелась ли у западных держав в тот момент возможность побудить польское правительство пересмотреть свою позицию в рассматриваемом вопросе? Безусловно. Политическое соглашение, подготовленное в ходе франко-польских переговоров летом 1939 г. и оформлявшее обязательства сторон по оказанию взаимной помощи, в результате маневров Боннэ оставалось еще не подписанным. Не был также подписан и аналогичный англо-польский договор. Англо-французская дипломатия, таким образом, имела в своих руках мощный рычаг для воздействия на позицию правящих кругов буржуазной Польши. В заявлении, сделанном английскому поверенному в делах для передачи Галифаксу 19 августа, т. е. как раз в момент переговоров в Варшаве, Боннэ сообщил, что он был «счастлив, что политический договор с Польшей еще не был заключен», поскольку это давало средство давления на польское правительство (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VII, p. 77—78).— 253, 307, 309, 314, 316, 335.

87 Вопрос об эффективном советско-французском военном сотрудничестве рассматривался еще в 1937 г. Так, в начале 1937 г. советский военный атташе во Франции получил запрос французского генштаба о формах и размерах помощи, которую СССР мог бы оказать в случае германского нападения на Францию и Чехословакию. 17 февраля 1937 г. полпред и военный атташе СССР в Париже сообщили начальнику французского генерального штаба, а затем и премьер-министру Франции ответ Генштаба СССР:

«Военная помощь СССР может иметь два варианта.

1. Если Польша, состоявшая в союзе с Францией, и Румыния, состоявшая в союзе с Францией и Чехословакией, выполнят свой долг и дадут согласие на проход советских войск каждая соответственно через свою территорию на основе решения, принятого ими самостоятельно или в соответствии с решением Лиги наций,— в таком случае СССР имеет возможность предоставить свою помощь и поддержку всеми видами войск.

Это при необходимых условиях должно быть определено специальным соглашением между заинтересованными странами.

2. Если по непонятным причинам Польша и Румыния воспротивятся тому, чтобы СССР предоставил помощь Франции и Чехословакии, и если они не захотят разрешить проход советских войск через их территорию,— в таком случае помощь СССР неизбежно будет ограничена.

СССР сможет направить свои войска морским путем на территорию Франции и военно-воздушные силы в Чехословакию и Францию.

Размеры этой помощи должны быть определены специальным соглашением между заинтересованными государствами.

В этих обоих случаях СССР предоставит помощь военно-морскими силами.

СССР сможет поставить Франции и Чехословакии: бензин, мазут, масла, марганец, продукты питания, вооружение — моторы, танки, самолеты и др.».

Генеральный штаб СССР со своей стороны просил дать ответ на следующие вопросы:

«1. Какую помощь Франция могла бы предоставить СССР, если бы он подвергся нападению со стороны Германии? Каким путем должен быть установлен размер этой помощи?

2. Какое оружие Франция могла бы поставить СССР?»

Ответа на эти встречные вопросы, однако, так и не было получено.

Приведенный документ имеет громадное принципиальное значение, так как он показывает, что Советское правительство было преисполнено решимости осуществлять самое тесное сотрудничество с Францией в борьбе против возможной агрессии со стороны гитлеровской Германии. В частности, Советский Союз был готов вести с Францией переговоры с целью выработки конкретных условий оказания взаимной помощи, т. е. о заключении соответствующей военной конвенции. Более

того, советским заявлением от 17 февраля был сделан существенный шаг в деле выработки условий этой конвенции. К сожалению, правительство Франции не поддержало эту инициативу (см.: Документы внешней политики СССР. М., 1976, т. XX, с. 703—704).— 254.

[88] Представляют интерес недавно преданные гласности протоколы заседаний английского правительства, которые показывают, что правящие круги Англии стремились любой ценой договориться с Гитлером, не считаясь с кровными интересами Польши.

2 августа 1939 г., разъясняя позицию Великобритании, Галифакс заявил на заседании английского правительства, что захват гитлеровцами Данцига «не следует рассматривать как представляющий собой casus belli» (Public Record Office, CAB. 40/39, p. 277). Тем самым Англия признавала, что не намерена приходить на помощь Польше, если польско-германская война начнется из-за Данцига.

Английское правительство вновь начало рассматривать возможность принятия предложения Гитлера об «урегулировании» вопроса о Данциге и «коридоре», т. е. о «мирной» передаче их Германии, хотя соответствующее предложение гитлеровцев было отвергнуто поляками (Public Record Office, CAB. 43/39, p. 380). Галифакс высказался 27 августа на заседании правительства за прямые переговоры между Германией и Польшей и подчеркнул в этой связи: «Мы стремимся достичь урегулирования с Германией». На этом же заседании правительства Чемберлен признал, что он уже недвусмысленно дал понять шведскому промышленнику Далерусу, что поляки могут согласиться на передачу немцам Данцига (Public Record Office, Cab. 44/39, p. 399, 401), хотя никаких консультаций между Англией и Польшей по этому вопросу не проводилось. Более того, английское правительство избегало обсуждения с Польшей подобных вопросов, так как справедливо полагало, что это «связано с некоторым риском потери доверия» к Англии со стороны поляков (Public Record Office, CAB. 42/39, p. 354).— 317.

[89] 14 августа 1939 г., прибыв в Берлин, Дирксен попытался выяснить судьбу «плана Вильсона» и результаты зондажа Вольтата. Вейцзеккер дал понять Дирксену, что эти вопросы уже не обсуждаются (*Dircksen H. V.* Moscau. Tokio. London. Stuttgart, 1949, S. 255).

Предложения Вильсона не могли удовлетворить Гитлера. Если взглянуть на пункты «плана Вильсона», то даже предлагаемый раздел сфер влияния казался Гитлеру всего лишь «подачкой». 20 августа 1939 г. Хессе прибыл в Лондон, и в тот же день состоялась его встреча с Вильсоном, в которой Хессе сообщил о том, что Гитлер сейчас не может пойти на соглашение. Приехав в Лондон после бесед с Гитлером и Риббентропом, Хессе был уполномочен передать их «послание». Передавая его, Хессе сообщил, что идеи Вильсона — Вольтата нашли-де «благоприятный резонанс», что Гитлер, мол, «очень сожалеет» о неудаче его попыток достичь соглашения с Англией, которое «близко его сердцу» (Public Record Office, FO, 371/22975 C 1059 (B) 15/18). В этой ситуации «умиротворители» были вынуждены отложить идею сговора с Гитлером. Но настойчивые попытки достигли одного: их двойная игра подорвала советско-франко-английские переговоры в августе 1939 г.— 318.

[90] На самом деле 19 августа польский министр иностранных дел Бек по указанию маршала Рыдз-Смиглы дал французскому послу Ноэлю отрицательный ответ на вопрос о возможности прохода советских войск через польскую территорию, заявив, что поляки «не могут ни в какой форме обсуждать вопрос об использовании части национальной территории иностранными войсками».

23 августа, т. е. после опубликования сообщения о предстоящем приезде в Москву Риббентропа и после нового демарша французского посла в Варшаве, предпринятого по настоянию французского правительства, Бек дал согласие на то, чтобы Думенк сделал в Москве следующее неопределенное заявление: «Мы пришли к мнению о том, что в случае совместных действий против германской агрессии сотрудничество между Польшей и СССР, технические условия которого надлежит установить, не исключено. Французский и британский генеральные штабы считают, что отныне следует немедленно изучить все возможности такого сотрудничества» (Documents on Briitsh Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VII, p. 150).

Таким образом, была придумана дипломатическая формулировка для того, чтобы английское и французское правительства могли попытаться продолжать в Москве бесплодные переговоры. Фактически же это заявление означало, что по-прежнему было невозможно договориться о действительном сотрудничестве в борьбе против агрессии. Ведь в этом заявлении не было согласия Польши на сотрудничество с СССР. В нем изложена не позиция Польши, а лишь «мнение» английской и французской военных миссий, причем это «мнение» было преднамеренной ложью, ибо на самом деле они знали, что Польша не согласна на сотрудничество с СССР.— 329.

[91] Заключив договор о ненападении с Германией, Советское правительство предотвратило в тот период не только войну с Германией, но и нападение со стороны Японии. Как сообщал в Лондон английский посол в Токио Крейги, подписание советско-германского договора о ненападении «было для японцев тяжелым ударом» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. IX, p. 495).

Правительство Японии заявило Германии протест в связи с заключением советско-германского договора, указав, что этот договор противоречит антикоминтерновскому пакту. Военное министерство Японии заявило итальянскому атташе в Токио Скализе, что подписание советско-германского пакта о ненападении является «предательством по отношению к германо-японской дружбе и идеям антикоминтерновского пакта» (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. VII, S. 188).

Японский кабинет во главе с Хиранума, выступавший застрельщиком совместной японо-германской войны против СССР, был вынужден 28 августа 1939 г. подать в отставку. Обосновывая отставку, Хиранума заявил, что в результате заключения советско-германского договора создалось новое положение, которое делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики».— 334.

[92] 20 августа 1939 г. Гитлер обратился к И. В. Сталину с посланием. В нем говорилось, что в любой день может «разразиться кризис», в который, возможно, окажется вовлеченным Советский Союз, если он не согласится на подписание с Германией договора о ненападении. «Поэтому я еще раз предлагаю Вам,— говорилось в телеграмме,— принять моего министра иностранных дел во вторник 22 августа, самое позднее, в среду 23 августа. Имперский министр будет облечен всеми чрезвычайными полномочиями для составления и подписания пакта о ненападении» (История второй мировой войны. 1939—1945. М., 1974, т. 2, с. 282).

Решение Советского правительства заключить этот договор было вынужденным, по единственно правильным в тогдашних условиях, так как добиться создания англо-франко-советской коалиции не удалось.

В беседе с французским послом 22 августа 1939 г. нарком иностранных дел СССР подчеркнул, что Советское правительство решило заключить договор с Германией лишь тогда, когда окончательно убедилось, что в англо-франко-советских переговорах не может быть достигнуто ничего положительного. Вместе с тем Молотов заявил, что «основные направления политики СССР не претерпели изменений, что его правительство твердо придерживается линии на сохранение мира и сопротивление агрессии» (*Bonnet G.* Fin d'une Europe, de Munich à la geurre. Genève, 1948, p. 296).— 336, 338, 340.

92 Устное заявление, сделанное Гитлером английскому послу в Берлине Гендерсону, было ответом на послание Чемберлена от 22 августа 1939 г., врученное Гендерсоном Гитлеру 23 августа 1939 г.

В своем ответе 25 августа 1939 г. Гитлер, стремясь обеспечить нейтрализацию Англии в связи с подготавливавшимся нападением Германии на Польшу, заявил английскому послу, что он-де всегда желал установления хороших отношений с Великобританией. Он просил посла лично довести до сведения английского правительства, что Германия хочет-де соглашения с Великобританией.

Главное, к чему стремились Англия и Франция,— это спровоцировать нападение Германии на Польшу, чтобы самим не быть втянутым в войну.

Английское правительство, со своей стороны, использовало различные другие официальные и неофициальные контакты для переговоров с гитлеровцами и поиска возможного компромисса с ними за счет польского и других народов Восточной Европы. 25 августа состоялась очередная встреча Далеруса с Герингом, во время которой Далерусу были вручены германские «условия» соглашения с Англией. На другой день, 26 августа 1939 г., Галифакс передал через того же Далеруса ответное послание Герингу, в котором он писал: «Мы будем стремиться сохранить тот самый дух, который проявил фюрер, а именно желание найти удовлетворительное решение вопросов, вызывающих в настоящее время беспокойство» (Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third Series, vol. VII. p. 283).

Рассчитывая на новый Мюнхен — за счет Польши,— Чемберлен и Даладье настоятельно предлагали польскому правительству воспользоваться представившейся возможностью для начала переговоров с Германией. В своем ответе Гитлеру 26 августа 1939 г. Даладье также заявил о стремлении Франции к «искреннему сотрудничеству» с Германией и выражал уверенность, что возникший кризис может быть разрешен мирными средствами. Даладье воздавал хвалу Гитлеру, направляющему, мол, Германию по пути мира «к полному выполнению ее миссии в общем деле цивилизации». Даладье предупреждал «фюрера» об опасности социальных последствий, к которым могла бы привести война между Германией и Францией (Documents diplomatiques français. 1938—1939. Ministère des affaires étrangères, p. 321—322).

28 августа Чемберлен направил новое послание Гитлеру, в котором он заявлял, что полностью разделяет желание рейхсканцлера «сделать дружбу основой отношений между Германией и Британской империей».

Даже 30 августа, когда стало известно, что Германия сосредоточила на своем Восточном фронте 46 дивизий и намерена в ближайшие же дни нанести удар по Польше, Галифакс заявил на заседании английского правительства, что «эта концентрация войск не является действенным аргументом против дальнейших переговоров с германским правительством» (Public Record Office, Cab. 46/39, p. 423).

Попытки Чемберлена договориться с Гитлером никаких результатов, однако, не дали, да и не могли дать. Гитлер вел переговоры с Англией исключительно с целью локализации подготавливавшейся им войны с Польшей. Ни о чем договариваться с ней он не собирался. Наоборот, после разгрома Польши Гитлер намеревался начать войну именно с Англией и Францией.— 338.

94 В сложный период европейской истории, когда определялось будущее многих народов, будущее целого континента, мощное государство, совсем недавно игравшее ведущую роль в мировой политике,— Франция ничего не сделала, чтобы укрепить свою оборону и застраховать себя в политическом плане. Более того, действия французских «умиротворителей» поставили под угрозу безопасность в Европе и привели к войне. В первый день войны, когда рвались бомбы на территории ее союзника — Польши, правительство Франции по-прежнему предлагало «полюбовно» договориться с Гитлером.— 344.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Айронсайд Э.— английский генерал; губернатор и главнокомандующий в Гибралтаре в 1938—1939 гг.; генеральный инспектор заокеанских вооруженных сил в 1939 г.— 283, 285, 382, 388.

Ардье — консул Франции в Нюрнберге — 46.

Арита Х.— министр иностранных дел Японии в 1938—1939 гг.— 115—119, 146, 383, 384.

Арцишевский М.— заместитель министра иностранных дел Польши — 99.

Аттолико Б.— посол Италии в Германии — 247, 248.

Аурити Дж.— посол Италии в Японии — 334.

Бакстон Р.— деятель английской лейбористской партии, парламентский советник — 161—165, 194, 248, 249, 290, 377, 379.

Батлер Р.— парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1938—1941 гг.— 193, 248, 284, 285, 291, 377, 390.

Бек Ю.— министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг.— 5, 10—12, 14—17, 58, 60, 62—65, 73, 80, 85, 91, 99, 116, 119, 127, 201, 212, 253, 314—318, 357, 361—363, 366, 396, 398.

Белиша — см. Хор-Белиша Л.

Белов фон — капитан германской армии — 97.

Бенеш Э.— президент Чехословакии с декабря 1935 г. по октябрь 1938 г.— 20, 78, 269, 311.

Верджин Л.— министр транспорта Великобритании в 1937—1939 гг.; министр снабжения с июля 1939 г. по май 1940 г.— 285.

Бернет Ч.— маршал авиации, член военной миссии Великобритании на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве в 1939 г.— 228, 246, 256, 259, 260, 262, 295, 296, 301, 393.

Бильфельд Г.— сотрудник политического отдела министерства иностранных дел Германии — 25, 26.

Богэ Б.— французский адвокат — 24.

Боденшатц К. Г.— немецкий генерал — 97.

Болдуин С.— премьер-министр Великобритании и первый лорд казначейства в 1924—1929 гг. и в 1935—1937 гг.— 275.

Болл Дж.— деятель консервативной партии Великобритании — 150, 156, 377.

Бом Де ля — заведующий экономическим отделом министерства иностранных дел Франции — 19, 23—25, 27.

Боннэ Ж.— министр иностранных дел Франции в 1938—1939 гг.— 20, 21, 23, 24, 40, 46, 49, 60, 70—72, 74, 94, 95, 136, 252, 307, 308, 335, 344, 349, 350, 357, 358, 374, 375, 396, 397.

Бофр А.— капитан генерального штаба французской армии, член военной миссии Франции на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве в 1939 г.— 307, 352, 393.

Браухич В.— главнокомандующий сухопутными силами фашистской Германии — 96, 135.

Бринон де — журналист, генеральный секретарь комитета «Франция — Германия», руководившего деятельностью «пятой колонны» гитлеровцев во Франции — 349.
Буллит У. — посол США во Франции — 308, 309, 394.
Буркхардт К. — верховный комиссар Лиги наций в Данциге в 1937—1939 гг. — 201, 320, 346, 377.

Вайгельт — директор германского банка — 25.
Вален М. — генерал, член военной миссии Франции на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве в 1939 г. — 227, 228, 246, 259, 261, 263, 297, 393.
Ванситтарт Р. — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1929—1938 гг.; главный дипломатический советник при министре иностранных дел Великобритании — 378.
Вейцзекер Э. фон — статс-секретарь министерства иностранных дел Германии с марта 1938 г. — 49, 115, 119, 121, 128, 129, 140, 160, 162, 293, 309, 320, 371, 398.
Вельчек И. фон — посол Германии во Франции в 1936—1939 гг. — 20, 21, 24, 26, 28, 94, 95, 136, 273, 293, 350, 374.
Веннер-Грен А. — шведский промышленник — 394.
Венява-Длугошовский Б. — посол Польши в Италии — 81.
Вернер Г. — президент англо-шведского общества — 394.
Верман Э. — заместитель статс-секретаря министерства иностранных дел Германии, заведующий политическим отделом — 99, 140.
Видеман Ф. — капитан; адъютант Гитлера в 1935—1939 гг.; генеральный консул в Сан-Франциско в 1939—1941 гг. — 270, 271.
Вийом — капитан французского флота — 245, 393.
Вильгельм II — император Германии и король Пруссии в 1888—1918 гг. — 45.
Виль Э. — начальник политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии — 23, 26, 276, 350.
Вильсон Х. — главный советник правительства Великобритании по вопросам промышленности — 141—144, 149—154, 156, 157, 159—162, 165, 193—198, 267, 268, 273, 277, 284, 285, 287—294, 318, 321, 377, 378, 398.
Вильсон Э. — временный поверенный в делах США во Франции — 126, 128.
Волошин А. — глава автономного правительства Карпатской Украины с октября 1938 г. по март 1939 г. — 78.
Вольтат Х. — сотрудник Ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии — 141—145, 147, 149, 150, 157, 159, 160, 162, 193—195, 198, 200, 204, 278, 288—292, 294, 319, 354, 377, 378, 398.
Ворошилов К. Е. — Маршал Советского Союза, народный комиссар обороны СССР — 200, 212—239, 243, 246, 255, 259, 260, 263—265, 295—303, 307, 309, 318, 322, 323, 325, 329—334, 342, 363.

Галифакс Э. — лорд-председатель совета, министр иностранных дел Великобритании с марта 1938 г. — 48, 56, 70, 71, 92, 120, 145, 150, 151, 157, 165, 201—204, 248, 268, 269, 271, 277, 280, 284, 287, 312, 316—318, 336, 338, 348, 352, 356, 357, 366, 369—373, 375, 377, 383, 384, 388—392, 394, 397, 398, 400.
Гальдер Ф. — генерал, начальник генерального штаба сухопутных сил фашистской Германии — 96, 379.
Гамелен М. — генерал, начальник генерального штаба французской армии — 157, 158, 198, 221, 222, 223, 226, 227, 231, 233, 307, 358, 387.
Гамильтон Я. — английский генерал, в 1938 г. ездил в Германию для переговоров с Гитлером — 272.
Гафенку Г. — министр иностранных дел Румынии — 80, 81, 95.
Гаха Э. — президент Чехословакии с ноября 1938 г. по март 1939 г. — 44, 47, 206, 279, 351, 372, 375, 389.
Геббельс И. — министр пропаганды фашистской Германии — 128, 195, 288.
Гейр фон Швеппенбург Л. — барон; генерал-майор; военный атташе Германии в Великобритании в 1933—1937 гг. — 285.

Гендерсон Н. — посол Великобритании в Германии — 28, 119—121, 128, 268, 281, 320, 336, 357, 371, 400.
Генлейн К. — главарь гитлеровской партии в Судетской области Чехословакии; после расчленения Чехословакии был назначен рейхскомиссаром Судетской области, а затем — рейхсштатгальтером имперской области «Судетенланд» — 270.
Геринг Г. — главнокомандующий военно-воздушными силами и министр авиации фашистской Германии; уполномоченный по осуществлению четырехлетнего плана Германии — 44, 80, 96, 144, 160, 205, 207—210, 271, 283, 292, 377, 379, 394, 395, 400.
Герстенберг А. — военно-воздушный атташе фашистской Германии в Польше — 82, 200.
Гжибовский В. — посол Польши в СССР — 62, 63, 64, 85, 204, 347, 363.
Гитлер А. — рейхсканцлер Германии в 1933—1945 гг., лидер национал-социалистской партии фашистской Германии — 5, 15, 35—37, 46, 71, 76, 77, 80—83, 96, 100, 116, 123, 124, 145, 199, 200, 208, 211, 225, 227, 283, 316, 319—321, 327, 336, 345, 350, 356, 357, 368, 377, 379, 382, 387, 395, 396, 398—400.
Гогенлоэ — княгиня; неофициальный посредник в англо-германских секретных переговорах в 1938 г. — 271, 377, 378.

Даладье Э. — председатель совета министров и министр национальной обороны Франции — 6, 23, 24, 26, 58, 69, 126, 127, 205, 206, 253, 269, 308, 309, 352, 358, 393, 400.
Далерус Б. — шведский промышленник — 377, 379, 394, 395, 398, 400.
Дальтон Х. — член парламента Великобритании, лейборист; парламентский заместитель министра иностранных дел в 1929—1931 гг.; председатель исполнительного комитета лейбористской партии в 1936—1937 гг. — 195.
Дафф-Купер А. — военно-морской министр Великобритании в 1937—1938 гг. — 205, 274, 281.
Джонсон Х. — временный поверенный в делах США в Великобритании — 291.
Диану Н. — посланник Румынии в СССР — 59.
Дирксен Г. — посол фашистской Германии в Великобритании с 31 марта 1938 г. по 3 сентября 1939 г. — 18, 19, 21, 22, 134, 135, 141, 144, 146, 149, 150, 159, 160, 162, 165, 166, 193, 198, 201, 204, 247, 248, 267, 294, 309, 313, 319, 320, 350, 377, 398.
Дракс Р. — см. Планкет-Дракс Р.
Друммонд-Вольф Г. — деятель консервативной партии Великобритании — 87, 88, 89 377, 379.
Думенк Ж. — генерал; глава военной миссии Франции на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве в 1939 г. — 198, 213—215, 217—238, 240, 246, 247, 252—255, 259, 263—266, 300—302, 305—307, 315, 322, 323, 325, 326, 329—333, 387, 388, 393, 398.

Жантэн — министр торговли Франции — 25.

Зорге Р. (Рамзай) — советский военный разведчик в Японии — 360.
Зюскинд-Швенди А. — старший правительственный советник министерства экономики Германии — 28, 29.

Иден А. — министр иностранных дел Великобритании с декабря 1935 г. по февраль 1938 г., консерватор — 205, 268, 274, 286.
Исмей Х. — секретарь комитета имперской обороны Великобритании — 93, 387.
Итагаки С. — военный министр Японии, генерал — 96.

Кадоган А. — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании — 60, 63, 149, 271, 318, 358.
Камбон Р. — временный поверенный в делах Франции в Великобритании — 335.
Кампе фон — советник посольства Германии во Франции — 20, 23, 25, 350.
Канарис В. — адмирал; начальник военной разведки и контрразведки (абвера) фашистской Германии — 379.
Карлова Р. — чиновник министерства иностранных дел Германии в ранге генерального консула — 283.

Кейтель В. — начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил фашистской Германии — 64, 65, 96.
Кеннард Г. — посол Великобритании в Польше — 92, 316, 317.
Керр А. — посол Великобритании в Китае — 383.
Клейст Э. — советник бюро министра иностранных дел Германии — 35, 36, 76, 81, 82, 123, 125.
Клемансо Ж. — глава французского правительства в 1906—1909 гг. и в 1917—1920 гг. — 199.
Кобыляньский М. — вице-директор политического департамента министерства иностранных дел Польши — 80, 81.
Кордт Т. — советник посольства Германии в Великобритании — 73, 162, 165, 193, 194, 284, 290, 291, 377.
Коциньш Ф. — посланник Латвии в СССР — 58.
Кребс Г. — чехословацкий эмигрант, депутат рейхстага, советник министерства внутренних дел Германии — 393.
Крейги Р. — посол Великобритании в Японии — 146, 383, 399.
Кройтцвальд — легационный советник политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии — 25, 26.
Крупп Г. — глава военно-промышленного концерна фашистской Германии — 394.
Кузнецов Н. Г. — народный комиссар Военно-Морского Флота СССР, флагман 2-го ранга — 200, 300.
Кулондр Р. — посол Франции в СССР в 1936—1938 гг.; в Германии с ноября 1938 г. по сентябрь 1939 г. — 25, 40, 46, 49, 55.
Купер А. — см. Дафф-Купер А.

Лей Р. — глава «трудового фронта» фашистской Германии — 272.
Лейт-Росс Ф. — главный экономический советник правительства Великобритании с 1932 г.; генеральный директор министерства экономической войны в 1939—1942 гг. — 276, 348, 379.
Ленин В. И. — 388.
Ленсдаун — лорд; министр иностранных дел Великобритании в 1900—1905 гг. — 163.
Липский Ю. — посол Польши в Германии — 14, 80, 101, 345, 360, 361.
Литвинов М. М. — народный комиссар иностранных дел СССР с 1930 г. по 2 мая 1939 г. — 46, 48, 55, 56, 58, 59, 60, 62, 64, 70, 71, 72, 347, 352.
Ллойд Джордж Д. — видный политический и государственный деятель Великобритании; премьер-министр Великобритании в 1916—1922 гг. — 92, 144.
Лозовский С. А. — заместитель народного комиссара иностранных дел СССР — 340, 342.
Локтионов А. Д. — начальник Военно-Воздушных Сил РККА, командарм 2-го ранга — 200, 228, 259, 265, 295, 297, 301.
Лубеньский С. — начальник кабинета министра иностранных дел Польши — 125.
Лукасевич Ю. — посол Польши во Франции — 58, 80, 81, 252, 307, 308, 314, 357.

Мажино А. — военный министр Франции в 1929—1932 гг. — 361.
Майский И. М. — полномочный представитель СССР в Великобритании — 48, 56, 60, 64, 70, 71, 144, 157, 366, 373, 383.
Макензен Г. — посол Германии в Италии — 334, 335.
Мандель Ж. — министр колоний Франции — 198, 199.
Маркерт — генеральный секретарь германского общества по изучению Восточной Европы — 14.
Мах С. — министр пропаганды автономного правительства Словакии — 42.
Мейснер О. — начальник канцелярии президента Германской республики с 1919 по 1934 г.; с 1934 г. — начальник канцелярии рейхсканцлера — 272.
Микоян А. И. — народный комиссар внешней торговли СССР — 352.
Мильх Э. — генерал-полковник, генеральный инспектор военно-воздушных сил Германии — 96.
Молотов В. М. — Председатель Совета Народных Комиссаров в 1930—1941 гг.; народный комиссар иностранных дел СССР с 3 мая 1939 г. — 85, 101—104, 200, 352, 365—377, 381, 385, 386, 389, 391, 399.
Мольтке Г. — посол Германии в Польше — 14, 17, 82, 99, 361.

Моррисон Г. — деятель лейбористской партии Великобритании — 393.
Моттистон Д. — лорд; генерал-майор; ушел в отставку в 1922 г.; председатель комитета национальных сбережений в 1926—1943 гг. — 285.
Муссолини Б. — премьер-министр Италии с 1922 по 1943 гг.; глава итальянской фашистской партии и фашистского правительства в Италии — 7, 75, 81, 91, 164, 277, 297, 360, 364.
Мэсон-Макфарлейн Ф. Н. — военный атташе Великобритании в Германии — 28.
Мюссе Ф. — военный атташе Франции в Польше — 252, 307, 395.

Наджиар П. — посол Франции в СССР с февраля 1939 г. по 1940 г. — 48, 253, 254, 305, 307, 314, 365, 372, 391.
Нейрат К. — министр иностранных дел фашистской Германии в 1932—1938 гг.; «протектор Богемии и Моравии» в 1930—1943 гг. — 272.
Норман М. — управляющий английским банком — 348.
Ноэль Л. — посол Франции в Польше — 252, 307, 398.

Оппено А. — заведующий европейским отделом министерства иностранных дел Франции — 253.
Осима Х. — посол Японии в Германии, генерал — 74, 75, 76, 89, 90, 115.
Отт Э. — посол Германии в Японии, генерал — 74, 89, 96, 115, 360.

Пайяр Ж. — временный поверенный в делах Франции в СССР — 60, 101, 103.
Палас — военный атташе Франции в СССР — 334, 393.
Панюшкин А. С. — полномочный представитель СССР в Китае — 340.
Пилсудский Ю. — маршал, глава польского государства в 1918—1922 гг.; премьер-министр в 1926—1928 гг. и в 1930 г. — 10, 12, 14.
Планкет-Дракс Р. — адмирал; глава военной миссии Великобритании на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве в 1939 г. — 213—220, 223, 224, 226, 229, 232, 234—237, 239, 240, 242, 243, 247, 255, 259, 263—265, 298, 300—303, 305, 315, 321—323, 325—327, 329—331, 392, 393.
Потемкин В. П. — первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР — 85, 104, 110, 363, 365, 367, 369, 371, 391.

Рамзай — см. Зорге Р.
Рачиньский Р. — посол Польши в Румынии в 1938—1940 гг. — 80.
Рачиньский Э. — посол Польши в Великобритании — 60, 61, 91, 92, 93, 119.
Ревай Ю. — министр автономного правительства Карпатской Украины с октября 1938 г. по март 1939 г. — 44, 78.
Рей — посланник Эстонии в СССР — 58.
Ренсимен В. — политический деятель Великобритании; глава британской посреднической миссии в Чехословакии летом 1938 г. — 40, 120, 271, 272, 275, 284, 377.
Риббентроп И. — министр иностранных дел фашистской Германии — 11, 14—17, 21, 35—37, 44, 49, 74, 76, 80, 81, 87, 89, 96, 100, 123—125, 136, 138, 159, 267, 277, 309, 318—320, 345, 347—360, 363, 374, 379, 395, 396, 398.
Рибо А. — премьер-министр Франции в 1892—1893 гг. и в 1895 г. — 199.
Розенберг А. — руководитель внешнеполитической службы национал-социалистской партии Германии — 15, 250, 252.
Ромер Т. — посол Польши в Японии — 115.
Ропп У. — сотрудник министерства авиации Великобритании — 250, 251, 252, 377.
Ротермир Г. — глава газетного треста Великобритании; владелец газеты «Дейли мейл»; начальник отдела печати министерства информации Великобритании в 1939 г. — 319.
Рузвельт Ф. — президент США в 1933—1945 гг. — 286, 364.
Рыдз-Смиглы Э. — маршал; генеральный инспектор вооруженных сил Польши в 1935—1939 гг. — 78, 201, 388, 396, 398.
Рютер — советник политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии, заве-

дующий референтурой по Великобритании — 87, 89, 348.

Саймон Дж. — министр иностранных дел в 1931—1935 гг.; министр финансов Великобритании в 1937—1940 гг. — 61, 274.
Сарджент О. — помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании — 149, 150.
Сидс У. — посол Великобритании в СССР — 48, 49, 55, 56, 71, 72, 101, 103, 104, 352, 365, 367, 369, 370—373, 375, 388—390.
Синклер А. — деятель либеральной партии Великобритании — 92.
Сиратори Т. — посол Японии в Италии — 75, 76.
Скализе — военный атташе Италии в Японии — 334, 399.
Смородинов И. В. — заместитель начальника Генерального штаба РККА, комкор — 200.
Спенсер Ч. — глава группы британских промышленников на переговорах — 205, 394, 395.
Сталин И. В. — 29, 71, 108, 113, 155, 207, 399.
Стахевич — начальник генерального штаба Польши — 315, 395.
Стенли О. — министр торговли Великобритании — 21, 22, 276—278, 280, 348, 352.
Стрэнг У. — заведующий отделом Центральной Европы МИД Великобритании, участник переговоров военных миссий в Москве в 1939 г. — 119, 365, 366, 372, 379, 382, 383, 391.
Стюарт — генеральный директор министерства информации Великобритании в 1939 г. — 277.
Суинтон — министр авиации Великобритании в 1935—1938 гг. — 270.
Суриц Я. З. — полномочный представитель СССР во Франции — 48, 56, 70, 74, 198.

Тиля В. — посланник Румынии в Великобритании — 281.
Тисо Й. — один из руководителей словацкой народной партии; с октября 1938 г. до марта 1939 г. — глава автономного правительства Словакии — 42, 43, 44.

Уинтертон Э. — член правительства Великобритании — 270.
Урбшис — министр иностранных дел Литвы — 3, 362.

Франасовичи Р. — посол Румынии в Польше — 81.
Франко Ф. — глава фашистского правительства в Испании; с 1939 г. — фашистский диктатор Испании — 20.
Фрейсинье Ш. — французский государственный деятель конца XIX — начала XX в. — 199.
Фрич В. фон — главнокомандующий сухопутными силами фашистской Германии до февраля 1938 г. — 360.
Функ В. — министр экономики фашистской Германии — 276, 356.

Хадсон Р. — министр внешней (заморской) торговли Великобритании — 56, 141, 142, 143, 145, 147, 150, 156, 159, 193, 194, 197, 199, 204, 276, 289, 290, 352, 377.
Хаферкорн — профессор, данцигский немец — 288.
Хвалковский Ф. — министр иностранных дел Чехословакии с октября 1938 по март 1939 г. — 44, 351.
Хевель В. — постоянный уполномоченный министра иностранных дел Германии при рейхсканцлере Германии — 140, 248, 285, 334, 378.
Хейвуд Т. — генерал-майор; член военной миссии Великобритании на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве в 1939 г. — 224, 225, 234, 237, 238, 240, 242, 255, 265, 300, 301, 323, 393.
Хессе Ф. — советник посольства Германии в Великобритании, представитель информационного бюро Германии (DNB) в Великобритании — 134, 277, 318—321, 378, 398.
Хетцлер — сотрудник специального бюро министра иностранных дел Германии — 248.
Хиранума К. — премьер-министр Японии в январе — августе 1939 г. — 118, 383, 399.
Хломов М. — управляющий делами СНК СССР — 200.
Ходацкий М. — генеральный комиссар Польши в Данциге — 201.
Хор-Белиша Л. — военный министр правительства Великобритании — 392.

Хор С. — министр внутренних дел Великобритании в 1937—1939 гг. — 274.
Хунтцигер — английский генерал — 255.
Хэлл К. — государственный секретарь США — 126, 201, 308, 353.

Чан Кайши — главнокомандующий китайской армией; глава гоминьдана — 339, 384.
Чемберлен Н. — премьер-министр Великобритании в 1937—1940 гг. — 6, 62, 65, 69, 92, 93, 129, 135, 141, 144, 145, 150—152, 156, 159, 160, 162, 165, 195, 202, 204—207, 210, 248, 268, 271—275, 277, 279, 280, 284—289, 291—293, 311, 312, 318, 327, 329, 336, 341, 348, 356, 358, 368, 377, 378, 383, 384, 394, 395, 398, 400.
Черчилль У. — депутат парламента, один из лидеров консервативной партии Великобритании — 92, 147, 205, 274, 286, 365, 383.
Четфилд А. — лорд; адмирал флота; первый морской лорд и начальник штаба военно-морского флота Великобритании в 1933—1938 гг.; председатель комиссии экспертов по обороне Индии в 1938—1939 гг.; министр координации обороны в 1939—1940 гг. — 284, 285, 392.
Чиано Г. — министр иностранных дел фашистской Италии в 1936—1943 гг. — 75, 76, 211, 212, 247, 293, 334, 344, 351, 360, 363, 395.

Шапошников Б. М. — начальник Генерального штаба РККА, командарм 1-го ранга — 200, 219, 239, 240, 242, 246, 264, 295, 323, 325, 326.
Шаронов И. И. — полномочный представитель СССР в Польше — 363.
Шахт Я. — президент рейхсбанка фашистской Германии — 275, 348.
Шелия Р. — советник посольства Германии в Польше — 81, 83, 99, 100.
Шмидт П. — переводчик; сотрудник специального бюро министра иностранных дел Германии — 11.
Шмундт — подполковник генштаба фашистской Германии — 97, 99.
Шпивинд — контр-адмирал военно-морского флота фашистской Германии в 1939 г. — 97.
Шнурре Ю. — заведующий восточно-европейской референтурой политико-экономического отдела МИД Германии — 110.
Шуленбург Ф. фон — посол Германии в СССР — 46, 110, 204, 205.
Шушниг К. — федеральный канцлер Австрии до марта 1938 г. — 311.

Эмери Л. — политический и государственный деятель Великобритании, консерватор — 286.
Энгель — капитан армии фашистской Германии в 1939 г. — 97.
Эштон-Гуэткин Ф. — английский дипломат; член миссии Рэнсимена; советник МИД Великобритании — 22, 348, 377—379.

Яжджевский А. — советник посольства Польши в Великобритании в 1939 г. — 73.
Ян Цзе — посол Китая в СССР — 340, 341, 342.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Запись беседы А. Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Беком. *5 января 1939 г.* 5
2. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком. *6 января 1939 г.* 11
3. Запись беседы германского журналиста с генеральным секретарем германского общества по изучению Восточной Европы Маркертом. *19 января 1939 г.* 14
4. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Польши Ю. Беком. *26 января 1939 г.* 16
5. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии. *28 января 1939 г.* . . . 18
6. Письмо советника посольства Германии во Франции Кампе в министерство иностранных дел Германии. *1 февраля 1939 г.* . . . 19
7. Донесение посла Германии во Франции И. Вельчека в министерство иностранных дел Германии. *18 февраля 1939 г.* 20
8. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии. *20 февраля 1939 г.* 21
9. Запись беседы советника посольства Германии во Франции Кампе с заведующим экономическим отделом министерства иностранных дел Франции Де ля Бомом. *21 февраля 1939 г.* 23
10. Записка легационного советника политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии Кройтцвальда. *1 марта 1939 г.* 25
11. Телеграмма посла Германии во Франции И. Вельчека начальнику политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии Э. Вилю. *3 марта 1939 г.* 26
12. Из записки военного атташе Великобритании в Германии Ф. Н. Мэсон-Макфарлейна послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону. *6 марта 1939 г.* 28
13. Записка старшего правительственного советника министерства экономики Германии А. Зюскинд-Швенди. *7 марта 1939 г.* . . . —
14. Из Отчетного доклада Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б). *10 марта 1939 г.* 29

15. Нота посольства Франции в Германии в министерство иностранных дел Германии. *11 марта 1939 г.* 32
16. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии Э. Клейстом. *13 марта 1939 г.* 35
17. Совместное заявление «Имперской промышленной группы» и «Федерации британской промышленности» («Дюссельдорфское соглашение»). *15 марта 1939 г.* 37
18. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. *16 марта 1939 г.* 40
19. Телеграмма консула Франции в Нюрнберге Ардье министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. *16 марта 1939 г.* 46
20. Нота народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу. *18 марта 1939 г.* —
21. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу. *18 марта 1939 г.* 48
22. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу. *18 марта 1939 г.* . . . . . —
23. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. *19 марта 1939 г.* 49
24. Проект декларации Великобритании, СССР, Франции и Польши, врученный послом Великобритании в СССР У. Сидсом народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову. *21 марта 1939 г.* 55
25. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции И. М. Майскому и Я. З. Сурицу. *22 марта 1939 г.* 56
26. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова министру внешней торговли Великобритании Р. Хадсону. *23 марта 1939 г.* . . . . . —
27. Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши во Франции Ю. Лукасевичу. *27 марта 1939 г.* 58
28. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова посланнику Латвии в СССР Ф. Коциньшу. *28 марта 1939 г.* —
29. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с посланником Румынии в СССР Н. Диану. *29 марта 1939 г.* 59
30. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *29 марта 1939 г.* 60
31. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Пайяром. *29 марта 1939 г.* . . . . . —
32. Из письма посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку. *29 марта 1939 г.* . . . —
33. Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин о предоставлении гарантий Польше. *31 марта 1939 г.* 62

34. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Польши в СССР В. Гжибовским. *2 апреля 1939 г.* 62

35. Распоряжение начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля. *3 апреля 1939 г.* 64

36. Коммюнике о переговорах между министром иностранных дел Польши Ю. Беком и премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом. *6 апреля 1939 г.* 65

37. План нападения Германии на Польшу (план «Вейс»). *11 апреля 1939 г.* 66

38. Заявление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин о предоставлении гарантий Греции и Румынии. *13 апреля 1939 г.* 69

39. Заявление премьер-министра Франции Э. Даладье в парламенте о предоставлении гарантий Греции, Румынии и Польше. *13 апреля 1939 г.* . . . . . —

40. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Великобритании И. М. Майскому. *13 апреля 1939 г.* 70

41. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *14 апреля 1939 г.* . . . . . —

42. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Великобритании в СССР У. Сидсом. *15 апреля 1939 г.* 71

43. Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым послу Великобритании в СССР У. Сидсу. *17 апреля 1939 г.* 72

44. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта в министерство иностранных дел Германии. *18 апреля 1939 г.* 73

45. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *25 апреля 1939 г.* 74

46. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту. *26 апреля 1939 г.* . . . . . —

47. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии Э. Клейстом. *2 мая 1939 г.* . . . 76

48. Письмо вице-директора политического департамента министерства иностранных дел Польши М. Кобыляньского послу Польши в Румынии Р. Рачиньскому. *4 мая 1939 г.* 80

49. Записка советника посольства Германии в Польше Р. Шелия для разведки одной из западных держав. *7 мая 1939 г.* 81

50. Памятная записка, врученная послом Великобритании в СССР народному комиссару иностранных дел СССР. *8 мая 1939 г.* . . . 84

51. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *10 мая 1939 г.* 85

52. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Польши в СССР. *11 мая 1939 г.* . . . . . —

53. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР послу Великобритании в СССР. *14 мая 1939 г.* 86

54. Запись беседы советника политико-экономического отдела министерства иностранных дел Германии Рютера с деятелем консервативной партии Великобритании Г. Друммонд-Вольфом. *14 мая 1939 г.* 87

55. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Японии Э. Отту. *15 мая 1939 г.* 89

56. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку. *19 мая 1939 г.* 91

57. Письмо посла Германии во Франции И. Вельчека в министерство иностранных дел Германии. *20 мая 1939 г.* 94

58. Телеграмма посла Германии в Японии Э. Отта министру иностранных дел Германии И. Риббентропу. *20 мая 1939 г.* 96

59. Из протокола совещания у А. Гитлера. *23 мая 1939 г.* . . . . . —

60. Запись беседы германского коммерсанта с советником посольства Германии в Польше Р. Шелия. *25 мая 1939 г.* 99

61. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Великобритании и временным поверенным в делах Франции в СССР. *27 мая 1939 г.* 101

62. Проект соглашения Великобритании, Франции и СССР, врученный послом Великобритании и временным поверенным в делах Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР. *27 мая 1939 г.* 104

63. Доклад Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР на сессии Верховного Совета СССР. *31 мая 1939 г.* 105

64. Советский проект англо-франко-советского соглашения. *2 июня 1939 г.* 113

65. Телеграмма посла Германии в Японии Э. Отта статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру. *7 июня 1939 г.* 115

66. Запись беседы посла Польши в Японии Т. Ромера с министром иностранных дел Японии Х. Аритой. *7 июня 1939 г.* . . . . . —

67. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Великобритании Э. Рачиньскому. *9 июня 1939 г.* . . . 119

68. Запись беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном. *13 июня 1939 г.* . . . . . —

69. Документы, врученные послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР. *15 июня 1939 г.* 121

70. Памятная записка, врученная народным комиссаром иностранных дел СССР послам Великобритании и Франции в СССР. *16 июня 1939 г.* 122

71. Запись беседы германского журналиста с советником бюро министра иностранных дел Германии Э. Клейстом. *19 июня 1939 г.* 123

72. Проект статьи 1 договора о взаимной помощи между Великобританией, Францией и СССР, врученный послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР. *21 июня 1939 г.* 126

73. Письмо временного поверенного в делах США во Франции Э. Вильсона государственному секретарю США К. Хэллу. *24 июня 1939 г.* —

74. Запись беседы статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном. *27 июня 1939 г.* 128

75. Документы, врученные послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР. *1 июля 1939 г.* 129

76. Документы, врученные народным комиссаром иностранных дел СССР послам Великобритании и Франции в СССР. *3 июля 1939 г.* 130

77. Проект англо-франко-советского соглашения, врученный послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР. *8 июля 1939 г.* 131

78. Проект дополнительного письма к соглашению СССР, Великобритании и Франции, врученный народным комиссаром иностранных дел СССР послам Великобритании и Франции в СССР. *9 июля 1939 г.* 133

79. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии. *10 июля 1939 г.* 134

80. Письмо министра иностранных дел Германии И. Риббентропа министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. *13 июля 1939 г.* . . 136

81. Документы, врученные послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР. *17 июля 1939 г.* 138

82. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным представителям СССР в Великобритании и Франции. *17 июля 1939 г.* 139

83. Записка статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекера. *19 июля 1939 г.* 140

84. Информация о беседах сотрудника ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии Х. Вольтата с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном и министром внешней торговли Великобритании Р. Хадсоном. *21 июля 1939 г.* 141

85. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *24 июля 1939 г.* 144

86. Совместное заявление правительств Великобритании и Японии («Соглашение Арита — Крейги»). *24 июля 1939 г.* 146

87. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии. *24 июля 1939 г.* . . . . —

88. Запись телефонного разговора посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном и с помощником заместителя министра иностранных дел Великобритании О. Сарджентом. *24 июля 1939 г.* 149

89. Запись бесед сотрудника ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии Х. Вольтата с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном, с членом консервативной партии Великобритании Дж. Боллом и министром внешней торговли Великобритании Р. Хадсоном. *24 июля 1939 г.* 150

90. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *25 июля 1939 г.* 157

91. Инструкция начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена французской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *27 июля 1939 г.* 157

92. Телеграмма министра иностранных дел Германии И. Риббентропа послу Германии в Великобритании Г. Дирксену. *31 июля 1939 г.* 159

93. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии. *31 июля 1939 г.* . . . . —

94. Телеграмма статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекера послу Германии в Великобритании Г. Дирксену. *31 июля 1939 г.* 160

95. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру. *1 августа 1939 г.* . . . . . —

96. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру. *1 августа 1939 г.* 162

Приложение: запись беседы советника посольства Германии в Великобритании Т. Кордта с деятелем лейбористской партии Великобритании Ч. Р. Бакстоном. *29 июля 1939 г.* . . . . . —

97. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии. *1 августа 1939 г.* 165

98. Проект определения понятия «косвенная агрессия», врученный послами Великобритании и Франции в СССР народному комиссару иностранных дел СССР. *2 августа 1939 г.* 166

99. Инструкции для британской делегации на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *2 августа 1939 г.* . . —

100. Запись беседы посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с главным советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном. *3 августа 1939 г.* 193

101. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *3 августа 1939 г.* 198

102. Полномочия главе советской делегации на ведение переговоров и подписание конвенции по вопросам организации военной обороны Великобритании, Франции и СССР против агрессии в Европе. *5 августа 1939 г.* 200

103. Запись беседы германского журналиста с военно-воздушным атташе Германии в Польше А. Герстенбергом. *7 августа 1939 г.* —

104. Телеграмма временного поверенного в делах США в Великобритании Х. Джонсона государственному секретарю США К. Хэллу. *8 августа 1939 г.* 201

105. Запись беседы посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом. *9 августа 1939 г.* . . . . . —

106. Письмо посла Германии в СССР Ф. Шуленбурга в министерство иностранных дел Германии. *10 августа 1939 г.* 204

107. Из отчета Ч. Спенсера о беседах представителей деловых кругов Великобритании с Г. Герингом. *10 августа 1939 г.* 205

108. Из записи беседы А. Гитлера с министром иностранных дел Италии Г. Чиано. *12 августа 1939 г.* 211

109. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *12 августа 1939 г.* 212
110. Запись утреннего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *13 августа 1939 г.* 218
111. Запись вечернего заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *13 августа 1939 г.* 224
112. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *14 августа 1939 г.* 230
113. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *15 августа 1939 г.* 239
114. Запись беседы посла Германии в Великобритании Г. Дирксена с послом Италии в Германии Б. Аттолико. *15 августа 1939 г.* . . 247
115. Письмо сотрудника специального бюро министра иностранных дел Германии Хетцлера легационному советнику В. Хевелю. *16 августа 1939 г.* 248
Приложение: письмо специалиста по вопросам внешней политики Ч. Р. Бакстона Хетцлеру. *14 августа 1939 г.* . . . . . —
116. Запись беседы руководителя внешнеполитической службы национал-социалистской партии Германии А. Розенберга с сотрудником министерства авиации Великобритании У. Роппом. *16 августа 1939 г.* 250
117. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ послу Франции в Польше Л. Ноэлю. *16 августа 1939 г.* 252
118. Записка министерства иностранных дел Франции премьер-министру Франции Э. Даладье. *16 августа 1939 г.* 253
119. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *16 августа 1939 г.* 255
120. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции (продолжение). *16 августа 1939 г.* 263
121. Обзорная записка посла Германии в Великобритании Г. Дирксена министру иностранных дел Германии И. Риббентропу. *16—18 августа 1939 г.* 267
122. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *17 августа 1939 г.* 295
123. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара в министерство иностранных дел Франции. *17 августа 1939 г.* 305
124. Телеграмма главы военной миссии Франции Ж. Думенка в военное министерство Франции. *17 августа 1939 г.* 306
125. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара послу Франции в Польше Л. Ноэлю. *17 августа 1939 г.* 307
126. Телеграмма посла Польши во Франции Ю. Лукасевича в министерство иностранных дел Польши. *18 августа 1939 г.* . . . . —
127. Телеграмма посла США во Франции У. Буллита государственному секретарю США К. Хэллу. *18 августа 1939 г.* 308
128. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру. *19 августа 1939 г.* 309
Приложение: записка о предполагаемой позиции Великобритании в случае германо-польского конфликта. *18 августа 1939 г.* . . . 310

129. Телеграмма министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши во Франции Ю. Лукасевичу. *20 августа 1939 г.* 314
130. Телеграмма посла Франции в СССР П. Наджиара в министерство иностранных дел Франции. *20 августа 1939 г.* . . . . . —
131. Записка военного министерства Франции о переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве. *Не ранее 20 августа 1939 г.* 315
132. Телеграмма министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса послу Великобритании в Польше Г. Кеннарду. *20 августа 1939 г.* 316
133. Телеграмма посла Великобритании в Польше Г. Кеннарда министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу. *20 августа 1939 г.* 317
134. Запись беседы главного советника правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсона с советником по делам печати посольства Германии в Великобритании Ф. Хессе. *20 августа 1939 г.* 318
135. Запись заседания военных миссий СССР, Великобритании и Франции. *21 августа 1939 г.* 321
136. Послание премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена А. Гитлеру. *22 августа 1939 г.* 327
137. Запись беседы главы военной миссии СССР К. Е. Ворошилова с главой военной миссии Франции Ж. Думенком. *22 августа 1939 г.* 329
138. Телеграмма посла Германии в Италии Г. Макензена в министерство иностранных дел Германии. *23 августа 1939 г.* 334
139. Телеграмма министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ временному поверенному в делах Франции в Великобритании Р. Камбону. *24 августа 1939 г.* 335
140. Телеграмма посла Великобритании в Германии Н. Гендерсона министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу. *25 августа 1939 г.* 336
141. Телеграмма посла Великобритании в Японии Р. Крейги министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу. *25 августа 1939 г.* 338
142. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского с послом Китая в СССР Ян Цзе. *26 августа 1939 г.* 340
143. Интервью главы советской военной миссии К. Е. Ворошилова о переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции. *27 августа 1939 г.* 342
144. Заявление министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ министру иностранных дел Италии Г. Чиано. *1 сентября 1939 г.* . . 344
Примечания 345
Указатель имен 401

ДОКУМЕНТЫ
И МАТЕРИАЛЫ
КАНУНА
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
1937—1939

Том 2
январь —
август 1939 г.

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Е. А. Сакович*
Младший редактор *Т. В. Гуничева*
Художник *Е. А. Крылов*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Н. П. Межерицкая*

ИБ № 3155
Сдано в набор 02.04.81. Подписано в печать 14.07.81. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 26. Учетно-изд. л. 30,16. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 1110. Цена 95 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.